

М И Х А И Л

ЛИФШИЦ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Михаил ЛИФШИЦ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВУХ ТОМАХ**

ТОМ 1

Зебра Е
МОСКВА

БЛИЖНИЙ КРУГ

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)
Б43

Оформление
Александр Шукин

Иллюстрации
Елизавета Петрова

Предисловие
Н.Ю. Семенова

Лифшиц, Михаил Юзефович.

Собрание сочинений в двух томах. Т. 1 / Михаил Лифшиц. – М.: Зебра Е, 2015. – 544 с.

ISBN 978-5-906339-

ISBN 978-5-906339-

© Лифшиц М.Ю., 2014

Поколение, вошедшее в литературу, да и вообще в искусство, на волне «оттепели», принято называть шестидесятниками. А как называть тех, кто родился сразу после войны, на исходе «сороковых-роковых»? Никакого устоявшегося наименования для первого послевоенного поколения пока не придумано. Между тем поколение есть, и сейчас, набравшись мудрости, оно пытается подводить некоторые итоги, как собственной жизни, так и жизни своего поколения и своей страны. Михаил Лифшиц, пришедший в литературу из сферы точных наук, — один из них.

Под определение «писатель» в советские времена попадал всякий, кто оказывался членом Союза писателей, или, на худой конец, Группкома литераторов. Совписовская корочка давала право не служить и пользоваться разнообразными благами, тогда как людям не менее (а иногда и более) талантливым, звания такого не имевшим, в писательский мир пробиться было столь же сложно, как и в недоступный для чужаков ресторан Центрального Дома литераторов на Большой Никитской, она же улица Герцена. Впрочем, настоящий талант раньше или позже все-таки заявлял о себе.

Михаил Лифшиц никогда не изменял своей первой профессии. Он прошел весь путь советского инженера. В 1972 году окончил Институт связи (в который неизменно возвращается во многих своих произведениях), двад-

цать пять лет проработал в оборонной промышленности, в учреждении, имевшем лишь номер (роман «Почтовый ящик» именно об этом феномене закрытого научно-исследовательского института, из которого выходили не только ученые, но и писатели, музыканты и даже художники). Занимался головками самонаведения для ракет класса «воздух-воздух» и дослужился не только до начальника лаборатории, но и главного конструктора — вершины карьеры советского инженера. Потом случилась перестройка, и инженеры потянулись из «оборонки» в коммерцию, возглавив кооперативное движение. Этот период его биографии даст обильный материал писателю: на его основе будет написан «производственный роман» под шокирующим названием «Обналичка и другие операции». Механическое зарабатывание денег существенно улучшало благосостояние семьи, но не приносило удовлетворения, поэтому Михаил вновь вернулся в профессию, к любимому делу, по которому скучал. Теперь он преподавал в родном вузе, на той самой кафедре, где некогда защищал диплом. Овеществленным итогом этого этапа биографии профессора М.Ю. Лифшица, продолжавшегося десять лет, стала монография «Антенны», предназначенная для инженеров и студентов, а также пьеса «Холодный профессор», адресованная непрофессионалам, то есть всем.

Как признается сам Михаил Юозефович, к изящной словесности он с детства имел склонность, которую, несомненно, унаследовал от родителей: отец его был военным журналистом и работал в центральных газетах, а мать, юрист по профессии, стала профессиональной писательницей. Творил он в основном для домашнего пользования, для школьных и институтских праздников, трудов своих не коллекционировал. После сорока понял, что ничего из написанного прежде — ни стихов, ни прозы — не сохранилось, и пожалел об этом. С тех пор он

начал гораздо бережней относиться к своим текстам и пытался публиковать стихи в доживавших свой век литературных журналах, которые их иногда неохотно брали. В 1999 году у Михаила Лифшица вышла первая книжка («Любовь к родителям» с повестью, двумя рассказами и стихами), потом еще три... В 2010 году его приняли в Союз писателей России. Думаю, и без этой аттестации он давно стал состоявшимся писателем.

Михаил Лифшиц пишет в разных жанрах. Если роман «Почтовый ящик» можно квалифицировать как «производственный», то повесть «Любовь к родителям» попадает в разряд мемуарно-биографической прозы. Иногда его уносит в далекую историю, в которой он, надо заметить, прекрасно ориентируется. О его активной общественной позиции говорят рецензии на новые книги (особенно заметна рецензия на книгу А.И. Солженицына «Двести лет вместе», написанная с обстоятельностью, не уступающей скрупулезности этого эпохального двухтомника) и многочисленные посты в Интернете, аудитория которого ныне не идет ни в какое сравнение с печатной периодикой.

О многом из того, что является «мясом» его рассказов и повестей, я хорошо знаю. По странному совпадению, мы жили в соседних домах на Покровке, и, не будь у нас разницы в возрасте в два года, мы запросто могли бы сидеть за одной партой в школе № 612 в Потаповском переулке. Мне знаком злополучный «квартирный вопрос» и комплекс интеллигентного мальчика из еврейской семьи, мечта об университете, разбивавшаяся при слове «процентная норма» и «пятый пункт»; нищенская зарплата, поиск денег на первый взнос на кооператив и вечное ожидание похвалы от родителей, которым всю жизнь стараешься доказать, что ты чего-то стоишь и добился в этой жизни куда больше, чем они.

Проза Михаила Лифшица легка для чтения, фабулы произведений просты и понятны, даже если речь идет о загробной жизни, как в рассказе «Старший лейтенант Шаповалов». Герои узнаваемы, все они входят в наш ближний круг, даже выдуманный художник Герасим Пупишевский из рассказа «Левое ухо». Сюжеты живые, развитие событий захватывает, как в повести «Дуэльная ситуация», действие которой происходит в наши дни (автор дал повести подзаголовок «Еврейский детектив»).

Стихи Михаила Лифшица написаны в классическом стиле, ритм их входит в душу, как музыка. Поэма «Толга» — современный рассказ в стихах, продолжающий традицию поэмы Александра Твардовского «За далью даль» (можно придумать и другие родственные произведения), повествующий о внешне благополучной даме, решившей уйти в монастырь. Ей «скучно на работе» и «грустно в семье», отчего героиня со столь любимым поэтами именем Татьяна решает удалиться от мирской суеты и отправляется в недалгий путь по России. Не знаю других произведений, где путь к Богу человека, прожившего атеистическую жизнь, сопровождался бы столь достоверными бытовыми подробностями. Образ Татьяны Зуевой, оказывающийся героиней поэмы «Толга», особенно любим автором: этот, немного не от мира сего, персонаж читатель впервые встречает в романе «Почтовый ящик». Не знаю, был ли реальный прообраз у этой своеобразной дамы, но ее жизнеописание являет собой прелестную картинку для женоненавистника. Впрочем, в произведениях Михаила Лифшица привлекательных героинь, равно как и положительных героев, гораздо больше, чем отрицательных. И этот положительный настрой передается и нам, его читателям.

*Наталья Ю. Семенова,
доктор искусствоведения*

ЛЮБОВЬ К РОДИТЕЛЯМ

Семейная история

* * *

Моя мать жива и неплохо себя чувствует, в соответствии с возрастом, конечно. Это при том, что у нее большое сердце, и умные доктора с молодых лет советовали ей «держаться в порядке». Она совершенно самостоятельный человек, работает, то есть пишет статьи, которые она называет рассказами. Мать обладает прекрасным слогом, таким хорошим русским языком умеют теперь писать не многие, и произведения моей матери охотно печатают несколько уважаемых изданий.

Если мать знает предмет, о котором пишет, то получается действительно интересный материал. Но если мама плохо представляет себе, о чем идет речь, то получается хорошо изложенный бред. Бывает даже, что идея статьи подловата, бывает прямо противоположна идее ранее написанного тем же пером произведения.

К сожалению, мать считает все свои рассказы великолепными или очень хорошими, полагая, что совершенная форма полностью искупает недостатки содержания. Так, она написала целую книгу под названием «Как не ссориться с мужем», в которой во

многих главах изложено, что нужно делать, чтобы в семье был лад. Со своим мужем, моим отцом, мать прожила 48 лет. Ругались они каждый день по любому поводу и без повода, относились друг к другу с молодой ненавистью, даже когда состарились. Ссоры были по полной программе: с дракой, киданием предметов, оскорблениями последними словами и сердечными приступами. Тем не менее книга написана живо, с юмором, и постороннему читателю может даже что-то и показаться. Мать мне как-то сказала, что книга «Как не ссориться с мужем» — лучшее, что она написала. Но Бог правду видит, и это самое злобное маманино произведение полностью, в виде книги, осталось неопубликованным. Может быть, единственная не вышедшая книга моей матери, а вышло их около двух десятков, и среди них есть превосходные.

Мою робкую критику ее произведений мать принимает в штыки. Если я указываю на какое-либо несоответствие в статье, или анахронизм, или на опечатку, у матери отказывает тормоз, позволяющий ей вести себя со мной сдержанно. Она горячо защищает свой рассказ, не соглашается даже исправить опечатки, говоря, что я читал не тот экземпляр, а в первом экземпляре все исправлено. Мать говорит со мной при этом с тем раздражением и тем презрением, с которыми ко мне относится, потому что она талант, а я бездарь и не должен сметь.

Легенда о моей бездарности и недостойности материальных и прочих усилий с их стороны зародилась у родителей давно, когда я еще учился в школе, видимо, как оправдание для самих себя — не слишком-то они для меня старались, хоть была возможность. Им и не нужно было стараться что-либо

для меня делать, уж очень я был влюблен в своих родителей, счастлив их лицезреть, очень уж страстно благодарил их за самое обычное, житейское, ничего не требовал, а получая частые отказы на любые просьбы, слишком быстро понимал, что мне отказали справедливо.

Многие годы мои родители прожили с детской уверенностью, что относятся ко мне заслуженно плохо, ведь я не стою лучшего (не на того выучился, не на той женился, не так все делаю). А то, что я к ним хорошо отношусь, так это правильно, потому что соответствует их талантам и заслугам перед обществом.

Так и прошла жизнь — родители оставляли меня без помощи в трудные периоды жизни (он бездарь и недостойн нашего внимания и, в особенности, лишних затрат) и принимали помощь от меня (ведь они заслужили, а мне ведь это не составляет труда). А уж если родители участвовали в чем-нибудь, например давали деньги на строительство собственной дачи, устраивали моих детей в детский сад или обсуждали с моим сыном, куда ему поступать после школы, то такие героические поступки заносились в скрижали, и я должен был много лет за них благодарить.

Отец умер в преклонных годах, мать живет на мои деньги и на деньги моего сына, но все равно не любит меня и всем объясняет, что живет на свою пенсию и гонорары, которые вместе покрывают едва ли треть ее расходов, а я довольно пожилой человек и достиг кое-чего в жизни.

И только теперь убедил я самого себя, что никакой я не бездарь, а способный человек, могу многое и добился бы в жизни большего, если бы с детства не подрезали мне крылья мои родители. Нет, не так.

Глава 1. МОЙ ОТЕЦ

Если бы не связала меня по рукам и ногам любовь к родителям, постоянное чувство долга перед ними, стремление оправдаться, доказать им, что я хороший и поэтому достоин их любви. А так, редко я выбирал сук по плечу, замахивался на веточки потоньше — куда мне. Только теперь я понял, что любить меня мать и отец могли просто за то, что я их сын, так же, как я любил их всю жизнь ни за что.

Я всегда что-то писал, в том числе и про мать с отцом. Теперь я это собрал вместе, и получилась история моих отношений с родителями, семейная история под названием «Любовь к родителям». Ничего в старых текстах я не стал менять, пусть остается как было, как тогда писалось.

Я родился от честных и благородных родителей в 1949 году, за два дня до семидесятилетия Сталина. Мой отец Марк Израилевич Фарбер был в то время слушателем Военно-политической академии имени В.И. Ленина, так что, задержись я с рождением, назвали бы меня Иосифом и дали бы юбилюру телеграмму. А так я стал Сережей Фарбером. Вообще-то, евреев, кроме отца, на курсе было еще двое, на общеполитическом факультете. А на редакторском факультете, на котором учился отец, был только один Фарбер.

Отец был горячим комсомольцем тридцатых годов, в школе занимался всеобучем. У меня сохранилась вырезка из газеты со статьей под названием «Фарбер — лучший организатор». Ходили в полувоенной форме, учили немецкий язык.

Семья моего деда, которого я никогда не видел, а отец не помнил, кто он был по отчеству, состояла из него самого, ночного сторожа, неработающей бабушки и двух сыновей — моего отца и его младшего брата. Жили бедно, как все, и даже еще

беднее. Дома было тяжело — нищета и скандалы. Настоящая жизнь была в школе, в кружках, в комсомоле.

Окончив школу, отец пытался поступить в университет, но экзамены сдал плохо, к тому же то ли в этом году, то ли за год до этого умер дед, не дожив до шестидесяти лет. Отец пошел работать. В школьные каникулы он подрабатывал в типографии «Комсомольской правды», туда же и устроился. Из типографии приносил домой читать полуготовые книги, однажды за ночь прочел «Как закалялась сталь» Николая Островского. Потрясение от этой книги осталось на всю жизнь. В общем, был культурным юношей. Довольно быстро толкового парня заметили и взяли из типографии наверх, в редакцию, в отдел писем.

Когда посадили комсомольского вождя Косарева, стали активно выявлять врагов народа в комсомоле. Косарев говорил, что в комсомоле нет врагов народа, за что и поплатился. В «Комсомольской правде» пристальное внимание уделялось происхождению. На вопрос «Кто твой отец?» — Марик Фарбер ответил, что отец умер в 1936 году.

— А кем работал, пока был жив?

— Ночным сторожем.

— На каком заводе?

— На совместном с немцами.

«Ну, тогда он, наверное, был шпионом, и Фарбера нужно выгнать из комсомола как шпионского сына», — решили комсомольцы. Все стали рассказывать разные случаи про шпионов и их детей. Общее мнение сходилось к тому, что одного выявили. Когда все накричались, встал Юрий Жуков, молодой, а впоследствии известный журналист, и

сказал, что не все же, кто работал на совместных предприятиях, были шпионами. Все опять стали кричать, но тон собрания изменился, и решили объявить выговор. С этим решением мой отец был внутренне согласен, ведь как напряжена была международная обстановка.

Однако райком комсомола такое решение не утвердил, как несоответствующее тяжести проступка, и послал в горком предложение исключить Фарбера из комсомола. В горком отец поехал вместе с секретарем комсомольской организации, но даже не заходил в кабинет, ждал за дверью. Секретарь вышел оттуда, позвал отца за собой и на улице сказал ему: «Утвердили выговор».

Отцу объявили выговор и понизили зарплату, но он, дитя своего времени, приняв самое мягкое из возможных наказаний, не был удовлетворен. «Как же так, — рассуждал отец. — «Комсомольская правда» и горком оказались едины в своем мнении, а райком хотел честного комсомольца исключить, не считаясь с мнением первичной организации. Наверное, в райкоме засели контрреволюционеры, и их надо вывести на чистую воду». Эти свои мысли отец высказывал вслух в общественных местах, однако то ли отец сам испугался двинуть дело, то ли ему отсоветовал умный секретарь, я из рассказа отца не понял, но история на этом заканчивается. А рассказывал мне ее отец один раз в жизни, и потом ни на какие вопросы не отвечал.

Так что мой отец был вполне молодым человеком конца тридцатых годов. Он носил галстук с большим узлом, большие наручные часы и очки в круглой металлической оправе, был спортсме-

ном-разрядником, даже участвовал в Спартакиаде народов СССР, писал статьи и встречался с девушками. В армию его не призывали — он был единственным кормильцем матери и младшего брата.

Когда брат повзрослел, отца взяли в армию и привезли в Карелию. Однако тут же хотели отправить назад — на месте показалось, что четыре дивизии для солдата много. Последнюю подпись под документами отец должен был перед отъездом получить у какого-то замполита или комиссара. Тот посмотрел отцовы документы и сказал:

— Куда ты поедешь? Война все равно будет. Тут тебя научат и сделают солдатом, а там пошлют необученного воевать, и погибнешь просто так. Будешь служить.

Возможно, этот человек спас отцу жизнь, судьба московского ополчения трагична.

Так отец стал заряжающим в орудийном расчете на конной тяге. Отец рассказывал, что служба складывалась удачно, он даже был победителем в смотре состояния лошадей, за что получил благодарность и коня командира взвода — чтобы так же образцово ухаживал и за ним.

Вскоре после начала войны отца из артиллерии откомандировали в редакцию газеты 14-й армии. Отец уходил не очень охотно — он привык, у него получалось, для неуверенного в себе человека это важно. Потом, в редакции все были командирами и политработниками, а отец был красноармейцем. И, наконец, отец хотел получить орден, и ему казалось, что в орудийном расчете этого добиться проще. А что касается опасности, так ведь отцу было двадцать с небольшим.

Но его не спрашивали: работал в «Комсомолке» — значит иди служить в редакцию.

Служба в редакции тоже сложилась хорошо, об этом я мог судить по воспоминаниям товарищей отца, вышедшим уже в наше время, в которых о Марке Фарбере отзывались очень тепло и называли и смелым, и веселым, и кудрявым, а я знал отца только лысым. Остались подшивки газеты и маленькие военные сборники, в которых было много статей отца, и сделанные им фотографии.

Особенно пронзительное впечатление произвел на меня-мальчишку групповой снимок летчиков истребительной эскадрильи, из которых ни один не остался в живых.

В конце 41-го года отца приняли кандидатом в члены ВКП(б) и сразу присвоили звание младшего политрука, а летом 42-го отец стал уже настоящим членом, досрочно, до истечения кандидатского стажа, с формулировкой «как отличившийся в боях». Я обожал все эти подробности и запомнил их на всю жизнь.

Войну отец закончил капитаном с двумя орденами. «Красная Звезда» — не знаю за что. Возможно, за организацию соревнования между снайперами разных частей. Когда снайперы стали соревноваться, то убили больше немцев и финнов, чем без соревнования. Тогда многих снайперов наградили, может быть, и отца — вместе с ними. А «Отечественной войны» 2-й степени за то, что отец с первой ротой вошел в город Печенгу, а потом прорвался через заминированный мост к месту, где был телефон, и сообщил о взятии этого города в редакцию. Рядом сидели корреспонденты центральных газет и записывали то, что отец диктовал в телефон своим,

в армейскую газету. Поэтому отцовская газета сообщила о взятии Печенги первой, еще до приказа Верховного Главнокомандующего.

Отец ни разу не был ранен, а из трофеев ему достались немецкий штык и «Железный крест», но они меня не дождалась — потерялись. После войны отца направили служить в военную газету в Петрозаводск. Там он встретил маму.

Глава 2. МОЯ МАТЬ

В Петрозаводск мама попала по распределению после института, а родом она ленинградка. В отличие от семейства моего отца, которое в боевом 18-м году приехало в Москву из Киева и поселилось в пустой квартире, мамина семья жила в Питере с давних лет. Наш предок чем-то отличился, кажется, при Николае I и получил право жить вне черты оседлости, причем этим правом могли пользоваться пять поколений его потомков. Моя бабушка, мать моей матери, еще попадала под эту льготу и поэтому не только жила в Санкт-Петербурге, но даже училась в гимназии.

Семья была культурная, мой прадед работал наборщиком, а потом стал хозяином маленькой типографии в Лештуковом переулке. Типография печатала дешевые издания классиков, визитные карточки, приглашения на званые вечера. Питерские историки, наверное, знают типографию Саулкина. Мама рассказывала, что к прадеду приходили нелегалы и просили напечатать прокламации, но он не согласился. Прадед умер, кажется, до 17-го года, и типографии не стало еще до революции. В квар-

тире в Лештуковом переулке осталась прабабушка с двумя девочками — моей бабушкой Фаней и ее сестрой Нюрой.

С началом НЭПа в Петрограде появился мой дед. Он приехал из Белоруссии делать бизнес в Питере. Дед, как я сейчас понимаю, был настоящим мужчиной: высокий, красивый, здоровый (если не считать глуховатости — последствия контузии, полученной на мировой войне), бывший бравый унтер-офицер, по предыдущей службе связанный с природой, кажется, он работал лесником.

В чахоточном Питере дед был человеком заметным и производил впечатление на девушек. В начале 20-х он женился на красавице-полунинтеллигентке, моей бабушке. У них родились две девочки — моя мама Полина и ее младшая сестра Зина. Вспоминая свое детство, мама в основном рассказывала про голодные завтраки, мокрые ноги и единственное платье.

Думаю, она несправедлива к своим родителям. Обе девочки занимались музыкой, хотя больших способностей у них не было, рисовали, научились шить, умели делать огромное количество дел, каждое из которых сейчас умеют делать только специалисты — переплетать книги, делать абажуры, кукол, портьеры, прекрасно готовить и бесконечное множество другого. У девочек была воспитана тяга к театру. Мама, кроме того, была глубоко и разносторонне начитана, писала стихи и пьесы. В общем, могла все и была красива. Зина была попроще, но обладала практической сметкой и была еще более красива. По словам мамы, бабушка больше любила ее младшую сестру, а дедушка стремился накормить семью, содержать ее на должном уровне и в эти тон-

кости не вдавался. То есть, как я уже отметил, был настоящим мужчиной.

Главным маминым увлечением был театр. Она знала ленинградские театры прекрасно, тонко разбиралась в театральном искусстве и страстно любила театральную жизнь. В 1941 году мама окончила школу и поступила в театральный институт на театроведческий факультет.

Мама успела даже немножко поучиться в осажденном Ленинграде, потом заболела, а когда выздоровела, то узнала, что институт уехал в эвакуацию.

Началась блокада. Моего глухого деда, которому было столько лет, сколько мне сейчас, — 47–48, взяли в ополчение. Мог отбояриться по глухоте, но не стал, не то настроение было тогда у ленинградцев. Поэтому у нас в семье считалось, что дед ушел на фронт добровольцем. А бабушка осталась с двумя дочерьми и двумя старухами — своей матерью и матерью мужа. Старухи довольно быстро умерли от голода. Мамина сестра обезножела и ходила на костылях. Бабушка носилась по городу, продавала все, что могла, вернее, меняла на еду, зарабатывала рукоделием. Спрос был, «жучки» водились. Однажды сговорилась обменять мешок капустных листьев на стакан водки. Водки не было, но упускать мешок было нельзя. Придя домой, бабушка сообразила, что делать. Налила в стакан оставшиеся довоенные духи и одеколон и подала продавцу. Мужик выпил, ничего не сказал и ушел. Таких случаев, позволивших не умереть с голоду, было несколько.

А мама работала организатором (или агитатором, или кем-то таким). Работа была разнообразная — тушили зажигалки по ночам на крышах, искали припрятанные трупы, то есть выявляли тех, кто

хотел пользоваться хлебными карточками мертвых людей, хоронили умерших, у которых не было близких. За эту работу полагалась рабочая карточка.

Зимой или весной 42-го года домой вернулся дед. Его снова контузило, и он был комиссован. Дед с трудом вернулся в Ленинград, хотя полагалось ему отправиться на внешнюю сторону кольца. Дед принес три буханки хлеба и собирался и дальше кормить семью, но быстро слег и стал дополнительной обузой для бабушки.

Не мне, послевоенному, рассказывать про ленинградскую блокаду. В общем, семья выжила и осенью 42-го года была эвакуирована из Ленинграда на катере по Ладоге. На другом берегу ленинградцев начали кормить, потом повезли на восток и первое время хорошо кормили, а потом эшелонное начальство стало воровать, кормить перестали, и народ начал из эшелона бежать. Семья моей мамы сбежала одной из последних в городе Джамбуле.

Как-то обосновались в этом казахском городе, стали зарабатывать на хлеб, образовалась даже компания из ленинградцев — эвакуированных и раненых молодых людей. Мама работала уборщицей в парикмахерской и пыталась связаться со своим институтом, который был в Новосибирске. Но оттуда не отвечали, поехать просто так было нельзя. Тогда мой дед принял волевое решение — в Джамбуле находился Ленинградский юридический институт, вот маме и велено было туда записаться. Взяли ее в институт легко — ленинградка и студентка ленинградского вуза! В 44-м году юридический институт вернулся в Ленинград и мама — вместе с ним, а через некоторое время вернулась в Ленинград мамина семья. Так мама стала юристом.

В Ленинграде узнали о судьбе бабушкиной сестры Нюры. Она жила в Витебске с мужем и тремя сыновьями. Старший успел уйти на фронт и погиб. Остальные попали в гетто. Младший сын Юра бегал за проволоку к знакомой русской семье за хлебом. Нюра предчувствовала ликвидацию и, отправляя Юру за хлебом в последний день, дала ему записку, чтобы его не отпускали назад. Храбрые люди оставили Юру у себя насильно, но через несколько дней он от них сбежал и пришел на место, где было гетто. Очевидцы всегда остаются, от них Юра узнал, как расстреливали — сначала родителей на глазах у детей, а потом детей. Где Юра мотался всю войну, не знаю — мама, по-моему, тоже не знает. Но сразу после войны он пришел к моей бабушке и стал жить у них в семье.

Мать окончила институт в 1947 году. Для девочки-юриста с пятым пунктом путь на распределении был один — в адвокатуру на периферию. Так мама попала в Карелию и встретила отца.

Глава 3.

МОИ РОДИТЕЛИ

Отец быстро охмурил приезжую красавицу. Еще бы — фронтовик-орденоносец, начальник отдела в газете, комментировал по радио футбольные матчи (хоть при этом картавил и часто говорил «э-э-э»), входил в городской бомонд. А тут интеллигентная девочка, совершенно неустроенная, весь быт состоял в койке, снятой у какой-то старой гримзы, а работа — на адвокатском пункте в нескольких десятках километров от Петрозаводска.

Родители мои поженились. Отец сразу объяснил маме, кто в семье главный, а кто должен делать всю работу и за все отвечать. Как рассказывала мама, она сразу почувствовала, что попалась в капкан. Может быть, мама это придумала впоследствии, были ведь в начале их совместной жизни счастливые беспечные минуты.

В пятидесятых годах во многих изданиях — журналах, отрывных календарях — часто печатали фотографию: на валуне около водопада две маленькие фигурки, молодая пара — он стоит, гордо подняв голову, в гимнастерке, с перетянутой ремнем тонкой талией, протягивает ей руку, а она присела на ва-

лун, держит его за руку и смотрит на него. Это мои родители около водопада Кивач. Фотографировал их знакомый фотокорреспондент, когда они путешествовали по Карелии.

Мама тогда поскользнулась и чуть не упала в водопад. Папа этого не видел. Фотограф кричал, показывал руками, но папа из-за шума воды ничего не слышал и не мог понять, в чем дело, пока наконец не оглянулся. Мама уже висела на ногтях, и папа ее вытащил в последнюю минуту.

В Петрозаводске родители прожили недолго, отцу нужно было сдавать экзамены в академию. В Москве маму с папой ждали две комнаты в центре, в которых жил только папин младший брат. Мать отца в начале 1945 года упала, сломала позвоночник и умерла.

Мама, само собой разумеется, стала обслуживать двух мужиков. Отношения как-то сразу не заладились, отец демонстративно контролировал, хорошо ли жена ухаживает за братом, а тот жаловался отцу: «Марик, твоя стерва мне кушать не дает!»

Впрочем, я все это знаю со слов матери, отец ничего никогда не рассказывал, но, по своему ощущению, думаю, что так вполне могло быть.

Отец поступил в академию, хоть и не без труда, а мать была отправлена в Ленинград к бабушке, доживать беременность и рожать. Родившийся мальчик прожил недолго, до полугода не дожил, и умер от воспаления легких. О первом ребенке моих родителей я узнал, когда мне было за двадцать, раньше никогда в семье о нем не говорили. Я не знаю, ни как его звали, ни где он похоронен. Мама горевала ужасно. Ее вернула к жизни только поддержка и забота папы. По другой трактовке, мама долго не

могла оправиться, потому что с папой почти не общалась в это время, он был в Москве, и у него были свои дела, более важные, чем смерть ребенка. Не знаю, что было на самом деле, — мама рассказывала и так, и этак, в зависимости от текущей жизненной ситуации.

В 50-м году арестовали деда. Политики не было никакой, просто дед был предпринимателем, возил с Севера в Ленинград рыбу и попал под какую-то кампанию. В «Ленинградской правде» напечатали фельетон «Король салаки», героем которого был дедушка. Следствие вели неторопливо, суд состоялся в 1954 году, и деда оправдали, но четыре года в тюрьме он просидел. Отец перепугался сильно, боялся, что вылетит из академии, но с матерью не развелся.

Отец учился в академии блестяще — «пятерки» по всем предметам. Пять раз он ходил в строю по Красной площади в рядах Краснознаменной ордена Ленина Военно-политической академии имени Ленина, однако ничего не видел, потому что очки на параде полагалось снимать. Каждому параду предшествовали два месяца репетиций.

Незадолго до окончания отца спросили:

— Товарищ Фарбер, поедете служить на Сахалин?

— Я оканчиваю академию с отличием, и сам выберу округ, в котором буду служить, — смело ответил папаня. За этим последовало насмешливое: «Да?», две «четверки» на выпускных экзаменах и назначение начальником отдела газеты «Тревога» в городе Южно-Сахалинске.

Ко времени окончания академии у родителей уже был я. Мама, понятное дело, собиралась ехать с папой, а я до выяснения обстановки был оставлен у

бабушки в Ленинграде, где прожил год (мама всегда уточняла, что не год, а десять месяцев, подчеркивая, что не так уж и сильно она одолжилась у своей матери).

Родители ехали на Сахалин поездом, в одном купе с майором Рубиным, получившим назначение в политотдел округа (или армии?). Рубин стал другом родителей на всю жизнь, а его сын стал моим другом.

Третий еврей, окончивший академию, ехал не с ними, но тоже почему-то на Сахалин.

Однако нет худа без добра. Период борьбы с космополитизмом наша семья провела на Сахалине, ни папу, ни Рубина не тронули, кампания не успела развернуться на Сахалине в полную силу.

Глава 4.

САХАЛИН

Родители хорошо и весело зажили на Сахалине. Им выделили японскую фанзу на улице Чехова. Мама говорила, что так и не узнала, сколько же в ней было комнат, потому что можно было отодвинуть какую-нибудь стенку и найти новую комнату. Около фанзы был огород, а на улице Чехова была булыжная мостовая, это я уже сам помню. Первое время в одном доме с ними жил Рубин. Через год он привез семью и получил квартиру, а мама съездила за мной в Ленинград.

На Сахалине блестяще проявился мамин талант устраивать дом. Отец был склонен поставить ящик, накрыть его газетой и с такой мебелировкой ожидать очередных изменений в жизни, «оргов», как назывались мероприятия, после которых офицеров могли запросто перевести куда угодно. Поэтому же отец, уезжая из Москвы, забронировал за собой меньшую из двух комнат, площадью 13 квадратных метров, а большую, площадью 20 метров, оставил брату — боялся, что его могут перевести туда, где не положено бронирование московских комнат, в этом случае пропала бы маленькая.

Мама устраивала жизнь по-настоящему. С ее светлой головой и проворными руками, она превращала устройство жилья в фейерверк находок и остроумия. Отец был на подхвате, но помогал, как я понимаю, с удовольствием. Маме бы тогда объяснить папе, кто чего стоит, и не уступать потом ни пяди, может быть, и жизнь пошла бы по-другому. А так отец придумал для матери прекрасное определение, которое позволяло ей все делать, но вместе с тем ни на что не претендовать. Папа называл маму «комнатный гений». Этим как бы признавались несомненные и разносторонние мамины таланты, но отмечались и их мизерные масштабы. А подлинным, вселенским гением был, конечно, папа.

После фанзы нам дали двухкомнатную квартиру в новом шлакоблочном доме в военном городке. Это уже было настоящее жилье. Я помню, что в этой квартире собиралась компания — офицеры с женами, сахалинские юристы, журналисты. Солили красную икру, разделявали крабов со скрученными проволокой ногами, пели песни, устраивали маскарады. Душой компании была мама.

Я преклонялся перед этими красивыми молодыми людьми, особенно перед офицерами. Как-то вечером я катался во дворе на бельевой веревке, веревка оборвалась, и я разбил голову о камень. Мама поволокла меня в больницу, и возвращались мы совсем поздно, на улице — ни души. Только впереди шел, сильно качаясь, человек в форме. На всю жизнь у меня осталось изумление, как это офицер, венец творенья, может быть так сильно пьян и, во-вторых, если так пьян, то почему песен не поет. У нас в доме хоть сильно не напивались, но пели всегда.

Слова «магазин» и «клуб» я узнал только в первом классе, до этого я знал «военторг» и «Дом офицеров». В военторге выдавали паек, около военторга мужики продавали горбушу с икрой, а в Доме офицеров устраивались «ситцевые балы». Мама сшила себе ситцевое платье, а папе ситцевый галстук, они танцевали на балу вальс и танго и стали победителями, принесли домой приз — серебряное блюдо.

Из сахалинской жизни я помню многое, но отрывочно. Помню отца с разбитой головой — пошел ночью курить на кухню, потерял сознание, упал и ударился лысиной о железку возле печки. Сколько же отцу было лет тогда? Тридцать девять или сорок, меньше, чем мне сейчас. Мама сердилась, что он потащился ночью курить, а у него было виноватое лицо, и он оправдывался. Я папу очень любил, мне его было жалко, и я хотел сказать маме, что папа не виноват. В моей взрослой жизни я никогда не видел у папы такого лица, он начинал раздражаться, кричать и обзываться, не выяснив, кто, куда и на что упал...

Помню, как отец брал меня с редакцией на рыбалку. Ехали на грузовиках к Охотскому морю, а рыбу ловили в речке, вблизи устья. На обратном пути видел, как на широкой полосе отлива корейцы собирали морскую капусту. Это мне так объяснили, а я видел только маленьких человечков на мокром песке...

Мама повела меня стричь, и парикмахерша спросила:

— А ты кого больше любишь — папу или маму?

— Папу, — ответил я, подумав. Мне показалось не порядочным говорить, что я люблю больше присутствующую здесь маму, а не отсутствующего папу.

— А почему? — хихикала парикмахерша.

— Ну, — начал я фантазировать на ходу. — С папой можно на рыбалку и за грибами.

Мама обиделась ужасно, и после посещения парикмахерской стала мне объяснять, какой я неблагодарный и поверхностный человек. А я канючил: «Чего она спрашивает?..»

Мне шесть лет. Поздний вечер, в квартире очень темно, тепло и спокойно. Я сижу у мамы на руках, а в кровати спит мой новорожденный брат, и мама мне рассказывает:

— Я тебя очень люблю, я любила тебя больше всех на свете. Когда должен был появиться Алешенька, я думала, что ты будешь настоящий сын, а второй — просто так, на всякий случай, ребенок «на каждый день». Знаешь, как бывает хороший костюм, который надевают по праздникам, и костюм похуже, который носят каждый день. А теперь вас двое, и я люблю вас совершенно одинаково, мое сердце разделено ровно пополам.

— А как же папа? — спросил я. Других родственников, кроме папы и брата, я не знал.

Мама ничего не ответила, и я решил, что то место, где проходит черта, разделяющее мамино сердце пополам, принадлежит папе.

Я ничего не понял в маминых словах и лет тридцать не вспоминал о них, просто не помнил этих разговоров. Сейчас, когда я вырастил двух своих детей и ни разу не задумался над тем, кого из них больше люблю, когда любимый мой братик уже двадцать лет лежит в могиле, я вдруг вспомнил тот сахалинский вечер и ужаснулся.

Всегда мама оценивала, кто чего заслуживает, кто кому сколько должен, кому лучший кусок, кто

Глава 5.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

чего достоин, кого стоит любить больше. Кому можно разрешить измываться над собой, как она позволяла отцу, а с кем следует быть сдержанной и жестокой, как со мной, взрослым. Отчего это — от вечной бедности, от советской закваски, от отцовской армейской школы или от душевной болезни?..

На Сахалине отец прослужил шесть лет. Офицер он был дисциплинированный, журналист со школой «Комсомолки», так что отпустить его было ни к чему. Отец рвался в Москву, в свою 20-метровую комнату, в центральную прессу, да и выслуга лет — 17 календарных, 28 с учетом войны (год за три) и Сахалина (год за полтора), давала право на пенсию.

Как раз тут подоспело хрущевское сокращение армии, кто-то из начальства, особо заинтересованный в отце, уехал в отпуск, короче, отец по скорому демобилизовался, даже серебряную пластинку с надписью «Подполковнику М.И. Фарберу...» не успели приделать к памятной шкатулке. Так они до сих пор отдельно и лежат.

Накануне отъезда с Сахалина отец получил письмо от брата, суть которого состояла в следующем. Отец с женой и двумя детьми будет жить в маленькой комнате, которая за отцом и закреплена. А в большой будет жить он, младший братишка, с женой и сыном. Так положено по закону, спорить отец не может. Если хочет, пусть считает младшего брата подлецом, это его право, но такова жизнь («се ля ви» тогда не говорили).

Для отца это было ужасным ударом, крахом основ. С ним так поступил младший брат, которого он вырастил. Да, по тому времени, и масштабы катастрофы были действительно немалые, ведь Москва только начинала строиться, надежд на квартиру не было. Отец перестал спать, страдал, не мог успокоиться. По семейному преданию, именно поэтому мы возвращались в Москву не самолетом (двое суток, кажется, с посадками и ночевками в Чите, и еще где-то), а поездом — семь суток, плюс сутки опоздания, всего восемь. Для того чтобы у отца было несколько лишних дней прийти в себя.

И мы покатали через всю Россию. Одна из неразгаданных мной загадок семьи — почему мы ехали вчетвером на трех местах. Папа, мама, двое детей. Алешке не было двух лет, а я, хоть и семилетний, но писался по ночам, как новорожденный. Ведь ехали с Сахалина, деньги были, могли приплатить к бесплатному армейскому билету.

А так: на одной нижней полке спал я, на другой спал Алеша и сидела мама, держа навесу описанные мной простыни, чтоб к утру просохли. На одной верхней полке храпел отец, а на другой — наш несчастный сосед.

Все-таки доехали, дядя нас встретил и... доставил в нашу 13-метровую комнату.

Скандалы с семьей дяди начались почти сразу же по приезде, в основе, конечно, — кому какая комната и как разрешить квартирную проблему, но припомнили и все остальное. Я пошел в школу в Потаповском переулке, отец начал работать в международном отделе газеты «Советский флот», а мама решала все бытовые проблемы.

Она вертелась волчком, чтобы заработать. Устроиться адвокатом было трудно, да и куда с такой оравой. Как я сейчас понимаю, маму не очень-то и манила адвокатская работа, не по ней она была. Но деньги нужно было где-то доставать. Мать одалживала, переодалживала, закладывала в ломбард то кольцо, то отрез на платье, делала кукол для актеров, выступавших на эстраде в провинции и в Москве по клубам, только бы отец не устроил скандала, что обед плох или на что-то нет денег.

Сахалинские накопления рассосались сами собой — два лета мама провела с нами на юге, в Джубге. Это сейчас известный курорт, а тогда была

рыбачья деревня. Что-то по мелочам, наверное, купили — все-таки переехали в Москву, но не машину, не дачу.

В общем, денег не было никогда. А папа ничего не понимал, даже чувствовал себя ущемленным. После того, как он впервые попал на дипломатический прием, пришел домой, лег на тахту и, поглаживая себя по брюху, сказал матери: «Мне бы другую жену, я бы многого добился в жизни». Но это после приема, а так просто орал на маму, упрекал, что денег нет, потому что она транжирит деньги, вот его мать была хозяйка — она покупала бой яиц и колбасные обрезки, готовила вкусно, а денег уходило мало.

И, чтобы смысл слов лучше доходил, поливал мать, хоть и не матом, но такими изощренными оскорблениями, что неизвестно, как хуже. Сказала бы мама в ответ: «Побольше надо приносить — не буду одалживать». Так мне говорила моя жена в тяжелые минуты в ответ на мои недовольства, выраженные в значительно более мягкой форме. Или помахала бы перед носом у папани пальцем, как одна сахалинская дама, оказавшаяся рядом с отцом в минуту гнева: «Ты на меня не ори, я тебе не Поинка!» Может быть, тогда Зевс-громовержец и смутился бы, поискал бы подработку. Я всю жизнь проработал на двух работах, и ничего.

Но мама моя плакала, хваталась за сердце, прижимала к себе детей, а на следующий день искала средства к существованию. А папа, дав всем разгон и всех назвав по заслугам, ложился, негодующий, на тахту с газетой, и все оставалось по-прежнему.

Вдруг подошло очередное сокращение армии и флота, которое ударило по нашей штатской семье — была закрыта газета «Советский флот». От-

цов редактор отдела полковник Юрзанов переходил в «Красную звезду» и брал с собой отца, но накануне перехода он дописал статью, встал из-за стола, потянулся, упал и умер. Отец остался без работы.

Тут мои родители решились на мужественный поступок. Отец пошел работать в исполком, в отдел учета и распределения жилой площади. К тому времени мы были очередниками района и могли через несколько лет получить квартиру. Стать очередником было очень тяжело, ставили на очередь до 3 метров на человека, а 13, деленное на 4, давало больше трех. Но как-то все-таки отец добился, и нас поставили. Так вот, офицеров-пенсионеров, которые были москвичами-очередниками, приглашали на работу в исполком. Зарплату не платили, зато через год обещали дать квартиру. Отец стал расселять людей, в первую очередь — из подвалов. Я хорошо представляю себе, как жили люди, потому что видел это сам. В нашем четвертом классе только у Лены Федосеевой была отдельная квартира. У нас было четыре семьи в пятикомнатной квартире, у всех примерно так же, а мой друг Юра Аубекеров жил в подвале, верхняя часть окон подвала была вровень с тротуаром улицы Чернышевского, а в некоторых комнатах совсем не было окон.

На одну отцову пенсию прожить было нельзя, матери нужно было искать работу, но так, чтобы Алеша был пристроен. Выход нашелся. Мама пошла на курсы воспитателей детских садов, где людям с высшим образованием за четыре месяца давали среднее педагогическое.

Мать училась на курсах с огромным удовольствием. Методику, конечно, изучать было скучно, но лепка, рисование, музыка, игры — это было как раз

по ней. Четыре месяца прошли быстро, и мама получила диплом, окончив курсы лучше всех. Распределения не было, но мама, хоть и с трудом, нашла место. Начался кошмар — молодая воспитательница не справлялась с группой. Единственным, чем мама могла заинтересовать этих бандитов, были сказки. И мама спасалась, рассказывая сказки одну за другой. Говорят, некая мамаша тогда жаловалась заведующей, что сын не хочет ходить в сад и орет каждое утро: «Надоели мне эти сраные сказки!» Но не боги горшки обжигают, мама овладела ремеслом и стала прекрасной воспитательницей. Прошло больше тридцати лет, но к маме до сих пор приходят ее бывшие девочки и мальчики.

Алеша был принят в мамин детский сад, а летом мама могла выехать на дачу вместе с садом и взять нас — Алешу с группой, меня — вместе с собой. То, что детей нельзя оставлять на лето в городе, родители мои знали твердо, и я это от них унаследовал.

Глава 6.

НОВАЯ КВАРТИРА

Отец работал в исполкоме уже больше года и имел право получить квартиру. Ему предлагали, но родители отказывались — не хотелось заезжать вчетвером в двухкомнатную «хрущевку» с пятиметровой кухней. Наконец подвернулся приличный вариант — две изолированные комнаты, большая кухня, кирпичный дом. Правда, далеко, за Савеловским вокзалом. Теперь это удивительно вспоминать, все не так — и квартира мала на такую семью, и давали бесплатно, и район прекрасный, с парками, довольно тихий и близко к центру. Родители согласились, но исполком вдруг раздумал эту квартиру нам отдавать, потому что появился другой претендент в генеральском чине. Отец засел в своей выстраданной квартире, чтобы решительно не допускать в нее генерала, а мама выполняла вспомогательные функции, то есть перевезла семью. На новоселье на стене красовалась длинная газета с описанием двенадцати подвигов Маракла, героя, получившегося из Геракла и Марка. Мама в стиле героического эпоса описывала каждый шаг папы на пути к получению квартиры, включая и сидение в

осаде: «Дорогой наш генераша, все равно квартира наша». Свою роль мама в эпосе отразила слегка, только чтобы подчеркнуть величие папиных достижений.

Семья наша покрепче стала на ноги. Отец работал международным обозревателем газеты «Советская Россия», должность красиво называлась, но в загранкомандировки его не посылали. Мама перешла в детский сад под окнами новой квартиры — отец указал на этот детсад и сказал: «Ты должна работать здесь». Мама дождалась вакансии и перешла вместе с Алешкой. Детский сад оказался хороший, минздравовский, с дачей.

Мама стала настоящим педагогом и начала писать о детях и о семье. В первом ее произведении рассказывалось о дне рождения сына, о волшебной палочке, которая выполняла любые желания именинника, о том, что мама действительно устраивала на наши дни рождения. Этот рассказ в журнале выловили из общего потока редакционной почты и напечатали. Никакой протекции папа составить не смог. Мама пробивалась благодаря своему таланту, правда, отец не оставлял ее советами, поэтому теперь, через тридцать лет, мама любит порассказать о редакторском даре отца.

Постепенно мама приобретала имя — по радио ее рассказы читал Николай Литвинов, ее печатали «Известия», «Советская женщина», «Крестьянка», «Работница» — самые лучшие издания того времени. Интересно, что жена моя запомнила, как школьницей слышала по радио любимый мамин рассказ «Остров Слоновой черепахи» в исполнении Литвинова: «Где-нибудь, на каком-нибудь там Занзибаре или Мысе Доброй Надежды...» Печаталась мама под

псевдонимом, после первых публикаций в «Известиях» ее попросили выбрать себе псевдоним.

Естественно, что мама ушла из детского сада и стала корреспондентом на договоре журнала «Крестьянка». Это означало, что зарплату ей не платили, и на службу ей ежедневно не нужно было ходить, но она ездила в командировки и получала гонорары. Зато она могла обслуживать мужа и двух сыновей, да и денег зарабатывала больше, чем в детском саду.

Конечно, обладая ярким пером и многочисленными талантами, мама не смела возомнить, что она на что-то способна без папани.

— Садись и записывай! — возглашал отец, указывая дланью на обеденный стол в большой комнате, в точности как Юрий Долгорукий указывает на Москву, которую, говорят, не он основал.

Папа объяснял маме, что в областном городе главный — обком, а в районном — райком, но если город областного подчинения, то райком городом не занимается, тогда главный в городе — горком, а так как мама едет в деревню, то ей все равно нужно в райком. Обращаться следует к третьему секретарю, так как он «по идеологии», но в отдельных случаях нужно идти к первому и так далее. Мама записывала и восклицала:

— Как я тебе благодарна, как ты мне помогаешь.

Отец от этого еще больше надувался и обзывал маму тупицей, если она что-то не сразу понимала или не успевала записать.

Бывало, что я, попросив разрешения, сидел рядом и немел от восхищения — как значительны и умны были мои родители.

На самом деле отцовские указания были среднего качества, но расплачивалась за его ошибки мама.

Так, однажды маме нужно было зимой ехать в глухую деревню в одной из поволжских областей. Выбрали они с отцом по карте ближайшую станцию потом ближайший городок, в который со станции, наверняка ходит автобус, а от городка до деревни было километров пятьдесят, так что, скорей всего, можно было добраться. На практике оказалось, что этот городок и искомая деревня принадлежат разным областям, и регулярного сообщения между ними нет. Маме не хотелось возвращаться и заезжать в деревню с другой стороны, из нужной области. Поэтому она нашла попутчиков — двух мужиков на тракторе с привязанными тросом санями, на которых была установлена будка. Договорилась за две бутылки — одну сразу, одну по приезде на место. Мороз был двадцать градусов, трактор тащился медленно, каждые полчаса останавливался, и мужики шли вдоль троса к саням и требовали вторую бутылку, на что мама отвечала: «Не дам!» — и трактор тащился до следующей остановки. Мама добралась, собрала материал и потом весело рассказывала про это приключение. Ей даже в голову не пришло укорить чем-нибудь всезнающего отца.

Глава 7.

РОДНЯ

Мы с братом знали, что у нас есть бабушка и дедушка, мамины родители, тетя Зина, мамина сестра, еще дядя, папин брат. Этими сведениями и ограничивалось для нас с братом понятие «родня». На всех родственников мои родители были обижены, отношений не поддерживали, и мы выросли с сознанием, что родственники у нас чисто номинальные. Помню, как-то с друзьями мы приехали в Питер, и я повел всю команду к тете Зине. Она нас радушно встретила, накормила, и мы ушли. Красота Зины, ее мужа и их детей произвели яркое впечатление на всех, и мой друг Яковлев вымолвил на улице:

— Да... Красивые у тебя сродственники!

Я был поражен его оценкой: как можно хвалить плохую Зину, ее плохого мужа и их плохих детей. Поэтому я, как человек знающий от своих мамы и папы всю правду, ответил Яку:

— Они очень виноваты перед моими родителями...

Сейчас мне стыдно об этом вспоминать.

Когда к нам приезжала бабушка, отец всегда бывал недоволен, особенно если бабушка недомогала и требовала вследствие этого повышенного внимания. Как-то в такую минуту отец зажал меня в углу и начал странный разговор.

— Бабушка — очень здоровый человек. Ты понял?

— Понял, — отвечал я.

— Что ты понял? Повтори.

— Что бабушка — здоровый человек, — повторил я.

— Нет, не так, — еще больше разозлился отец. — Бабушка — очень здоровый человек. Повтори!

— Бабушка — очень здоровый человек, — сказал я, но не слишком уверенно: все-таки бабушка бодела.

— Да, очень здоровый. А по-настоящему больной в этой семье только я, — завершил внушение отец.

Дед умер, когда мне было лет шестнадцать. Бабушка пережила его на полтора десятка лет и умерла в богадельне.

Прошли годы, и родителей потянуло к оставшейся в живых родне, к сестре матери, к брату отца. Их старые обиды забылись или затушевались. Зато мы, их потомки, двоюродные братья и сестры, навсегда остались чужими людьми.

Глава 8.

ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ

То, что мне в жизни придется труднее, чем моим друзьям, я знал всегда. Об этом часто напоминали в школе и ребята, и учителя. В пятом или шестом классе при заполнении какой-то анкеты Валерка Шляпин, сидевший со мной за одной партой, вдруг поднялся во весь рост и громко сказал:

— А вот сейчас посчитаем, сколько у нас в классе евреев! — и стал считать по черным головам. Но антисемит он был начинающий, поэтому посчитал многих русских и татарских брюнетов и брюнеток, а меня не посчитал.

— Я тоже еврей, — сознался я исследователю.

— У тебя же волосы не черные, — по-свойски поправил меня Шляпин.

Тогда я показал ему анкету. Это его ошеломило.

— Вот это да! — проямлил Шляпин и сел. Видимо, задумался о будущем — ведь и алгебру, и геометрию он списывал у меня.

Меня бил школьный хулиган дылда Калмыков, солидно приговаривая:

— Мне один человек советовал евреев убивать.

Анатолий Николаевич Шарапов, наш классный руководитель и учитель литературы, задавал на дом пропущенную в хрестоматии четвертую главу «Тараса Бульбы» Гоголя, посвященную еврейскому погрому, а потом вызывал меня пересказывать перед всем классом.

Таких эпизодов в памяти много, они портили жизнь, но основной фон создавали не они. У меня были прекрасные школьные друзья, они и до сих пор мои друзья. Жизнь была многообразна: лыжи, коньки, плавание, радиолубительство, оловянные солдатки, умные семинары для школьников — при Физтехе, при МГУ. Я гонял на велотреке, правда, без особых успехов, но совсем не по вине пятого пункта. Мы с моим другом Лешей Яковлевым были лучшими учениками нашей школы-восьмилетки. Выводить в отличники из трех восьмых классов было больше некого, и Анатолий Николаевич клацал зубами, как промахнувшийся волк, но сделать ничего не мог — так решил педсовет. Яка он тоже ненавидел, не помню за что.

Мы окончили восьмилетку, и нас взяли в лучшую в окрестностях десятилетку, которая набирала в девятый и десятый классы отличников со всей округи, а потом гордилась процентом поступивших в вузы. Тут-то мы с Яком попали в такую атмосферу, которая раньше, наверное, была в старших классах гимназии. Шестьдесят пятый — шестьдесят седьмой годы, девятый и десятый классы. Театр на Таганке, «Современник», «Новый мир», «Юность», Окуджава, Галич, Высоцкий, процесс Даниэля и Синявского, письма Лидии Чуковской Шолохову и Эрнста Генри Эренбургу — все это было наше. Тут же молодой Василий Аксенов, смерть и рассекречивание имени С.П. Королева, Солженицын.

Кстати, отца моего приглашали в школу для политинформации по Даниэлю и Синявскому. Он часто, сильно картавя, произносил слово «двурушничество», но успеха у моих вольнолюбивых одноклассников не имел.

При всей вольной жизни мы настойчиво готовились к поступлению в институт, особенно вторую половину десятого класса. Для меня это был первый серьезный антисемитский фильтр, к тому же мне могла помешать очередная израильская агрессия, вызвавшая возмущение всего советского народа, и двойной (сразу десятый и одиннадцатый классы) выпуск предыдущего шестьдесят шестого года, заметно повышающий конкурсы.

Куда поступать, было в общем-то ясно — в технический. К гуманитарному образованию отбили охоту Баба Паня, Прасковья Петровна, которая вместо истории барабанила номера съездов, и Ирина Сергеевна, учительница литературы, которая думала, что «трюфли, роскошь юных лет» — это конфеты. А из технических я хотел на Физтех и ходил в физматшколу при Физтехе, а если не на Физтех, то все равно, — куда «берут».

Все знали, что в некоторые вузы вообще «не берут», например в МИФИ, а про Физтех говорили разное. Мы с Яком готовились без репетиторов, в соответствии с собственными воззрениями. Я совсем не решал задач, полагая, что знающий теорию любую задачу решит. Скорее всего, как я потом понял, не натаскавшись на физтеховские задачи, я бы на Физтех все равно не поступил.

В общем, на Физтех я идти испугался. Одна наша знакомая, почти родственница, работала в Институте связи и сказала родителям, что институт этот

очень хороший и без особых ограничений, а родители сказали об этом мне. Я пошел в этот институт на физическую олимпиаду для школьников, стал ее победителем, а дальше уже само пошло в направлении Института связи.

Школу я окончил так себе, с одной «пятеркой» по физике и одной «тройкой» по химии. Вольная жизнь все-таки помешала. К тому же я пустил по школе шутку, что «химия — это наука Кать и Клав, автокать и автоклавов», и наши химички Екатерина Алексеевна и Клавдия Ивановна всерьез обиделись. Почти всю первую половину десятого класса я был занят подготовкой к новогоднему спектаклю, в котором был Снегурочкой. Костюм мой состоял из отцовой голубой нижней рубашки, на которую мама нашла снежную оторочку из белого полотна, парика с косичками и кед пятидесятого размера с белыми бантами. Я был длинен и худ, а Дедом Морозом была Таня Горюнкова, полная и на две головы ниже меня.

Текст был собственный, злободневный. Световые и музыкальные эффекты были на уровне, с элементами вольнодумства. Пели песни Юлия Кима и Высоцкого, острили и даже, несмотря на двухмесячные репетиции, импровизировали. Спектакль имел успех. Гром грянул, когда я принес домой оценки за полугодие. Отец объяснил, что он и раньше знал, какое я ничтожество, но что я такая сволочь, он понял только сейчас. Не то чтобы отец озаботился моей судьбой из-за плохой успеваемости, скорее он почувствовал полную свободу. Ведь оскорблять и ругать домашних ему хотелось всегда, а тут такая возможность.

«Ел» меня отец основательно, и где-то в марте я попытался это прекратить, бросить школу и уйти из

дома. Но сначала надо было устроиться на работу. Этого мне сделать не удалось — ученика десятого класса работники отделов кадров принять не имели права, посылали сначала в комиссию при исполкоме и говорили, глядя на мои заштопанные на коленке брюки: «Там объясните, какое ваше материальное положение». В исполком я не пошел, это было бы позором, который мог ударить рикошетом по отцу.

В школе я доучился и сдал экзамены в Институт связи, набрав на четыре балла больше, чем нужно было для поступления — пятнадцать вместо одиннадцати на трех экзаменах. Кроме того, тогда сдавали химию, экзамен, оставшийся от хрущевского лозунга «плюс химизация народного хозяйства», и сочинение, но эти экзамены, тоже хорошо мною сданные, в счет не шли, как «непрофилирующие».

Учился весело и легко, только один раз сильно болел на первом курсе. На втором курсе пришел на кафедру антенн и так стал антеннщиком. Наверное, потому, что антеннщики — самые гуманитарные из всех радиоинженеров.

Теперь, когда пришли новые люди, и среди них Гриша Явлинский, Яша Уринсон, Боря Немцов, Боря Березовский, Вова Жириновский, люди моего поколения, стало видно, что сплошного фронта антисемитизма не было, отдельные личности прорывались и сейчас вышли в первые ряды, то есть когда-то пооканчивали университеты и нашли работу в серьезных местах. Кое-кто, наверняка, по благу, но не все. Нужно было пробовать, ведь силы были, да и связи родители, если б захотели, нашли бы. Это я сейчас так думаю, а в то время я понимал, что дерзать не надо, меня не примут, опять же и родителям спокойней, и меньше расходов.

Конечно, уровень притязаний нашей семьи был невысок. Автомобиль, хорошая бытовая техника, сырокопченая колбаса — на такие вещи даже не замахивались, однако в некоторых ситуациях фасон держали. Отец считал, что должен работать только в международном отделе центральной газеты, и был период, когда он сидел без работы, а семья без денег, пока не нашлось подходящее место. Брат мой через шесть лет после меня окончил школу и поступал на факультет журналистики МГУ, готовился с репетиторами, хорошо сдал экзамены, но конкурс среди школьников был очень силен, поступали сыновья Юрия Никулина, писателя Бакланова и еще несколько детей могучих родителей, которых приняли даже с меньшими, чем у Алеши, баллами. Отец ходил к декану Засурскому, добивался справедливости, и Алешу хоть на вечернее отделение, но все-таки взяли на журфак. Были и другие взлеты, в основном потом, а тогда, в год моего поступления и всеобщего возмущения израильской агрессией, был выбран Институт связи, в котором я честно проучился пять лет.

Глава 9.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Внешнее несоответствие моих родителей наверняка имело внутренние причины, биологические корни. Они ссорились до неприличия в любое время и в любом месте, где их настигал приступ взаимной ненависти: дома, на улице, в гостях. На даче в последнее время они даже выходили кричать на высокое крыльцо, чтобы полнее разоблачить друг друга перед соседями. Правда, к моему удивлению, никакая ссора не вызывала отмену запланированного мероприятия — насмерть разругавшись перед выходом из дома, они тем не менее отправлялись вместе в гости или в театр.

Эта пара не должна была иметь детей, но дети были. Когда-то цыганка предсказала матери, что у нее никогда не будет дочерей, а на вопрос «почему?» просто ответила: «Ну, не бывает у таких баб, как ты, дочек».

Первый сын моих родителей умер младенцем. Второй, то есть я, был довольно хилым мальчиком. Хотя я всю жизнь занимался спортом: плаванием, трековым велосипедом, водным туризмом, лыжами, но это на энтузиазме, сил и дыхания не хватало никогда.

В детстве у меня болел живот, и мне на Сахалине вырезали аппендикс, как оказалось, напрасно — воспаления не было. Потом, к двенадцати годам, проявилась болезнь легких, которая меня вскорости и доконает. Мама устраивала меня в разные больницы на исследование, но диагноза так и не поставили.

Вскоре после зимних каникул на первом курсе я заболел всерьез — откашливался противными зелеными сгустками, лежать не мог совсем, ни днем, ни ночью, одним словом, пропадал. Мама добилась госпитализации в институт туберкулеза. Там меня продержали два с половиной месяца, установили, что туберкулеза нет, нашли эффективный антибиотик, который продается в каждой аптеке, а потом выгнали за нарушение режима. Дело в том, что я сдавал летнюю сессию первого курса, лежа в больнице — мама потихоньку приносила мне одежду, и я ехал в институт на экзамен, а потом снова отдавал маме штатский костюм — в туберкулезном институте было строго. После сдачи последнего экзамена, а их было четыре, плюс штук шесть зачетов, мы со школьными друзьями это дело отметили, и они меня засунули в окно палаты на высоком первом этаже уже в ночное время. А на следующий день меня изгнали. Да, по правде говоря, если бы меня и оставили, что делать со мной дальше докторам было неясно. Зато в течение многих лет мне выдавали в институте туберкулеза выписку из истории болезни с записью о нарушении режима, а я 25 лет продержался на том простом антибиотике, и только недавно пришлось искать новый.

Сдав сессию, я поступил хорошо, и родители решили меня поощрить — купить мне часы. Мы от-

правились с отцом на Арбат, сначала на Старый, в магазин «Часы». Там нашлись очень симпатичные часы за 27 рублей. В принципе, остановившись на них, мы решили сходить в «Малахитовую шкатулку», еще там посмотреть. В этом магазине на Новом Арбате я увидел часы, которые полюбил с первого взгляда — на черном циферблате были три золотых концентрических кольца, такие красивые и солидные. Мне редко что нравилось из вещей, а эти часы понравились. Они стоили 40 рублей. Цена не очень высокая, попадись они нам сразу, отец бы мне их купил, но тут была альтернатива. Мы пошли назад, потом вернулись в «Малахитовую шкатулку» — отец не хотел на меня давить, все-таки меня же награждали, но я чувствовал, что ему жалко 40 рэ. За время этих переходов я созрел, то есть убедил себя в необходимости покупки более дешевых часов — стал объяснять отцу, что более дорогие часы нельзя будет взять с собой на летний отдых, что цена не определяет качество и другую подобную муть. Мы в третий раз пошли на Старый Арбат и купили часы за 27 рублей.

Если бы я не ломал себя, а просто сказал папе, что хочу часы за 40, он бы, наверное, купил бы мне их и меня бы больше уважал. А так ни он, ни я не получили удовольствия от этой покупки.

В это лето мама придумала командировку в Карпаты и взяла нас с братом. Ивано-Франковск–Коломыя–Яремча — таков был наш маршрут. В Яремче мы обосновались — сняли комнату у Евдохи, и к нам приехали мои школьные друзья Як и Сашка с матерью. Образовалась московская колония из шести человек. Мы пили красное вино, чешское пиво из железных бочек, ели черешню и питались как на

убой. По утрам бегали и купались в ледяном Пруте. Я, правда, после бега некоторое время откашливался.

Оставив дам в Яремче и взяв вместо них местную девицу, мы совершили восхождение на Говерлу. Мы — это трое восемнадцатилетних орлов, мальчик двенадцати лет и семнадцатилетняя девочка, с коей мы только что познакомились. Тропа, по которой все забиралось на эту высочайшую вершину Восточных Карпат, напоминала городской бульвар и нам не понравилась. Мы выбрали себе особый путь и, конечно же, чуть не заблудились.

К счастью, восхождение окончилось благополучно. Мамы встретили нас внизу и снова стали кормить, поить и ухаживать за нами.

По случаю маминого приезда районная газета поместила на одной полосе ее портрет, а на другой напечатала мамин рассказ. Это дало повод Евдохе, выписывавшей эту газету и каждый день видевшей маму, заметить: «Така вэлика пани, а не мает, шо одэть на ноги!»

В это время я был очень близок с мамой. Наверное, тогда я последний раз был ребенком, которого мама любила и жалела, а я был очень благодарен маме за то, что она разрешила мне собрать всю команду. Отца с нами не было, никто никого не упрекал, не обзывал, не тиранил. Хотя дух отца, конечно, присутствовал незримо: когда кто-то из нас нечаянно за столом разбил Евдохин стакан, мать воскликнула: «Все, теперь я всю жизнь не расплачусь!» — с таким отчаяньем, что все рассмеялись.

Это была счастливая поездка, мы даже не заметили, что мимо нас шли советские войска в Чехословакию. Мы ехали домой и видели на разъездах эше-

лоны с техникой и солдатами, а в чем дело, узнали только в Москве.

Больше мы, вот так, втроем, длительное время, вместе с мамой и братом, не были никогда.

Следующее лето я провел с институтскими ребятами — ездили убирать фрукты на Украину, в деревню Дроновка, о которой мама писала в «Крестьянке», еще через лето мне дали в институте путевку в санаторий, я взял с собой брата, и мы поехали на Кавказ, имея одну путевку и просьбу от папиной редакции пристроить заодно и второго сына. Потом на белом теплоходе без билета переплыли в Крым, а вернулись в Москву на третьих полках, убегая от холеры. Следующее лето, это после четвертого курса, я провел в командировке, а после пятого я был уже женатый человек, мы поехали с женой в Гурзуф и сняли комнату, и тут же в Гурзуфе, в санатории, жил Алешка, и мы бегали к нему мыться в душе.

Мой младший брат был очаровательным мальчиком. Когда на его двухлетие мама вынесла к гостям большой фотографический портрет, многие воскликнули: «Лешка!» — а остальные, кто смотрел не только на лицо, но и на пожелтевший фон старой фотографии, сказали: «Не Лешка!» Никто не угадал, кто это был, а это был наш папа. Брат был очень похож на отца-младенца, а потом сходство с отцом прошло. Я, наоборот, сейчас похож на взрослого отца, а в детстве был похож на маму.

Алеша был покрепче, чем я: не писался, меньше простужался, в спорте добивался лучших результатов — если я с трудом доползал до третьего разряда, Алеша выполнял нормы второго. Правда, у него тоже болел живот, ему тоже сделали операцию аппендицита, тоже напрасно — воспаления не было.

Алешку отдали уже не в ближайшую школу, а нашли языковую. Прошел он туда по конкурсу, хотя на вопрос «Чем ты увлекаешься?» ответил, не задумываясь: «Жуками!» Учился он хорошо, проблем с этим не было.

В классе примерно в третьем отцу, пришедшему на родительское собрание, сказали, что у Алеши расстроена нервная система — он начинает плакать, если чувствует, что получит «четверку», а тем более «тройку», трясется от любого пустяка, чреватого домашними осложнениями: от замечания в дневнике, от невысокой отметки и т. п. Попросту говоря, производит впечатление забитого ребенка. Папа пришел потрясенный — он не предполагал, что его обращение с домашними может как-то проявиться во внешнем мире, хотя он тиранил нас с братом и бил довольно регулярно. Надавать тумачков, схватить, бросить с силой на кровать и сказать матери про плачущего сына: «Забери свое дерьмо!» — это было обычным делом. Экзекуция сопровождалась словесным поносом с обязательным пожеланием: «Чтоб ты сдох!» Ругал нас он всегда и за все. Если ругать было не за что, то отец говорил: «Вот видишь, значит, можешь как следует, а не как обычно, всегда все испоганишь...» и дальше по сценарию, но уже без рукоприкладства. Маме тоже доставалось.

После того родительского собрания бить Алешку отец почти перестал, а я уже был большой. Отец пытался и на меня возложить часть ответственности за Алешкину забитость. Я до сих пор помню свое удивление от его слов, что я тоже виноват. Мы дрались, конечно, с братом иногда, но отношения были хорошими, и мы любили друг друга всю его короткую жизнь. Я и отвез его в больницу умирать.

Глава 10. ИНСТИТУТ СВЯЗИ

Алеша начал покашливать лет в 15, позже, чем я, потом изменения в верхних долях легких увидели на рентгене. Болезнь развивалась так же, как у меня. Говорили, что наши рентгеновские снимки были похожи, как снимки одного и того же человека. Началась та же бодряга: пневмония — не пневмония, туберкулез — не туберкулез, а так как наука ушла вперед, то добавилось еще — это муковисцидоз или нет. Все диагнозы отвергали, но, в отличие от меня, не могли найти антибиотика. Пытались лечить сульфаниламидами, а они помогали, даже обыкновенный этазол, но вызывали аллергию. И тут вдруг появилась панацея — простое решение, которое так мило сердцу советского человека. Если легкие больные, то нужно засунуть в горло трубу и через эту трубу промыть больные легкие лекарством. Под общим наркозом через день в течение двух недель. Называлось это «санационные бронхоскопии». Много усилий было потрачено, чтобы положить Алешу в ту единственную клинику, где проводилось это ужасное лечение. После клиники состояние здоровья Алеша кардинально ухудшилось, он стал фактически инвалидом. Лечить его теперь брались только знахари.

Такое простое соображение, что раз не известна болезнь, то нечего лезть вовнутрь, не приходило родителям в голову, а я к тому времени жил отдельно, считался постылым и к обсуждению серьезных семейных вопросов не допускался, несмотря на солидный личный опыт борьбы с той же самой болезнью. Я говорю об этом с уверенностью, потому что несколько раз не давал докторам лечить своего сына.

Учился я не очень-то, в институте связи это было возможно. Учебный план выполнял, «пятерки» на экзаменах получал, но серьезно занимался только так называемой студенческой научной работой.

Я стал своим человеком на кафедре антенн, со мной здоровался даже заведующий профессор Айзенберг, лауреат и крупнейший ученый в институте связи того времени, но глубокий старик, по моим тогдашним понятиям.

Делал я задачи для другой, не такой сильной теоретически кафедры линий связи. Однажды весной к нам на кафедру антенн зашел аспирант с той кафедры и стал рассказывать моему шефу, тоже аспиранту, что едет летом в командировку в Геленджик по теме, по которой я как раз и работал. Я влез в разговор и скромно спросил, не нужен ли ему мальчик для растирания красок. Он, видимо, «Двенадцать стульев» читал, отнесся к моему предложению серьезно и тут же достал из портфеля кучу бумаг и стал их заполнять, интересуясь, каковы мое отчество и номер паспорта.

Это был договор, по которому кафедра линий связи собиралась мне платить тридцать рэ в месяц и загружать работой. Я, было, возразил, ведь я был бескорыстным работником кафедры антенн. Но мой шеф сказал, что потеря для науки небольшая, а раз я все равно делаю задачи для той кафедры, а они согласны мне платить и взять меня в Геленджик, то, значит, большому кораблю — большое плаванье.

Перейдя с кафедры антенн на кафедру линий связи, я из студента, занимающегося наукой, стал уважаемым теоретиком. Мои куски шли без изменений в кандидатские и даже в одну докторскую диссертацию. Мне платили деньги и извинялись, если был перерыв.

Аспиранты на кафедре линий связи были в основном приезжие, из периферийных институтов связи, им нужно было защититься и вернуться домой на хорошую должность, поэтому они радовались любому интегралу, который можно было вставить в диссертацию.

Про тридцать рублей в месяц я родителям сказал, а про Геленджик — нет, боялся сглазить, по ночам плохо спал, волновался, что сорвется командировка. Но командировка получилась, я сдал сессию и полетел в Геленджик, даже попер с собой тяжеленный генератор. Правда, денег мне дали только на дорогу, а студенческие суточные (из расчета 50 копеек в день) и деньги на гостиницу обещали прислать переводом. Ехал я один, мое новое руководство рассудило, что мне нужно отдохнуть до начала экспериментов недельки две. У родителей я денег не попросил, ведь я ехал в командировку.

Командировочные пришли через две недели, одновременно с приездом основной группы работ-

ников. На что я прожил эти две недели, я не могу сейчас вспомнить. Помню только, что из гостиницы меня не гнали и оплаты не требовали, все-таки у меня была командировка на гидробазу, и исчезнуть бесследно я не мог. Мало того, добрая работница гостиницы даже дала мне в долг, кажется, три рубля, зато потом рассказала моему шефу-аспиранту, как я «у них голодал».

По приезде в Геленджик я написал родителям письмо, в котором после описания местности и народонаселения отметил, что командировочные не пришли и, если в течение нескольких дней не придут, жить мне будет не на что. Родители довольно быстро перевели мне 20 рублей. Зато после возвращения в Москву я имел беседу с отцом, в ней он выказал все свое презрение ко мне, как представителю золотой молодежи, которая прокучивает деньги на курортах, а потом пишет своим родителям и вскользь, не прямо, а в контексте пошлого письма, с милым кокетством требует денег. А родители должны сами вылавливать в этом фиглярстве суть дела и решать, посылать ли и сколько.

По его мнению, такое поведение отвратительно. Я так захлебнулся от несправедливости, что ничего не смог сказать.

В сентябре я немного поучился в институте, а потом все поехали «на картошку», а я — снова на эксперименты в Геленджик. Так что стал я к этой кафедре прирастать, начал уже помимо теории почитать книжки про провода и кабели, которых в глаза не видел и в учебной программе не изучал. Дальнейшая моя карьера тоже клонилась в эту сторону — меня оставляли после института инженером на кафедре линий связи. Все склады-

валось определенно, и о выборе места работы я не заботился.

За несколько дней до распределения на последнем семинаре симпатичный доцент Андрей Михайлович похвалил один из «почтовых ящиков», в которые нас всех засовывали, а я отозвался, что, мол, такое хорошее предприятие и недалеко от дома. Андрей Михайлович подозвал меня после занятия и спросил, при чем тут мой дом, ведь, как он знает, я остаюсь работать в институте.

— Ну, ведь вы понимаете, всякое бывает, — ответил я, только чтобы не выглядеть трепачом.

— Я про вас поговорю с представителем этой конторы — у меня с ними старые связи, — предложил Андрей Михайлович.

— А если все пойдет, как запланировано, не будет ли вам неудобно перед ними? — солидно сказал я.

— Нет, нет, не беспокойтесь, я их предупрежу, — пообещал мне мудрый доцент.

А вечером накануне распределения позвонили мне домой знакомые и сказали, что меня из списка оставляемых в институте связи вычеркнули в последний момент — не прошел по пятому пункту.

На распределении мне предложили этот «ящик» и Гидрометцентр при Совете Министров СССР. Я выбрал «ящик». Сейчас-то я понимаю, что выбор сделал дурацкий, и, как обычно, задним числом вспомнил глаза женщины, приглашавшей меня в Гидрометцентр и даже пытавшейся мне что-то объяснить в неподходящей обстановке распределения.

Глаза эти внушали приглянувшемуся ей дураку с пятой графой, что ее предложение лучше. Дай Бог ей здоровья, я ее никогда больше не видел.

Я съездил на свое место работы, позаботился о том, чтобы попасть в антенную лабораторию, познакомился с начальником и продолжил обучение в институте — оставалось еще полгода, даже больше.

Вдруг мелькнула возможность все-таки остаться в институте: мама в это время делала интервью с начальницей из Министерства связи, которая как раз командовала институтами, была непосредственной начальницей нашего ректора. Эта тетка, как положено, поинтересовалась, не может ли она что-нибудь сделать для журналистки. Мама тоже, как положено, поблагодарила и отказалась, связь моей дальнейшей карьеры и этой тетки как-то не пришла маме в голову сразу, а проявилась только дома в разговоре со мной, когда я всплеснул руками: «Ну, как же так!» Мама пошла к той начальнице второй раз и попросила ее за меня. У тетки, когда она узнала, что моя фамилия совсем не похожа на мамин псевдоним, было несчастное лицо, но она позвонила ректору.

Ректор меня принял и в два счета объяснил, что мне в «ящике» будет лучше, потому что там зарплата 110 и квартальные премии регулярно, а на кафедре ровно 100 и премии редки. Я утерся и ушел. У чиновников свои игры. Запомнил я этот, не имевший никаких последствий эпизод по ощущению стыда перед мамой, когда она мне рассказывала, как мучительно тяжело ей было идти и просить за меня.

Как раз в это время подходила 25-летняя годовщина свадьбы моих родителей. Годовщины свадьбы у нас в семье упоминались, но отдельно не отмечались. А тут я начал носиться с идеей отметить «серебряную свадьбу» широко и увлек ею виновников торжества. Сам я решил подарить им золотые

Глава 11. МОЛОДАЯ СЕМЬЯ

обручальные кольца, которых у родителей никогда не было. Это мое решение было ценно тоже только как хорошая идея, потому что денег никаких от меня не требовалось — я отдавал стипендию и то, что получал «по науке», маме, а так не отдал и купил на «научные деньги» кольца. Я был очень удивлен, но моим родителям кольца понравились, и они их долго носили. «Серебряная свадьба» прошла великолепно. Как всегда у нас на праздниках, был прекрасный домашний стол, праздничная газета, стихи и подарки. В гости пришла Елизавета Ауэрбах, хорошо знакомая с мамой. Елизавета Борисовна была в ударе, и гости катались со смеху.

Впервые я привел на семейное мероприятие свою Катю в качестве «Сережиной девушки».

Должен сказать, что мы с Катей отметили свой «серебряный» юбилей значительно скромнее — мы просто пошли в ресторан.

Поздравила нас одна мама и подарила шесть ложечек из нержавеющей стали, сказав зачем-то, что они мельхиоровые. Но этот юбилей был через много лет.

Эта история посвящена моим отношениям с родителями, поэтому не буду подробно рассказывать про наш роман с Катей. Учились мы в одной институтской группе. Она лучше успевала по физкультуре, а я по всем остальным предметам. Всего у нас в группе было семь девочек, нормальных — две, остальные — с отклонениями в какую-нибудь сторону. Вот я этих двух и смешил в перерывах между лекциями. Катя так заливисто смеялась моим шуткам и так широко при этом открывала рот с великолепными зубами, что не могла не обратить на себя мое внимание. Она же говорила, что полюбила меня, еще не видя, как только прочитала фамилию Фарбер в списке группы. Таких фамилий она раньше не встречала, поскольку была православно-рабоче-крестьянского происхождения и выросла в таком же окружении.

Роман развивался медленно, но в середине пятого курса, через месяц или два после «серебряной свадьбы» моих родителей, стало ясно, что нужно нам пожениться, поскольку были мы слегка бере-

менны. Родителей эта новость повергла в шок. Они говорили, что я поступаю с ними непорядочно, так как они собирались вздохнуть немножко, когда я начну работать, а тут, наоборот, новые расходы. Отец спрашивал меня, не хочет ли Катя избавиться от ребенка — это позволило бы спокойно во всем разобраться. Мама говорила, что мне с моими легкими нужно съездить летом в Крым, а в моем новом положении это будет трудно осуществить.

Жениться мне и самому не очень-то хотелось, но перспектива стать подлецом, причем настоящим, классическим, а не мифическим, каким я постоянно выглядел в речах отца, меня никак не устраивала.

Тогда родители решили надавить на Катю. Меня послали заранее купить билеты в кинотеатр «Художественный», и я с билетами ждал всех троих — родителей и Катю — у входа. Приезжают только родители, без Кати. Где, что? Уехала домой рассерженная, сказала, что ничего не надо и ничего не будет.

Поехал я к Катюшке домой в ближнее Подмосковье, куда ездить терпеть не мог. Нашел Катю, слава Богу, ничего она не успела предпринять, а в последующие 25 лет уже без меня ничего и не предпринимала.

Мы подали заявление в ЗАГС, а потом мое семейство поехало знакомиться с Катинной родней. После этого знакомства отец сказал маме, что дело ее жизни — расстроить этот брак. Родители Кати, действительно, производили на свежего интеллигентного человека жуткое впечатление — их как будто только вчера вывезли из допетровской деревни. Теща говорила: «ета», «сурна», «анчутка» и все время подхихкивала от смущения, а тесть мгновенно надирался и вещал не поймешь что. Кроме того, родителям

стало ясно, что неотвратимы траты на свадьбу, на поездку в Крым вдвоем, на которой они настаивали, но не ясно, ради кого им предстоит раскошелиться.

Свадьбу все-таки сыграли, хоть против воли родителей, но за их счет. Мама умудрилась в большой комнате нашей квартиры разместить 42 человека, а маленькую целиком отвести под танцы. Свои ощущения этого периода я помню как постоянную стесненность, боялся, что не хватит денег то на одно, то на другое, стыдно было перед родителями, что я их так нагрузил и разорил.

Я старался искупить свою вину: бегал, устраивал, разбираал скамейки после свадьбы, что молодому делать не полагалось. Первые полтора месяца мы прожили с родителями, потом уехали в Крым. Когда вернулись, поселились в снятой у маминой подруги комнате в Козицком переулке и поступили на работу — я в свой «почтовый ящик», Катя — в свой.

Я искал подработку и нашел место разнорабочего на заводе «Красный металлист». Оформили меня упрощенно, по одному только паспорту, никаких справок на совместительство брать не пришлось. Антенная работа вредная, рабочий день сокращенный и я, закончив в своем КБ, всего на час опаздывал к началу второй смены на заводе. Мастеров это устраивало.

Отношения с родителями ограничивались моими ежедневными звонками, они от нас отдыхали.

Как-то мама сказала, чтобы я приехал вечером домой. Это был конец августа. Катя уехала к своим на дачу («в сад» — так это называлось у Катинной родни). Отец с братом были на казенной редакционной даче. В общем, мы были с мамой вдвоем. Мама меня накормила и начала разговор.

— На что вы будете жить, когда появится ребенок? На что вы рассчитываете?

— Мама, мы же работаем. Я нашел себе подработку. Кате дадут декретные деньги.

— Это все не те деньги. Подработку придется бросить, когда появится ребенок. На твои 100 рублей прожить нельзя. На кого вы рассчитываете?

— Мама, но 100 рублей же не вечно, у меня хорошо идут дела на работе, я перспективный, буду расти... — отвечал я, так и не понимая, чего хотела мама.

— Это не ответ, — продолжала мама, с несвойственной ей монотонной настойчивостью. — Я говорю не о перспективе, а о том, что будет сейчас, в ближайшие месяцы. У тебя маленькая зарплата, Катя работать не будет. На кого вы рассчитываете?

Какой бы источник дохода я ни называл, мама тут же отметала его, как несостоятельный, и снова повторяла: «На кого вы рассчитываете?» Она ждала ответа: «Рассчитываю на вас», чтобы сказать: «Папа велел тебе передать, чтобы ты на наши деньги не рассчитывал». Для этого меня и позвали. Но мама так и не решилась произнести приготовленную фразу.

В эту ночь я горько плакал последний раз в жизни. Лежал в маленькой, бывшей нашей с Алешей, комнате, ронял слезы и сопли и подвывал как ребенок, а потом заснул...

Кате надоело сидеть без дела, и она решила помыть окно. Катя поднялась на цыпочки на широком подоконнике, и у нее заболело внизу живота. Она немножко посидела, но боль не проходила. Тогда она позвонила маме, узнать, что можно принять от этой боли. Моя мама объяснила моей жене, что нуж-

но готовиться ехать в роддом. В этот же день Катя родила мне сына Павлика.

Мальчик родился недоношенным и с серьезной родовой травмой. Мама мне сказала: «Я не знаю, что ты будешь делать. Такая травма, как правило, связана с дебильностью». Большого горя в жизни, чем ненормальный ребенок, по моим представлениям, не существовало. Я поехал в роддом, и там докторша произнесла слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Не беспокойтесь, такие люди занимают любые посты и любые кафедры». Я ей почему-то сразу поверил. Теперь я вижу, что докторша была права.

Мы собирались жить самостоятельно, и теща вымыла, выскребла нашу комнату в Козицком переулке для приема маленького. Но из роддома я повез Катю с Павликом к родителям. Это еще одна неразгаданная мной загадка семьи — почему родители пожалели нас и взяли с ребенком к себе.

Первые полгода жизни моего сына были ужасны, они вместили три больницы, одну операцию и детский писк круглые сутки.

Папаня скандалил, что из-за очередной простуды перенесли серьезное дело — операцию, что в доме беспорядок. Брат готовился в университет, а условий дома не было, шум, суета. Родители ему объясняли, из-за чего такие неудобства, и он однажды высказал мне свои претензии.

— Мать нас с тобой поссорит из-за пустяков, а мы с тобой самые близкие люди на всю жизнь, — ответил я Лешке, и на все время нашего совместного житья вопрос был исчерпан.

А мама старалась к ребенку не подходить и не подпускать к нам Алешку. Она объясняла, что может привязаться к ребенку и будет страдать от раз-

луки с ним, когда мы с Катей разведемся — так страдали некоторые ее знакомые бабушки.

Если мальчишка слишком громко орал, мама приоткрывала дверь в маленькую комнату и говорила:

— Что, трудно? Ну, ничего-ничего, всем бывает трудно. Сделайте, чтобы ваш ребеночек не кричал — Алеша занимается.

После этого мама шла к телефону и всем своим знакомым рассказывала:

— Он такой маленький, мои такими не были. Это не ребенок, а человеческая личинка.

Зато неприятное соседство моей семьи побудило родителей к активным действиям. Во-первых, отец похлопотал, и нам предоставили возможность купить двухкомнатную кооперативную квартиру. Причем родители соглашались дать денег на первый взнос, но не более того, что дадут Катины родители. Помню, что первый взнос составлял 2700. Теща, обегав всю родню, набрала, в конце концов, 1200. Столько же дали и мои папа с мамой. Остальные я искал сам. Дело было не в равенстве и братстве, а в упрощении отношений после нашего с Катей развода, да и вообще, с какой стати давать больше них. Во-вторых, мама устроила Павлика в ясли около нашей будущей квартиры. Я хоть и смотрел родителям в рот, но уже тогда понимал, что отдавать в ясли годовалого мальчика — варварство. Однако любые мои попытки порассуждать на эту тему и поискать другие варианты мама пресекала твердо и жестко: «Все так делают».

Наш новый дом построили очень быстро. Мы переехали, когда Павлику не было еще года и двух месяцев. На прощанье отец мне сказал:

— Все. Больше к нам не обращайся. Можешь разводиться или делать, что хочешь. Сюда ты не вернешься.

— Само собой, понятно, — поспешил заверить я папу, испытывая неудобство от того, что он мог подумать, будто я еще на что-то рассчитываю.

Мы зажили отдельно. У родителей бывали с «официальными визитами», по случаю какого-нибудь семейного торжества, на которое нас приглашали. Так же, по «табельным дням» и родители приезжали ко мне. Кроме этих обязательных посещений я лишь изредка заезжал к маме. Мы быстро утрясли пустяковое дело, из-за которого я приехал, и мама меня кормила обедом, соблюдая меню и сервировку в соответствии с невысоким рангом гостя, попросту не доставала из холодильника то, что мне было «не по чину». Если случалась промашка, и на столе появлялась, к примеру, банка концентрированного молока с двумя дырками в крышке, то мама исправляла положение.

— Не пей, — говорила она. — Молоко ледяное, из холодильника.

— Ничего, — легкомысленно отвечал я маме, — я маленькими глотками.

— Ну, знаешь, надо оставить папе, — с этими словами мама забирала у меня банку и возвращала ее в холодильник, откуда та была по ошибке вынута.

Раз в два месяца мама приезжала к нам в новую квартиру. Ее визиты проходили всегда одинаково. Она торопливо выкладывала из сумки масло, сыр или колбасу, купленные по дороге, приговаривая: «Скорей, скорей, а то Марк Израилевич узнает». Потом брала на руки Павлика, обязательно предварительно спросив: «Павлик покакал?» Через полми-

нуты отдавала внука Кате со словами: «По-моему, он хочет какать. Ну, мне пора, столько дел, и Марк Израилевич может хватиться, тогда я не знаю, что будет». Я помогал маме поскорее одеться и провожал ее до остановки автобуса кратчайшим путем, который она от визита к визиту забывала.

По дороге мама мне жаловалась на отца, вдохновенно и подробно рассказывала, как он ее унижает и обижает — это была, пожалуй, единственная тема наших разговоров. Теперь я думаю, что именно эти регулярно повторяющиеся моноспектакли для единственного слушателя поколебали во мне любовь к отцу. Правда, однажды, мы говорили о другом. Мама посмотрела американскую кинокартину с Джейн Фонда в главной роли. Картина называлась «Забавные приключения Дика и Джейн». В ней был эпизод, когда попавшие в трудную ситуацию молодые супруги обращаются за помощью к родителям, а те отказывают им, не проявив никакого сочувствия, только самодовольно рассуждают, что их разорение закономерно, потому что космическое направление, в котором работал молодой муж, неперспективно. Мама полагала, что это она придумала использовать демагогические аргументы в оправдание собственной черствости по отношению к своему взрослому ребенку, а тут оказалось, что это не только давно известно, но даже экранизировано. Маме показалось, что ее поймали с поличным. Находясь под впечатлением от этой картины, мама стала говорить мне: «Мы вам тоже совсем не помогаем...» Но я маму за пять минут переубедил, объяснил, как мощно они нам помогают, для убедительности сложив стоимость сегодняшнего куска сыра с ценой прошлогоднего подарка на мой день

рождения. Вернее, не переубедил, а подтвердил, что я так же глуп и так же ничего не понимаю, как и раньше.

Я действительно все принимал за чистую монету много лет, и никакие жизненные аргументы не могли охладить мою любовь к матери. Однажды, когда Павлик уже подросток, отец указал мне на четыре зеленые книжечки на полке, издание Аркадия Гайдара, и сказал: «Можешь забрать для Пашки». Я поблагодарил и забрал. В очередной свой визит к нам мать дождалась, когда в комнате никого не было, сняла с нашей бедной книжной полки четырехтомник Гайдара, замаскировала прореху, запихнула книжки в сумку и, ни слова никому не говоря, унесла домой. Я погорчался, что мама так некрасиво поступила, но быстро придумал, что сделала она это из страха перед папой, так как не знала или не верила, что отец мог нам книжки подарить.

Разобщенность наша с родителями была очень велика. Понимали мы друг друга плохо, смысл одних и тех же слов определяли по-разному. Помню, нам посоветовали отдать Павлика в логопедический детский сад, нужно было подправить речь. Я попросил маму о помощи. Она, сделав несколько звонков, добилась для мальчика места. Мы стали возить сына на другой конец города и оставлять его там на целую неделю. Потом выпросили разрешение забирать ребенка на ночь, хотя бы по средам. Скучали без него сами, мучили ребенка, и все зря. Не сразу поняли, что мама устроила Пашку в детский сад для детей «с отставанием речевого развития», иначе говоря, для детей не совсем психически здоровых. Давешняя мысль, что у Пашки «не все дома» глубоко засела у мамы в голове, а встречи с внуком были

Глава 12.

«ПОЛНАЯ НАСЛЕДНИЦА»

такими редкими, что убедиться в нормальности Павлика не было возможности. Как всегда, с опозданием разобравшись в ситуации, я сына вернул в обычный детский сад, подобрав с помощью мамы детское учреждение получше из ближайших к дому. А недостатки Пашкиной речи исправила Катя и логопед из нашей поликлиники.

Зато все мамины знакомые были подробно извещены о ее героических усилиях и самоотверженной работе на внука, в ущерб творчеству, семье и в тайне от мужа. Я слышал, как мама рассказывала подруге, что, когда Паша разбился в детском саду, и воспитательница сообщила ей, что мальчика нужно забрать, ведь у его родителей нет телефона, мама *все бросила и помчалась...* к нам — оставить записку, чтобы срочно ей позвонили.

Слава моей глупости! Я на всю жизнь сохранил приличные отношения с родителями и внушил сыну и дочери любовь и уважение к бабушке и дедушке. Ведь я был уверен, что все так и должно быть.

За восемь месяцев до своей смерти, уже будучи безнадежно больным, мой брат Алеша женился и переехал от родителей к родителям жены. Алешина теща, сорокасемилетняя заведующая рентгенологическим отделением ведомственной поликлиники, хорошо представляла себе состояние Алешиных легких, тем не менее она не стала расстраивать брак и обрекла свою дочь на раннее вдовство.

Алеша попал в семью, в которой царили взаимная любовь, уважение и материальный достаток, такие непривычные для нас условия жизни. Ведь мы с Алешей выросли в обстановке, самым характерным признаком которой было постоянное взаимное раздражение, каждый был всегда недоволен каждым. Нас с братом отец мог обвинить во всех смертных грехах за что угодно или ни за что, и мы должны были оправдываться, но никакие аргументы, алиби или чистые побуждения высоким судом не принимались во внимание. Мой страх стать виноватым замечали посторонние. Выражение «это Фарбер

виноват» вошло в поговорку у моих друзей и употреблялось всегда, даже если говорили о землетрясении в Японии. Брат был примерно в таком же положении. Так вот, тяжело больной Алеша сбежал в чужую семью и провел там остаток жизни.

Мама искала для младшего сына врачей и знахарей, но даже не все знахари брались лечить Алешу. Мама делала за Алешу журналистские задания в газете, в которой он работал, возила учебники, чтобы он мог готовиться к экзаменам в университете, но главными в борьбе за жизнь Алеша стала его жена и ее родители, которые приняли на себя ежедневный труд и ответственность за тяжело больного мальчика.

А папа как-то сразу потерял представление о действительном состоянии здоровья сына. Отец при мне звонил ему и кричал: «Немедленно одевайся и иди на улицу, нечего сидеть дома в такую прекрасную погоду!» Этот звонок был в первых числах апреля, а 11 апреля Алеша умер...

Я очень горевал, но понимал, что горе моих родителей, особенно матери, сильнее моего. Я пытался утешить маму, чем всегда утешают в подобных случаях, но не мог ее ни отвлечь, ни заинтересовать. Один раз в ответ на мои рассуждения, что ничего нельзя было сделать, что никто не виноват, все равно Алешу нельзя было вылечить — такая болезнь, мать внезапно встрепенулась, собралась, и, чеканя каждое слово, сказала мне:

— Но ты-то жив!

Я попал в больное место. Мама страдала оттого, что судьба обошлась с ней так несправедливо: сыновья болели одной и той же болезнью, но погиб от нее не тот. Я своим мельтешением и утешением

только усиливал горе родителей, демонстрируя, что нет на земле справедливости. После этого я стал осторожней, как всегда, начав что-то соображать только после того, как наступил на капсюль...

Пока живы были мы оба, мои родители часто обсуждали между собой, как следует распорядиться своим имуществом, какому сыну что оставить, хотя собирались жить долго, да и ценностей не имели. К этой теме им пришлось обратиться, когда появились новые родственники — родители жены моего брата. Те имели деньги, умели ими пользоваться и полагали, что должны и сами пожить, и дочку обеспечить. Такому здравому подходу к жизни мои родители мало что могли противопоставить и чувствовали себя неудобно.

Но волновались они недолго, потому что придумали, что осчастливят Алешу и его жену Валю богатым наследством потом, после своей смерти. Они делили в уме книги и два маминых кольца, и все выходило: надо это завещать Алеше, а Сереже то, что у Алешиных тестя с тещей уже есть — Библиотеку приключений и многотомник Фенимора Купера. И было папе с мамой радостно и спокойно — ведь они обо всем позаботились, и мальчикам не придется ссориться из-за наследства.

И тут такое горе. Горе, если не грех так выразиться, чистое, без меркантильных примесей. Потеря любимого мужа, любимого брата, любимого зятя. Для родителей — потеря любимого сына. Горе, только горе. Имущества у Алеша не было никакого, а была светлая голова и доброе сердце, но этого не стало вместе с ним.

А родителей моих, видно, черт попутал — им стало жаль так ловко и с такой любовью состав-

ленного, хоть и неоформленного завещания. Мать в отчаянье говорила мне: «Мы так все хорошо распределили, что после нас останется, а теперь придется все вам...» Она мне объясняла, как они с отцом все спланировали, все расписали, от горя не понимая, что этого можно было мне и не говорить. Поэтому я и знаю про Купера. Квартиры тогда по наследству не передавались, прочего имущества у родителей, почитай, что и не было, но мысленно расписанное и разделенное, а потому приобретенное ценностью, оно теперь уходило неизвестно куда, и горе их усугублялось тем, что придется через много лет все оставить постылому сыну. Отцу даже захотелось отменить мое существование директивно, по партийному. Придравшись к какому-то моему слову, он с пафосом воскликнул: «Я не могу тебя больше видеть. Я считаю, что потерял не одного, а двух сыновей!» Но все-таки это было не то, не выход из положения...

И тут в затуманенном бедой мозгу моей матери родилась мысль о юридическом оформлении Алешиного наследства. Наследницей должна была быть молодая вдова. Заниматься этим поручено было мне. Наследницей чего, какой собственности? «Полной наследницей», — сказала мне мать. Мать имела в виду, что Валя должна была унаследовать после Алеши право на наследование после моих родителей. Вслух произнести это она не могла, все-таки бывший юрист, понимала, что так не бывает, да и передо мной, наверное, было неудобно. Ей нужно было поручить мне оформить завещание родителей на Валю — я бы сделал это не моргнув глазом. Все так просто. Почему мать не стала связываться с таким завещанием, я не знаю.

А, может быть, и знаю. Вскоре после Алешиной смерти родители спросили меня, где Алешины часы и обручальное кольцо. Я ответил, что отдал их Вале, и почувствовал, что родители были этим недовольны, надо было принести им. Оценивая теперь, почти через двадцать лет, ход лечения брата и результаты этого лечения, вспоминая, как родители пытались лечить Алешу официально, то есть бесплатно, как они считали один другого виновником Алешиной смерти, как интересовались кольцом и часами, подумал я, что и Алешу-то они не так уж сильно любили, как хотели всем продемонстрировать, и Вале ничего отдавать не собирались. Со мной было просто — я ни на что не претендовал, за все благодарил и выполнял, что приказано. А получила бы Валя какие-нибудь права, хоть бы и безделишное завещание, могла бы ими и воспользоваться. Непонятно как, но они и этого боялись. Поэтому они не стали завещать все Вале, а разыграли комедию с «полной наследницей», а я в этой комедии играл роль болвана.

И стал ходить я с Валею в первую нотариальную контору, и в тринадцатую, и в разные учреждения. Чего я хотел, нотариусам было непонятно, приходил я со свидетельством о смерти и просил, чтобы Валю сделали наследницей, объяснял, что других наследников нет, что родители и брат ни на что не претендуют. Нотариусы думали, что я чокнутый, но разговаривали вежливо, понимая, что я чокнулся от горя. А я стремился утешить мать, выполнить любую ее волю. Если бы она поручила мне оформить наследство на лунный свет, я бы занялся и этим.

Каждый день то ли чувствуя неестественность ситуации, то ли опасаясь, что я захочу оформить Але-

шино наследство на себя, мама мне говорила: «Ты помнишь, что Валя должна быть полной наследницей?» — пока я не повысил голос, после этого мать перестала меня тормозить.

Самое интересное, что я оформил все-таки завещание. По нему Валя наследовала авторское право. У Алеши после смерти остался один принятый к печати, но не вышедший рассказик. Теперь Валя на законном основании могла получить за него гононар. Рассказ напечатали, но денег выписали мало, а ехать за ними нужно было далеко, на другой конец Москвы, и Валя не поехала.

Глава 13. ХОРОШИЕ РУКИ

Время шло, и теория о моей бездарности и неполноценности, как и всякое живое учение, потребовала коррекции. Накапливались факты, которые плохо с ней сочетались. Теорию нужно было подправить, в противном случае жестокое и презрительное отношение моих родителей ко мне и моей семье в течение многих лет следовало бы признать исторически неоправданным, вернее имеющим одно оправдание — жадность. Труднее становилось отвечать на вопросы знакомых о сыне и внуках, сопровождая ответы обычным комментарием: «Вы ведь знаете, какой он у нас». Автором обновленной теории был отец.

Забавно, что мой профессиональный рост несколько не прибавлял родителям уважения ко мне. Я стал кандидатом наук, старшим научным сотрудником, начальником лаборатории и даже, под конец моей инженерной карьеры, главным конструктором одной из разработок — все это были факты из другой, малознакомой им жизни и, следовательно, не впечатляли. Только мама меня иногда спрашивала:

— Объясни мне, я никому не скажу и тут же забуду, чем ты занимаешься на работе? Тебе это интересно? — но ответа не слушала.

Отец же, не доверяясь чувству, специально размышлял о моем ничтожестве, соорудил систему доказательств того, что из меня не может получиться ничего путного, следовательно, не нужно на меня впустую тратить силы, и чем меньше будет слышно про мои жалкие дела, тем лучше. А кто этого не понимает, тот такое же дерьмо, как и я. И никакие исключения, даже временные, не допускаются. Если я попадался отцу на глаза довольным собой, радостным и прилично одетым, то он тут же восстанавливал единство теории и практики.

— Ты что, хочешь показать, что ты чего-то стоишь? — зло спрашивал меня отец в этих случаях. — Кого ты хочешь ввести в заблуждение?

После этих слов я переставал сиять, выглядел полинялым, и отец лишний раз убеждался в своей правоте.

На каком-то общем застолье старый друг родителей Рубин спросил, есть ли у меня успехи на научном поприще. Я пожаловался, что не могу пробиться в заочную аспирантуру — не допускают до вступительных экзаменов, находят любые причины, наверное, и в этом году что-нибудь придумают, чтобы не взять.

— Ну, это вопрос решаемый, — живо отозвался Рубин. — Наши с твоим отцом однокашники засели во всех министерствах и на немалых должностях. У тебя какое министерство?

Отец во время этого разговора «выпрыгивал из штанов» от злости, пытался переменить тему, так

что нам с Рубиным пришлось уйти в другую комнату и там закончить беседу.

Рубин после этого звонил по телефону, ездил договариваться — и меня вызвал большой кадровый начальник из нашего министерства. Он меня расспросил о прохождении службы, о том, сдан ли кандидатский минимум и насколько актуальна тема диссертации, при этом кое-что записал. По-видимому, удовлетворившись ответами, мой благодетель запустил канцелярскую машину: письмо от нашего КБ, положительная резолюция управления кадров, письмо в большой научный «почтовый ящик», где была аспирантура, в которую меня не пускали два года. Несмотря на такую поддержку, мне все равно пытались ставить палки в колеса. Тогда могучий кадровик таким тоном сказал: «Ничего, сдавайте экзамены. Если будут затирать, поможем», — что у меня у самого мурашки побежали по коже.

Последствий этой кампании было два: я поступил в аспирантуру, а отец прервал навсегда отношения с Рубиным. Их общие знакомые недоумевали, не могли понять причины прекращения многолетней дружбы, даже мама придумывала какие-то нереальные книжные объяснения, всегда разные, но, конечно же, не связанные со мной — разве такая букашка, как я, мог быть причиной ссоры титанов. А отец не простил другу его помощь мне. Своим участием в моей жизни Рубин как бы посягнул на право отца ничем (ничем!) не помогать мне, а это право было важной статьёй конституции, по которой жил отец. Рубин прикоснулся ко мне и сам стал неприкасаемым. Когда через тринадцать лет после моего поступления в аспирантуру отцу сообщили, что Рубин умер от страшной болезни, папа ответил, что его это не касается.

Так что не мое продвижение по службе, а другое поколебало замечательную теорию о неполноценном сыне и потребовало ее творческого пересмотра — я умел кое-что делать в обычной жизни, за что отец многословно хвалил других людей и чего никогда бы не смог сделать сам. Предполагалось, что и я не должен этого уметь. Поэтому отец одно время досконально выяснял у меня малоинтересные для него подробности. Например.

— Что ты сделал в телевизоре, почему он заработал? — спрашивал меня отец.

Я уже кое-что понимал и играл, отвечал поэтапно.

— Ну, я снял крышку, протер пыль, проверил предохранители...

— Так ты ничего не сделал, телевизор сам заработал?! — не выдерживал и радостно восклицал отец.

— Да нет, я еще поменял один электролит и одну лампу, ремонт, конечно, небольшой...

— А-а-а, — разочарованно тянул отец и прекращал разговор.

Когда я построил дом на даче, то отец, войдя в новостройку и оглядываясь на посторонних, спросил презрительно:

— Не упадет?

Дача потянула автомобиль «Запорожец», купленный с большим трудом, в основном на одолженные родителями у их знакомых деньги. Деваться было некуда, без машины дорога на дачу занимала четыре-пять часов со многими пересадками, с грузом в руках. Зато это дало повод отцу всем объяснять, как плохо я вожу машину, и как он боится со мной ездить.

Вот в такой обстановке теоретического дискомфорта — вроде и чинит, и строит, и водит, а вместе с тем слова доброго не стоит — в голове бойца

идеологического фронта и родился тезис «сам-то он дерьмо, но вот руки у него хорошие».

Это объяснение моих успехов в разных областях было легко и благодарно принято мамой. Теперь она могла, чтобы поддержать разговор с друзьями, похвалить меня, не вообще, конечно, а за отдельные достойные похвалы поступки, и при этом обязательно добавляла: «С его руками...» (ведь истинную мою цену она знала).

Отца эти похвалы доводили до белого каленья, автор чувствовал уязвимость обновленной теории. Во всяком случае, отец не стал смотреть второй этаж...

Уместно заметить, что, отзываясь о ком-либо «хорошие руки», хвалят весь биологический комплекс, в первую очередь, голову, а не одни только конечности. Мои же родители имели в виду исключительно кисти рук, предплечья и плечи, ни в коем случае не более того. Голова моя по-прежнему была недостойна открывать рот и говорить.

Перейдя из категории «руки хилые, но грубые» (то есть негодные для тяжелой работы, но способные что угодно сломать) в категорию «хорошие руки» я повысил свой статус, но строго в указанных пределах. Мне поручали разные работы или соглашались меня допустить, когда я сам набивался. Как-то я вызвался починить родителям холодильник. Были такие холодильники «Ока-6» первых выпусков с автопоилкой снаружи на дверце. Эти автопоилки отказывали очень быстро у всех холодильников, их потом перестали ставить. Мне захотелось автопоилку исправить. Я начал работать, а потом сообразил, что не нужно этого делать, отец и так стал часто простуживаться, а тут будет постоянно хлюпать

Глава 14.

ПОСЛЕДНЯЯ

холодную воду. Эти соображения я высказал вслух.

С отцом случилась истерика.

— Делай то, за что взялся, — визжал он. — Сделай, почини, исправь, чтоб я мог тебя уважать. А твои рассуждения, достойные быдла, я могу услышать от любой уборщицы Марьи Семеновны.

Марией Семеновной звали Катину мать, мою тещу, но она была не уборщицей, а лифтером. Так что, произнося это имя, мой отец имел в виду не свою сватью, а отвлеченный хамский персонаж.

Автопоилку я чинить просто не стал, все-таки умнел с годами.

Я — инженер и знаю, что такое «золотые руки». Есть люди с замечательными руками, но я, к сожалению, не из их числа, хоть и не совсем безрукий, «не умеющий гвоздя забить», каким был мой отец. Правда, я увлекаюсь, пытаюсь проникнуть в суть работы. Это у меня от матери и от ее матери. Так я увлекся стройкой на садовом участке. Начав с самого примитивного, к моменту отделки второго этажа я достиг уже малой плотницкой квалификации и на втором этаже позволил себе некоторые фантазии, тем более что были деньги на «вагонку» и прочие дорогие материалы.

Второй этаж получился удачный, вызвал интерес соседей. Мне даже пришлось устроить презентацию.

Так вот, отец, проживая из года в год несколько летних недель в том же доме на первом этаже, не захотел подняться наверх и посмотреть на комнату в мансарде над его головой. Боялся очередного удара по теории «хорошие руки» и сопутствующих неприятных ощущений. Не увидел этого моего достижения до самой своей смерти.

Отец очень сильно болел больше двух лет. По несколько раз в году лежал в больницах, в разных отделениях, где его лечили от разных болезней. Мать ухаживала за ним самоотверженно, эти два года жизни подарила отцу она. Перевязывала, мыла, делала уколы и ставила клизмы, ездила каждый день в привилегированную больницу, в которую отца клали как мужа литератора, полтора часа в один конец.

Летом мне удавалось иногда увозить маму на дачу, чтобы она хоть чуть-чуть отдохнула. В это время за отцом ухаживали мы с женой, и отец спрашивал.

— Мама на даче? А кого она там обслуживает?

Однако мамин отдых продолжался неделю, максимум две. Отцу неизменно становилось плохо, и мать возвращалась и опять выводила его из кризиса. Подтирала, ползала перед ним, а он стоял над ней без штанов и, раздраженный каким-нибудь пустяком, с перекошенным от злобы лицом шипел:

— Давай, три лучше, это настоящее занятие для тебя, на другое ты не способна!

Зато уж если у матери болело сердце, она не ждала пощады.

— Я же говорил час назад, что нужно принять валокордин, — вопил отец. — Бездарные сволочи, не слушаете, когда вам говорят нормальные вещи и нормальным тоном. Только я с моей деликатностью могу вытерпеть это бесконечное хамство. Делай теперь, что хочешь, только меня не трогай.

После этого отец хлопал дверью и уходил в другую комнату обиженный, а мать виновато вылезала из сердечного приступа сама или звонила мне, когда было совсем плохо.

Отец все-таки умер в очередной больнице от одной из своих многочисленных болезней или от всех сразу, короче говоря, от старости. И мать осталась одна. Под конец отцовской жизни она совершенно выбилась из сил и решила пожалеть себя: ездила в больницу строго через день и, если отец уж слишком сильно разорвался, то вставала и уходила. Любопытно, что этот слабенький отпор даже на полумертвого отца повлиял благотворно — он стал мягче, перестал оскорблять мать в присутствии больных, сестер и врачей и затыкать ей рот каждую минуту: «А, помолчи».

Отца схоронили, в «Советской России» поместили некролог, сообщавший, что покойный больше, чем боевыми орденами, гордился знаком «50 лет в КПСС», которого у папани не было.

Жизнь пошла дальше, а для меня начался праздник любви к матери. Не стало злодея, угнетавшего ее всю жизнь и отгораживающего мать от меня.

Во-первых, мать имела теперь возможность неподконтрольно отцу тратить деньги, и я должен был дать матери денег столько, сколько ей было нуж-

но, и еще чуть-чуть. Во-вторых, она не была теперь привязана к дому, к шприцам, к повязкам, к язвам и прочему, она перестала быть круглосуточной сиделкой, и я должен был дать ей возможность путешествовать, лечиться в санатории, жить на даче, которую она полюбила. В-третьих, она не была теперь во власти человека с больной психикой, я должен был обеспечить ей необходимое общение с нормальными людьми, почаще заезжать, звонить, подталкивать своих детей, чтобы не забывали бабушку, побуждать их обращаться к ней с просьбами сшить, написать поздравление или что-нибудь узнать для них, вытаскивать мать на все семейные мероприятия — прогулки, театры.

Представляя картину таким образом, я, как всегда тупо и храбро, стал воплощать мечту в жизнь. Увы, я потерпел фиаско.

Мать с трудом принимает от меня что бы то ни было, всегда быстро находит низменные мотивы моих стараний, особенно таких, которые прямо направлены ей во благо. Пусть даже самые невероятные, но обязательно скверные объяснения моих поступков как-то успокаивают мать, позволяют ей не чувствовать себя в долгу передо мной. Маме необходимо постоянное ощущение, что она права, а я виноват, недостойн, низок.

Беря у меня деньги, мать всегда говорит одно и то же: «Я понимаю, что эти деньги для вас ничего не значат, но мне все равно неприятно брать эту подачку. Ну что ж, спасибо». Особенно обидно это слышать, когда я отдаю больше, чем у меня остается. Если деньги дает мой сын, то он должен сначала объяснить бабушке, что она кем-то оформлена у него на фирме, и он привез ей ее зарплату, а те три

тысячи долларов, которые он заплатил за нее зубному врачу, на самом деле за нее заплатила фирма, то есть как бы никто.

Когда мать вернулась из месячной поездки в Америку, и я встретил ее в аэропорту, она мне тут же сказала, что ее можно было и не встречать: «Носильщик довед бы вещи до такси, какая разница, такси сколько угодно. Я бы доехала, у меня приготовлены деньги». Мама никогда не ездила из аэропорта на такси, плохо представляла себе, сколько это стоит, поэтому названная ею смехотворно низкая сумма просто показывала, во что она ценит мои услуги. Едва переступив порог дома, мать начала совать мне двести долларов, приговаривая: «Все, теперь я тебе ничего не должна». И я понял, что уже два континента знают, что моя мать живет и ездит в Америку только на свою пенсию и гонорары.

Самое печальное, что на нашей любимой даче, где мы бываем все вместе, мама теперь всегда раздражена и недовольна мной. Стоит мне или моей жене сказать что бы то ни было, выходящее за рамки повседневной жизни, касающееся книги, фильма или политического события, мама закатывает глаза, отворачивается и шепчет себе под нос: «О, Боже мой...» Иногда мама не может сдержаться и парирует наше высказывание, причем ее возражение всегда относилось не к моим или Катиным словам, а к их искаженной и вульгарной трактовке. «Все-таки тяжело, когда тебя так не любят», — жалуется мне Катя.

— Я вам нужна только как кухарка, — эта постоянная присказка обижает меня. Мать готовит хорошо, как хорошо делает многое другое. Она сама захватила этот участок работы на даче и гордилась

тем, что все с удовольствием трескают ее замечательную стряпню. Раньше, когда я пытался уменьшить ее нагрузку у плиты, мать мне сама это объяснила.

Теперь готовка стала для нее унижительной и тяжелой работой. Выхода нет, потому что на предложение не готовить или готовить не каждый день мать с обидой отвечала: «Ты хочешь меня от всего отстранить».

Я пытался развлечь мать, повозив ее по окрестным деревенским магазинам, что всегда ей доставляло удовольствие. Мать соглашалась проехать со мной, но по возвращении тут же опять поджимала губы.

Я привозил к нам на дачу ее подругу. Мать жаловалась подруге на мое хамство, а после того, как я увозил подругу, говорила мне: «Если ты привозил Аньку для меня, то мне этого не нужно». Эта фраза ни в коем случае не принижала Анькиных достоинств или того удовольствия, которое получили дамы, общаясь друг с другом, просто она означала, что мать мне ничего не должна и на этот раз.

Иногда друзья, не разобравшись в тонкостях маминой души и желая сказать ей приятное, говорят: «Как о вас заботится сын», — и получают одинаковый ответ: «Это одна видимость». Удивление от несоответствия этого ответа действительности так поражает посторонних людей, что они потом обсуждают странную ситуацию, таким образом, мамы высказывания доходят до меня.

Когда мать совершает неприглядные поступки или слова ее так несправедливы, что даже она сама затрудняется придумать им объяснение, то мама тут же стирает это из памяти: «Я столько для вас

делаю, что такой пустяк вы могли бы не заметить». Говоря так, мама смотрит на меня ненавидящими глазами, чтобы мне не пришло в голову, что она просит прощения. Понятно, что агрессия усиливается, когда мать плохо себя чувствует, потому что добавляется возмущение нами: как мы, бездарные и никчемные люди, смеем быть моложе и здоровее ее (наши выдуманные недомогания не в счет), тогда как она, такая талантливая, милая и самоотверженная, страдает от старости и нездоровья.

Даже признаки нашей с Алешей общей болезни, которые у меня все виднее, не смягчают маминого сердца, как не вызвали сочувствия у отца. Папа строго спрашивал у меня: «Что это у тебя ногти синие?» — мама обращается ко мне с краткой речью, логическая цепочка которой строится так: «Ты болен — как жестоко с твоей стороны мне это демонстрировать — я страдаю — от этого у меня возникают такие болезни, которые тебе и не снились — но я держусь, лечусь, слежу за собой и никому не жалуясь, потому что если я свалюсь, то кто же будет за мной ухаживать?» На самом деле, если мама болеет, то за ней ухаживаем мы с женой, а если плохо мне, то мама, узнав об этом по телефону, жалуется посторонним по телефону же, что она из сострадания ко мне всю ночь не спала. Потом малоприятные мне люди, наслушавшиеся маминых жалоб и давшие пустые советы, имеют право сказать мне: «Ты, помнится, тогда болел, и я принимал участие в твоём лечении».

Выносить меня мать смогла два года после смерти отца и наконец взорвалась. Повод был незначительный, но я узнал снова и про свое бесконечное хамство, и про мамину деликатность, которая толь-

Сейчас мне стыдно об этом вспоминать.

ко и позволяет ей все это терпеть, и про то, что она прекрасно знает, что она для нас кость в горле, и мы мечтаем от нее избавиться, а все эти театры — только одно притворство.

В общем, ни слова правды, только желание побольнее ужалить и оскорбить. Что это, старость? Но я всю жизнь слышал это от отца, и молодого, и старого. Может быть, в маму вселился отцовский бес? Может быть, я всю жизнь неправильно представлял себе расстановку сил в тандеме папаня-мамания?

А во мне что-то оборвалось. Я по-прежнему привожу матери деньги и, конечно, узнаю, что эти деньги будут истрачены мне на подарок, и еще не хватит. Я изредка вожу мать на машине по ее просьбе, иногда сам проявляю инициативу, зная как ей противно меня просить. Конечно, я соглашаюсь с мамой, когда она говорит, что мне это все равно по дороге или что я заехал к ней по своему собственному делу, что-то мне от нее понадобилось.

Но я больше не стремлюсь доказать матери, что я ее люблю, и мои поступки не требуют других объяснений, и что я достоин ее любви. Мой роман окончен, я не добился взаимности.

Жизнь моя кончается, и я размышляю, чаще спокойно, иногда с отчаяньем, в чем был ее смысл. Смысл жизни в самой жизни, не мной сказано. Скажу по-другому. В чем состояли достижения моей жизни, не обманул ли я природу, Господа Бога, отпустившего мне свою меру ума, здоровья и способностей и ожидавшего от меня по этой мере? Велика или мала эта мера — не важно. Важно, хватило ли у меня сил и уверенности в себе осуществить то, на что я был способен. А если нет, то что помешало?

Без сомнения, высшая моя заслуга и награда — это мои дети, сын и дочь. Я воспитал двух свободных людей, здоровых и красивых, умных и образованных. Они в полной мере обладают чувством собственного достоинства. Услышав краем уха нечто неодобрительное, они не кидаются выяснять, не про них ли сказано, а, выяснив, не торопятся начать оправдываться, как это делал я. Их дома ни разу не обозвали ни дерьмом, ни ничтожеством, с ними советовались по разным вопросам, и для них не жалели ни сил, ни денег. Перед ними никогда не

разыгрывали ни трагедию искренней скупости, ни комедию показного благородства. И хотя оба были пороты в детстве, но исключительно за дело и с соблюдением ритуала.

(Бывали, грешен, и подзатыльники, розданные «в сердцах». Но в прошлом. До затылка сына теперь не дотянешься, к тому же мальчик стал больно важен, а дочка получила как-то слегка, когда в пятый раз подряд «бросила» сцепление при обучении вождению автомобиля, но при этом дочь сильно обиделась и дальше смотрела на шоссе сквозь слезы, так что я на будущее зарекся распускать руки. Ну, это так, между прочим, в скобках.)

Главная успешно выполненная мной жизненная задача состоит в том, что мы с женой стали той прокладкой, смазкой, мембраной, которая разделила поколения и позволила произвести от таких, мягко говоря, странных людей, как наши папы и мамы, таких замечательных ребят.

Другие, неглавные задачи я тоже, в общем-то, решал. Я был неплохим инженером. Некоторые мои мысли, оформленные как изобретения, надеюсь, еще поработают, уже без меня. Я получал новые результаты и за письменным столом, и на экспериментальном стенде. Эти результаты использовались в разработках от самых первых шагов до внедрения на заводе, где я обучал регулировщиков своим методам. Однако, разбираясь в отдельных узкоспециальных областях лучше всех, я всегда мог указать на другого инженера, который был сильнее меня не в этом, так в том. Когда друзья достали мне две пачки отличной финской бумаги, я убеждал себя, что моя диссертация достойна такого прекрасного носителя, на полном серьезе вел внутренний диалог с во-

ображаемым оппонентом, объяснявшим, кто есть я и чего стоит моя научная работа.

Я был заботливым и порядочным начальником, до сих пор я дружу со своими бывшими сослуживцами. Но всегда находился недовольный сотрудник, как правило, тот, для кого я много сделал хорошего и с кем излишне сблизился. Этот человек терял ориентацию, забывал, кто кому кем приходится, и начинал испытывать ко мне жгучую ненависть. Я понимал, что я виноват, другой начальник сохранил бы хорошие отношения с подчиненным, израсходовав меньше материальных и душевных сил.

Когда, проработав много лет в технике, я понял, что за очень головоломную работу даже и при благоприятных результатах, я мало что получу из благ земных, я технику бросил и стал работать на финансовом рынке. Я быстро заработал довольно много денег для фирмы и для себя, хотя был финансистом низкой квалификации, самоучкой. Но, успешно оперируя очень большими деньгами, я сознавал, что всегда могу указать на человека, который способен проделать эти операции еще успешней, что настоящих высот я не достиг, и меня всегда есть за что упрекнуть.

С удовольствием строя деревянные сооружения на садовом участке, я сознаю, что есть строители искусней меня, у которых выходит поровнее, по красивее, побогаче. С наслаждением управляя автомобилем, я знаю, что полно шоферов лучше меня. А уж если я явно попадаю впросак в каком-нибудь деле, то губы мои сами шепчут: «Бездарь и сволочь, правильно папаня говорил». Поэтому я стесняюсь своих достижений и не люблю, когда меня хвалят: ведь моя дача — не Дом Пашкова, водитель я хуже

Шумахера, инженер — никакой по сравнению с Эдисоном, финансист — пожиже Ротшильда или Потанина, и меня любой вправе в этом обвинить и назвать теми словами, которых я заслуживаю...

В одной трактовке известной пьесы «Амадеус» Сальери изводит Моцарта не ядом и не интригами, а тем, что постоянно вызывает в воображении Моцарта образ его отца, который ругал сына при жизни за все, что бы он ни сделал. Моцарт объясняет воображаемому отцу свои поступки, оправдывается перед ним, покойником, но ничего доказать не может и сам погибает. Аналогичный случай...

Кроме детей, единственное мое создание, которым я горжусь, это мои стихи. Писал их я с ранней юности и всегда чувствовал себя поэтом. Звучание строк, рифмы, созвучия и сейчас волнуют и увлекают меня. Мысль напечатать свои стихи несколько лет всерьез занимала мою голову. Материализовалась эта мысль весьма скромно: сын показал мне объявление, в котором непризнанным поэтам вроде меня предлагалось опубликоваться за деньги в новом журнале. В первом номере напечатали подборку моих стихов, а второй номер не вышел, журнальчик исчез вместе с деньгами.

Мне хотелось настоящей публикации в настоящем журнале. Я просил помочь маму, как литературного человека, сам посылал стихи в солидные литературные издания. Результата не было. Мою рукопись либо теряли до прочтения, либо возвращали с категорическим и необоснованным отказом.

Наконец пришла профессиональная рецензия. В ней говорилось, что стихотворения мои не такие уж и плохие, но на этом уровне пишут все, редакция завалена подобными стихами, в которых есть

все, кроме искры таланта, а без оной не стоит считать себя поэтом и мучить своими произведениями работников редакции. Рецензия была написана грустно и доброжелательно, с полным пониманием тяжелой доли графомана. Мне в очередной раз объяснили, кто я такой, и я, пожалуй, хоть не до конца, но согласился, не то чтобы согласился, но как-то поколебался...

Я попросил отца прочитать рецензию и стихи, которые посылал в журнал. Я надеялся, что отец, возмущенный несправедливой рецензией, поможет мне напечататься. Стихи отец бегло просмотрел, рецензию прочитал до половины и сказал: «Ну, что ж. Они правы».

Не убежденный папиным приговором, я дал прочитать рецензию жене: видишь, мол... Прочитав рецензию, Катя моя стала орать, как резаная.

— Это написано про твои стихи?! Не смей меня. Как ты смеешь верить этому бреду?! Этот треп не имеет никакого отношения к тому, что ты им посылал. Почему ты принимаешь на свой счет любую пакость?! Эх, ты! — так голосила моя жена.

Получив взбучку, я стал более внимательно рассматривать листочек с рецензией. Катя была права. Рецензия оказалась стандартной, растиражированной. Моя фамилия была впечатана на машинке и чуть-чуть отличалась от остального текста шрифтом и продавленностью букв на изнанке листка. Эра компьютеров у нас тогда еще не наступила, а то бы я до сих пор думал, что такой обширный и глубокий анализ самотекущей поэзии сделан специально для меня. Видно, чтобы пробиться в поэты, нужно, чтобы тебя в детстве пореже называли бездарью и ничтожеством... Как жил Велимир Хлебников, ума не приложу.

* * *

Я сильно сдал за последний год, кондрашка побеждает, дыхания не хватает все больше: я не могу ходить даже в среднем темпе, только медленно, а после одной минуты физической нагрузки я полчаса откашливаюсь, обливаясь потом. И тому подобное. Так что на дальнейшие подвиги я, по-видимому, не способен. Пора подводить итоги. Итоги-то неплохие, «есть на что приятно поглядеть», как говорил старшина Васков. Но мог бы я, ох мог бы, заквасить жизнь покруче, если бы после первого шага делал второй, а не принимался отчитываться и оправдываться за первый перед явным или воображаемым хулителем. И-эх, папаня-маманя, и зачем я был в вас такой влюбленный?..

1999 г.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Посвящаю моей жене Наде.

*Если бы не ее любовь и забота, я не был бы жив
и не написал бы этого романа.*

Я написал примерно четверть романа, около трех авторских листов, и стал писать предисловие, благо, компьютер позволяет вставлять текст. Предисловие к неоконченной книге.

Герой повествования Сережа Зуев — очень близкий и симпатичный мне образ. Особенности характера этого человека (или персонажа), его судьба, его отношение к работе, к семье — основа сюжета, стержень, на который нанизываются все события романа. Но роман не о Сереже, больше о «почтовом ящике», оборонном предприятии.

На закрытых предприятиях работали миллионы советских людей. Для значительной их части такая работа соответствовала характеру, привычкам и взглядам на жизнь и на труд. То есть людей вполне устраивала. На «почтовых ящиках» был жесткий режим — проходная, секретность, отгулы, увольнительные, борьба за повышение дисциплины. Скорлупа ореха. Тут же и борьба с этим режимом — добиться штампа в пропуске о свободном проходе, отгулять один отгул несколько раз, унести домой что-нибудь полезное для дома. У нас на

предприятия на спор с начальником охраны вынесли за проходную наковальню весом около ста килограмм. Тот вышел с тележкой, чтобы вернуть наковальню на место и принес выигравшим спор три бутылки водки. Предмет спора был именно в выносе, потому что вывезти на машине можно и тонну. Возможность унести что-нибудь полезное домой играла важную роль в жизни работников «почтового ящика».

На «почтовом ящике» распределялись блага, это уже внутри скорлупы. Квартиры, которые с трудом, редко, но все-таки доставались сотрудникам от предприятия. Продовольственные заказы: полкило копченой колбасы, пачка чая «со слонем», нагрузка — полкило пасты «Океан», банка минтая в собственном соку. Два заказа на отдел. Дешевые путевки в дома отдыха. Свой детский сад, куда детей работников предприятия брали без очереди. Вся эта мишура составляла большую часть того, что под скорлупой, и возня с ней занимала значительную часть рабочего времени.

Высокие заборы «почтовых ящиков» огораживали от мира и заставляли жить подобной жизнью множество трудоспособных людей, или, как любят называть наши руководители, «населения». И это была важная роль, которую оборонные предприятия играли в жизни страны.

Титульная же задача, отраженная в запутанном виде в названиях всех этих институтов и конструкторских бюро машиностроения, приборостроения, точного приборостроения и так далее, состояла в разработке, испытании, изготовлении и модернизации различных изделий, имеющих непосредственное или косвенное отношение к армии, флоту, КГБ,

милиции, космосу, атомной энергетике. Выполнялась эта задача инженерами и рабочими с помощью устаревшей аппаратуры, станков и оборудования, с использованием отобранных военной приемкой, но все равно плохих комплектующих, за маленькую и уравнительную зарплату.

Все это вместе составляет первую характерную черту жизни «почтового ящика», а именно — скотские условия труда.

Вторая характерная черта — очень сложная работа. Конечно, у тех, кто ее делает. В таких условиях, с такой аппаратурой, из таких комплектующих наши инженеры в течение десятков лет создавали вооружение, которое, как теперь всем видно, бывает лучше американского и европейского. Но должен отметить, что для большинства людей, чьей заслугой стали эти успехи, «почтовый ящик» оказался все-таки кладбищем талантов. Была бы у этих людей жизнь полегче, создали бы они неизмеримо больше и военного, и гражданского. Необходимо подчеркнуть, что созданная аппаратура, «изделия», больше соответствуют поставленной задаче, чем бытовая техника, одежда, ширпотреб, еда и прочий отечественный товар. То есть труд инженеров на «почтовых ящиках» более честный, чем труд в других сферах городской жизни. Для контроля за соответствием изделия техническому заданию поставлены специальные люди, представители заказчика, которые следят за качеством разработки. Предусмотрены многочисленные испытания, тщательный многоуровневый контроль. Кроме того, если что не так, то головы полетят. В «оборонке» трудней заморочить голову заказчику, втереть очки, обмануть «лохов», чем в мирных отраслях техники, а тем бо-

лее в политике, в истории, в журналистике, в юриспруденции и так далее.

Третья особенность работы человека на закрытом предприятии состоит в отстраненности от результатов своего труда. После успешных испытаний и даже принятия техники на вооружение ее непосредственные разработчики поощряются очень мало или вовсе не поощряются. Пришедшие высокие премии и ордена делят между собой руководители предприятия. Медаль «За трудовое отличие» ведущему инженеру, участвовавшему, или не участвовавшему, в отмеченной наградами разработке, могла быть вручена только случайно, по не относящимся к разработке соображениям: давно работает, пообещали, в тот раз хотели дать и не дали и так далее. Мне пришлось как-то вести торжество по случаю шестидесятилетия одного начальника отдела, который тридцать восемь лет проработал в отрасли, был главным конструктором двух разработок, но не входил в начальственную тусовку. В своем слове я пошутил, что юбиляр обласкан руководством — является многократным лауреатом квартальной премии. После этого руководителям, наверное, стало неудобно. Главный инженер пригласил меня к себе и спросил: «Что, у него действительно ничего нет?» После этого моему подзащитному присвоили звание «Почетный радист», тоже не Бог весть что. Как говорят, любая работа заканчивается награждением не причастных и наказанием невиновных.

Думаю, что этих трех особенностей достаточно для того, чтобы объяснить, почему в «ящиках» остались почти одни старики, которые привычно таскаются на работу. Боюсь, что уровень наших раз-

работок теперь опустится. Ведь вновь пришедшим инженерам не у кого учиться. Шестидесятилетний мало чему может научить двадцатилетнего, воспитание новых поколений инженеров должно быть непрерывным процессом. А чтобы начать заново, нужны большие средства, сильная воля и жестокость, как раньше, когда это создавалось в первый раз. Сейчас легче купить за границей. Бытовую технику там и покупают.

Изменение кадрового состава «почтовых ящиков» помимо технических имеет еще и гуманитарные последствия. Забывается обстановка, исчезает дух, который царил на этих предприятиях. Жизнь «почтовых ящиков», которой жили в течение десятков лет миллионы людей, почти не отражена в литературных произведениях. Вспоминается повесть «Работа» (к сожалению, не вспомнил и не нашел, кто автор), роман А. Азольского «Степан Сергеевич». Запомнилась грустная и ироничная строка из стихотворения Ольги Богомоловой, наверное, бывшей «инженерки» из «ящика»: «Мы тоже наживались на войне». Скоро про «почтовые ящики» вообще забудут, «ящики» и сейчас уже по-другому называются. Меня один посторонний человек даже не понял, уточнил: «На почте, что ли?» Сам я, совсем недавно расставшийся со своим «ящиком» и сохранивший тесные связи с ним, уже отвык от многого, значит, скоро забуду. Боюсь, что настанет время, когда молодые люди с удивлением спросят: «Как это могло быть?» — как уже спрашивают про разные события нашей истории. Пишу этот роман, пока не забыл.

И, наконец, нужно сказать, что заметная часть инженеров не состарилась в своих «ящиках» и не

пропала, когда грянули перемены, а ушла в новую жизнь. Эти инженеры стали предпринимателями, в том числе и крупными, доросшими до осуждаемого звания «олигархов», менеджерами, бухгалтерами (так когда-то бывшие белые офицеры, уцелевшие после революции, шли в бухгалтеры). Некоторые инженеры стали работать в совместных и иностранных фирмах и много получать. Я знаю одну молодую женщину, которая, работая менеджером в американской компании, защитила по своим прежним работам диссертацию в университете и стала кандидатом физико-математических наук. Из этих бывших инженеров оборонной промышленности составила основу для будущего «среднего класса». Может быть, и эти благополучные люди прочитают мой роман и кое-что вспомнят.

Часть 1. СЕРЕЖА ЗУЕВ

ГЛАВА 1

Моя история начинается за тысячи километров от Москвы, на юге Читинской области в конце 1960-х годов XX столетия. В тех местах, которые в песне названы «дикими степями Забайкалья».

Сергея Зуев, сын начальника районного отдела милиции, ученик десятого класса, напросился на ночное дежурство со студентами. В поселке работал студенческий строительный отряд из Москвы «Забайкалье-Связь», и отец Сергея майор Зуев сказал командиру отряда, что трактора с кабелеукладчиком нельзя на ночь оставлять в степи без присмотра. Сергею сразу захотелось самому участвовать в охране тракторов, заодно объяснить москвичам, что их не просто так погнали в степь на дежурство после двенадцатичасового рабочего дня, что его отец не просто так это присоветовал. Они ведь не знали, какой его отец умный и дальновидный человек. Подумают еще, что просто так сказал милицейский майор, для солидности щеки надувает. Ну, конечно, неплохо и с москвичами поближе познакомиться. Подумаешь, ночь не поспать.

А командир отряда аспирант Куличенко долго думать не стал, указал на двух студентов, которых знал по институту, и приказал, чтобы их на «уазике» отвезли после ужина к тракторам и дали бы им два «тулупа монтера связи» под расписку.

— Что? Местный парень с ними поедет? Сколько лет? Семнадцать? Ну, ладно, тогда можно одного. Ты, Коля, поезжай, а завтра расскажешь, как дежурил, — быстро скорректировал свое распоряжение командир, и вопрос об охране был решен.

— А вы, правда, из Москвы? — спросил Сергей.

— Правда, — усмехнувшись, ответил Коля.

— Из самой? — стал уточнять Сергей.

— Из самой, — сказал Коля и подумал: «Провинция есть провинция. Всегда одно и то же спрашивают. Сейчас скажет, что у него троюродная тетка тоже живет в самой Москве — в Волоколамске».

— А то много есть, кто хочет примазаться, — объяснил свою настойчивость Сергей. — Но я их быстро раскалываю. Спрошу: «Ну, как там ресторан «Арбат» на Ленинском проспекте?», а он в ответ: «Ничего, стоит». Сразу ясно, какой это москвич, и в Москве-то, небось, никогда не был. Ресторан-то ведь не на Ленинском, а на Калининском проспекте!

— А ты был в Москве?

— Был. Но только я был еще маленьким, не помню ничего. Про ресторан — это мне отец рассказывал. Он в Москве учился, а мы с мамой к нему приезжали. Отца потом сюда перевели начальником райотдела с перспективой. Тут кривая преступности очень высоко поднялась. Отец сразу порядок навел. Как стрижка овец или окот, он сразу всех сотру-

ников на круглосуточное дежурство, и по пунктам. А то там стригали перепьются, драка, поножовщина. Потом спрашивают: «За что ты его убил?» — а он и вспомнить не может. И всегда в одно и то же время и в одних и тех же местах. Теперь тише стало в районе. Отца б давно перевели в Москву или в Ленинград, но бояться, что беспорядок тут опять начнется.

— Молодец твой папа, — поддержал сыновью гордость школьника Коля.

— Да уж! Он меня и на охоту берет, и в Читу брал в командировку, — стал неудержимо хвастаться Сергей, но смутился и замолчал — может, москвичу не так все это интересно...

Степь расстилалась неровная, в некоторых направлениях горизонт закрывали невысокие сопки. Между сопками было очень далеко видно.

— Хочешь, пойдём, закат посмотрим вон с той сопки? — предложил Сережа москвичу.

Коля с удовольствием согласился, и они пошли по высокой, до пояса, траве. Трава была подсыхая, грубая на ощупь. Но, все-таки трава, вроде осоки, расступалась легко. А ноги все время ударялись о пенечки. Коля раздвинул траву, присел и стал рассматривать, что там такое мешает идти.

— А, это от кукурузы осталось, — стал пояснять Сережа. — Тут при Хрущеве кукурузу сажали. Об этом в энциклопедии написано, и фотография приведена, только не наш район, а тут недалеко есть. Так и написано: «Возделывание кукурузы на полях Агинского Бурятского национального округа». Но, говорят, снимали у нас, то ли перепутали, то ли у нас панорама лучше получилась. Кукурузу уже десять лет не сажают, а стебли остались, они долго торчат, не перепревают.

— Молодец, все знаешь, — сказал с улыбкой Коля, поднимаясь с корточек. — Ты, прям, чичероне.

— Кто?

— Ну, это итальянский экскурсовод, который все приезжим объясняет, стрекочет без умолку.

Сереза обиделся на слово «стрекочет» и замолчал.

Мальчики взошли на сопочку как раз вовремя — солнце уже почти коснулось горизонта. Сопки отбрасывали длинные тени, черные-пречерные. Вдалеке из одной такой черной тени выползла отара овец и исчезала в другой. Среди отары возвышался пастух на лошади, как будто в бурке, похожий на всадника с папиросной коробки «Казбек».

— Красиво... — сказал Коля. — И овец как много...

Серезе сразу захотелось рассказать про овцеводство в районе, но подумал и промолчал.

Стало быстро темнеть, и мальчики пошли назад к тракторам.

— Ты что после школы будешь делать? — спросил Коля.

— В университет поеду поступать, — кратко ответил Сереза.

— В какой? — продолжал расспрашивать Коля.

Сереза подумал, что, наверное, москвич и не собирался его обижать, раз так ровно и доброжелательно расспрашивает. Просто у них такая манера говорить, у студентов, да и «чичероне» не слишком обидное слово. Отец всегда говорит, что обижаться глупо и что «на обиженных воду возят».

— В Томский, на ядерную физику.

— А почему в Томский?

— Хочешь, пойдём, закат посмотрим вон с той сопки? — предложил Сереза москвичу. (К стр. 111.)

— Ну, у нас все кто в Хабаровск, кто во Владивосток. А Томский — старейший сибирский университет. А у вас в Москве не поступишь...

— А кто у тебя в Томске?

— Никого, в общежитии буду жить.

— А много вас таких, кто физику-математику собирается сдавать вдали от родины?

— Четыре человека.

— Ладно, надо вас пощупать. Я люблю с абитурой возиться.

— С кем? — спросил Сережа.

— Ну, с абитуриентами, с поступающими в вузы. Где бы нам встретиться? Класс в школе дадут?

— Да, я договорюсь.

Когда Коля вошел в класс, четверо десятиклассников, трое мальчиков и девочка, уже сидели за партами и выжидающе смотрели на дверь. Коля сказал: «Здорово!» — и пересадил ребят, чтобы удобно было разговаривать и с каждым по отдельности, и со всеми вместе. Пошла беседа, что называется, собеседование. Коля спрашивал школьников, какие ожидаются вступительные экзамены, устные или письменные, где будут жить в чужом городе, как до него добираться, и тут же вопрос по физике: «Слон забрался на плот. Что нужно знать, чтобы определить, утонет слон или нет?» Ребята смущались, ответить не могли ни на один вопрос, по большей части не представляли, с какой стороны взяться за задачу. Несколько раз Коля воскликнул: «Кошмар! Целина! А ведь вы, наверное, лучшие ученики! Ладно, проремся, месяц еще есть!» Коля своими возгласами совсем вогнал будущих абитуриентов в краску. По-

сле почти двухчасового занятия четверка измучилась совершенно, но не сникла. Ребята почувствовали, что вот оно то, настоящее, постигнув которое можно поступать в институт осознанно, а не так, головой в омут...

И начались занятия в школе. По вечерам после работы с восьми до десяти. Коля сагитировал еще двух студентов, вот они по очереди и занимались — алгебра, геометрия, физика. Комиссар, который не очень-то представлял, что ему делать в отряде, уцепился за эти курсы и стал «проводить вокруг них работу». Первым делом попросил Куличенко, чтобы преподавателей отпускали с полдня с работы, если они в этот вечер со школьниками занимаются. Куличенко категорически отказал. Тогда комиссар заявил, что сам будет подменять преподавателей, чтобы они могли готовиться к занятиям. Насильно отправив Колю с работы, комиссар взял кирку, лом и лопату и стал копать яму под кабельный колодец. Но за два часа так сильно устал и так мало сделал, что в последующие дни от подобной деятельности отказался и на общие работы больше не ходил. Зато комиссар написал для районной газеты заметку, в которой хвалил Колю как «настоящего комсомольца, который без отрыва от тяжелого физического труда...», а в Москве при окончательном расчете похлопотал, чтобы Коле дали «комиссарскую премию». Эту премию Коля потратил в кафе «Синичка» на Авиамоторной улице вместе с двумя другими педагогами, которым ни славы, ни денег не досталось. Вместе с ними в пропивании премии участвовали девицы, ни к Аргунску, ни к абитуриентам отношения не имевшие. Так что премия была ничего себе, к счету почти не пришлось добавлять.

«Какой умный парень Коля, — размышлял Сережа. — Здорово он умеет разговаривать. Не воображает. Хотя иногда и мотает головой: «Ну, вы даете!» Но главное, что разговаривает. Маргошу спросишь: как это решать? Она скажет: это вам не нужно, или: сам подумай. Самое лучшее, что может ответить: «Завтра подойди, разберемся». Но редко и назавтра что-нибудь толковое придумает, как правило, опять отмотается или скажет: «Возьмите эту формулу и подставьте в нее эти числа». — «А почему эту?» — «Потому что если возьмете другую, то будет неправильно!» Раньше мы думали, что она знает, но воспитывает нас, чтобы мы лучше учились. Потом отец меня спросил: «Вы зачем учительнице физики надоедаете?» Я тоже спросил: «Как надоедает?» — хотя отец говорил, что вопросом на вопрос не нужно отвечать. «Как? Вот так. Не надо требовать от человека того, чего он не может дать». Я даже не понял сначала, что папа хотел сказать. Только потом догадался: она сама не знает! Откуда папа-то в курсе дела? Нажаловалась, может? Интересно, чего она говорила? Мол, я не знаю, а они лезут... Ха-ха-ха. Позор! А Коля так все просто повернет, объяснит, что даже стыдно становится, почему сам не догадался. Электрон висит между пластинами плоского конденсатора. Все перепутано, откуда взяться, не ясно. А оказывается, пластины-то горизонтальные, электрическое поле тянет электрон вверх, а сила тяжести — вниз! Или это, показать графически, где квадратная парабола больше кубической. Ничего не понятно в вопросе. Коля нарисовал прямую, потом кривую, потом другую кривую, потом сравнил их: какая выше идет, такая и больше, а после пе-

ресечения кривые местами меняются: была выше, стала ниже. Элементарно, Ватсон! А дальше само пошло без задержки. Сила!»

— Слушай, Серег, давай, поговорим. Ты — человек взрослый, — позвал сына майор Зуев.

Сережа почувствовал, что разговор предстоит серьезный, и заволновался: отец вот так с ним говорит, как с самостоятельным человеком, а вдруг он не поймет чего-то, не уловит.

— Я по поводу поступления, — продолжал Зуев. — Что тебе Томск? Я там никого не знаю. В Читу ты не хочешь. Давай-ка в Москву, в Институт связи.

— В Москве труднее поступить.

— Я раньше тоже так думал. А если разобраться? В Томске — университет, а здесь обычный технический вуз, хоть и старинный, но все ж таки не университет. Я с этим парнем, что с вами занимается, поговорил. Он считает, что ты вполне на уровне. Второе, они нам тут сейчас телефонное хозяйство наладят, если в Москве после вуза не зацепишься, будет и дома работа. С московским-то дипломом! А что Томск, что Москва, все одно — далеко от дома. Да учти к тому же, что в Институте связи ты уже немного свой — они тебя в Забайкалье нашли, подготовили и в Москву привезли. Как тут не взять! Тут уж я поговорю, сориентирую кого надо. Ну, чего?

— Да на телефонный факультет неохота... — как-то сник Сережа.

— Чудак, это я к примеру. Там же есть другие факультеты. Парень, преподаватель ваш Николай, сказал, что радиотехнический у них самый научный

считается. Но, говорит, этот факультет больше московский, там с общежитием сложнее. Но этот вопрос решим. Я в принципе тебя спрашиваю: может, к ним?

— Нужно подумать, — сказал Сережа. Он внутренне согласился с отцом, сразу принял все его аргументы. Но отец учил Сережу не соглашаться сразу, если есть возможность подождать. Так и полезней, решение созреет, «устаканится», говорил отец. Ну, и солидней, когда не сразу.

— Ну, что ж, подумай, — усмехнулся Зуев.

ГЛАВА 2

В конце июля Сергей поехал в Москву подавать документы в Институт связи и сдавать вступительные экзамены. Множество проблем (на какую специальность берут с предоставлением общежития? Нельзя ли попасть на другую специальность? Где жить во время экзаменов, ведь заявление вовремя послать не успели?). Куличенко уладил по телефону. Множество других Сереже предстояло разрешить самому по приезду. Да и сама поездка — впервые один, так далеко, в такой большой город... Непросто все, необычно.

Сережа справился: получил место в общежитии на время экзаменов, занимался, ходил на все консультации, в библиотеке сидел. Но глубокую дыру, образованную аргунской средней школой, закрыть за столь короткое время было трудно, тем более в одиночку. По шкале «поступающие с предоставлением места в студенческом общежитии» Сережа не проходил, не хватало одного балла.

К окончанию экзаменов в Москву приехал отец. Первые два дня он занимался своими делами, жил в гостинице в центре, и в Лефортове, в Институте связи, появился только один раз — передать материны гостинцы. Экзамены закончились, и отец освободился от своих дел. С утра приехал в общежитие, спокойно и подробно расспросил Сережу, велел сидеть в комнате и никуда не уходить, а сам пошел в институт.

О результатах этого похода отец все рассказал Сереже очень подробно. Он пришел в приемную комиссию узнать, нельзя ли Сережу зачислить в институт без общежития, ведь для этого-то Сережиных баллов хватает. Тут в приемную комиссию зашел ректор и, заинтересовавшись присутствием в комнате милицейского офицера, спросил: «А вы здесь по какому поводу?» Отец объяснил ректору, что он отец абитуриента из Аргунска, что сына готовили к экзаменам студенты из институтского стройотряда, они же посоветовали поступать в свой институт, что Сережа сдал экзамены хорошо, но не проходит по конкурсу среди абитуриентов, нуждающихся в общежитии. Ректор пригласил отца к себе в кабинет, подробно расспросил про занятия с местными школьниками в стройотряде. Слушал, как показалось отцу, с интересом. Потом вызвал секретаря приемной комиссии, объяснил ему, какой у них абитуриент, и сказал, что хотел бы сам посмотреть письменную работу по математике. Пока принесли работу, поил отца чаем с лимоном. Потом вместе с преподавателем кафедры математики весьма заинтересованно рассматривал синусы и косинусы на листочках с Сережиной экзаменационной работой. Обратил внимание, что

против одной задачи был поставлен «плюс-минус», и сказал, что, по его мнению, задача решена правильно. В этом случае работа не «троечная», а «четверочная». Что он, как ректор и глава общеинститутской приемной комиссии, считает, что оценку нужно исправить. Вопрос был решен, недостающий балл найден. Но ректор не отпустил преподавателя, а стал рассуждать, что конкурсные экзамены не должны быть конкурсом репетиторов. Московских школьников целый год натаскивали репетиторы, а этого парня готовили их же студенты и всего один месяц по вечерам, а экзамены он сдал успешно, и если бы не общежитие, то поступил бы сам, без вмешательства ректора. А в данном случае ректору как раз и дана власть, чтобы восстановить справедливость, потому что самые хорошие правила приема всего учесть не могут. В общем, ректор был чрезвычайно доволен, что его вмешательство стало осуществлением высшей справедливости. Был момент, когда отец сказал, что можно и без общежития. Тут ректор поморщился, но вполне доброжелательно сказал, что в этом варианте слишком много «но»: временная прописка в чужом доме, траты на квартиру, парень без присмотра, так что, зачем *нам* это нужно?

Рассказ отца полностью соответствовал тому, что происходило в действительности, за исключением одного отличия: встреча отца с ректором была не случайной, отец сразу пошел к ректору и добился приема. Но об этом Сережа никогда не узнал.

Телеграмму домой о поступлении сына в институт Геннадий Петрович Зуев давать не стал. Ничего, потерпят еще сутки, но всю радость довезет полностью, не расплескав ни капли, пусть узнают лично

от него. Вернувшись домой с победой, Зуев ничем не проявил своего ликования даже с домашними. Доложил о результатах поездки кратко и спокойно. Дочь Райка, узнав про Сережин успех, подпрыгнула и завопила во весь голос: «Ура! Я всегда вам говорила, что Серега самый умный! Гордитесь, родители, ваш сын — столичный студент! Клево! Кормите меня повкуснее, я тоже буду такая умная!» Потом умчалась во двор хвастаться. Жена обрадовалась, расспросила обо всем подробно, сказала, что очень рада, смотрела на мужа с благодарностью. Но чувствовал Зуев, что жена не сомневалась в благополучном исходе, уверена была, что сын поступит, потому что он, Гена, взялся за дело. Хорошо, конечно, что она в нем так уверена. Но есть здесь и недооценка его усилий. Ведь не волшебник же он, каждое новое дело приходится начинать заново. Сколько было сомнений перед тем, как послать сына поступать в Москву, сколько дум передумано... С ректором удачно получилось. Хорошо, что в форме пошел. Хорошо, что на помощь стройотрядовцев сделал упор. Коля этот молодец, командир Куличенко помог. Надо им банкетик устроить, пока не уехали. И, конечно, Серега — хороший парень, о лучшем сыне нечего и мечтать! Выучится, останется в Москве. Может, по научной линии пойдет, он ведь способный. Деньгами поможем, пусть учится, сколько хочет. Женится в столице, и пойдет род московских Зуевых. А то, что он, майор Зуев! Завез семью в степь... Там — Москва, другие возможности! Будет у Сереги сын. Назовут Геннадием, как деда. Эта мысль особенно грела майорское сердце. Зуев настолько увлекся ей, что иногда просыпался ночью от страха, что у Сережи через несколько лет родится не сын, а дочь, кото-

рую нельзя будет назвать Геной. Перспектива иметь в Москве внука, названного в его честь, не просто радовала этого умного и практичного человека. Эта перспектива казалась ему целью жизни, наградой за успехи, оправданием всех жизненных неудач и ответом всем недругам. Вот, мол, что бы вы обо мне ни говорили, а, видите ли, сын мой назвал внука Геннадием, моим именем! Зуев посмеивался над собой, сам не понимал, почему так увлекся пустым мечтанием, и полагал, что это — признак надвигающейся старости.

ГЛАВА 3

На первом занятии Сережа увидел не группу, а только полгруппы, двенадцать человек, потому что занятие было по английскому языку. «Немцы» занимались в другой аудитории. Ребята и девушки входили в кабинет и садились на свободные места, кто как любил — кто поближе к столу преподавателя, кто подальше. Некоторые бормотали себе под нос: «Здрасьте».

Тут встала одна девчонка, довольно симпатичная, и пошла прямо к Сереже, говоря: «А давайте познакомимся, все-таки пять лет вместе учиться...»

Эта странная фраза всех развеселила, все подняли головы и заулыбались. Сережа сказал девочке.

— Меня зовут Сергей Зуев. Я не москвич, приехал из Забайкалья, живу в общежитии.

Девушка сказала в ответ:

— Так это вы — Зуев? Вы у нас первый мальчик в группе по списку, до буквы «з» идут одни девочки. А я Таня Борисова. Я тоже не из Москвы. Я из Под-

московья. Но мне на электричке ехать ближе, чем некоторым москвичам.

Так Татьяна английскую подгруппу познакомила. Вся группа тоже быстро сплотилась, все были вчерашними школьниками, только двое после техникума, но отличники, поступившие в институт по процентной норме для лучших выпускников техникумов. Еще двое немного поработали, вернее, не «работали», а «стаж зарабатывали», чтобы легче было поступать. Так что все были ровесники, плюс год-два. Многие, особенно мальчики, — радиолюбители. Паяли приемники, ходили в радиокружки, поэтому и стали поступать на радиотехнический факультет. Не случайный, в общем-то, народ. Ну, девочки, конечно, по другим причинам: кому близко к дому, кому родители посоветовали, кому институт глянулся, кто с подружкой... Когда на первом занятии в учебных мастерских мастер сходу предложил первокурсникам нарисовать устройство паяльника, то почти половина группы нарисовала, не задумываясь. Но мастер остался недоволен остальными и сказал: «А чего ж вы сюда пришли?»

Ребята были в основном из простых семей. Отцы — рабочие, служащие, инженеры невысокого уровня, отставные офицеры. Для родителей поважнее институт был слабоват, перспектив особенных для чада не давал. Если попадался студент с хорошей родословной, то только по одной из трех причин. Либо нелюбимый ребенок, который выбирал вуз на собственное усмотрение. Либо неудачный ребенок, кому в элитном вузе не потянуть, поэтому сюда пристроили. Либо родители хорошо сидели в этой отрасли, поэтому нужно было, чтобы ребенок окончил Институт связи, а теплое место для него

уже готовилось. Первые были самые умные в группе, вторые — самые глупые, а третьи — немножко в стороне от остальных студентов, потому что несли в себе тайну своей будущей карьеры, недоступной другим, как бы те ни старались учиться. А учиться основная масса студентов старалась.

Сереза очень скучал по своим. Все, что с ним происходило, мысленно пересказывал папе, маме или сестре Райке, всем по-разному, по много раз. Часто писал письма. По телефону поговорить удавалось редко: дорого, разница во времени, да и куда звонить? Отцу на службу?

Иногда виделся в институтском коридоре с Куличенко. Тот всегда улыбался, встретив Серезу, и говорил: «А, крестник, здорово! Как дела? Будут трудности — обращайся!» И бежал дальше. Трудностей, требующих постороннего вмешательства, у Серезы не было. Куличенко, чувствуется, был все время занят, так что этими случайными встречами их общение в учебном году ограничивалось. Однажды Куличенко, встретив Серезу, вместо обычных слов сказал: «О, Сергей! Дело есть. Пойдем!» И потащил Серезу к себе на кафедру. Оказалось, что умные аспиранты разобрались в тонкостях телефонной аппаратуры и сделали открытие, что если междугородный телефонный разговор длится меньше сорока секунд после вызова, то платить за него не нужно, не срабатывает счетчик времени. Для приехавших из разных городов аспирантов бесплатные разговоры были большим благом. К этой тайне решили допустить студента Зуева. Куличенко посадил Серезу у телефона, положил перед ним часы с большой секундной стрелкой и сказал, чтобы Сереза звонил в Аргунск. Сереза поговорил с отцом три раза по со-

рок секунд. В течение месяца Серезе еще один раз удалось связаться с отцом. А через месяц в институт пришел длинный счет: «Ташкент — 1 минута, Ташкент — 1 минута, ... Ташкент — 1 минута, Новосибирск — 1 минута, ... Новосибирск — 1 минута, Куйбышев — 1 минута, Чита — 1 минута...» Получился скандал, аспиранты чего-то не учли.

Изредка Сереза встречался в институте с Колей, с тем парнем, который затеял подготовительные курсы в Аргунске. Коля начинал улыбаться изда- лека, только заметив Серезу на другом конце коридора. Останавливал Серезу и спрашивал его, нравится ли в институте, все ли понятно, как осваивается в Москве. Как будто учительница расспрашивает зашедшего в родную школу выпускника прошлого года. Сереза все подробно рассказывал, но при первой возможности прощался и уходил. Ему не очень нравились эти беседы в коридоре. Может, была в них излишняя сладость? Ведь действительно, не со старушкой же учительницей он разговаривает. Может, Коля ждал, что Сереза будет его каждый раз благодарить, называть благодетелем, как в пьесах Островского? Мол, спас, спасибо, если бы не ты, подметать бы мне улицы до конца жизни... Помог, действительно помог, поблагодарили и дальше двинулись. Что еще? Как правильно себя вести, Сереза не знал и чувствовал себя неловко.

Коля этой неловкости не замечал. Было у Коли в душе приятное чувство, что он помог, сделал дело на пустом месте: сам придумал, сам осуществил. И вот парнишка в Москве учится. Девчонка, единственная девочка из четырех его абитуриентов, поступила в Хабаровске. Сердце Коли, «прирожденного педагога», возликовало, когда он узнал про успехи

своих учеников еще там, в Аргунске. Два других выпускника, правда, не попали, но они и были слабее. То, что Коля — «прирожденный педагог», сказал ему отец Сергея, милицейский майор, когда пришел августовским вечером к Куличенко в командирскую каморку. Они позвали Колю, и майор поблагодарил его за сына, пожал руку и вручил бутылку китайского бальзама. Тоже бутылки, но не такие красивые, получили и два других педагога. Потом майор с Куличенко куда-то уехали, и на следующий день на утреннем разводе глаза у командира были красные, по его собственному выражению, как у «бешеного таракана».

После похвал и поздравлений возникла у Коли мысль, что, действительно, немало он сделал для майорского семейства, не бутылкой бы следовало отделаться... Но Коля изгнал эту мысль, не дал ей разрастись и испортить радость от сделанного хорошего дела. Какие могут быть вопросы? Ведь никто его не просил со школьниками заниматься, никто бы с него не спросил, если бы ребята не поступили. Двое-то не поступили, разве кто-нибудь высказывал ему претензии, что недостаточно ребят подготовил? Даже смешно было бы, если б кто-нибудь за это его попрекнул. Да и не по нутру Коле были подобные размышления. Подумал разок-другой и перестал думать на эту тему.

Встречать Сергея Зуева в институте Коле было очень приятно, он с удовольствием разговаривал со своим бывшим учеником, а подробно расспрашивал его об учебе, потому что не прочь был позаниматься с первокурсником, если тому что-то непонятно. Но Сережа помощи не просил, общая тема быстро исчерпалась, а потом Коля «ушел на диплом», в ин-

ституте стал появляться редко и не виделся больше с Сережей.

Мы тоже больше не встретимся с Колей. Сразу после окончания института Колю призвали в армию и отправили служить в Улан-Удэ, совсем недалеко от Читинской области. Склонность Коли к преподавательской работе заметил внимательный глаз какого-то армейского начальника, и лейтенант Коля два года прослужил преподавателем в школе радиорелейных механиков. Потом не захотел оставаться в армии, вернулся в Москву. Нашел себе место преподавателя в радиотехническом техникуме и работал с удовольствием. Но как-то слабовата была нагрузка для Колиных мозгов. Стал Коля искать себе еще дело. Случайно попал на задачу в институте сельскохозяйственного профиля. Пришла из Америки идея: перед посадкой зерновых культур обрабатывать землю мощным высокочастотным радиоизлучением, чтобы погибли семена сорных растений, а земля после этого не была бы отравлена. В нашем Министерстве сельского хозяйства заинтересовались новшеством и решили его проверить, открыли тему в институте, который готовит инженеров для села. Работать по теме взяли, как обычно, нескольких аспирантов, чтобы разобрались, обобщили имеющиеся результаты, чтобы было ясно, с чего начинать. Один из аспирантов должен был заняться радиоаппаратурой, но своих специалистов по радиотехнике в сельхозинституте не было, а тут как раз им Коля подвернулся. Идея об облучении пашни просуществовала недолго, через пять лет тему закрыли, но Коля успел написать и защитить диссертацию. Стал кандидатом наук, а в его техникуме это немало. Коля стал расти по службе. Был и пред-

седателем предметной комиссии, и заместителем директора, а к сорока годам стал директором своего техникума. Удачная и заслуженная карьера.

Жизнь в общежитии была для Сережи, домашнего мальчика, очень непривычной. Полная свобода в рамках имеющихся скудных средств. Средства иногда удавалось пополнить, энтузиасты находили работу на Калининском рынке, на овощной базе в Гольянове или на станции Курская-Товарная и формировали бригаду. Работа была — «бери больше, кидай дальше». Заработанные денежки большей частью тратились на всякие глупости. Всю ночь играли в преферанс и пили пиво. Красиво!

Заниматься в общежитии было сложно: народ, шум. Сидеть в институтской библиотеке Сереже тоже не нравилось, почти то же самое, что в общежитии. Походил по Москве. В Ленинку студентов-первокурсников то записывали, то не записывали. Когда удалось записаться, оказалось, что внутри библиотеки — большие залы, полно людей, очереди заказывать книги, как-то не по душе... Наконец Сережа нашел хорошее место для занятий — библиотека в Политехническом музее, вход с той стороны, где «Детский мир». Залы поменьше, чем в Ленинской, книги легче получать, буфетик маленький со столиками, покрытыми клеенкой. Там Сережа и стал заниматься два-три раза в неделю.

Отношения с ребятами в институте установились быстро и просто. Вместе занимались иногда с одним-двумя парнями, которые тоже любили докапываться до сути, а зубрить не умели. Фейнмановские лекции по физике обсуждали, спорили, книжками

обменивались. Собственное место в общежитии тоже придавало Сергею вес в группе. У Сергея можно было пересидеть «окно», можно было иногда переночевать на свободной кровати, можно было обратиться просто так, без долгих поисков хаты.

По вечерам Сережа гулял иногда с Таней Борисовой. Она сама его пригласила, сказала: «Ты приехал из Читинской области. Это очень далеко — я смотрела по карте. Теперь ты живешь в Москве, и тебе нужно изучать город, в котором живешь, чтобы потом не пришлось стыдиться своего невежества. Я, хоть и не москвичка, но все равно что москвичка. Хочешь, я покажу тебе наш прекрасный город?» Танькина манера изъясняться Сережу удивляла, но, по сути, предложение было хорошее, да и Татьяна ничего себе девушка. Почему не погулять? Москву Таня знала плохо, но Красную площадь, улицу Горького и Арбат показать могла. Если забирались куда-нибудь подальше, то Таня терялась и доставала план Москвы, в котором не могла сама разобраться. Зато Сережа с планом управлялся хорошо и быстро выводил в нужное место.

Прогулки обычно кончались тем, что Сережа сажал Таню в вагон электрички на платформе Новая около института. Поехать проводить, наверное, надо было бы, но как-то... В общем, не ездил.

Гуляли по Москве раз или два в месяц весь первый семестр. Мероприятия эти Сережа не воспринимал как «прогулки с любимой девушкой». Знакомила студентка Таня студента Сергея со столицей нашей Родины, и все. Через некоторое время, правда, уже трудно было сказать, кто кого знакомит с Москвой...

Что-то в Татьяне было отпугивающее, потустороннее, робототехническое, ненастоящее. Не тяну-

ло Сережу к этой девушке. Так, за ручку возьмет при переходе улицы или прижмется в автобусе (то ли ты прижмешься, то ли тебя прижмут другие пассажиры)... Да и Татьяна этих мимолетных ласк будто бы не замечала, взяли за руку, держится, перешли улицу — отпустили, и так идет.

Один раз решили перебежать поверху залитый светом Новый Арбат, рядом с подземным переходом, просто так, посмотреть, что будет. Бежали, увертываясь от машин. Перебежали благополучно, стояли счастливые, запыхавшиеся. Подошел милиционер и оштрафовал на три рубля. Таня от этого приключения покраснела, глаза сияли. Вдруг говорит.

— Скажи, Сережа, а что ты ко мне питаешь?

Сергей очумел.

— Ну, как... Ты мне нравишься, — сказал он смущенно.

— Да... Ты ответил искренне. Если бы ты сказал, что любишь меня, это не могло быть правдой. Мы еще недостаточно знакомы... Спасибо за честный ответ.

«Все, больше с Танькой гулять не пойду, ну ее на фиг!» — подумал Сережа.

Сережа этот зарок не выполнил. Правда, на следующий раз пригласил еще ребят, чтоб не с одной Таней. Пошли в Пушкинский музей. Сережа по рекомендации Татьяны прочитал книжку Ирвинга Стоуна «Жажда жизни» про художника Ван Гога. Книга захватила, захотелось увидеть картины, с кем-нибудь поговорить об импрессионистах. В музей пошли впятером.

Посмотрели на всадников в латах, на Давида и пошли в зал импрессионистов.

— Скажи, Сережа, а что ты ко мне питаешь?
(К стр. 130.)

— Слушай, Тань, а почему у нас такая хорошая коллекция импрессионистов, откуда? — спросил Сережа.

— Ну, понимаешь, это ведь не в один год появилось. Энтузиасты музейного дела, искусствоведы собирали экспозицию. Знаешь, как тяжело приобретать картины знаменитых художников? Их можно купить на дорогих аукционах, а можно за гроши в лавке старьевщика... — ответила Таня.

— Да нет, — вмешалась в разговор Люся из их группы. — Был до революции такой коллекционер Щукин, вроде Третьякова, но только по французским картинам. Вот это его коллекция и есть. Вроде бы, у него еще братья были, вот еще от них, потом из коллекций других купцов...

— Не всякий имеет право так конкретно рассуждать об искусстве, — зло перебила Люсю Татьяна. Ей было обидно, что кто-то посторонний вмешивается в Сережино образование. Ведь она столько уже сделала для повышения культурного уровня этого мальчика, а тут, пожалуйста, лезет Люська со своими глупостями.

Люся пожала плечами и отошла к другой картине. Сереже захотелось пойти за Люськой, еще что-нибудь спросить, но неудобно было оставлять Таню.

Пока ходили по залу, Сережа понял, что Таня «Жажду жизни» то ли не читала, то ли не поняла в этой книге ничего. Не узнавала ни доктора, который лечил художника, ни города Арля, не могла вспомнить про отрезанное ухо. Так, бормотала что-то о силе искусства... Кто ее знает, что за девка?

Первую сессию Сережа сдал прилично — две пятки, две четверки. На каникулах думал отдохнуть,

отоспаться. Соседи по комнате разъезжались, кто домой, кто в дом отдыха. Хорошо, оставался один. На лыжах надо походить. На кафедре физкультуры обещали лыжи дать. Потом, в Планерной, на базе «Спартака», говорят, можно лыжи напрокат взять. Там горки, рассказывают, класс!

— Сережа, давай пойдём на лыжах! — Таня как будто подслушала Сережины мысли. — Вы, сибиряки, любите ходить на лыжах.

— Да у меня лыж пока нет, — Сереже не хотелось с Танькой.

— Это ничего. У тебя ведь сорок третий размер? У моего папы тоже. Он тебе даст свои лыжи. Приезжай к нам. У нас лыжи можно надевать прямо у подъезда, и в лес. А потом к нам обедать. Очень удобно, и таскать лыжи не надо.

«Вообще-то заманчиво», — подумал Сережа и согласился.

Татьяна каталась на лыжах как корова на коньках. Идти с ней по лыжне было невозможно. Сережа выяснил у пробегавших мимо пацанов, где тут горки, и поехал с Таней туда. Отвел девушку на бугорок, с которого катались пятилетние дети, и велел не стоять, а кататься, чтобы не замерзнуть. А сам нашел приличные склоны, и час наслаждался, пока внизу не замаячила продрогшая Таня.

Потом Сережу накормили очень вкусным домашним обедом. Родители Тани были милые люди, так показалось Сереже. Танькиной «чудинки» в них не чувствовалось совершенно.

Наливая рюмку водки Сергею, Танин отец Андрей Прокофьевич было замаялся, но сказал: «Ничего, после первой сессии можно!» Но больше водки не предлагал, хотя сам выпил рюмки три или четы-

ре. Анне Петровне, матери Тани, и студентам наливал очень вкусное сладкое вино «Кагор».

После обеда все разогрелись, размякли, захотелось погулять. Погодка стояла ласковая, градусов пять мороза и солнышко. Пошли с Таниным отцом. Вот был экскурсовод, не то что дочка! Андрей Прокофьевич рассказал, что городу их тридцать лет. Построили три больших института авиационного и радиотехнического направления, набрали сотрудников, вот и получился город. Костяк коллектива формировали в Москве. Переманить сотрудника из любого института было просто, потому что давали сразу или обещали дать квартиру. Ну, и было, конечно, соответствующее разрешение правительства. А крупным специалистам построили коттеджи, отдельный дом на одну семью. Андрей Прокофьевич так и говорил, указывая на заснеженные двухэтажные домики и почему-то быстро-быстро потирая руки: «А здесь живут доктора технических наук!»

Сам он работал в Москве в КБ-1, старейшем институте, директором которого был сын Бериин. Некоторым инженерам порекомендовали перевестись сюда. Ему, молодому специалисту, предложили должность руководителя научно-исследовательской группы, место в общежитии и квартиру, когда женится.

Двадцать лет работал в комплексном отделе, ну а ближе к пенсии ушел на место поспокойнее, сейчас он — начальник лаборатории надежности. Обсчитывает надежность изделий, которые разрабатывают другие. Тут нужен был инженер с хорошим прошлым, из разработки, представляющий, что к чему. Поэтому его и назначили. Работа легче, командировки реже. Денег, конечно, немножко меньше:

оклад приличный, но скромнее многочисленные премии за этапы, за пуски и подобное. Так ведь и жизненные задачи в основном решены. И квартира, и дача, и мебель, все это есть, больше не понадобится. Вот только Татьяне помочь определиться в жизни. Ну, разве еще машину думает взять, стоит в очереди в институте, в первом списке. Андрей Прокофьевич покосился на Сергея. Сергей слушал его рассказ с интересом.

Вернулись домой, попили чаю, и Таня проводила Сережу на электричку. Денек получился очень приятный.

ГЛАВА 4

С дав летнюю сессию, Сережа тут же улетел со стройотрядом в Забайкалье. Даже один экзамен пришлось сдавать досрочно. В июле была вообще-то производственная практика, но Сережу отпустили, зачли стройотряд. Базировались на этот раз не в Аргунске, а в Краснокаменске, но все-таки близко, можно было видаться со своими. Работал каменщиком, как Коля в прошлом году. Клал кабельные колодцы, штукатурил, ровнял верх под перекрытие. Получалось неплохо, довольно ровно. Да и не Лувр, в конце концов, строили, лишь бы прочно было.

О Таньке вспоминал редко, хотя после зимнего визита к ней домой отношения у них стали поближе, больше стал ей рассказывать. Но тоже... Расскажешь ей, а она такое в ответ ляпнет, что не знаешь, как реагировать. Обижаться на нее? Черт-те что. Весной ездил к ним на садовый участок, помогал Андрею Прокофьевичу пеньки от старых яблонь вы-

корчевывать. Дома у них был еще раз при родителях, принимали как своего.

Девица Татьяна вполне сдобная, обнимать ее приятно. Но не ясно, о чем она думает, когда ее целуешь. Может, в ней аккумуляторы заряжаются? Уехал и забыл почти, два раза написал за лето: жив, здоров, работы много, устаю, рассказал про тебя родителям, тебе от них привет.

Второй и третий курсы прошли спокойно. Учеба, общежитие, иногда подвертывалась подработка. С Татьяной так же: ни вперед, ни назад. Гуляли, ходили в кино. Учиться ей помогал, Танька явно не тянула. Похоже, что и Таню такие отношения устраивали: могла отчитаться перед родителями, что с Сережей у нее все хорошо. А большего Тане и не требовалось.

Специализации у них на факультете не было, готовили инженеров широкого профиля. Но Сережа решил подобрать себе кафедру. Отец летом сказал: «Ищи узкую специальность по душе». Под влиянием рассказов Андрея Прокофьича о романтике работы в комплексном отделе пошел на кафедру радиосистем. Не пошло, да и рановато на втором курсе. Потом попробовал поработать на кафедре телефонии, хоть она и относилась к другому факультету. Вдруг действительно придется дома на АТС работать? Но тоже не пошло как-то, и чужой он был на чужом факультете.

Сереже очень понравились лекции по электродинамике. Стал разные книжки читать, докапываться до сути по своей привычке. В предисловии к одному учебнику прочел, что человек, постигший строй-

ную систему, предложенную Максвеллом и Герцем, испытывает наслаждение. Ну и ну! Пошел Сережа, вдохновленный этой фразой, на кафедру антенн, там и остался.

После второго курса — снова домой, в смысле в стройотряд. Калга, Кадая — все недалеко от Аргунска.

А осенью Куличенко посадили в тюрьму. Кого-то он сильно разгневал из областного начальства. Направили проверяющих, стали копать. В стройотрядовской бухгалтерии всегда есть анархия, так что, при желании, нарыть материал можно. Оказывается, всем, кто прилетал на самолете из Москвы, нужно было не полностью оплачивать авиабилеты, а вычитать страховку. Три года, по сотне человек туда, обратно. По мелочи набежало много. Не нашли документов на крупную сумму и взяли под стражу. Потом документы нашли, но уже не выпустили. Начальник районной милиции Зуев пытался помочь, но с ним не стали разговаривать. Упорно искали материалы на Куличенко. Одним путем не получалось, шли другим. Следовательно так и сказал, что он костью ляжет, но Куличенко ниже планки «хищение в особо крупных размерах» не опустит. Тех, кто мог разделить с командиром отряда ответственность, из местных руководителей или из москвичей, под тем или иным предлогом от этой ответственности освобождали. Кто старей, кто больной, кто воевал.

Всех институтских, кто работал в стройотряде, допрашивали в Москве. Приглашали и Сережу. Набралось их во дворе перед милицией на шоссе Энтузиастов человек двадцать. По одному вызывали.

Следовательно стал спрашивать Сережу. Откуда знаете Куличенко? Действительно ли вы были в отряде? Ваша ли подпись в ведомостях? Хорошо ли

кормили? Сколько денег было на питание в день на человека?

Сережа горячился: «Вы в доме отдыха когда-нибудь были? Сколько там было в день? Не знаете? Ну и я не знаю. Я каменщиком работал, а не поваром».

Потом сказал следователю.

— Послушайте, я сам из милицейской семьи, про жуликов много знаю. Куличенко — не жулик. Вы бы посмотрели, как он работает! Жулики так не работают.

— Как не жулик, когда есть люди, которые свои подписи в ведомости не признают. Кто деньги получал?

— Ну, не знаю... Небось, на банкеты нужны были деньги, или подмазать кого-нибудь... — невпопад ответил Сережа.

— Ты мне этого не говори, это еще хуже, — усмехнулся следователь.

— Говорю вам, Куличенко не воровал, — снова уверенно сказал Сережа.

— Да что ты мне это говоришь? Мне пришлось поручение из Читы вас опросить. Я вопросники заполню и назад отправлю.

— Тогда можно я свое мнение напишу?

— А что ты напишешь? — спросил следователь.

— Что знаю товарища Куличенко как честного человека, много сделавшего для телефонизации Забайкалья. Честного человека и научного работника.

— Бери свой вопросник и пиши, пожалуйста, — закончил допрос свидетеля следователь.

Следствие тянулось долго, даже на какой-то период Куличенко отпускали домой. Потом все-таки судили и дали десять лет за хищение в особо крупных размерах.

ГЛАВА 5

Третий курс кончился, стройотряда больше не было, а домой хотелось нестерпимо. Сережа сдал сессию, отработал практику на радиозаводе и поехал домой.

Поселок Аргунск построили на месте старого маленького поселения с гуранским названием Цурухайтуй. Приняли решение воздвигнуть мощную тепловую электростанцию для питания электроэнергией прилегающих районов братского Китая. Цурухайтуй снесли начисто, правда, чтобы не потерять название, недалёную деревеньку, куда переселили часть жителей, назвали Новый Цурухайтуй. К Аргунску подвели железную дорогу — уголь возить на ТЭЦ, построили несколько десятков двух- и трехэтажных домов, посадили тополя по обочинам прямых улиц, замостили центральную площадь около исполкома и других советских и партийных учреждений, разместили поблизости от поселка штаб погранотряда. Получился не райцентр, а загляденье. Имелись все атрибуты настоящего города: районная газета «Аргунская заря», интеллигенция — инженеры с ТЭЦ, офицеры, учителя, врачи. Мужские развлечения: охота в степи, рыбалка на Аргуни, пикник с барашком — не проблема для уважаемых людей...

Потом отношения с Китаем испортились, силовые кабели, по которым электроэнергию гнали в Китай, на границе обрубали. ТЭЦ стала работать на четверть мощности, но все равно нагрузка для гиганта была маловата — главного потребителя не стало. Теперь станция обслуживала в основном поселок и прилегающие населенные пункты. Напря-

жение в сети поднималось по ночам до 250 вольт, ТЭЦ распирало от собственной не используемой силы. Поселок немножко захирел, но не слишком: укреплялась погранслужба, были собственные функции столицы района, кое-какая промышленность, овцеводство — все это не давало Аргунску совсем завянуть. Областное начальство выделило даже средства на телефонизацию. За несколько летних сезонов Аргунск связали со всеми окрестными поселками, в самом райцентре появились полсотни домашних телефонов, а на улице были установлены пять монетных автоматов. Действительно — центр, за «двушку» с улицы можно было позвонить любому абоненту районной АТС.

На вокзале в железнодорожной милиции Сережу ждал заказанный отцом билет на поезд Чита — Аргунск. Купейный, балует батя! Сережа забрал билет и через пять минут уже лежал на своей верхней полке и смотрел в окно. А еще через десять минут поезд тронулся и побежал сперва по городу, а потом между сопками, поросшими багульником. Чтобы лучше было видно, Сережа подогнул матрац и уперся подбородком в лакированную полку. Подбородку было не очень-то приятно, даже больно. Но эта боль нужна была Сереже, потому что немного отвлекала, притупляла волнение. Кто бы мог подумать, что он, взрослый парень, будет так волноваться перед встречей с родителями и сестрой! Вся московская жизнь улетучилась, стала нереальной, как будто не имела к Сереже никакого отношения. Танька, папаша ее, Москва, общага... Все ненастоящее, игра. Он в нее хорошо играет, но

ведь играет, а не живет. Домой, домой. Отец, такой родной, такой верный и чудный. Мама, такая любящая, такая любимая. Райка, она как дочка, такая своя, дружок маленький. Ей, наверное, больше всех его не хватает. Не в том смысле, что скучает больше родителей, скучает-то она поменьше, помнит меньше, ребенок все-таки. Нет, а вот так, в жизни. Всегда на Сережу оглядывалась, и в школе, и во дворе, знала, что старший брат за спиной. А теперь как живет одна? Слезы выступили у Сережи на глазах, полка под подбородком стала скользкой, теплой и противной. Как-то в голове зашумело, затошнило слегка. Сережа слез с верхней полки и вышел в коридор. Голова закружилась сильнее, в глазах потемнело, и Сережа стал падать на пол, машинально уцепившись рукой за поручень внизу окна. Упал на пол, на спину. Наверное, даже сколько-то полежал, пока очнулся. Надо же, обморок. Первый раз в жизни! Хорошо, в коридоре — никого, только девчонка вылупилась из-за стеклянной двери в конце коридора. Рука болела, наверное, в поручне защемил, когда уцепился, и головой немного приложился. Чудеса. Скорей, привести себя в порядок, умыться, просморкаться.

Сережа с отцом сидели у костра на острове на Аргуни и ждали рассвета. Вообще-то, ловить рыбу на островах пограничники не разрешали. Иногда позволяли сено косить и давали сопровождающего. А так, как они, вдвоем поехать на рыбалку, на ночь — только отец мог договориться. С вечера расставили жерлицы на щуку, пару верш и три маленькие сеточки-«телевизора», а с рассветом собирались

половить на удочку и на спиннинг. Настоящей сетью отец никогда не ловил, считал, что раз нельзя, то никому нельзя.

— Серега, хочу с тобой поговорить в общеприкладном философском, что ли, плане, — отец лежал у костра и курил, а рядом на земле стояла кружка с крепким чаем. — Оглядываю я свою жизнь, в сорок пять лет нужно уже такие оглядки делать, и что вижу? Стыдиться особенно нечего. Служил честно, начальству задницу не лизал. Взятки не брал. И жил по совести. Рыбу, видишь, динамитом не глушу, хоть и рыба есть, и динамит есть, и ничего мне за это не будет. Совестно это все говорить, но без вступления такого не обойтись. Так вот, результат не особенно хорош. К тому же — география. Ты посмотри на наши достопримечательности: в каждом городе или поселке какой-нибудь известный человек сидел. Родился здесь один Емельян Ярославский. Блюхер и Уборевич здесь служили, белых и интервентов били, так их самих потом расстреляли. Эта земля не для рождения талантов, а для их смирения... А засел я тут плотно. Справляюсь, и слава Богу. Подполковника, вот, только дали. А я же вижу, кто наверх скачет: ни образования, ни послужного списка настоящего, ни рожи, ни кожи, ни собственного мнения. Бывает, что и в анкете не все чисто, выговор какой-нибудь нехороший по партийной линии, аморалка и прочее. Но умеют как-то втереться в доверие, могут достать чего или устроить. Стало мне, Серега, казаться, что высоковато я планку держу, моральный кодекс, по-старому, заповеди Христовы, слишком буквально понимаю. Но моя жизнь — это моя жизнь. А с тобой этими мыслями счел необходимым поделиться. Мое мнение такое, что ты дол-

Сережа с отцом сидели у костра на острове на Аргуни и ждали рассвета. (К стр. 141.)

жен подумать, как в Москве остаться. Если эту высоту взять трудновато, то ты планочку опусти, чтобы легче прыгать было. Ничего, потом отмолишь... или отработаешь. Может, Татьяна эта твоя... Если хорошая девушка, то не грех ускорить... Но тут тебе решать. И Райку нужно будет перетащить. Чтобы и ты, и сестра там были. Держи, сынок, это в голове. Время есть, Раиска только на тот год школу кончит.

Сереза увидел слезы у отца на глазах и тут же потупил взгляд. Серезу лихорадило: никогда отец так с ним не разговаривал. Никогда Сереза не видел, чтобы отец плакал.

— Пап, ну что ты разволновался, честное слова, — заговорил Сереза, опустив глаза. — Ведь все хорошо?!

— Да, хорошо. Но то, что я сказал, то сказал, — отрезал отец.

Навсегда Сереза запомнил этот последний серьезный разговор с отцом. Что это было? Неужели папа предчувствовал то страшное, что ждало их семью, ощутил дуновение смерти, знал, что прощается с сыном навсегда?

Три недели, проведенные с родными, освежили, омыли Серезину душу, какое же счастье иметь таких родителей, такую семью.

Вернулся Сергей отдохнувшим, бодрым. Вот это каникулы!

ГЛАВА 6

— Знаешь, Серез, я хочу тебе прочитать свои стихи... — сильно смущаясь, сказала Таня.

— Валяй! — ответил Сергей, недоверчиво посмотрев на подругу: какие она может стихи написать?

— Ну, вот, послушай, только учти, для меня это очень важно, — Таня прикрыла глаза и стала читать.

*Тополь мой опавший, весь заледенелый,
Что стоишь, смущаясь, под пургою белой?...*

Сергей изо всех сил старался не улыбаться, ведь Танька предупредила о серьезности момента. Только искорки в глазах не смог погасить, поэтому старался на поэтессу не смотреть.

— Тань, по-моему, я это где-то уже слышал...

— А где? — спросила Таня.

— «Клен ты мой опавший...» — ведь это Есенин, — сказал Сереза.

— Но у него же клен, а у меня тополь, есть и другие отличия, нужно только внимательно слушать, — сформулировала выношенный аргумент Таня.

— Тань, но ведь речь идет не о породе дерева. Музыка стиха, чувства — все есенинское.

— А если я так же чувствую, то что? — со слезами на глазах возразила Таня.

— Знаешь, я в поэзии плохо разбираюсь. Сказал, как подумал. Если хочешь получить настоящую консультацию, то тебе нужно не мне свои стихи показывать, — продолжал сдерживать себя Сереза.

— Да, я тоже так думаю, — с раздражением согласилась Таня. — А куда, по-твоему, мне нужно обратиться?

— Тань, ну я же сказал, что я не по этой части.

— А... Ну, ладно... — сказала Таня.

«Нет, Танька, точно, сдвинутая, нельзя на ней жениться», — уверенно подумал Сереза, когда Татьяна отстала от него со своими стихами.

Существуют в технических вузах студентки и студенты, которые не понимают вообще ничего. Степень их невежества потрясающа. Ни в одном предмете они не видят сути. Ни одну лабораторную работу они не могут выполнить сами, ни одной задачи не в состоянии решить, ни на один вопрос ответить. Как они сдали вступительные экзамены — загадка. Как они переползают с курса на курс, невозможно объяснить. Конечно, попади они в элитный вуз, их вышибли бы после первой сессии. Но в обычном техническом вузе отчислять в общем-то не принято, если студент — не прогульщик.

Таким студентам часто помогают родители, переписывая и растолковывая лекции. Немного помогают товарищи, выполняя за соседа по бригаде лабораторные работы, или натаскивая на экзамен. Часто преподаватели, будучи не в силах объясняться с придурком, ставят, в конце концов, «тройку».

Есть, конечно, и взятки, то есть «тройки» и «четверки», поставленные незнающему студенту за деньги, если преподаватель берет. Есть и приказы не снижать успеваемость, и просьбы знакомых преподавателей поставить хорошую отметку. Но чаще никаких денег такие студенты не дают, потому что полагают, что и так сойдет. И попросить за них тоже некому, а все равно сходит.

Помолчав перед экзаменатором, помычав в деканате и списав у товарищей все (курсовые, лабораторные, контрольные и, наконец, дипломный проект), эти студенты становятся инженерами.

Татьяна была из этой серой команды.

Сереза проснулся оттого, что его трясли за плечо. Он сразу понял, что спит на своей койке в общежитии. «Зачем будят?» — подумал Сереза, открыл глаза и повернулся.

Перед ним стоял старший лейтенант Рябошапка, преподаватель с военной кафедры. Рябошапка был в военной форме с красной повязкой на руке — дежурный по кафедре.

— Проснулся, Зуев? Вставай, парень, у тебя горе, — сказал офицер и протянул Серезе голубой лист бумаги с машинописным текстом.

Сергей сел на кровати, взял листок и прочел:

«Сергей зпт дорогой тчк все твои отец зпт мама зпт раиса погибли катастрофе пятого ноября тчк крепись зпт сынок тчк дядя вася тчк»

«Дядя Вася — это майор Пацюк, папин заместитель. Как погибли? Как это могло быть? Боже мой...»

После совещания в областном управлении, посвященном предстоящей годовщине Октябрьской революции и Дню милиции, несколько старших офицеров, отмеченных в приказе, должны были отправиться с семьями на базу отдыха обкома партии и провести там недельный отпуск. Львовский автобус повез милицейских подполковников и майоров за тридцать километров от города, где среди сопкок располагался дом отдыха для областного начальства и гостей из Центра. На железнодорожном переезде в автобус врезался локомотив. Погибли одиннадцать человек, в том числе подполковник Зуев с женой и дочерью шестнадцати лет.

— Сережа, хочешь, я с тобой поеду в Читку? — спросила Таня.

— Да нет... зачем? — нехотя ответил Сережа. Таньки еще не хватало, и без нее тошно...

— Я понимаю, Сережа, тебе нужно побыть с твоим горем наедине, я не хочу настаивать. Но я хочу, чтобы ты знал, что у тебя есть близкий человек, которого ты без малейшего колебания можешь позвать на помощь.

Сережа поднял на нее глаза.

— Да, да, Сережа. Это так. Вот, знаешь, денег возьми у меня, пожалуйста. Я их взяла на билеты в Читку. А раз я не поеду, то они остаются, возьми...

— Откуда деньги-то?

— Родители дали.

— Не, денег не надо, — не очень твердо отказал Сережа.

— Возьми, я от чистого сердца, — Таня протянула Сергею пачечку двадцатипятирублевых.

— Ладно, спасибо, я потом отдам.

— Отдавать не нужно, спасибо, что взял. Это означает, что ты считаешь меня другом... — расчувствовалась Татьяна. Она смотрела на себя со стороны и очень себе нравилась, что она такая взрослая, такая благородная, мудрая и щедрая.

Этот разговор оставил у молодых людей очень теплое воспоминание. «Смотри, Танька — человек, — думал Сережа. — Помощь предложила, денег дала и особо не навязывалась. Видно, у Таньки только оболочка идиотская, а натура добрая и преданная».

А Татьяна была рада, что вела себя так умно и сдержанно. Когда родители сказали, чтобы она предложила Сереже сопровождать его на похороны

родных, Таня категорически отказалась. У нее были планы на эти дни. В книжном магазине на Кировской выступал поэт Андрей Вознесенский, и Таня непременно хотела побывать на этом выступлении и передать Вознесенскому свои стихи. Самое удобное мероприятие для передачи стихов как раз встреча с читателями. А у Тани появились такие хорошие строки, что настоящий поэт если бы их прочитал, то мимо бы не прошел. Например, вот эти, посвященные французскому летчику, писателю и аристократу Антуану де Сент-Экзюпери:

Я тебя приручила. Но где же ты сам?

Чтоб могла бы припасть я к твоим ногам!

Знай же, что где бы ты ни ходил,

Ты меня приручил, ты меня приручил!..

Таня всегда плакала, когда читала это свое стихотворение. Целый месяц она ожидала встречи с Вознесенским, а тут родители говорят, что надо куда-то ехать. Она ответила родителям, что человеку нужно одному побыть со своим горем. Отец, было, подпрыгнул от возмущения ее словами, но мать увела его в другую комнату. Через некоторое время они вернулись и сказали, что ехать, вероятно, никуда и не придется. Но у человека такая беда, нужно ему помочь и добрым словом, и материально. Затем родители стали Татьяне объяснять, как вести беседу с Сережей, по несколько раз повторяя, что Таня должна говорить и что, вероятно, скажет Сережа. Так примерно разговор с Сережей и пошел, все-таки у родителей большой жизненный опыт. От себя Таня добавила только, что человеку нужно одному побыть со своим горем, ведь это такие

грустные и поэтичные слова. Потом родители дали Тане двести пятьдесят рублей, эти деньги Таня отдала Сереже.

Смерть родных полностью поглотила Сережу. И после поездки в Читу, с которой помогли московские милиционеры, похорон и всего с ними связанного, после всяких имущественных дел и прочего Сережа ни о чем другом не мог думать, только о своих бедных покойниках. Сережа плакал, если видел поезд на переезде, или львовский автобус, или похороны.

Он был, как полупустой кисет, какой-то бескостный. Не мог долго слушать собеседника, отворачивался и уходил. Убегал с лекций через полчаса после начала.

Таня взяла Сережу за руку и повела за собой на улицу.

У подъезда стояли новенькие «Жигули» ее отца.

— Куда? — слегка уперся Сережа.

— Ничего, ничего, Сереженька, садись в машину, — потянула его Таня.

Андрей Прокофьевич специально приехал за ним, чтобы Сергею не пришлось ехать в ненавистном поезде. Через сорок минут они были у Татьяны дома. Анна Петровна уже накрыла стол.

— Ну, Сергей, давай помянем твоих родных, — сказал Прокофьич. — Не довелось познакомиться, но, по тебе вижу, замечательные были люди. Светлая память!

Танин отец выпил не чокаясь и тут же налил вторую. Мать тоже выпила, и Таня пригубила. Сережа сидел и горько плакал, ничего не понимая.

Так и просидели вечер. Прокофьич пил и закусывал. Хвалил Сережу. Просил, чтобы не раскисал. Объяснял, что деваться все равно некуда, надо жить. Сережа плакал. Пил и ел, когда заставляли. Таня сидела, как кукла, и смотрела то на отца, то на Сережу, иногда под столом гладила Сережино колено. Мать приносила, уносила, подсаживалась к столу, пригрюнясь.

Борисовы оставили Сережу ночевать у себя, а ночью к нему пришла Таня.

Учебный год прошел как обычно. Некоторые текущие задолженности Сергей досдал, некоторые деканат простил, ребята помогли. К сессии Сергей догнал учебный график. Экзамены Сергей сдал прилично, а Таня, как всегда, еле-еле. Сергей стал снова появляться на кафедре.

Зиму и весну Сережа ночевал то в общежитии, то у Тани. Решили, что в июле, когда сдадут экзамены, распишутся. После похорон пройдет больше полгода, и Борисовы убедили Сережу, что срок достаточный.

Танины родители радостно готовились к свадьбе дочери. Сняли банкетный зал, пригласили родню, человек тридцать, да институтские. Получилось шестьдесят человек. Продукты достали, пригласили повара, официантов. Будь здоров, свадьба!

В подготовке Сережа участвовал активно. Бегал много. Деньги у него кое-какие были. Купил себе костюм, кольца себе и Тане. Очень уж Тане хотелось, чтобы были кольца и машина с мишкой или куклой на радиаторе. Только в церковь отказался идти — сам он некрещеный, а креститься сейчас

комсомольцу как-то нехорошо. Но на венчании Танина семья особенно не настаивала.

Таня не делала ничего. Больше всего Сережу удивляло, как привычно Таня ничего не делала. Вставала из-за стола и уходила, само собой подразумевалось, что уберется мать. Приносила домой задание на курсовой проект и клала на стол отцу. Само собой, что чертить должен был отец. Отдавала отцу чужой конспект, взятый «до завтра», и тот, не возражая, сидел допоздна и переписывал пропущенную лекцию. Нет, если оставить конкретное задание, то Татьяна сделает, через пень колоду. Но сама она интересовалась только своими стихами, поездками к каким-то интересным людям, в которые не приглашала Сережу, походами на выставки, про которые могла только сказать, что там было «очень интересно», а что было интересного, рассказать не могла.

Свадьбу сыграли. Родители преподнесли молодым путевку на теплоходную экскурсию на двенадцать дней, и молодые поплыли в свадебное путешествие.

В ноябре, ближе к распределению, Сережа выписался из общежития и прописался к жене. А на распределении ему предложили институт, в котором работал Андрей Прокофьевич. Ректор, председательствующий на комиссии по распределению, видимо, вспомнил, что Зуев приехал издалека, и спросил: «А как с пропиской?» Ему ответили, что Зуев как раз в этом подмосковном городе и прописан. «Тогда все в порядке! — сказал ректор. — Поздравляю вас, это очень хороший институт, а то бы мы вас им не отдали». Вопрос с Сережиной работой был решен. Таню распределили туда же, в отцовский институт.

ГЛАВА 7

Сережа вошел в единственную открывающуюся дверь, к которой вела мокрая дорожка. Дверей было много, но открывалась только одна, и время от времени туда-сюда ходили люди с озабоченными лицами.

За дверью оказалась шеренга застекленных будок с вертушками по обе стороны от каждой. Будки были пусты. Только в одной сидела молодая женщина в зеленоватом форменном платье с ярко-зелеными петлицами. Если человек выходил с предприятия на улицу, то он отдавал даме пропуск и беленькую бумажку или, если у выходящего был важный вид, показывал небрежно красную раскрытую книжечку. Если человек приходил с улицы, то он направлялся к своей будке и там облакачивался на ограждение вертушек и посматривал искательно на кабинщицу. Та как бы не замечала его, но через некоторое время, не глядя на человека, вытискивалась из одной будки и шла к другой. При этом обнаруживался огромный зад и толстые ноги кабинщицы, плохо сочетавшиеся с ее миловидным и молодым лицом. В новой будке она находила в кассе пропуск, отдавала его сотруднику и нажимала ногой на педаль, после чего получивший пропуск имел возможность тазом повернуть вертушку на четверть оборота и оказаться на территории.

Справа от двери, в которую вошел Сережа, на стене на крюках висела батарея, а рядом с ней стояла телефонная будка. Слева в стене было окошечко с надписью «Бюро пропусков». Отдела кадров, вроде бы, тут не было. Сережа нерешительно походил вдоль вертушек, прочитал с одной стороны, что те-

лефон работает только при закрытой двери кабины, с другой стороны около окошечка было написано, когда можно получать разовые пропуска, когда временные, а когда постоянные. На каждой кабинке висел плакатик с указанием размеров разрешенных к проносу вещей, и была схематично изображена женская сумка в виде равнобокой трапеции с ручкой и стрелками, показывающими как правильно определить ее размеры. Отдела кадров точно не было. Сережа помялся и спросил у кабинщицы, где отдел кадров? Кабинщица весело ответила

— Да выйдете из проходной и направо первая дверь. Там две надписи: «Партком» и «Отдел кадров», вам на первый этаж. Спросил бы раньше, а то, я думала, ждете кого.

Сережа пошел, куда сказали. За дверью с надписью «Отдел кадров» оказалась комната с диваном и столиком около него. Но в комнате не было ни души. В противоположной стене было еще три двери. Прямо против входной двери находилась еще дверь с надписью «Заместитель начальника отдела кадров», потом дверь «Начальник отдела кадров», затем дверь с окошечком «Прием документов». Сюда Сережа и постучался. В окошечко выглянула сотрудница, сказала: «Первый раз? Иди к начальнику» и захлопнула окошечко. Сережа даже сказать ничего не успел.

Сразу к начальнику Сережа идти не решился и постучался в кабинет заместителя. Оттуда раздался жующий возглас: «Минуточку, сейчас приглашу», а минут через пять зов: «Кто там? Проходите».

— Здравствуйте, — сказал Сережа и устался на человека, сидевшего сбоку от двери, не как хозяин кабинета, а как тот, кто ведет протокол, записыва-

ет, о чем говорят хозяин и посетитель. Человек этот походил на Кощея Бессмертного. Жидкие волосики, зачесанные поперек лысой головы, впалые щеки, огромный нос и глаза, поднимающиеся к ушам и спускающиеся к переносице.

— Наниматься пришел? — сказал Кощей вместо «здрасьте».

Сереже сразу расхотелось с ним разговаривать. Во-первых, Кощей был уж очень страшен, во-вторых, собственное оформление на работу у Сережи никак не ассоциировалось с унижительным словом «наниматься».

— Мне к начальнику... — вяло сказал Сережа.

— Ишь, к начальнику! А я старший инженер отдела кадров Черняев Герман Андреевич. Видишь, даже представляюсь тебе. А вы кто будете, как вас звать-величать?

Сережа продолжал удивляться. Если «Кощей Бессмертный» было привычным словосочетанием, то такой нелепой должности, как «старший инженер отдела кадров» он представить себе не мог.

— Я по распределению, из института.

— А, молодая смена. Поздновато что-то, декабрь на дворе. Молодые специалисты уже с августа работают. Как же это так случилось? Пил-гулял, а теперь средства понадобились? Эх, молодость, молодость...

— Я и приду в августе инженером. Я оканчиваю в следующем году.

— Не понял тогда, чего пришел? Анкета у тебя не чистая, так что зимой, что летом, мы таких не берем.

— Практика преддипломная, потом диплом у вас хотел писать в антенной лаборатории, где я буду работать.

— Вы, я вижу, совсем не в курсе. Вы должны понимать, что у нас хоть и называется институт, но тут не учат, а работают. Диплома здесь не дают. Если у вас высшее образование, давайте диплом, будем вас оформлять. А если нет диплома, то, значит, это самое, незаконченное высшее, на инженера оформить не можем. Нас за это тоже по головке не погладят. А в какую лабораторию, так это мы будем решать, где кадры больше нужны. А то, видите ли, и диплом вам писать, и на должность, и в лабораторию. Может, на производстве придется поработать, в цеху. У меня задание фрезеровщика найти. Производство задыхается. А то много вас, белоручек, руки в брюки, хрен в карман.

— Вы что говорите? Я же по распределению.

— Распределение по месту работы дается. А как внутри кадры расставлять, так это уже мы решаем, по производственной необходимости. А по велению сердца, так это пожалуйста на целину, теперь вот на БАМ, через райком комсомола. Но там тоже белоручки не нужны.

— Что-то я не понимаю... — начал закипать Сережа.

— А не понимаете, так идите и подумайте, — расплылся в отвратительной улыбке Кощей.

Сережа выскочил из отдела кадров и понесся назад в проходную, чтобы позвонить Танькиному отцу. Тот довольно спокойно выслушал возмущенные жалобы Сергея, сказал, что Черняева не знает, наверное, он недавно работает, и пообещал все уладить. Велел Сереже ждать в проходной.

Через пятнадцать минут к нему через вертушку вышел невысокий складной человек, очень похожий на репинского запорожца. Это был будущий

— Наниматься пришел? — сказал Кощей вместо «здравствуйте». (К стр. 155.)

Сережин начальник лаборатории. «Какой красивый и какой усатый», — подумал Сережа и угадал. Начальника все так и звали «Усатый».

Начальник, как был, без пальто и шапки, вышел с Сережей на улицу, завел его в отдел кадров и усадил на вытертый диван.

Беседовали очень хорошо. У начальника была прекрасная речь, лишнего он не говорил, и за каждым словом чувствовалось знание. Начальник произносил «что», упирая на букву «ч», а не как обычно говорят «што». Но к этой особенности его речи Сережа привык за две минуты.

Сережа понравился Усатому, и он рассказывал так, как будто приглашал приятеля поработать в своей молодой и дружной лаборатории. А сам Сережа так просто влюбился в будущего начальника. Сережа впервые разговаривал с коллегой со стороны и с радостью убедился, что они говорят на одном языке. Даже зазнался немножко. Когда на вопрос Сережи: «Какие антенны разрабатывает лаборатория?» — Усатый назвал какие, то Сережа, подумав немножко, сказал: «Ну, я думаю, тут нет особых проблем... разве что взаимодействие излучателей». Усатый покосился на Сережу. Он-то хорошо знал, какие есть проблемы, сколько ума, сердца и физических сил требуется затратить на каждую новую разработку. Но ответил сдержанно, мол, вместе поработаем, узнаем, и подумал: «Ничего, молодой еще...»

Закончив разговор с Сережей, начальник пошел к окошечку «Прием документов» и нарочито громко постучал согнутым пальцем. Раздалось игривое: «Кто там?» Женщины за окошечком знали, что стучит свой. «Сто грамм!» — ответил Усатый и подмигнул Сереже. Потом, когда прошло время,

Сережа сам усвоил покровительственно-заискивающе-фамильярный тон общения с кадровичками, машинистками, диспетчерами и другими работницами обеспечивающих служб. Всегда нужна была улыбка, шоколадка. А также жесткое сознание собственной силы и того, что требование справедливо и обоснованно. Попробуйте не сделайте из личного, конечно, одолжения, так я вам устрою неприятности.

— Что-то вы, Зина Федрывна, молодежь обижаете, — шутливо спросил Усатый показавшуюся в окошечке женщину, по-свойски называя ее Зиной, но при новом человеке добавляя игриво искаженное «Федрывна».

— А я, Альберт Тарасович, особо молодых здесь не вижу, — с улыбкой сказала кадровичка в окошке, величая начальника по имени и отчеству, и нарочно полностью и тщательно выговаривая все буквы, на украинский манер, в ответ на его сокращенное «Зина Федрывна».

— У меня за спиной прячется, так вы его напугали, — ответил Усатый.

— Чего надо-то? — спросила Зинаида.

Начался деловой разговор, с этого момента каждое слово было значимо и должно было быть принято к исполнению, в знак чего Усатый положил правую руку с растопыренными пальцами на кусок фанеры, служащий подоконником по обе стороны окошечка.

— Парень, фамилия Зуев, пока что студент, к нам пришел на преддипломную практику. Должность — техник, оклад восемьдесят рублей, срок — до пятнадцатого марта. Но пропуск нужно оформить постоянный, он и потом будет сюда ходить,

Часть 2.

ЛАБОРАТОРИЯ

без зарплаты, над дипломным проектом работать, а в конце лета придет инженером к нам в лабораторию. Форма у него есть, студенческая, пришлют из института. Вроде все. Давай, распишусь в приемной записке.

— Бу-сделано, товарищ начальник, — сказала Зинаида, подавая бланк записки, но в словах ее была настороженность: уж не приказывают ли ей?

Расписавшись на незаполненном бланке, Усатый поманил Зинаиду пальцем и сказал ей на ухо, приблизившись к окошечку.

— Он Борисова зять, на Таньке его женился. А своих — никого, вся семья трагически погибла. Ты уж, Зинаида, сильно его не гоняй.

— Ладно, Алик, все сделаю, не беспокойся, — тоже вполголоса ответила кадровичка, довольная, что ее снова просят.

ГЛАВА 8

Лаборатория, в которую девушка привела Сережу, представляла собой большую, площадью метров пятьдесят, а то и больше, комнату. Вдоль правой стены стояли желтые лабораторные столы с высокими задними стенками. На этих стенках были укреплены полки, в основном пустые или с двумя-тремя железками, мотком кабеля или стопкой чертежей. На некоторых стояли приборы, но таких было немного. Ряд лабораторных столов замыкался детским бильярдом с металлическими шарами, довольно большим, с шестью лузами, а в стороне, чтобы не задевали кием, стоял маленький столик с нардами.

Слева от входа размещался двухтумбовый письменный стол с заваленным бумагами суконным верхом и мягким стулом рядышком. Этот стол, побольше остальных и близко к входу, явно был столом начальника лаборатории.

Кроме стола начальника, лабораторных столов, игр и четырех шкафов с книгами и приборами в комнате размещались три группы по пять столов — рабочие места сотрудников. Две пары столов стояли впрыток один к другому, а в узкую щель между ними были вставлены деревянные конструкции из толстой фанеры, разделявшие напротив сидящих сотрудников, чтобы не были «нос к носу», и служившие книжными полками сразу для двух соседей. Пятый стол в каждой группе стоял тоже вплотную к двум другим, но поперек к ним и без полки. Сидящий за ним человек мог видеть остальных четверых. И действительно, за двумя из трех «перпендикулярных» столов размещались начальники секторов. Несколько письменных столов стояли отдельно.

Станным показалось почти полное отсутствие приборов и на письменных столах, и на лабораторных, и на полках. «Ну, да, так и должно быть, — подумал Сережа, — приборы все в антенном зале».

Около левой от входа стены стояли шкафы, на которых горой лежали чертежи, а две другие стены были с большими окнами. Вдоль этих стен никакой мебели не стояло, а к рамам вместо подоконников были прилажены ящики с керамзитовыми катышками, из которых по веревкам поднимались зеленые огуречные и помидорные стебли. На некоторых, несмотря на зимнее время, висели красные аккуратные помидоры.

Стены были покрашены в салатный цвет, но, наверное, давно. Краска местам отвалилась или висела чешуйками. Мебель тоже была не новая, но чувствовалась, что крепкая, чиненная уверенной мужской рукой.

В лаборатории было человек восемь. Кто сидел за столом и строил графики, кто беседовал в проходах между столами. Один парень стоял около столика с нардами и раз за разом, видно машинально, кидал кости. В тот момент, когда Сережа вошел в лабораторию, дама в поднятых на лоб очках оторвалась от своих графиков и сказала тому парню: «Виталий, перестань!» Наверное, ее раздражал шум падающих на игровое поле костей.

В целом помещение выглядело довольно обшарпанным, но светлым, теплым, даже веселым. Как любимый гараж или сарай, где хоть и не Эрмитаж, но все на месте и все удобно. Правда, как потом узнал Сережа, «сараем» звали антенный зал, «спецпомещение», где порядка было больше, а комнату, в которую привели сейчас Сережу, называли лабораторией, или «светлым помещением». Эти названия произносили, когда нужно было отличить комнату, где сидели люди, от антенного зала без окон, где проводили измерения.

Девушка подвела Сережу к столу начальника и отошла. Сережа сел на стул и стал ждать. Никто к нему не подходил и на него не смотрел.

Наконец появился начальник. Минутку поговорили, потом Усатый встал и громко представил Сережу присутствующим сотрудникам. Затем Сережу познакомили с его начальником сектора, показали ему письменный стол и велели разбираться, то есть выкинуть вещи, оставленные предыдущим хозяином стола, и стереть пыль, чем Сережа и занялся.

Ровно в одиннадцать часов за дверью лаборатории раздался женский крик: «Пирожки! Пирожки!» — и молодые сотрудники, весело толкаясь, понеслись в коридор. Это пришла Марфа Петровна,

тетя Марфуша, и принесла из столовой горячие пирожки в большой утепленной кастрюле с ляжкой, перекинутой через плечо. Кормилица, тетя Марфуша, как ее ждали ребята, завтракавшие в полседьмого утра! Бежали к ней и кричали на ходу: «С чем, тетя Марфуша?» Пирожки бывали «с кашей», то есть с рисом, «со щами», значит с тушеной кислой капустой, с «бульбой» — с картошкой и с «лябастрой», с творогом. Эти все по пять копеек. Еще были по десять копеек — «с котятками», то есть с мясом, и сосиска в тесте, по пятнадцать копеек, про эти говорили: «Вот такие» и показывали кукиш, в котором большой палец изображал торчащую из теста сосиску.

Тете Марфуше очень нравилась молодежь из лаборатории, изредка, лукаво улыбаясь, она называла свою продукцию, как они. Конечно, кроме котят и кукиша, срам какой!

Иногда, не удовлетворенные ассортиментом, ребята устраивали тете Марфуше допрос. Если выяснялось, что пирожки остались только с капустой, потому что тетя Марфуша заходила раньше в другой отдел, то все шумно возмущались, а тетя Марфуша обещала назавтра прийти сначала к ним. Пиршество продолжалось пятнадцать минут, теперь можно было дотерпеть до обеда. Сотрудники солидных лет пирожков не покупали.

Самым старым в лаборатории был рабочий, хозяин мастерской. Николаю Николаевичу перевалило за пятьдесят. Вторым по возрасту шел начальник лаборатории Альберт Тарасович. Ему уже исполнилось тридцать восемь лет, у него было двое детей, отдельная двухкомнатная квартира и готовая кандидатская диссертация. Одним словом, совершенно взрослый человек. Было еще трое сотрудников

В целом помещение выглядело довольно обшарпанным, но светлым, теплым, даже веселым. (К стр. 161.)

в возрасте, им было около тридцати пяти, остальные — моложе, в основном до тридцати.

Работы было всегда полно. В то время молодые инженеры не задумывались, открыт ли заказ, научно-исследовательская это работа (НИР) или опытно-конструкторская (ОКР), есть ли перспектива довести изделие до серийного производства или нет, каков источник финансирования и так далее. Делали, что начальник дал, а куда пойдет работа, пусть руководство разбирается. При таком подходе, при большом количестве внутриинститутских НИР и даже внутрилабораторных поисковых работ, загрузка тех сотрудников, которые могли что-то делать, была очень велика. Ну, а тот, кто не мог или не хотел, при сем присутствовал. Вопрос же, может или не может инженер работать, решался в этой обстановке очень быстро. Правда, результаты работ, не подкрепленных постановлениями правительства и министерскими приказами, часто нигде не использовались, что называется, шли «на полку». Зато уровень разработок был очень высок, а молодые специалисты быстро становились специалистами классными.

Помимо работы, к которой относились очень серьезно, у лабораторной молодежи было и все остальное, что бывает в молодежном коллективе.

Молодая жизнь в лаборатории была ключом. Самой молоденькой, двадцатилетней, была та девушка, которая привела Сережу в лабораторию. Ее дразнили Маврикиевной. Она не откликалась и отворачивалась, насупясь, пока не называли, как положено, Света. Дело в том, что, придя в лабораторию полтора года назад, Света представилась, как Светлана Никитична. «А, Никитишна!» — сказали

в ответ ребята. «Я — не Никитишна!» — возразила Светлана. «Ну, тогда Маврикиевна!» — тут же ответили ей.

Над Светкой посмеивались. Открыв на перемене в своем вечернем институте запечатанную пачку вафель, Света могла обнаружить вместо вафель аккуратно выпиленные в размер кусочки фанеры. Выгружая дома из тяжеленного портфеля учебники, могла найти подложенную ребятами чугунную болванку, которую она протаскала целый день: с работы в институт, из института домой. А если бы не разобрала портфель, то носила бы и дольше! Сначала Светлана ужасно обижалась и хотела увольняться. Потом поняла, что шутят над всеми, перестала принимать эти выходки на свой счет и сама стала участвовать в подобных каверзах, устраиваемых другим. Однажды прибили к полу, прямо сквозь подошву, старенькие туфли начальника, которые он переобувал на работе. Светлана сама располагала туфли в «художественном беспорядке», чтобы владелец не догадался, что туфли трогали, а потом Валера Полоскин поработал молотком. Цель затеи состояла в том, чтобы начальник, скинув уличные туфли, сунул ноги в эти и шлепнулся бы, при попытке сделать шаг. Но в этот раз не удалось. Альберта Тарасовича насторожило неестественное расположение прибитых к полу шлепанцев. Он потрогал туфли рукой и сказал: «Вот черти! Ну-ка, отдирайте». Все засмеялись, а Полоскин подошел с клещами и вынул гвозди, приговаривая: «И кто же это мог сделать?»

Тому, что Светлана не уволилась, осталась, способствовало и то, что она была спортивной девушкой, бегала на лыжах, ходила вместе со всеми в подшефную школу играть в волейбол. В общем, Светлана

освоилась в коллективе и к моменту появления Сережи в лаборатории уже покрикивала на сослуживцев в спортивном зале за проигранную подачу.

ГЛАВА 9

Образование у сотрудников было самое разнообразное. Многие окончили добротные вузы в Москве: Валентина Михайловна — физфак МГУ, Сталина Васильевна — Авиационный, Альберт Тарасович — Энергетический, Сережа Зуев, пока что в нашем рассказе практикант, но через полгода окончит Институт связи. Были выпускники других московских институтов. Один инженер, Миша Севостьянов, учился в Туле, но тоже на дневном факультете и, как положено, в юные годы.

Первые годы работы были для молодых людей продолжением образования, именно эти годы заложили «школу», сформировали специалистов. Не было бы у них в эти годы интересной работы, не было бы с кем посоветоваться, не получились бы из студентов специалисты.

Эти инженеры свободней, чем другие, чувствовали себя в своей специальности, умели работать с технической литературой и не впадали в ступор при виде сложной формулы.

Упомянутым другим повезло меньше. Путь к инженерному диплому был у них очень длинен и непрямым. Из школы шли в техникум, потом — в армию, потом — в дневной институт, потом — в вечерний, потом — в заочный. В лаборатории было трое студентов вечернего и заочного институтов в возрасте около тридцати лет.

У Валеры Полоскина отец погиб на войне, Валера отца и не видел никогда. Сразу после школы пошел работать радиомонтажником, не мог больше сидеть на шее у матери. Потом армия, потом поступил на вечернее отделение института. А там запустил учебу, и его отчислили. Велели сдать вступительные экзамены, чтобы восстановиться. Он сдал и снова стал студентом своего третьего курса. Подобных отчислений и зачислений было несколько, Валера учебой особенно не занимался, но окончил-таки вуз. К сожалению, это произошло, когда цена инженерного диплома резко упала, можно сказать, никому эта бумажка уже не была нужна. Было ему тогда тридцать пять лет, двенадцать из которых он числился студентом. Зато отсутствие диплома о высшем образовании многие годы тормозило Валерино продвижение по службе, создавая дополнительные сложности при каждом увеличении зарплаты. Валерины золотые руки и светлая голова не могли перебороть ужасного обстоятельства его биографии — «незаконченного высшего образования». Правда, и у самого Валеры выработался определенный комплекс, недоверие к своим полученным на практике знаниям. Валера не понимал, что его ученые товарищи самую главную часть знаний получили, так же как и он, в лаборатории, работая с «железом» и общаясь с коллегами.

Несколько раз, невзирая на скромную Валерину должность, Альберт Тарасович пытался поручить ему самостоятельную работу, привлечь к обсуждению принципов построения новых антенн. На Валерку при этом как будто паралич напал, он тупо смотрел на начальника и ничего не говорил. «Ну, Валера, чего молчишь?» — наседал Усатый. Но По-

лоскин смущался и отшучивался: «А я окладо-некомпетентен решать такие вопросы!» Да и некоторые его сослуживцы считали, что раз нет диплома, то нет оклада, и это справедливо. Когда Маврикиевна через несколько лет окончила свой институт, то стала по этому поводу громко требовать прибавки к жалованью. Сережа спросил ее: «Ты хочешь получать больше, чем Полоскин? Тебя это не смущает?» Новоиспеченную специалистку это не смущало, и она ответила Зуеву: «Но ведь Валера, допустим, не имеет высшего образования». Слово «допустим» она добавляла всегда, наверное, для того, чтобы иметь возможность отказаться от своего мнения, раз оно высказано в столь неопределенной форме. Этим словом Светлана отличалась от другой девицы, которая добавляла «предположим».

Сама Светлана Никитична училась не так, как разгильдяй Полоскин. Она выполняла учебный график, все сдавала вовремя, имея по всем предметам оценку «хорошо», и успешно переходила с курса на курс. Добивалась этого Света простым, но трудоемким способом: она вызубривала наизусть лекции или главы учебника. Однажды Полоскин вбежал, подпрыгивая, в лабораторию и стал рассказывать, что сейчас в антенном зале сидит Маврикиевна и читает учебник по марксистско-ленинской философии. Прочтет фразу, потом закинет голову, как пьющая курица, закроет глаза и вслух повторит: «Раньше философия была оторвана от жизни». Во время своего рассказа Полоскин корчился и хохотал, как будто его щекотали.

На работе Светлана выполняла в основном вспомогательные функции: отнести бумажки, подготовить документ, если требуется только вставить

новые данные в стандартный текст, а самой ничего писать не надо. К теоретической работе она была не способна. К экспериментальной работе ее изредка привлекали, чтобы покрутить ручку по команде или записать с голоса. Но в экспериментах Света участвовала неохотно, не любила радиоизлучения, берегла здоровье. Светлана постоянно заботилась и о своем здоровье, и о своем авторитете. Как-то Сережа дал ей секретный документ, чтобы подписала его у технологов в соседнем корпусе. Так просто, без оформления, передавать «секреты» другому сотруднику Сережа не имел права, но такие нарушения практиковались сплошь и рядом. По дороге Светка обронила последний листочек из не прошитой еще пачки бумаг. Листок нашли посторонние, подняли и отнесли в Первый отдел. На листочке было написано «ется», последние слоги слова «разрешается», но лист входил в документ, имеющий гриф «секретно». Был небольшой шум. Света испугалась последствий, занервничала и выбрала момент, чтобы наедине сказать Сереже: «Ты смотри, не говори, что это я потеряла. Себе ты все равно уже не сможешь, а меня запачкаешь!» Сережа и не собирался упоминать Светлану, ясно было, что ни к чему она тут. Просто удивился очередной раз свойствам Светкиной души, и все.

Тем не менее к Светке в лаборатории относились неплохо. Бывают такие индивидуумы, про которых все сразу понимают, что вот такой это человек, и исправить его нельзя, и требовать лишнего нельзя. То, за что другого обязательно попрекнут, устыдят, потребуют извиниться или исправиться, Светлане сходило с рук, проскакивало без последствий. Даже любили ее, помогали задачки институтские

решать, житейские советы давали. Вся лаборатория участвовала в устройстве Светкиной личной жизни. Указали ей на подходящего парня, помогли познакомиться, подсказывали, куда с ним сходить, когда можно начать целоваться и прочее. Парень был хороший, но нерешительный. Лаборатория усилила нажим. Достали для Светы и ее избранника туристскую соцстраховскую путевку на Кавказ. Все шло к тому, что после этой поездки молодые люди должны ожениться. Но нельзя же уж совсем мужчину в сумочке носить. Решили, что билеты на поезд должен купить парень. Светлана уговаривала его по телефону поехать на вокзал за билетами, а тот никак не соглашался, понимал, что если купит билеты, то поедет, если поедет, то женится, а на это он решиться не мог. Сочувствующие сотрудники побросали свои дела и сидели затаив дыхание вокруг разговаривающей по телефону Светы, иногда шепотом подсказывали ей, что говорить. Ничего не получилось, не поехал. Тогда Полоскин в сердцах махнул рукой, и тут же предложил верный способ заарканить робкого мужика: «Да ты б ему дала!» Но бестолковая Светка не поняла неприличного, но искреннего Валериного возгласа. «Да нет, — ответила она. — Деньги на билеты у него есть...» Даже Царьков, до которого не все сразу доходило, загототал после такого ответа.

Виталий Царьков, еще один инженер без диплома, поступил в свое время в институт, но учиться не смог, помешали головные боли. Терпел, боролся, лечился, но боли не проходили. Голова болела и без учебы, однако реже и не так сильно. А как начнешь читать по много страниц в день, писать, чертить, так никакого спасу нет. Пришлось бросить институт после третьего курса. Что поделаешь?!

Но, бывало, что не бедность, и не болезнь, и не малые способности помешали человеку вовремя получить полноценное образование. Не дало пройти в своем темпе по избранной специальности принятое когда-то неверное решение или случайное обстоятельство. Ваня Лопухин, тоже инженер без диплома и вечный студент-вечерник, в школе был очень способным мальчиком. Его пожилые родители, отец — отставной сверхсрочник и мать — дворничиха, решили, что Ванька обязательно десять классов должен окончить. Казалось бы, потом, естественно, поступать в институт надо. А папаша и мамаша перепугались, что не по Сеньке шапка. Стали уговаривать сына пойти сначала в техникум, доказывали, кричали, что надо все ступени пройти, все от начала постигнуть, и прочие глупости. Дожали, пошел Ваня в радиотехнический техникум. Не понимали родители Вани, что техникум — это тупик. Парня с улицы брали на работу лаборантом и платили восемьдесят рублей в месяц. И технику, проучившемуся специальности три или четыре года, платили те же деньги и не двигали выше старшего техника с окладом сто десять рублей. Ну, а на последнем курсе техникума случилась у Вани любовь, за ней — женитьба. Пока четыре года на флоте служил, дочка родилась. Отслужил на флоте, пошел работать, вечером учиться. Семья, дети... Какая это учеба?

Так же и другой сотрудник лаборатории, Толя Гуржий, шел к вершинам знаний дальним окольным путем. Имея выраженный талант к точным наукам, Толик поехал поступать в Физико-технический институт. И ему не хватило одного балла. Ему тут же предложили такую же специальность в Новосибирском университете, сидел представитель из

Новосибирска, приглашал абитуриентов, которым чуть-чуть не хватило для поступления на Физтех. Толя подумал и отказался. А дальше — техникум, армия, вечерний институт. Любопытно, что знал я и Толю Гуржия, и Володю Петухова, который вместе с Толей поступал, но набрал на один балл больше. Сейчас Володя, Владимир Андреевич, доктор наук, начальник отдела в крупнейшем институте, известный специалист, умный и обаятельный человек. Редко в жизни можно проследить и увидеть на примере, сколько стоит один балл. Скажут, конечно, что, скорее всего, тут не только этот балл...

ГЛАВА 10

То, что Танька ничего не купит пожрать, Сереже было совершенно ясно. Нужно было успеть забежать в «Деревяшку», маленький магазинчик недалеко от проходной. Он мог быть закрыт, но это означало, что там и нет ничего. «Деревяшка» располагалась в глубине дворов, поэтому туда ходили только жители соседних пятиэтажек и работники их «ящика». Продукты в этом магазинчике расхватывали не так быстро, как в магазинах на оживленных улицах. «А если теща уже купила то же самое? Наплевать, пусть лучше пропадет!» — подумал Сережа.

Постоянно принимать тещины заботы и жить под контролем Таниных родителей казалось Сереже унижительным.

К жизни в семье Борисовых Сережа никак не мог привыкнуть. Это была не семья, а штат прислуги для обслуживания Татьяны. Сказать жене что-либо, со-

державшее просьбу или поручение, было невозможно, даже когда они были вдвоем. На обыкновенное «Тань, дай соль» раздавался вопль тещи: «Что ты, что ты, Сереженька, я подам!» — и из комнаты на кухню прибегала Танькина мать и исполняла немедленно. Иногда, плохо расслышав издали, теща делала что-то не то. Тогда она извинялась: «Ой, старая дура, а я не расслышала оттуда». Маячить все время рядом с дочкой теще не разрешал Андрей Прокофьевич, говорил, что у Тани с Сережей должна быть семья. Прокофьич старался вечером увести жену в кино, в гости или просто погулять. Во время прогулки Андрей Прокофьевич объяснял жене, что молодые должны сами выработать распределение обязанностей, им жить. А сам думал, как Сережка подергается, подергается, а потом поймет, что от Таньки проку мало, и будет все делать сам. Вот тогда можно умереть спокойно: смену себе не только взнуздали, но и выдрессировали. А так, как мать хочет, стоять под дверью, прислушиваться и Танькины ляпы исправлять, так нельзя, не вечные же они с матерью, надо думать, что с дочкой потом будет...

Несмотря на тактичное поведение Таниных родителей, несмотря на явно хорошее отношение к нему, Сережа мечтал пожить отдельно. Но как? Двухкомнатная квартира на четверых, ну, скоро будет на пятерых, это условия прекрасные, ни в какую очередь не поставят. В городе есть очередь на жилье, но она не движется. Все новые дома строят только три института, по отдельности или вместе на паях. Все квартиры — от предприятий. Первые очередников — в новый дом, следующих — в их освободившиеся квартиры, и так далее. Просить квартиру или хотя бы комнату нужно на работе. Втайне

от родителей заниматься этим неудобно. И Сережа сказал Прокофьичу.

— Сергей, вопрос серьезный и я тебе серьезно отвечу, — подумав, стал говорить тесть. — Первое, хочу тебе сказать, что я тебя понимаю. Отдельно — лучше для молодой семьи. Поэтому, ты не бойся меня обидеть, твое желание естественное и для нас с матерью необидное. Второе, Сережа, знай, что ты нам — сын. Так же, как Танька — дочка. Я очень доволен, как Танька замуж вышла, и о другом зяте не мечтаю. Отдельно ли, вместе ли мы с тобой — одна семья. Но вот, подумай сам, будет маленький, как отдельно жить? Уж лет-то до трех легче большой семьей вытягивать. А там, может, еще надумаете, как у тебя было в семье, чтобы сын и дочь... У меня только под старость лет сын добавился, а раньше одной дочкой обходился. А что тесновато у нас, так перевалит Танька за половину срока, подам на улучшение жилищных условий.

— Спасибо на добром слове, Андрей Прокофьевич. Я тоже вас люблю. Но я все-таки попробую, — твердо ответил Сергей. Слова тестя, искренние и дружеские, тронули его. Но перспектива продолжения «житья в зятях» пугала и не позволяла сдать-ся. — Если дадут мне жилье, а мы захотим вместе жить, так съехаться несложно.

— Я сказал: как хочешь, мы не в обиде.

На следующий день Сережа стал наводить справки, как пробивают себе жилье.

В институте было двоевластие. Во главе стоял директор, но выше него был Главный, Главный конструктор — ответственный руководитель предприятия Петровичев Николай Александрович, так он именовался в официальных бумагах. А директор

был заместителем Главного конструктора. Когда-то Петровичев был директором этого института, который он и организовал, или, что называется, институт создали «под него». Петровичев был величиной, он начал работать задолго до войны, лично знал патриархов советской радиотехники и почти избежал бед довоенного и послевоенного времени, то есть сидел всего один год, да и то в Москве в «шарашке», так назывались закрытые институты, в которых вместе с военными и гражданскими сотрудниками работали заключенные специалисты. За довоенные работы у Петровичева была Сталинская премия, теперь добавились Ленинская и Государственная. Каждая принятая на вооружение разработка института кончалась награждением Купола, как звали его в институте. Со временем Петровичева утомили директорские обязанности, и он избавился от них, оставив себе только то, что хотел, в частности, решения по квартирному вопросу.

Сережа записался к Петровичеву на личный прием и в назначенный день после работы уселся ожидать очереди в приемной. Из кабинета вышла заплаканная женщина, и Сережа через красивые двойные двери вошел в кабинет к Главному. Кабинет был огромный, в дальнем конце за великолепным письменным столом сидел Главный. На нем был французский костюм, купленный летом в Париже. Об этом знали все на предприятии. Под пиджаком вместо рубашки с галстуком была надетта олимпийка. Увидев, что Сережа вошел, Главный поднялся, стал выходить из-за письменного стола и даже успел сделать несколько шагов навстречу молодому человеку. Главный поздоровался с Сережей за руку, пригласил садиться и спросил, как Сереже

работается. Без сомнения, он видел Сережу первый раз в жизни.

Быстро прочитав Сережино заявление, Главный стал вслух проговаривать ситуацию, рассуждая сам с собой. От Сережи никаких комментариев не требовалось. Потом сказал:

— Значит так. Ситуация у вас не критическая. Жить можно, по нынешним временам даже неплохо. Тем не менее я одобряю ваше желание жить отдельно от родителей жены. Притом из вашей большой семьи у нас в институте работают три человека, это также — очки в вашу пользу. Но предприятие в настоящее время своей площади не имеет. Мы вам дадим гарантийное письмо в горисполком. Под это письмо они вам дадут комнату за выездом, у них такая возможность есть. А мы им потом вернем или договоримся как-нибудь. Но вас это уже не касается. Готовьте такое письмо. Вопрос согласуйте с секретарем парткома и председателем профкома. С гарантийным письмом опять ко мне. Всего хорошего, рад был познакомиться.

— Спасибо, до свидания, — за все время аудиенции Сережа не произнес и десяти слов.

Сережа был очарован Главным, рад успеху своей миссии и летел домой как на крыльях. Но рассказывать дома ничего не стал, а рассказал на следующий день в лаборатории. Сережу внимательно выслушали, но сказали, чтобы особенно не радовался.

— Ты знаешь, как его у нас называют? — спросила Валентина Михайловна.

— Знаю, Купол, — ответил Сережа.

— Это само собой. Еще его зовут Хоттабычем.

— Почему это? — удивился впервые услышанному прозвищу Главного Сережа.

— Потому, что он сказки любит рассказывать, — сказала Валентина Михайловна.

Не охлажденный реакцией сослуживцев Сережа побегал по начальству. Секретарь парткома, выслушав Сережу, сказал, что раз Главный обещал, то он письмо подпишет. Сережа пошел в профком. Председатель прочитал начало Сережиного заявления и сморщился.

— А вы знаете, что любые жилищные вопросы решаются только с сотрудниками, у которых не менее восьми лет стажа работы на нашем предприятии? — спросил он.

— Но тогда я должен был начать работать с пятнадцати лет, — весело ответил Сережа, преждевременно решивший, что дело в шляпе.

— Если мы каждому нагловатому студенту будем раздавать квартиры, то кадровые работники останутся жить на улице, — резко поставил Сережу на место председатель, посчитавший слова молодого человека за неслыханную дерзость.

— Но ведь не квартиру, а гарантийное письмо на комнату... — сбавил тон Сережа.

— Это одно и то же, — сказал председатель. — Они с нас потом за это письмо целую квартиру требуют.

— Но Николай Александрович не так говорил...

— Николай Александрович, возможно, не в курсе дела. А я вам опять повторяю: вы не можете поднимать вопрос о жилье, вы еще года у нас не работаете.

— Зато наш семейный стаж больше тридцати лет, — попытался отгрести в эту сторону Сережа.

— Как это «семейный»? — спросил председатель, не дочитавший заявление до конца.

— Андрей Прокофьевич Борисов — мой тесть, дочь его, моя жена, у нас работает. Вот так, семейный.

— Вот что, вы идите, работайте. А мы тут разберемся, — взял себе отсрочку председатель.

После беседы с председателем профкома Сережу охватило предчувствие неудачи. А председатель, дождавшись ухода Сережи, позвонил Прокофьичу.

— Слушай, Андрей, тут ко мне зять твой приходил. Купол ему гарантийное письмо на комнату пообещал. Что там у вас такое?

— Да все нормально, ты-то сам как к этому относишься?

— Да парень, мне показалось, наглый. Купол ему насочинял, как всегда, и ему теперь море по колено.

— Нет, нет, парень хороший.

— Так что, подписывать?

— Понимаешь, нас теперь четверо, скоро будет пятеро, тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить. Тесновато в двухкомнатной, — сказал хитрый Прокофьич.

— Так что ж вы не так делаете? — покровительственно раскатился председатель. — Мне ли тебя учить? Собирай бумаги и подавай на улучшение. Ведь новый дом в следующем году сдаем. Там трехкомнатные квартиры по семьдесят пять метров общей площади. Красота!

— А есть шансы? — с надлежащим сомнением в голосе спросил Андрей Прокофьевич.

— Если сейчас гарантийное письмо не давать, то есть, конечно, — пообещал председатель.

— Спасибо, — придал голосу ликующие нотки Прокофьич.

— Значит, так сделаем. Я сейчас письмо это торозну, а дальше по плану, — удовлетворенно завершил интригу председатель.

В следующий раз Главный принимал Сережу не один, а вдвоем с председателем профкома. Они си-

дели за огромным столом и с высоты своего величия, из кабинетного далека созерцали, как Сережа плетется от дверей, с каждым шагом сникая и убеждаясь в безнадежности своего дела. Никаких рукопожатий на этот раз не было. Председатель, правда, молчал, говорил только Купол.

— Понимаете, вы ведь только пришли на предприятие. Вы сколько получаете? Сто десять? Вот видите, вы по зарплате еще даже не инженер, а старший техник, — свысока, совсем не так, как в первый раз, говорил Главный. — Поработайте, проявите себя. Тогда и будем говорить серьезно. Что комната? Квартиру вам предоставим!

И так далее в том же роде. Сережа все-таки выпросил ходатайство в исполком о предоставлении комнаты. Но самой главной фразы о гарантированном возврате в нем не было. Сережа побегал с этим ходатайством по разным этажам горисполкома и понял, что впечатления на городских руководителей письмо без гарантии не производит.

ГЛАВА 11

— Слушай, Тань, — сказал Сережа жене после ужина. — А ты можешь написать для меня стихотворение прикладного значения?

— Как это? — внутренне напряглась Татьяна. Разговор о поэзии с неприобщенными, к которым относился Сергей, мог скрывать подвох.

— Понимаешь, у нас у одного мужика шестидесятилетие, хотелось бы от нашей лаборатории стихотворное поздравление ему преподнести, — пояснил Сережа.

— Что надо отразить? — спросила поэтесса.

«И где Танька берет такие обороты?» — подумал Сережа, привычно сожалея, что обратился к жене — все равно толку не будет. Но раз сам ввязался в разговор, нужно отвечать.

— Ну, как... Фамилия его Хорунжий. Мы зовем его «дядя Женя». Воевал, был ранен. У нас занимается всем подряд: отправка изделий на испытания, дежурство по корпусу, отгулы за это дежурство, отправка людей в колхоз, на овощную базу, опоздания на работу и все остальное. Администратор. Другой бы на его месте много крови мог бы людям попортить, а Хорунжий — нет. При такой собачьей работе — приятный человек и правдоискатель. Когда в городской газете напечатали заметку о том, что городская овощная база отказалась от труда привлеченных работников из институтов, то он взял эту газету вместе с очередной разнарядкой на овощную базу, и пошел к секретарю парткома с вопросом, как эти документы совместить. Тот почитал, подумал и ответил глубокомысленно: «Женя, некоторые заметки нужно читать между строк!».

— Я не могу все это описать, это меня не вдохновляет, — сказала Таня.

— Да нет... Я же рассказываю, что он за человек, — довольно вяло стал объяснять Сережа. — Описывать в стихах это не надо. Может быть, фамилию его обыграть, ведь «хорунжий» — это воинское звание в казачьих войсках...

— Ладно, я, конечно, подумаю, но ничего не могу тебе обещать...

Но Сережа уже не рассчитывал на жену. Во время разговора, пока объяснял Татьяне, что к чему, сам начал сочинять. Не Бог весть что, несколько поздравительных строчек... Что-то вроде:

*Будь вы хорунжий, будь вы есаул,
Вас крепко любим, без чинов и званий!
Вы сами милы нам, отнюдь не ваш отгул.
В ваш славный юбилей мы вместе с вами!*

Таня так ничего и не написала, а это пошло за милую душу.

Но, бывало, Татьяна создавала стихи по заказу отца. В окружении Андрея Прокофьевича часто случались события, достойные стихотворного адреса: юбилеи, награждения и выходы на пенсию. Прокофьич просил Таню о помощи, и она иногда помогала, сочиняла несколько строчек, отличающихся от обычных «поздравляем-желаем». Правда, Прокофьич сам их потом переделывал, часто до неузнаваемости. Однако всем, и юбиляру тоже, обязательно рассказывал, что стихотворение написано дочерью.

В семье Таня почиталась как литератор, и сама про себя думала, что она поэтесса. Поддерживалась ее внутрисемейная литературная репутация тем, что Таня посещала собрания литературного кружка при городской газете. Кружок назывался «ЛиК», то есть литературный клуб, и Таня говорила, что она — член литературного объединения. Раньше при газете был кружок рабкоров, потом появился молодой энергичный журналист, который расширил сферу деятельности кружка, придумал название, согласовал, где надо, и получился клуб. В «ЛиК» ходила разнообразная пишущая братия — и те, кто в прозе гневно обличал нечестных продавцов, и те, кто писал о любви в стихах, и те, кто составлял историю города, записывал байки местных стариков, которые участвовали в строительстве города и запомни-

ли что-нибудь интересное. Литераторы собирались, пили чай, рассказывали каждый о своем. Сначала, правда, уровень был низковат, друг друга слушали плохо, членам клуба не хватало интеллигентности, единства интересов не было. Журналист это понял и пригласил в «ЛиК» Михаила Кузьмича, учителя из школы. Все его так и звали — Учитель.

Михаил Кузьмич был известным в городе человеком. Высокий, могучий, с крупными чертами лица, этот человек производил впечатление уже своей внешностью. А уж когда начинал рассказывать, то слушали его, открыв рот, и стар, и млад, и читатели, и писатели. Михаил Кузьмич обладал широчайшей эрудицией, имел обширное знакомство в Министерстве просвещения и в Академии педагогических наук, состоял членом многих методических и научных советов и часто ездил в Москву на заседания. Он мог отсутствовать в школе два-три дня, в этом случае в его классах изменяли расписание, потому что подменять себя на уроках литературы Михаил Кузьмич не разрешал.

Каждое лето Михаил Кузьмич брал десяток старшеклассников и неделю или две ездил с ними по литературным местам. Об этих поездках Михаил Кузьмич рассказывал на уроках в школе и в клубе.

— Приехали мы в «Карабаху близ Ярославля». Так называл это место в письмах сам Николай Алексеевич Некрасов. Селение живописное, но небольшое. «А где у вас тут церковь?» — спросил я местного жителя. «Извиняюсь, гражданин, — отвечает, — нету у нас церкви». — «Ладно, — говорю, — ну, где была церковь?» Сознаюсь, несколько раздражила меня его бестолковость. А он опять: «И не было никогда». — «Как же так, у вас же — село?» — «Да, нет, —

говорит, — у нас — сельцо, попросту, деревня». Вот так-то. Оказался вполне грамотный собеседник. А в учебнике литературы местопребывание Некрасова обозначено как «село». Следовало бы написать «сельцо». В своей беседе с автором учебника я указал на эту неточность, и он обещал в последующих изданиях ее устранить.

Воцарение Михаила Кузьмича в «ЛиКе» оказалось очень удачным и продуктивным. Михаил Кузьмич из собрания непризнанных гениев, каждый из которых бубнит свое, сделал семинар по русскому языку и литературе. На каждом заседании Михаил Кузьмич объявлял тему следующего семинара, назначал одного или двух докладчиков и нескольких оппонентов. Обоснованность выбора темы ни у кого не вызывала сомнений, Учитель есть Учитель. Готовились и обсуждали «Особенности речи дикторов радио», «Заметные прозаические публикации журнала «Юность» в истекшем году», «Поэзию и критические статьи Аполлона Григорьева». Иногда молодой журналист, создатель «ЛиКа», просил провести семинар на тему вроде «Патриотическое творчество поэтов — членов нашего клуба». Михаил Кузьмич проводил такой семинар, но и тут разбирал представленные стихи бескомпромиссно.

— Татьяна Андреевна, вы — член партии? — обратился он на этом семинаре к Тане Зуевой, написавшей стихотворение о душевной радости по поводу скорого прихода коммунизма.

— Нет... — Таня испугалась столь определенно поставленного вопроса.

— Тогда почему вы в своем стихотворении пишете «наша партия»? — продолжил разбор Михаил Кузьмич.

Таня пожала плечами, не знала, что ответить, как прокомментировать очевидную истину. Оно и хорошо, обсуждение в этом направлении далее не шло. Михаил Кузьмич редко позволял себе политические замечания, дорожил «ЛиКом» и работал в нем с удовольствием.

Таня никак не думала, что критика ее стихотворения пойдет в этом направлении. Стихотворение было такое:

*...И краше всех
Даров — надежда лучшей жизни!
К. Батюшков.*

*Как наша партия мудра,
Нам лучший дар дает она:
Средь бед и жизненных невзгод
Мы коммунизма ждем приход!
И вместе с партией хотим
Приблизить час трудом своим.*

Таня ожидала критики рифмы «мудра — она». Или спора о том, какой час мы хотим приблизить, достаточно ли ясно сказано об этом в стихотворении? Или обвинения в излишнем преувеличении текущих трудностей нашей жизни, как будто поэт хотел сказать, что мы одной надеждой живем и ничего хорошего не видим. А Михаил Кузьмич стал говорить о другом, и как зло! Не отметил даже, что так удачно подобран эпитафия! Таня расстроилась от этой творческой неудачи, но потом решительно порвала листок со стихами и постаралась забыть о них. Наверное, гражданская поэзия — это не ее стезя, она — лирик. А эти шесть строчек

были написаны специально для тематического семинара...

Часть услышанных от Михаила Кузьмича бесспорных положений Таня повторяла дома для повышения культурного уровня родителей и мужа. Так же, как и Учитель, Татьяна была обеспокоена чистотой русского языка, и ее домашние лекции были посвящены борьбе с засорением «великого и могучего».

— Послушайте современную речь, — проповедовала Таня. — Как много искажений, упрощений, вульгарных оборотов. Например, слово «экология» обозначает науку об окружающей среде. Как же может быть «плохая экология» или «хорошая»? Плохая или хорошая наука, что ли? Правильнее сказать: «плохая экологическая обстановка». Или «эпицентр»? Это проекция центра на земную поверхность, как у землетрясения или ядерного взрыва. А у политического события есть центр, но не может быть эпицентра. Если, конечно, событие это происходит не над землей.

Тут губы Тани искривлялись иронией Михаила Кузьмича.

— Или вот еще, — продолжала Таня. — Распространенное выражение одеть пальто или шляпу. Это тоже неправильно. Нужно говорить: «надеть пальто». А вот сказать «одеть ребенка» — это правильно.

Анна Петровна слушала Таню в онемении, не отводила от дочери восхищенных глаз, ничего не говорила, только иногда срывалось у нее: «Да... Что мы знаем?..»

Андрей Прокофьевич с удовольствием и умилением слушал дочку. Ему нравилось, что у дочери есть такое занятие, и он поощрял посещения «ЛиКа».

Серее интересно было слушать, и он всегда пытался затеять обсуждение Таниной лекции. Или старался подкрепить или опровергнуть высказанные сентенции житейскими примерами. В этот раз Сережа тоже вступил в разговор.

— А можно сказать: «одеть жену»? — спросил он.

— Конечно, можно, это будет правильно, — ответила Таня.

— Раз правильно, тогда — вот! — Сережа достал из кармана и помахал в воздухе пачкой красненьких десятирублевых бумажек. — Премию дали по заказу. Сто двадцать рублей. Давай тебе костюмчик купим.

— Вот пример, понятный широким слоям населения! Особенно женской прослойке, — поддержал зятя Прокофьич.

— А можно сказать «раздеть жену»? — весело продолжал Сережа.

— Перестань... Хотя да, я забыла сказать. Есть такое правило, кого раздевают, того можно одеть. А что можно снять, то надевают, — сказала Таня.

— Тогда, пожалуйста, для твоего «ЛиКа» правило, которое легче запомнить: «Надевают одежду, а одевают Надежду».

— Это что, юмор? — презрительно спросила Таня мужа, не понявшего, по ее мнению, очевидной истины.

— Ну, во-первых, Танечка, скажу тебе, как знатоку русского языка, что так спрашивать тоже неправильно. Юмор — это определенный вид смешного, так же, как экология — это наука. Нужно было спросить: «это что, шутка?» Во-вторых, это не шутка, а действительно правило. Юмористическое, изложенное забавно, но верное и легко запоминающееся.

Если «н», то «о», а если «о», то «н». Крест-накрест, и в рифму. Знаешь, как цвета спектра запоминаются с помощью «Каждого охотника...»?

— Глупость какая-то, — по-прежнему не понимала Таня.

— Нет, нет, Тань, ты что? — сказал Прокофьич. — Очень здорово Сережа придумал. Ты скажи там Михаилу Кузьмичу, он оценит. Скажи, сама сочинила. Ты ведь не против, Сереж?

— Натуроплата! Пойдемте, тещушка, выпьем промочке и будем квиты! — согласился Сергей.

Разговор о языке окончился. Анна Петровна пошла на кухню собирать ужин.

ГЛАВА 12

Серее нужен был волновод с необычным фланцем. Фланец и волновод имелись. Можно было бы нацарапать служебную записку и отнести их в цех, чтобы там спаяли. Но это ведь нужно договариваться, идти в другой корпус, готово будет только завтра, хорошо, если... Из-за такого небольшого дела столько мороки... Раньше Сережа поручил бы работу Николаю Николаевичу, а через полчаса получил бы, что хотел. Николай Николаевич умел делать все, был токарем, фрезеровщиком, слесарем, паяльщиком, радиомонтажником, кроме того, всем инженерам и научным работникам ремонтировал часы. Николай Николаевич работал красиво. Движения его были точны, экономны и имели очарование танцевальных па, как будто большой артист вышел сплясать нечто простенькое. Его работа завораживала зрителя, как хороший спек-

такль. Но Николай Николаевич ушел на пенсию по инвалидности, а вместо него взяли Боря.

Много лет Боря работал в гранитном цехе при кладбище. Работа была связана с потреблением низкокачественных спиртных напитков, нахождением на свежем воздухе в любое время года, простудами и семейными неприятностями. После того как жена взяла дочку и уехала навсегда к маме, Боря решил изменить жизнь, начать с чистого листа. Без прежней семьи и вредных привычек. Он целый месяц лечился от пьянства и курения за деньги, а потом стал искать работу в Москве и окрестных наукоградах. Так он попал к ним в институт, в столярную мастерскую.

Однако полного обновления жизни Боря не достиг. Публика в столярке была, конечно, почище, чем на кладбище. Разговоры интересные иногда возникали. Один рассказывал, как чинил шкаф в кабинете то ли Королева, то ли Челоменя, другой говорил, что на Байконуре бывал в командировках и все запуски сам видел.

От этих рассказов Боря обалдевал, пытался поймать и запомнить каждое слово. Однако ему это не всегда удавалось: после гранитной работы Боря сделался глуховат. А переспросить возможности не было, потому что рассказчик высокомерно посылал Борю матом, подчеркивая тем самым, что такие интересные рассказы предназначены не для нового «чурочника», а для настоящих слушателей.

Квалификацией Боря и взаправду не мог похвастаться: работать с деревом совсем не то же самое, что с камнем. Но овладеть новым ремеслом Боря особенно не старался — в столярку-то он попал случайно, потому что взяли, вакансия оказалась именно в столярке. А попав в столярную мастерскую, не

проявлял стремления сделаться краснодеревщиком. Так что подняться выше «чурочника» ему бы долго не удалось. Однако проходить вторым сортом Боря никак не соглашался. Борина рабочая гордость опиралась не на разряд, не на рубанки-фуганки. Боря бросил пить, переменил жизнь и очень этим гордился сам, и от других ждал уважения к себе за этот героический поступок. Ведь на одну только дорогу от дома до работы Боря тратил два часа в один конец и не пил вообще ничего, кроме чая.

Впрочем, интересные истории рассказывали редко, да и то всякая история обязательно кончалась подробным рассказом, сколько и чего выпили, чем потом похмелялись, и какой хороший человек был главный конструктор, потому что понимал душу рабочего человека.

Вследствие перечисленных причин полного удовлетворения от новой жизни Боря не чувствовал, нужен был следующий шаг. Этот шаг Боря сделал. Бросил без жалости столярку и перешел в лабораторию. Вот здесь были люди! Умные, рукастые, веселые, образованные. Вот уж действительно интеллигенция, даже матерились редко, только к месту, а при женщинах вообще ни одного такого слова. И в рабочее время, считай, не пили.

Взяли Борю в лабораторию рабочим «на все руки» вместо Николая Николаевича. Разбаловавшись около мастера инженеры полагали, что всякий работяга хоть что-нибудь, да умеет делать. Боря же когда-то выбивал буквы на надгробиях, а больше ни о чем понятия не имел. В свои сорок три года он мог сказать про себя словами поэта: «Я бросил пить, этим и интересен». Новой должности Боря никак не соответствовал. Единственной его заслугой было

то, что он обогащал лабораторный фольклор своими несуразными высказываниями. Благодаря Боре теперь все брались за любую новую работу с заклинанием «Будем фрезовать», так сказал Боря, когда в лабораторию принесли новый сверлильный станок.

Поручать пайку Боре было бесполезно. Сережа малость посомневался и решил сделать работу сам. Он подошел к верстаку и присел на стул около маленьких тисков. Секунду назад на этом стуле сидел Боря и занимался тем, что старался не заснуть. Но Сережа приблизился к верстаку с таким видом, как будто за верстаком никто не сидел. И верно, Боря, что называется, «испарился»: встряхнулся и освободил стул за мгновение до того, как на него уселся Зуев. Затем Сережа принялся заточивать жало паяльника, а Боря любовался его точными движениями и приговаривал: «Да, здорово...».

Пайка массивных латунных деталей — частая операция в антенной лабораторной практике, Сережа много раз видел, как этим занимался Николай Николаевич, иногда сам был «на подхвате», поэтому был знаком с последовательностью действий. Осталось только сделать самому.

Подготовив большой киловаттный паяльник, Сережа разорвал белую тряпку на длинные лоскуты и послал Борю намочить их в раковине. «Пусть поучаствует в работе», — решил Сережа. Тщательно обмотав мокрыми полосками ткани второй фланец, чтобы не отвалился при пайке, Сережа обернул волновод куском асбестового материала и зажал его в тиски. Затем надел новый фланец, смочил стык волновода и фланца раствором хлористого цинка, коснулся разогретым паяльником припоя и осторожно, чтобы не перекосить конструкцию, прижал

паяльник к торцу волновода. От мощного паяльника конструкция быстро прогрелась, и жидкий припой тонкими ручейками заполнил щели. Сережа отнял паяльник и стал смотреть, как застывает припой. Потом слегка махнул надфилем и вынул остывший волновод из тисков. Готово. Вроде бы, ничего получилось, аккуратно.

— Да, мудрено, — сказал Боря, уважительно наблюдая за работой.

— Без снасти, барин, и вша не убьешь, — словами Платона Каратаева ответил довольный своей работой Сережа.

— Вам, рыбакам, виднее, — сказал Боря, полагавший, что слово «снасть» относится исключительно к ловле рыбы.

Кто услышал очередную Борину несуразность, привычно хихикнул. Незнание этих замечательных слов Платона Каратаева, как и общее слабое знакомство с великой русской литературой и прочими достижениями цивилизации, тоже не создавало Боре авторитета. Опять же, привычное сравнение с Николаем Николаевичем, который был начитан, а «Горе от ума» знал наизусть, играло не в Борину пользу. На Борю потихоньку просто перестали обращать внимание: для работы он был не нужен, а издеваться над чьим-нибудь невежеством было как-то не в традициях лаборатории. Так что и в лаборатории Боря не нашел понимания. Через несколько месяцев он уволился из института и стал грузчиком-экспедитором в какой-то конторе, ездил по складам и базам, иногда добивался успеха, выполняя функции «толкача», то есть получал дефицитный товар, который не всем дают. На этом месте Боре было хорошо, он выполнял большое и важное дело, был нужен людям

и считал себя начальником над сидящим слева от него водителем. Иногда Боря рассказывал водителю о своей работе в засекреченном институте, откуда ему пришлось уйти по обстоятельствам, о которых нельзя говорить...

ГЛАВА 13

Начальник предупредил Сережу, что завтра они поедут на совещание в Москву. Поездки в Москву на институтском наречии назывались «местные командировки». Командированные записывались в специальную книгу. В эту же книгу вписывались отбывающие в отгулы и прогулы с ведома начальства. В этом случае местом назначения была обычно Патентная библиотека.

Совещание или, вернее, семинар, собирали по инициативе двух энтузиастов из такого же, как у Сережи, подмосковного института. Они предложили принципиально новый подход к защите антенн от нагрева, от ветра, от дождя, снега и так далее. Эти ребята активно пробивали свои идеи, носились по предприятиям и вот добились обсуждения на представительном совещании, на которое пригласили Сережиного начальника, а тот взял с собой Сережу.

Ехали в Москву на электричке, потом на метро с пересадкой, зато от метро было недалеко. Пройдя обычную процедуру в бюро пропусков, Сережа с начальником дождались сопровождающего и прошли на территорию через проходную, в которой вместо привычных бабушек с зелеными петлицами стояли молодые люди в штатском. Пришли в конференц-зал, где должно было состояться мероприятие.

Начальник представил Сережу ранее пришедшим солидным дядечкам как «молодое поколение» и оставил его, сказав: «Ну, ты побудь здесь, а я пойду, освежу знакомство». И с таким удовольствием это было сказано! Сереже показалось, что не семинар, на который они приехали, а десятиминутный вояж по кабинетам чужого института для разговора с приятными ему знакомыми людьми и был целью и смыслом поездки.

Народ потихоньку собирался, и ровно в десять открыли совещание. Первым выступил главный инженер предприятия — устроителя совещания. Очень представительный товарищ. Седоватый, лет под шестьдесят, высокий, стройный, в дорогом костюме-тройке, с аккуратными усами. Прямо Резерфорд. Прекрасным языком он изложил предмет обсуждения, заранее не отрицая новую идею и не соглашаясь с ней, но высоко оценивая квалификацию ее авторов, тем самым приглашая участников совещания к серьезной работе.

Потом стали выступать по очереди молодые энтузиасты. Одному было чуть за тридцать, другому больше, наверное, ближе к сорока.

К совещанию подготовили и раздали участникам программу, в которой было шесть докладов. Автором двух значился один, автором еще двух — другой, а два доклада были у них в соавторстве. Но выступали докладчики по очереди — уставал один, вставал другой. Называл тему и шпарил без бумажки, быстро рисуя на доске или показывая указкой формулы и результаты на подготовленном плакате, нисколько не заботясь, он или его товарищ значится автором очередного сообщения. «Вот это сработались! Ну и тандем!» — подумал Сережа.

Суть новой идеи состояла в следующем. Колпак, или обтекатель, должен был быть прочным, чтобы защитить антенну, но при этом не должен был сильно искажать проходящие от антенны радиоволны, куда бы антенна ни поворачивалась. Понятно, что для этого нужно колпак делать более прозрачным для радиоволн. К этому всегда и стремились. А докладчики доказывали, что можно добиться лучших результатов, если колпак, наоборот, будет частью проходящей через него волны поглощать. Такой не очень прозрачный колпак проще и дешевле сделать, а результаты получаются лучше.

Сережа для начала, чтобы лучше понимать, о чем доклады, представил себе предельные случаи, так он всегда привык первоначально оценивать физические задачи. Пусть колпак прозрачен, как воздух. Тогда никаких искажений не будет. Но и прочности никакой. Ладно. Пусть теперь, колпак поглощает все, что через него проходит. Тогда, куда бы ни смотрела антенна, наружу все равно ничего не просочится. Так что формально искажений тоже нет. При этом колпак можно сделать сколь угодно прочным. Итак, предельные случаи не выявляют явного противоречия в новой идее. Возможно, энтузиасты действительно обнаружили нечто новенькое...

Через стул от Сережи сидел седой человек в годах. Сережа уже видел его раньше. Его фамилия была Молодцов, у него лет пятнадцать назад вышла книга про расчет и конструирование колпаков. Он был известен как прекрасный инженер, проводивший несколько разработок, знавший дело от начала до конца. У него было круглое бледное лицо, седые волосы на прямой пробор, очки в золотистой металлической оправе. Общий облик был светлый,

беловато-золотой. Сидел он в спокойной позе и внимательно слушал докладчиков. После второго доклада он переменял позу, уселся, напряженно подавшись вперед. Лицо сделалось розовым. Поразившись произошедшей с Молодцовым перемене, Сережа теперь время от времени поглядывал на него. Такой смены красок на человеческом лице Сережа не видел никогда. Молодцов становился то красным, то зеленоватым, то серым. Губы его шевелились, как будто он полемизировал с выступавшим. Молодцов все время смотрел, не отводя взора, на докладчика, как будто был им загипнотизирован.

Когда доклады закончились, Молодцов откинулся на спинку стула и сказал довольно громко: «Ну, вообще...» «Резерфорд» посмотрел на Молодцова и объявил перерыв. Все пошли обедать в институтскую столовую.

После обеда началось обсуждение. Первым выступал Молодцов. Он сказал, что все доложенное — чистое шарлатанство. Результаты ничем не подтверждены. Приведенным экспериментальным данным он не верит, да и нет настоящего эксперимента: авторы по-своему толкуют известные вещи, а так толковать, все равно что левой рукой чесать правое ухо. Так, как они предлагают, никогда не делали. После этого Молодцов стал вспоминать давнишние разработки, которые, по его мнению, полностью опровергают предлагаемые новшества. Истории свои он начинал со слов: «Когда мы делали...» Когда вслед за второй историей Молодцов в третий раз сказал: «Когда мы делали...», «Резерфорд» прервал его, сказав: «Ваше мнение, Евгений Александрович, вполне ясно, спасибо».

Выступление Молодцова было резким, но конструктивной критики предложенной физической модели все-таки не содержало. А тут еще эти воспоминания о работах, выполненных при царе Горохе... Слишком сильно Молодцов походил на старого ретрограда, который привычно душит новое и молодое. Все захотели такому вредному консерватизму воспротивиться. Прочие выступавшие говорили, что не так все однозначно, что работы надо продолжать, в них явно есть рациональное зерно.

Говорили, что таких способных, можно сказать талантливых специалистов, нужно поддерживать. Но так как лучше Молодцова никто дела не знал и не понимал, то ни один не сказал: «Давайте-ка сделайте для нас колпак на основе ваших теорий!»

Сереза зашептал своему начальнику.

— А пусть они для нас посчитают.

— Денег на это никто не даст. К тому же, я думаю, что Молодцов правильно говорил: они — шарлатаны. Я деньги под это дело пробивать не пойду. Пока, во всяком случае, — тоже вполголоса ответил начальник.

Сереза не сразу сообразил, при чем тут деньги. Но после слов начальника понял, что смысл сегодняшнего совещания для новаторов как раз и состоял в том, чтобы заинтересовать какой-нибудь институт, чтобы им открыли работу, дали задание, приняли результаты. Пусть работа будет чисто теоретическая, а деньги небольшие, это было бы шагом вперед.

— Пусть без денег посчитают, раз они такие энтузиасты. Покажут, что могут, тогда будем с ними иметь дело, — сказал Сереза.

— Пожалуйста, занимайся, не буду препятствовать, — с улыбкой закончил тихие переговоры Серезин начальник.

Получив добро, Сереза подсел к докладчику, который помоложе, и предложил поработать вместе. От остальных участников совещания никаких предложений не поступало, а это было хоть что-то. Молодые энтузиасты посоветовались друг с другом и согласились. Обмениваться данными решили по почте, а то на двух электричках через Москву не наездишься. Спешки никакой нет. Понадобится — созовимся и встретимся.

Полгода шла переписка. Сереза посылал исходные данные, не связанные ни с какой конкретной работой, чтобы не раскрыть какой-нибудь секрет. Ему приходили просьбы уточнить то одно, то другое или согласиться на какое-нибудь упрощение задачи. Потом стали приходиться промежуточные результаты с длинными объяснениями, как их можно использовать. Но такого результата, который бы убедил в правильности нового метода, с которым можно было пойти к начальству, пока что не было...

А через полгода эта игра закончилась. Молодые энтузиасты поругались, так как не смогли решить, кому первому защищать докторскую диссертацию, основанную на их совместных работах. Исчерпав все возможности договориться, тот, который постарше, пришел поздно вечером в свою лабораторию, вынул из ящика письменного стола того, который помоложе, Серезины письма и отнес их куда следует, приложив докладную записку о том, что секретная переписка проводилась по открытым каналам.

Никаких секретов в письмах не раскрывалось. Но в них употреблялись такие жуткие слова, как «антенна», «полоса частот» и «пеленгация», на что настойчиво указывал бдительный соавтор. К тому же всем надоела неприличная ссора двух научных работников. Младшему энтузиасту предложили на выбор: или уволиться добровольно, или делу дадут законный ход. Тот увольняться не захотел. Тогда его лишили допуска к секретным работам, в связи с чем и уволили. При таком исходе дела скандал бил рикошетом по Сереже: к нему в институт прислали копии писем с предложением разобраться.

Сережа по молодости лет очень испугался. С ним беседовали. Один говорил, что его поступок — непростительное разгильдяйство. Второй говорил, что это — преступление. Сережа просыпался по ночам в холодном поту и думал, посадят его или только выгонят с работы.

Однако, во-первых, ревнивого соавтора у Сережи не было, наоборот, был начальник, который его ценил и защищал. Во-вторых, в письмах действительно не содержалось недозволенной информации, если очень не стараться за уши притянуть. Поэтому дело кончилось выговором в секретном приказе, хотя Сережа был автором писем, а тот, пострадавший молодой энтузиаст, — только получателем. С приказом Сережу ознакомили под расписку. Кроме Сережи приказ читали еще пять человек начальников разного уровня. Никаким другим наказаниям, вроде лишения квартальной премии, Сережа не был подвергнут. И хорошо.

Чтобы не волновать жену и ее родителей, Сережа ничего не рассказывал дома про эти перипетии.

ГЛАВА 14

Сережу разбудил чей-то назойливый голос над ухом, повторявший одно и то же снова и снова.

— Алик, где она?.. Алик, я умираю...

Сережа лежал с закрытыми глазами, пытаясь сообразить, где он находится, и откуда этот противный голос. Ничего не вспомнил и открыл глаза. Виднее не стало, тьма кромешная. И опять:

— Алик, где она?.. Алик, я умираю...

На этот раз в ответ раздался раздраженный шепот.

— Отстань, нет ничего.

— Алик, я знаю, ты оставил...

— Отстань, паразит, люди спят.

— Алик, я не могу, я умираю...

«Я в колхозе», — вспомнил Сережа. Действительно, он спал на кровати в физкультурном зале сельской школы. Рядом спали, а вернее проснулись и зашевелились, еще тридцать мужиков.

В колхоз поехали на две недели, «на картошку». Работа была известно какая. Инженеры собирали выкопанные трактором клубни в широкие корзины с двумя целыми или отломанными ручками, ссыпали картошку из корзин в мешки, завязывали мешки и грузили их, когда подтаскивали тракторную тележку.

Их лаборатория подготовилась к поездке, как всегда, очень хорошо — народ походный. Взяли с собой каны, такие высокие и узкие котелки с плоским дном, костровое оборудование, специи, даже соль. Каждый вечер, на зависть неподготовленным, устраивали костер, варили картошку то в мундире, то чищеную. Пару раз пекли, но молодая печеная картошка — не очень-то, отварная лучше. Водочки

тоже взяли, чтоб не местный сиводрал пить. Ну, и все шло как по маслу. В обеденный перерыв где-нибудь в стогу по чуть-чуть, под сырок с хлебушком. Вечером уже по-настоящему: наварят картошечки, расстелют телогрейки, сена подложат, чтоб не на земле. Валера Полоскин на гитаре играл, все пели, есть музыкальный слух или нет, все равно пели... Истории всякие текли.

Валентина Михайловна рассказывала, как по неопытности выкинула в урну корешки от спецблокнота. Сдала блокнот в машбюро. Там все листочки оторвали, а на корешках расписались. Листочков чистых не осталось, вот Валя и выкинула корешки. Многие эту историю уже раз десять слышали или даже помогали Валентине Михайловне выброшенные корешки из урны добывать. Но слушали с удовольствием, в свете костра видны были улыбающиеся лица. Следили, улавливает ли молодежь смысл истории, совсем зеленым объясняли, что такое спецблокнот и где там корешки.

Царьков рассказывал, что был у них Тимур Кабинович, кандидат наук, «татарин, но хороший человек». Теперь ушел в учебный институт преподавать, работает три раза в неделю по шесть часов и удивляется, как раньше выдерживал режим «ящика», а своих бывших сослуживцев считает мучениками. Царьковские истории все одинаковые. Кто-то ничего не делает, но много получает, у другого жена в райкоме, одной икрой питаются. Еще обязательно нужно, чтобы был еврей или татарин, а жил хорошо, не то что мы, дураки. Слушали и Царькова, пусть балабонит.

Костер угасал, народ блаженствовал. Сережа отходил в сторону, находил стог, ложился на спину и

смотрел на звезды. Сколько же в небе спутников! Вот разлетались... Сереже было лет шесть или семь, когда в читинской газете напечатали, в какое время и в какой стороне на территории области будет виден спутник. Они с отцом подготовились, взяли компас, фонарик и пошли поздно вечером в степь за поселок смотреть на спутник. Еле нашли на небе эту бегущую звездочку. А теперь спутники летают, как мошки. Надо будет Генке показать. Не сейчас, конечно, маленький еще...

Все шло по графику, но вдруг вчера объявили, что время пребывания в колхозе сокращается, и на завтра назначили отъезд. Не везти же назад! Вот вчера и добились запас, употребили сверх нормы. Альберт Тарасович эти дела знал и бутылку заначил на утро, подлечить, кого потребуется. Но Дмитрий Иванович, пожилой старший техник из другой лаборатории, не мог терпеть до утра.

Кончилось тем, что зажгли свет, Альберт Тарасович достал бутылку и налил страдальцу полстакана со словами: «Все, Дмитрий Иванович, больше тебя в нашу бригаду не возьму, будешь с другими в колхоз ездить!» Но Дмитрий Иванович ничего не слышал, не видел, а только ждал, что сейчас ему станет легче...

Нельзя представить себе жизнь «почтового ящика» без поездок в колхоз, работы на овощной базе, на стройке. Специальные люди занимались на предприятии организацией таких работ. Групповые поездки, когда в колхоз выезжала вся лаборатория, например, на неделю, или на овощную базу, все и на один день, бывали нечасто. Чаше выдергивали по одному человеку из лаборатории. Инженеры, как правило, с неудовольствием воспринимали такие

«левые» работы, пытались «откосить». Но бывало, что молодой человек, попадавший «на новенького», чаще других на базу или в колхоз, так и не находил себя в технике, привыкал к такой жизни, появлялся на рабочем месте только между колхозом и овощной базой, находил уже удовольствие в таких командировках: там можно пораньше уйти с работы, домой унести кочан капусты, без опасений выпить в рабочее время. «Ты зачем опять согласилась ехать в колхоз? Ты же недавно вернулась!» — спросил как-то Сережа молодую незамужнюю женщину-конструктора, которая все никак не могла закончить для него простенький чертеж. «А что? Мне нравится, — спокойно ответила девушка. — Тут нужно все время голову ломать, а там идешь за трактором и ни о чем не думаешь...»

ГЛАВА 15

Любовь в «почтовом ящике» — без нее тоже рассказ не полон. Без любви бледна и недостойна картина мира. Без любви нельзя правдиво нарисовать и жизнь на охраняемом периметре «почтового ящика». Встречи влюбленных в столовой, в библиотеке, в укромных уголках, о которых якобы никто не знает, а на самом деле знают все. Звонки по местному телефону, звонки по «городскому», звонки по «московскому». Свидания в обеденный перерыв, выдуманные совместные командировки, свой кабинет, чужой кабинет, а если «нету кабинету»? Снятая квартира невдалеке от проходной. А если не удастся снять квартиру, да и на какие деньги?..

Полюбила и моя героиня. «Первый раз в жизни меня посетило большое и светлое чувство любви... если не считать школьных влюбленностей», — думала Таня. Предмет страсти работал у них в институте. Таня впервые увидела его в столовой, и у нее отнялись ноги и вспотела спина. Таня взялась рукой за ограждение, вдоль которого все стояли со своими подносами, а то бы упала. Вот это парень, ну, в смысле, мужчина! Высокий брюнет, лет тридцати пяти, подтянутый, с широкими плечами, совсем непохожий на не такого высокого и светловолосого Сережу. «Наверное, теннисист. Вот какие парни мне нравятся!» — с гордостью подумала Таня.

— Ты что так пялишься на чужого мужика? Смотри, Сережке доложат, — хихикнула подруга и толкнула Таню животом, чтобы проходила, не задерживала очередь.

Таня опустила голову и подвинула вперед поднос, стараясь не расплескать суп в тарелке. «Да, правда, ведь Сережа... Он ведь не поймет, он живет другими категориями, какими-то приземленными. Я не стану смотреть на этого замечательного мужчину».

— А кто это? — спросила Таня.

— Новенький какой-то. Говорят, из Москвы ездит.

«Да, это москвич, я сразу поняла, — подумала Таня. — Это герой из мечты, из моей мечты!»

За столиком Таня села так, чтобы лучше видеть брюнета. Обедала, поглядывая на него каждую минуту, и повернула голову, когда тот выходил из столовой.

— Ну, ты даешь! — сказала подруга.

Сидя за своим письменным столом, Таня думала только о молодом человеке. Представляла, как они познакомятся, как пойдут гулять в лес. Он будет го-

ворить ей слова любви, а она будет читать ему стихи, свои и других советских и зарубежных поэтов. На столе перед Татьяной лежала книжка по специальности. Таня всегда в рабочее время читала книжки по специальности, если ей не нужно было идти в цех относить чертежи или забирать готовые железки, или переписывать в спецблокнот какие-то результаты, одним словом, если ей не поручали работу. Таня никогда на службе не читала посторонние книги, не вязала, как некоторые другие женщины. Такие вещи отец ей с самого начала запретил, когда она только вышла на работу. Правда, сослуживцы относились к Таниному чтению без всякого внимания и уважения. Лишь один сотрудник, Евгений Алексеевич Зарезов, который все время сидел в командировках на полигоне на Ахтубе и лишь изредка появлялся в лаборатории, обращал внимание на Танины занятия. Он когда шел мимо, всегда подходил к ее столу и спрашивал:

— Что ты читаешь? Зачем это?

— Вам хорошо, вы все это прочитали и знаете, а мне нужно изучать специальность, — отвечала ему Таня.

— Я читал?! Зачем ты меня обижаешь? Отродясь книг не читал. На, лучше пойд и отметь мне командировку, — у него эти слова звучали не обидно, и Таня шла. Но иногда отказывалась, говоря, что занята.

От Зарезова всегда немножко пахло спиртным, лицо у него было красное, и он любил рассуждать, что книг по радиотехнике вообще читать не нужно, а читать нужно технические условия и инструкции по регулировке, хоть и там тоже многое наврано. Однажды Таня видела, как он перед обедом достал

из стола бутылку со спиртом, в котором плавал жгучий перец «Огонек», росший в лаборатории на окне, налил себе немножко в стакан и, не стесняясь Тани, выпил. При этом сказал: «Что-то в Центральной полосе зябко». Этот человек совсем не походил на ученого. Но его очень уважали, ценили и к мнению его прислушивались. Он был на «ты» с главным инженером и со всеми институтскими начальниками, кроме директора. Многие приходили к нему советоваться, а если его вызывал кто-нибудь из руководства, то тоже по-дружески: «Жень, зайди ко мне!» — а не через секретаршу: «Вас вызывает Петр Петрович». Он был автором несметного количества изобретений. Пока он между командировками присутствовал в институте, к нему часто приходили люди из разных отделов и устраивали шумные совещания. Начинались эти совещания с телефонного звонка: «Жень, ты на месте? Сейчас придем». Приходили человек пять знакомых и незнакомых Тани людей и начинали говорить о своей задаче. Зарезов слушал, прищурив один глаз, а потом говорил: «Значит так, ребята!» Затем излагал свою точку зрения, используя ссылки на специальные книги, отчеты и практические разработки. «Наверное, он занимается дома», — объясняла для себя его эрудицию Таня. В споре мужчины употребляли иногда неприличные слова, при этом кто-нибудь, оглянувшись на Таню, толкал матерщинника в бок и бормотал: «Ну, ты потише...».

Однако в этот раз влюбленная Таня не перевернула ни одной страницы в своей книге.

На следующий день Таня подошла к столовой пораньше, но не заходила в зал, а стояла и читала объявления около входа, поглядывая в коридор, по которому все шли в столовую. Когда появился моло-

дой человек, Таня юркнула в обеденный зал и сделала так, чтобы оказаться в очереди прямо перед ним. Около первого стеллажа Таня взяла стакан с компотом и, глядя молодому человеку в глаза, сказала.

— Можно, я вам поставлю компот? А то компот быстро расхватывают, тогда останется один кисель. Многие кисель не любят.

— Спасибо, — ответил тот, несколько удивленно глядя на незнакомую женщину.

— Меня зовут Татьяна, как пушкинскую героиню, — представилась Таня.

— А меня Андрей.

— Ой! Как моего папу... — воскликнула Таня.

В таком духе разговор продолжался всю столовую очередь: где работаете? чем занимаетесь? как начальник?

Набрав еды, Таня, не оглядываясь, пошла к свободному столику. Андрей со своим подносом последовал за ней и уселся рядом. Разговор продолжался за обедом. После обеда Андрей отнес свою и Танину посуду на мойку, а затем догнал Таню, которая неторопливо шла к выходу. Они вместе пошли по коридору.

— А у вас аппетит хороший? — спросил Андрей.

— Хороший. А что?

— А то, может, задвинем завтра обед, пойдем погуляем в обеденный перерыв, — сказал Андрей.

— Хорошо, — обрадовалась Таня.

На следующий день молодые люди встретились немножко в стороне от проходной, чтобы не слишком привлекать внимание, так предложил Андрей.

— Куда пойдем? — спросила Таня.

— Да есть тут одна квартирка, — ответил Андрей и покосился на Таню: как она, вот так сразу?

— Хорошо, — сказала Таня, не замешкавшись ни на минуту.

Войдя в квартиру и заперев за собой дверь, Андрей, как был в пальто, крепко обнял Таню и поцеловал ее в губы. Таня прильнула к нему. Как следует прижаться мешала верхняя одежда, но Андрей стал снимать вещи с Тани и с себя, после каждой тряпки вновь целуя и обнимая Таню. У Тани кружилась голова, она была наверху блаженства. Когда на ней были уже только пояс, чулки и лифчик, она сказала: «Я люблю тебя! Я все время о тебе думаю!» Андрей ничего не ответил, еще раз поцеловал Таню, снял с нее и с себя оставшееся белье и повлек Таню за руку к дивану, где была уже приготовлена постель. Тут он произнес первые слова: «Нам можно?» В ответ Таня прошептала: «Да...»

Потом Таня рассказывала Андрею, что всю жизнь она ждала встречи с ним, что их встреча не случайна, что это Любовь с большой буквы, до самой смерти. Одним словом, плагиат, «Письмо Татьяны к ... Андрею». Говорила, что ее никто не понимает, что муж, хоть они живут вместе и работают на одном предприятии, безумно далек от нее...

Андрей лежал, подложив одну руку Тане под голову, а в другой держа дымящуюся сигарету. Иногда он, не глядя, сбрасывал пепел в стоящую на полу пепельницу. «Как с ним спокойно, как хорошо, какую уверенность чувствуешь в этом сильном человеке», — думала Таня.

Андрей докурил сигарету и сказал: «Ну, иди ко мне, крошка!» И она опять прильнула к нему.

С обеда они опоздали на час, беспрепятственно порознь прошли проходную. Пропустили их без звука, потому что борьба с опозданиями в этот период

времени не проводилась. На рабочем месте их опоздания тоже не заметили.

Дома никто не обратил внимания на то, что Таня стала другой, совсем другой. «Хорошо даже, что у меня такие нечуткие родные», — подумала Таня, хотя ее всю распирало, хотелось поделиться своей радостью, полетать с кем-нибудь вместе... На то, чтобы не обсуждать свою радость с мужем, ума у Тани все-таки хватило. Но как удержать это в себе!.. Тем с большим нетерпением она ждала следующей встречи с Андреем.

На следующий день Андрей в столовую не пришел. Таня не знала, что и думать. Весь день была сама не своя, а вечером ушла пораньше, чтобы не пропустить Андрея. Она ждала в стороне от проходной и дождалась.

— Андрюша, куда ты пропал?! — срывающимся голосом спросила возлюбленная.

— Никуда не пропал, — по инерции ответил Андрей, вздрогнув от неожиданности, когда из-за дерева выпрыгнула Таня.

— Я тебя искала, я ждала тебя весь день...

— Слушай, Тань, что ж ты сразу не сказала, что у тебя муж здесь работает? — без всяких сантиментов спросил Андрей.

— Какое это имеет значение?! — искренне воскликнула Таня.

— Привет, подруга! Нет, я себе стрессовых ситуаций стараюсь не создавать! — жестко продолжил Андрей.

— Эти обстоятельства — ничто. Главное — наша любовь, — продолжала кликушествовать Таня.

— Любовь зла, полюбишь и козла, — совсем не в тон ответил Андрей.

— Я брошу мужа, я брошу сына, мне никто не нужен, кроме тебя, — заклинала Татьяна.

— Вот этого мне как раз и не хватало! — с досадой сказал молодой человек. — Слушай, я сейчас не могу, на электричку опаздываю. Завтра договорим.

Жизнь Тани превратилась в ад. Ее разбитое сердце изнывало. Лишь одного жаждало все ее существо — найти Андрея и выяснить, в чем же дело, почему он избегает ее... Все эти условности мешали ей, сковывали: позвонить нельзя, прийти к нему нельзя. Попыталась посоветоваться с подругой, той самой, которая была свидетельницей первой встречи с Андреем. Но подруга, выслушав Таню, сказала, как и раньше: «Ну, ты даешь! Правду говорят, что в тихом омуте черти водятся. Но теперь все, не лезь и молчи в тряпочку. Не будь дурой». Подруга ничего не поняла в Таниной душе, приняла к сведению только внешние второстепенные обстоятельства.

Несколько раз Тане удалось подкараулить Андрея после работы. Но выяснения отношений не получалось, Андрей грубил, отвечал невпопад, убежал.

Особенно неприятен был последний разговор. На Танин вопрос: «Ну почему же все-таки ты меня бросил?» Андрей сказал: «Слушай, мать, ты — сумасшедшая, шизофреничка. Куда только твои родственники смотрят? Тебе не трахаться надо, а психиатру показаться. Может быть, он тебе и пропишет трахаться... По столовой ложке три раза в день! Тогда приходи. А без рецепта я не могу. Ха-ха-ха!» Противно засмеялся и убежал.

Андрея тоже беспокоила создававшаяся ситуация. «Вот пристала, пиявка. Знал бы — не связывался. Неужели, увольняться? Обидно, местечко, вроде, ничего себе. Но с другой стороны, и в электричках

надоело мотаться... Ладно, поглядим, как дальше пойдет».

Так закончилась Танина любовь. Она грустила, писала стихи, полные печали, и ездила в Москву на художественные выставки, где подолгу простаивала около картин, изображавших любовные сцены...

Правда, дома ухода Тани в себя никто не заметил. То, что она ничего не делала по дому, было привычным, а то, что она перестала спрашивать домашних: «Как дела?» — было облегчением и для Сергея, и для Гены.

ГЛАВА 16

— Вот он, злодей! — указал пальцем на Сережу Самуил Яковлевич, как только Сережа подошел к своему вагону поезда «Москва–Донецк». Сказав это, Самуил Яковлевич отошел в сторону, а стоявшая рядом с ним невысокая полная женщина дождалась, пока Сережа приблизился и поставил сумку на перрон, а затем взяла Сережу под руку и повела обратно по перрону, к зданию Курского вокзала, откуда он только что пришел.

— Здравствуйте, Сережа! Ничего, что я вас так называю? Меня зовут Фира Наумовна. Я думаю, что, учитывая разницу в возрасте, так будет правильно. Вы, наверное, уже поняли, что я — жена Самуила Яковлевича. Моего мужа зовут, как Маршака, не правда ли, забавно? Я хочу вам сказать, что я была категорически против этой командировки. Вы меня понимаете? У Самуила Яковлевича очень большое сердце. Очень! Я вам говорю это как врач. Я хоть и не кардиолог, но это не важно.

Сережа напряженно молчал, никак не мог настроиться на подобный разговор.

— Самуилу Яковлевичу нужен режим, регулярное питание, ни капли спиртного, меньше волнений. Ему нужно регулярно измерять кровяное давление. Когда он сказал, что едет, так я сказала, что через мой труп. Но стал нам домой звонить начальник их отдела, говорить, что без Самуила никак нельзя обойтись, что он такой хороший конструктор и прочее. Вы знаете, что обычно они говорят, когда им что-то нужно. Но слушать приятно. Кроме всего этого сладкого рахат-лукума, он сказал, что руководить бригадой будете вы, и что вы — очень надежный человек. Я его отпускаю, но я вас прошу, создайте Самуилу Яковлевичу щадящий режим. Вы понимаете?

Сережа все-таки проникся ее заботой и ответил, что Фира Наумовна может не волноваться, что он будет опекать ее мужа и, по возможности, отправлять его с завода в гостиницу полежать.

Пока Сережа с Фирой Наумовной прогуливались вдоль поезда, Самуил Яковлевич, слесари Владислав Иванович Ефимов, для своих — Славик, и Саша Просвирнин стояли около сумок и курили. Это была командированная бригада.

— Сэм, куда твоя Фира нашего босса повела? — спросил Славик.

— Сейчас она ему мозги вправит, — хихикнул смущенно Самуил. — Насчет моего здоровья. Я в командировки пять лет не ездил.

— Ну, это мы тебя подлечим! — сказал Славик и обратился к Просвирнину: — Сашка, ты капли взял?

— На дорогу хватит, — ответил Сашка и носком ботинка дотронулся до болоньевой сумки, в кото-

рой звякнули бутылки. — А там на другую рецептуру перейдем, «Горілка з перцем».

— Не, ребята, мне нельзя, — твердо сказал Самуил.

— Нельзя, так нельзя, — поддержал Сашка.

— Там поглядим... — промолвил опытный Славик.

Оборонные предприятия России и Украины были очень тесно связаны между собой. Связь эта и сейчас еще до конца не разорвалась. В разработке почти каждого изделия участвовали десятки предприятий, и изделие, или его части, или чертежи по несколько раз пересекали в обоих направлениях условную тогда российско-украинскую границу.

Сережин институт традиционно работал с заводом в Донбассе. Теперь бригада должна была на этом заводе запустить в работу новый измерительный стенд. Разрабатывала стенд и отвечала за его работу Сережина лаборатория, конструировал стенд Самуил, а изготовили стенд в цехе, в котором работал Просвирнин.

Бригада для командировки формировалась тяжело. Сначала сказали, что конструктор не может ехать по болезни. Сережа бегал, уговаривал, объяснял, что нужно. Потом сказал, что без конструктора не поедет, и порвал приготовленные командировочные документы. Подействовало.

Потом пришлось доказывать, что одного Просвирнина мало, что для работы нужны два слесаря. К тому же квалификация Просвирнина для наладки стенда недостаточно высока. Раньше в такие командировки ездил Николай Николаевич и брал с собой

кого-нибудь, вроде Сашки, чтобы был «на подхвате». Добился Сережа. Дали ему Ефимова. Ефимов уровнем пониже, чем был Николай Николаевич, но хороший слесарь, мастер, а не подмастерье. Лет ему — под пятьдесят, как и Самуилу, а Сашке Просвирнину нет еще тридцати, как Сереже. Вот и вся бригада. Сели в поезд и поехали.

Пить начали, еще не доезжая Подольска. Сначала втроем, Самуил категорически отказался. Потом Сережа отвалился, и остались двое. Сереже-то хорошо. Он погулял по вагону, потом почистил зубы и залез на свою верхнюю полку. Почитал и заснул. А деликатный и трезвый Самуил маялся, ждал, пока освободится нижнее место.

— Сэм, ты, наверное, лечь хочешь? А мы тут гудим, извини... — догадался в конце концов Славик. — Ты не стесняйся, дорогой. Сколько мы с тобой поездили, помнишь?

— Правда, Самуил Яковлевич, вы извините, я сейчас к дяде Славе пересяду, и все будет нормально, как у людей, — вторил старшему товарищу Сашка.

— Ребята, а может, и вам тоже хватит, что вы ее пьете? — Самуил Яковлевич надеялся, что и сам ляжет, и ребят уgomонит, а то разве это сон?

— А жидкая она, вот я ее и пью, а была бы твердая, я бы ее грыз. Гы-гы-гы, — пошутил Сашка.

— Ну, ты, цыц, с кем разговариваешь, салага? Да мы с Сэмом... что говорить. Видишь, человек отдыхать хочет. Имей уважение. Все, конец. Бутылки унеси отсюда, чтоб ночью не звенели. Вот это, на газете, сверни и выброси. Остальное завтра уберем.

Наутро приехали. Донецкий город. Лето. Бригада увидела красивых женщин с золотыми зубами, не таких красивых мужчин, с подведенными уголь-

ной пылью глазами, усть-катавские, не виданные тогда в Москве, трамваи. У них двери открывались не гармошкой, как у московских трамваев чешского производства. Просто откатывалась большая часть боковой стенки, открывая проход для людей. Трамваи ездили по рельсам, которые изгибались вверх-вниз и вправо-влево, каждый рельс по-своему. Удивительно, как трамваи с них не спрыгивали. Сережа всегда, приезжая в этот город, смотрел на трамвайные рельсы сначала с высоты своего роста, убеждался, что они извиваются, как два червяка, потом пригибался и смотрел, как рельсы скачут вверх и вниз. Все по-прежнему. Командировка началась.

Теперь по этим «пьяным рельсам» Сережа и Самуил Яковлевич повезли двух нетрезвых слесарей в гостиницу. Мест в гостинице, конечно, не было. Пока убалтывали дежурную, пока Сережа звонил на завод в общий отдел, и уже начальник общего отдела уламывал дежурную, Сашка сбегал за бутылкой. В большом двухместном номере, куда их поселили, было две кровати, диван, и еще им поставили раскладушку. В номере была раковина и кран с холодной водой. Прочие «удобства» находились «в конце коридора».

Едва заселились, слесари поставили бутылку на стол и расположились выпивать.

— Пошли на завод! — позвал Сережа.

— Если мы в первый же день появимся на заводе, то нас не будут уважать, — заявил Славик.

— Да, — подтвердил Сашка, который на этом заводе никогда не был.

— Ладно, Сережа, пошли, они сегодня все равно не нужны, — предложил компромисс Самуил Яковлевич.

— Точно, — поддержал Самуила Славик. — Сегодня идут только «белые воротнички».

— Предлагаю тост за нашу советскую интеллигенцию! — поднял свой стакан Сашка.

Инженеры ушли, а слесари остались в гостинице.

— Ты их не трогай, они сначала свое сожрут, а потом будет все нормально, — сказал на улице Самуил.

— Я знаю, справлюсь, — ответил Сережа, благодарный Самуилу за сочувствие.

Пока на заводе договаривались о взаимодействии, осматривали оборудование, проверяли, все ли приготовлено к их приезду, обедали, разговаривали со знакомыми, день прошел. Вышли с завода около шести вечера. Город как будто вымер. Многие магазины работали только до шести или даже до пяти, рынок торговал с утра до полудня, людей на улицах не было. Трамваи уже почти не ходили. Так дома, в их подмосковном городе, бывает глубокой ночью, часов в двенадцать или в час, только что светло. Ужинать пошли в ресторан при гостинице. В меню была только яичница. Взяли по яичнице. Сережа заказал сто пятьдесят граммов водки.

— Ну, Самуил Яковлевич, давайте по маленькой? С приездом можно, — предложил Сережа.

— Только по «чуть-чуть», — согласился усталый Самуил.

Выпили по рюмке, закусили яичницей. Водку Сережа допивал один.

— Сережа, а ты любишь выпить! — пронзительно глядя Сереже в глаза, сказал Самуил.

— Люблю, — с чувством подтвердил Сережа.

Когда пришли в номер из ресторана, попутчики их спали мертвым сном, Просвирнин тихо, а Владислав Иванович храпел, как паровоз.

Рано утром всех разбудил Ефимов. Он нетвердыми шагами ходил по номеру, собирал по разным углам детали своего туалета, пытаясь одеться, и слегка постанывал сквозь зубы.

Просвирнин вылез наполовину из-под одеяла, приподнялся и прислонился спиной к деревянной спинке кровати. Он скрестил руки на голой груди и живо наблюдал за действиями Владислава Ивановича.

— А куда это вы собрались? — неспешно спросил Саша.

Ефимов ничего не сказал.

— Ответьте «коллеге по работе», — Сашка нарочно так сказал, зная, что Владислав Иванович не любит такой языковой небрежности. Он много раз объяснял, что «коллега» — это и есть товарищ по работе, или по специальности, «коллега по работе» — так говорят малограмотные провинциалы.

Но сейчас Славик ограничился односложным: «Отстань».

— Так, может, я не просто так спрашиваю?.. — загадочно сказал Просвирнин.

Славик насторожился, повернулся к Сашке и пошел на него, как замороженный, шепча: «Неужели, оставил?»

— О чем и речь, — широко улыбаясь, сказал Сашка.

Он тут же полез под кровать и достал из сумки недопитую бутылку. Славик выпил остаток водки, постоял две минуты с закрытыми глазами, потом подошел к Сашке, взял его голову двумя руками и поцеловал в растрепанную макушку.

Владислав Иванович пришел в себя, остальные и так были в форме. Десять минут на туалет и одева-

ние, и — на работу. Ефимов заставил Сашку надеть белую рубашку, сказал: «Пусть аборигены видят, что приехал столичный слесарь, а не вахлак!» Позавтракали по дороге в маленьком кафе оладушками со сметаной и к девяти часам утра были на заводе.

Самуил был прав, пьянствовать перестали. Слесари не были горькими пьяницами, так, вырвались из дома, расслабились поначалу... К тому же денег как-то сразу стало меньше, на два-шестьдесят суточных особенно не погуляешь, даже если добавить взятую из дома заначку. Кроме того, работа не шла, так что отмечать было нечего. Стенд никак не налаживался, Сережа ходил расстроенный, все время что-то считал, в гостинице сидел допоздна, готовил план завтрашней работы. Остальные сочувствовали Сереже и вели себя тихо. Но за неделю работа не сдвинулась с места.

Сережа решил устроить мозговой штурм. Утром в пятницу не пошли на завод. Сережа разложил на гостиничном столе с потрескавшейся фанеровкой и следами от горячего утюга миллиметровки с графиками, чертежи узлов стенда и четко сформулировал, чем полученные результаты плохи. После этого предложил всем высказываться. Самуил и Слава молчали. Сережа ждал. Сашка попытался разрядить напряженную тишину шуткой.

— Что касательно, то относительно, — с умным видом вымолвил он и поднял к потолку указательный палец. Но его никто не поддержал.

— Знаешь что, Сережа? Я в твоих графиках ничего не понимаю, Сашка — тоже, — сказал Слава после затянувшейся паузы. — Ординаты, говоришь, какие-

то, градиенты. Фигня это. Ты объясни на пальцах, чем ты недоволен? Вроде, все ездит, вертится. Где ты там что увидел?

Сереза тут же из листов бумаги, карандаша и деталей шариковой ручки смастерил учебное пособие и стал объяснять проблему, не прибегая к графикам. Слава внимательно за ним следил, два раза просил повторить сначала. Самуил тоже стал участвовать в обсуждении, даже отнял у Серези колпачок от шариковой ручки, сказав, что такой детали в стенде нет.

— Эта хреновина может произойти оттого, что в стенде оси «жилят»... — задумчиво сказал Слава.

— Как это, «жилят»? — не понял Сереза.

— Не знаю, как объяснить... — замялся Слава. — Ну, это...

Но тут в разговор вступил Самуил, который понял Славу.

— Оси не могут «жилить». Я специально металл подбирал, чтобы они не «жилили». Сочиняешь, столичный слесарь! — зло сказал Самуил. «Стрелка» переводилась на него, возникло подозрение, что конструкция проработана неправильно.

— А я тебе говорю, что «жилят», конструктор хренов! — сразу завелся Ефимов и уставился на Самуила вмиг покрасневшими глазами.

— Тихо, старики! — прикрикнул на спорящих Сереза. Он не стал вникать в суть спора, выяснять, что такое «жилить», а поторопился раздуть вспыхнувшую искру, чтобы получить практический результат. — Мысль высказана. Есть версия. Проверить можно?

— Нечего проверять! Если стенд сделан по чертежам, то эта причина отпадает, — сказал Самуил.

— А если не по чертежам? Не нашли у Сашки в цехе этого металла, сделали оси из другого, — настаивал Сереза.

— Ладно, пошли на завод, — сказал Самуил.

— Неужели сумеете определить, из чего изготовлены оси? — с уважением спросил Сереза.

— Ну, так! Это же конструктор от Бога! — предложил Самуилу помириться Слава. Он как будто извинялся этими словами за «хренова конструктора».

Самуил Яковлевич забрался на стенд. Саша поддерживал его за спину, чтобы не упал, пока двумя руками ковырялся в стенде. Сереза подавал инструменты, Слава поворачивал стенд, куда просил Самуил, чтобы легче было подобраться к нужному месту. Через двадцать минут Самуил слез со стенда расстроенный.

— Сталь хорошая, но не та, — сказал он.

— А как могло получиться? — спросил Сереза.

— Не знаю... Я не подписывал. Может, болел я, а без меня кто-то из наших конструкторов разрешил изменение, а я прозевал... Вряд ли цех стал бы самовольничать... — Самуил совсем раскис.

— А что, это дефицитный металл? — начал выяснять перспективы Сереза.

— Нет, не особо, мы его применяли раньше... — вяло ответил Самуил.

— А здесь, на заводе, такой металл может найтись? — спросил Сереза.

— Думаю, что может, — оживился Самуил. — Сереза, я тебе напишу марку стали, ты выясни, есть ли у них, а я пока эскиз нарисую. Еще нужен токарь хороший. Если у них нет, то пусть лучше наш столичный теоретик выточит. Он же — и практик-универсал.

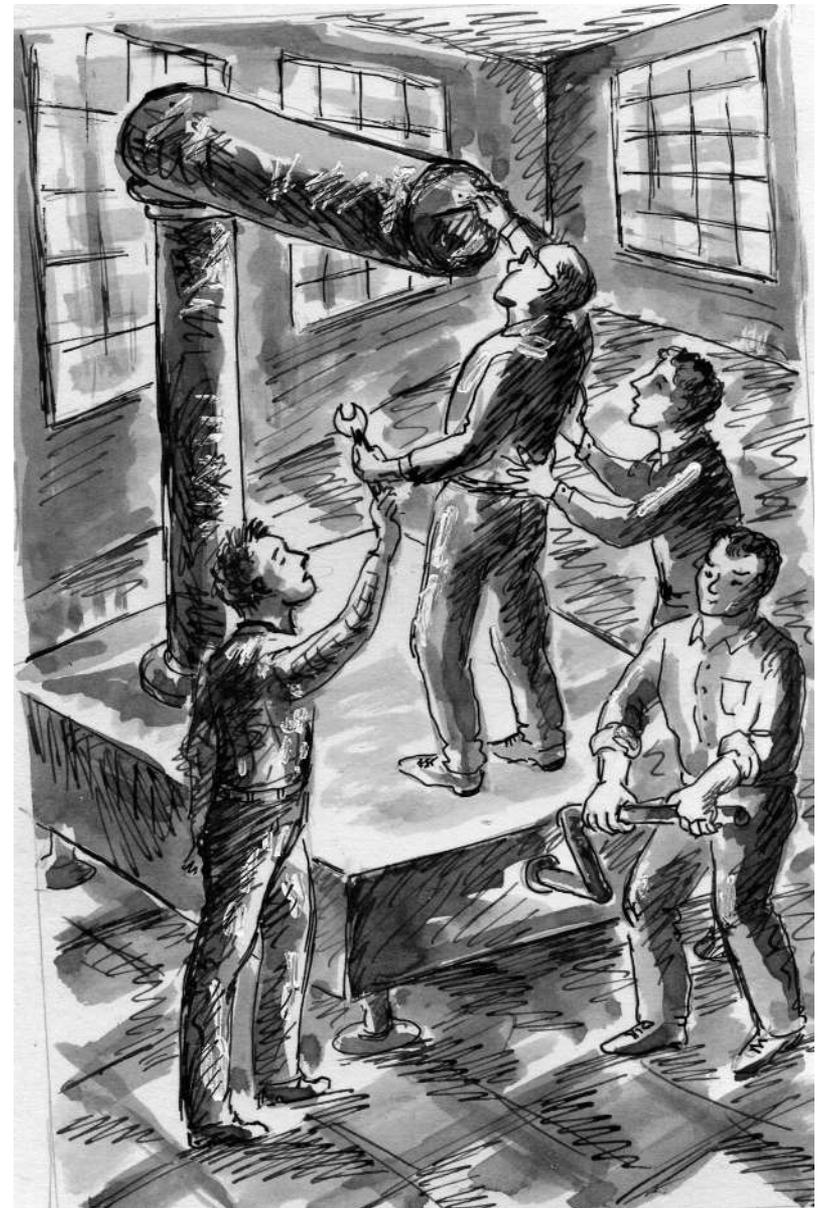
С этими словами Самуил кивнул на улыбающегося Ефимова. Но хороший токарь на заводе был, нужный металл достали в тот же день. Сережа попросил, чтобы начали точить новые оси поскорее, желательно в субботу, тогда к вечеру понедельника их бригада могла бы продолжить работу.

В субботу были на заводе, разбирали конструкцию для замены осей, объясняли токарю, как точить. Токаря так напугали ответственным заданием, что он прибегал спрашивать любой пустяк и две первые заготовки запорол.

В воскресенье Самуил Яковлевич купил три кило вареной колбасы и уехал на электричке в гости, в Ростов. В Ростове жил его однокашник, и Самуил с ним заранее сговорился. То, что, отправляясь в Ростов, нужно взять с собой колбасный гостинец, подразумевалось само собой: в России, в Ростове в частности, было похуже с продовольствием, чем на Украине, и колбасу просто так купить было нельзя. И из Белгорода в то время ездили за харчами в Харьков.

Сережа боялся, что слесари опять запьют по случаю выходного, и придумал экскурсию. Тоже поехали на электричке, но не в ту сторону, что Самуил. Поехали в Славяногорск. Купались в Северском Донце, ходили по пещерам, смотрели на железного Артема, которого даже немцы не смогли взорвать, пили домашнее вино на рынке по пятьдесят копеек стакан.

Удивлялись, как люди в этих краях обращаются друг к другу: «женщина», «мужчина», как разговаривают в очереди: «Женщина, я за вами стояла?» — «Да, женщина, вы стояли лично за мной, а за вами

Самуил Яковлевич забрался на стэнд. Саша поддерживал его за спину, чтобы не упал, пока двумя руками ковырялся в стэнде. Сережа подавал инструменты, Слава поворачивал стэнд, куда просил Самуил, чтобы легче было подобраться к нужному месту. (Ж стр. 221.)

был этот мужчина! Да, вот, вы, мужчина, повернитесь!» — Сашка просто покатывался со смеху и тут же подхватил.

— Мужчина, вы пиво будете? — толкнул он в бок Сережу.

— Скажу вам, мужчина, как вы первый раз в здешней местности. Вы что, Саша? Это же дружковское пиво, а столичные специалисты пьют только краматорское! — в тон ему ответил Сережа.

Прошло полтора десятка лет, и так же стали говорить и в Москве. Кто бы мог подумать?

Очень приятно провели время. На следующие выходные, если таковые будут, Сережа наметил экскурсию в Донецк.

Отремонтированный стенд работал, как часы. Все проверили. Для дальнейшей работы — сдачи стенда — Самуил Яковлевич и Саша были не нужны, и они собрались домой. Устроили прощание с отъезжающими. Все были довольны друг другом.

За столом чокались на равных. Под конец застолья Сережа стал не мигая смотреть на Самуила. Когда тот поднял на Сережу удивленные глаза, Сережа сказал ледяным голосом:

— Самуил Яковлевич, а вы любите выпить!

— Ты знаешь, Сережа, люблю, — от души засмеялся Самуил.

Вечером поехали провожать на вокзал. Стояли в короткой, но бестолковой очереди у кассы. Билеты на проходящие поезда начинали продавать в последнюю минуту перед прибытием. Кто-то лез без очереди, кто-то с удостоверением, кто-то с запиской или телеграммой. Одна бабуля получила заветный

билет, но не смогла уехать, потому что путь к пассажирскому поезду перегородил товарный состав. И так три с половиной часа. Сережа содрогнулся при мысли, что им с Владиславом Ивановичем предстоит то же самое через неделю.

ГЛАВА 17

Таня кормила дочку грудью, а все семейство собралось вокруг и смотрело на молодую мать. Родители Тани сидели в умилении рядышком. Сережа сидел счастливый, спокойный. Даже маленький Гендос притих и стоял около матери, внимательно наблюдая за ней и за крошечной сестренкой.

Таня была прекрасна. Она сидела в кресле, держа младенца на руках, и смотрела, как дочь сосет. Темно-русые волосы, прихваченные сзади большой заколкой, чтобы не мешали, полукруглыми прядями падали на щеки, взгляд был спокойным и сосредоточенным. Одна забота владела матерью — чтобы дочка съела положенное. Но какая великая забота! Луч света из окна освещал обнаженную грудь и личико дочери, обрамленное чепчиком. «Прямо Леонардо да Винчи!» — с гордостью подумал Сережа. Прокофьючу пришла в голову та же ассоциация.

— Мадонна, вылитая мадонна! — воскликнул он.

— Да... Такая красавица могла бы выйти замуж за иностранца... — мечтательно произнесла Танькина мать. Простецкое лицо ее расплылось от счастья и бездумья, а язык молот нечто потаенное, «из глубины костного мозга», как говорил Прокофьюч, не признававший у жены наличия головного мозга. Анна Петровна испугалась, что сказала не то, под-

несла ладонь ко рту, желая затолкать назад вылетевшие слова, и стрельнула глазами на зятя и на мужа.

«У, дура, — подумал Сережа. — Весь Танькин идиотизм от нее!» Хотел встать и уйти из комнаты. Но решил не обижаться на убогую и не портить счастливую минуту из-за ерунды.

Сережа остался сидеть, не переменив позы, только уже не любовался женой и детьми, а думал о сиюминутном, суетном.

А родители Тани сконфузились на несколько минут. Потом неловкость прошла без последствий, Сережа не отреагировал на сказанную глупость, и они продолжали радоваться. Ведь эта идиллия — целиком их заслуга, результат многолетнего ежедневного труда. Это они выучили Таню в школе, «поступили» Таню в институт. Пять лет учили ее в институте, каждую сессию опасаясь, что дочку выгонят. Выдали замуж за хорошего парня, ровесника, помощника. Теперь они, родители, вместе с Сережей растили детей. Вот результат их стараний: двое чудесных малюток, а у Тани дела не хуже, а лучше, чем у других. Ведь чего только не говорили им врачи про Танину психику! Не послушались врачей и тянули дочь по жизни в общем потоке, не оставили ни в одной тихой заводи для неполноценных. Именно тянули, вели за руку.

И Сережа, на которого можно положиться во всем. Во всем! Взвалил на себя ношу и несет. Да и куда он теперь от двоих детей денется? Будет тащить, человек верный. Нет, нет, в том смысле, что детей любит, к Тане привязан, к ним, родителям, хорошо относится. Ну, и есть за что.

Когда поняли, что будет второй ребенок, решились, что называется, на второго, Анна Петровна сразу за-

— Да... Такая красавица могла бы выйти замуж за иностранца... — мечтательно произнесла Танькина мать. Простецкое лицо ее расплылось от счастья и бездумья, а язык молот нечто потаенное, «из глубины костного мозга». (К стр. 225.)

говорила об имени будущего ребенка. Когда сына назвали Генкой, она не возражала, свежи еще были воспоминания о трагедии, побаивалась трогать эту тему. Для Сергея было ясно, что сына нужно назвать как его отца. Но теща, видимо, имела свое, хоть и не высказанное, мнение. И вот настала пора высказаться.

Сидели на кухне, пили чай. Вдруг Анна Петровна ни с того ни с сего говорит:

— Если вы не назовете мальчика Андрюшей, я не смогу вам помогать, — сказала, поджала губы в точку и стала смотреть перед собой не мигая.

У Сережи лицо налилось красной краской, захотелось шмякнуть чашку об пол. Грозовую обстановку разрядил Гендос.

— Не хотю быть Андлюсей! — сказал он.

Все прыснули со смеху. Сережа одел сына и ушел с ним гулять.

Дело на этом не закончилось, Анна Петровна обрабатывала Таню. Сама теща при Сереже молчала, а Таня теперь время от времени затевала разговор.

— Правда, давай назовем Андреем. Гена — в честь твоего папы. Я же не возражала. А Андрюша — в честь моего, — говорила Таня и думала: «И еще в честь одного человека, о котором никто никогда не узнает».

— Родим — поглядим, — отшучивался Сережа. — На кого будет похож, тем и назовем. Вдруг окажется, что он вылитый Акакий.

— Какой Акакий? — пугалась Таня.

— Башмачкин. Нет, Церетели, — отвечал Сережа.

— Ты шутишь? — спрашивала Таня.

— Нисколько. А вдруг девочка родится? Назовем Таней. Будет Татьяна Татьяновна.

— Татьяна Сергеевна? Неплохо... Нет, две Тани — не годится. Хотя твое желание назвать дочь

в мою честь для меня лестно, — говорила Таня и думала: «Как все-таки он меня любит!»

Родилась девочка. Таня вернулась домой величественная, гордая, ведь всех осчастливила. Перепеленали и накормили девочку, уложили в кроватку, пошли на кухню отмечать событие, но Анна Петровна не вытерпела и повела Таню посмотреть на приданое, как она все приготовила и устроила. Таня поглядывала на это хозяйство рассеянно, ведь не ее забота. Но вдруг беспокойство проснулось в ее душе. Показалось, что она там мучилась, рожала им ребенка, а они тут блаженствуют за ее счет. Зло спросила: «Сколько пеленок?» — и тут же отчитала мать: «Я так и знала, что ничего не будет приготовлено!» Анна Петровна побледнела от несправедливости и в минутном отчаянье бросила руки вдоль туловища.

Девочку назвали Анастасией, так звали мать Андрея Прокофьевича. Сережа согласился, имя хорошее. Только, Борисовы звали девочку Настей, а Сережа — Асей.

Рождение дочери очень возвысило Сережу в собственных глазах. У него двое детей, сын и дочь, Гендос и Аська! Ни наука, ни должности, ни деньги, ни сознание своего растущего мастерства — ничто по величию не могло сравниться с этим праздничным обстоятельством: сын и дочь.

ГЛАВА 18

— Внимание! У меня объявление! — громко, на всю лабораторию, сказал профорг Ваня Лопухин. — Всем к Пасхе... ну, ладно, к Красной Горке принять социалистические обязательства на второй квартал!

Не снижайте наши показатели в борьбе за квартальную премию!

— Лопухин, я тебя не понимаю! Коммунист, а в Бога веришь! — отозвался со своего места Царьков.

— Я верю не в Бога, а в куличи и яйца, — весело ответил Ваня.

— Правильно Виталий говорит! — сказал Толя Гуржий. — Лопухин — профорг, а фамилия у него дворянская. Я подозреваю, что он — внебрачный правнук царевича Алексея.

— «Профорга» не трогайте, обсуждайте его просто, как «царевича», а то Ваня не согласится на следующий срок переизбираться! — с неподдельным страхом воскликнула Валентина Михайловна.

— Мы должны подходить принципиально и не думать о своем благополучии. Раз Лопухин из царской семьи, то надо его из профоргов вычистить, — вступил в разговор Валера Полоскин. — Будем без профорга. Или выберем Царькова, а с Ивана-царевича за это бутылку стребуем...

— Нет, не выйдет, Царьков, наверное, сам из царской семьи, тоже фамилия не того... — отмел его предложение Гуржий.

— У вас все ха-ха, а нельзя говорить: «соцобязательства — к Пасхе», — уточнил свою мысль Царьков.

— Но он же сказал, что можно и к Красной Горке... — ответил Полоскин.

Царьков даже плюнул от злости.

Сереза с удовольствием слушал эту шутивную утреннюю перепалку. Все сидели на своих местах и перебрасывались фразами из разных концов лаборатории, только Царьков вскочил с места, и произнес свою последнюю реплику стоя.

Когда кончили трепаться, Сереза потянул к себе листок бумаги, оторвал от него половинку и написал: «Соцобязательства вед. инженера лаб. 425 Зуева С.Г. на 2-й квартал. 1) Закончить регулировку двух комплектов прибора АА1-17 на 2 дня раньше срока 28 июня (по плану 30 июня). 2) Принять активное участие в субботнике, посвященном дню рождения В.И.Ленина». Хотел написать еще и третье — «принимать активное участие в работе ДНД», но передумал: два раза подряд «активное участие» плохо звучит, а двух пунктов Ивану хватит.

Раньше по молодости лет Сереза пытался придумывать себе дополнительную работу в качестве соцобязательств, потом успокоился и писал, как все. Если есть выходная плановая позиция, то «на 2 дня раньше срока», если нет, то «активное участие».

Соцсоревнование, общественная работа, профсоюз, ДОСААФ, комсомол, партия — важная часть жизни предприятия. И многое делалось под крышей общественных организаций. Сереза, когда был комсоргом отдела, возил своих комсомольцев в Горки Ленинские на экскурсию, в подшефном колхозе встречу молодежи устраивал, в подшефной школе с ребятами беседы проводил. Считал себя обязанным, раз избран.

Кое для кого общественная работа стала основным делом, на нее ставили, как на призовую лошадь, через нее пробивались наверх. Можно было попасть на работу в ЦК профсоюза через профком, в КГБ — через ДОСААФ, в комсомольские органы, в министерство. Самое серьезное продвижение — через партком — в горком партии, в МК или МГК, в ЦК. Поработав несколько лет в ЦК, человек воз-

вращался иногда в свой институт заместителем директора, солидным, имеющим связи, способным «решать вопросы», одним словом, полезным для предприятия деятелем.

Но, конечно, большинством сотрудников института общественная работа воспринималась лишь как дополнительное притеснение личности, которое все стремились свести к минимуму.

Очень кстати тут была добровольная народная дружина, ДНД. Во-первых, не совсем «за так». За регулярное дежурство раз в месяц в течение года прибавляли три дня к отпуску, это официально. А неофициально за дежурство в выходной день давали еще отгул. Во-вторых, погулять четыре часа с товарищами по улицам с красной повязкой на рукаве — дело не слишком обременительное.

Дежурство на этот раз выдалось хлопотное. Дежурили Валентина Михайловна, Сережа и Толя Гуржий. Только собрались в Опорном пункте, как участковый уполномоченный капитан Мелентович потащил дружинников «по адресу». По дороге милиционер «дал ориентировку». Идут к хулигану и дебоширу. Живет с матерью. Терроризирует соседей по коммунальной квартире, пьянствует, нигде не работает. Мелентович два раза уже устраивал его на работу, последний раз попросил, чтобы взяли на ЖБИ завод железобетонных изделий. Но и оттуда уволили на прошлой неделе. Главное, мать, похоже, сдалась, утихомиривать его больше не может. Придется, наверное, сажать.

Дружинники долго вытирали ноги, но все-таки наследили. Прошли в комнату. Бедность и чистота.

Железная кровать, покрывалом укрытая, без подушек. Подушки все на диване, где мужик храпит. Вонючий, грязный. Все, что в комнате было сверх самого необходимого, ему в хайло ушло. Дрыхнет теперь пьяный на чистых материнских подушках. А как проснется, опять станет мать обижать, пенсию ее вытрясать на пропой. Одного взгляда на комнату достаточно, чтобы все это понять, как будто аннотация при входе висит, как в музее.

Посреди комнаты — круглый стол. За столом старушка сидит в позе отчаянья. На голове платочек, длинная черная юбка, кофточка с латками. Подняла голову и сказала вошедшим: «Проходите, проходите, вот он лежит, чего уж теперь...» Участковый прошел в комнату и сел на свободный стул.

— Опять его уволили, Клавдия Яковлевна?! — спросил для начала Мелентович, хоть и сам это знал.

— И что же это за буква «г» такая на русский народ?.. — ответила старушка. Она имела в виду пункт «г» в тогдашнем кодексе, в котором было написано о расторжении трудового договора по инициативе администрации. Чаще всего, пункт «г» означал увольнение за пьянство на работе.

— На что он пьет у вас? Вы зачем ему деньги дадите? — продолжал задавать риторические вопросы участковый.

— Господи, и что же за буква «г» такая... — старушка явно была не в себе.

Дружинники стояли у двери, захваченные происходящим. Их собственная жизнь, полная трудностей, показалась им легкой и беззаботной по сравнению с жизнью этой несчастной женщины.

— Будем оформлять, — сказал Мелентович. Но старушка не шевельнулась, даже казенное слово

«оформлять» из того словаря, в котором «гражданин, пройдет» и «прекратите безобразия», не испугало ее.

Мелентович подошел к дивану и сильно встряхнул спящего.

— Бусагин, вставай!

— Спать хочу!

— В другом месте проспиться! — сказал Мелентович, и столько было в его словах сыновней ненависти к этому подонку, сводящему с ума мать, что все трое дружинников подумали одно и то же: «Да, тяжелая у него работа!»

В дверях показалась голова соседки.

— Вам что? — довольно грубо сказал милиционер соседке. — Вы заявление написали, если будут вопросы, я вас приглашу, а сейчас пройдите. Клавдия Яковлевна, может, вы заявление напишете? — добавил Мелентович.

Старушка подняла на него недоуменный взгляд. Участковый пояснил:

— Напишите, что обижал, грозил, деньги требовал. Если по вашему заявлению привлечь, то легче потом обратный ход дать...

Старушка сидела в той же позе, не реагируя на предложение участкового. Мелентович по-прежнему стоял у дивана, время от времени поддавая коленкой в спину притворяющегося спящим пьяницы. Ему хотелось получить заявление от матери, чтобы не связываться с соседским заявлением.

— Писать ничего не придется. Вон, дружинница напишет, — при слове «дружинница» Мелентович кивнул на Валентину Михайловну, а при слове «напишет» кивнул на пустой стул около стола. — А вы только подпишете...

— И что же это за буква «з» такая на русский народ?..
(К стр. 233.)

Старушка не реагировала. Тогда Мелентович сильнее двинул коленом Бусагина в бок. Тот от неожиданности сел на диване.

— Обувайся, быстро, — сказал Мелентович и скинул ноги Бусагина на пол, а сам ногой пододвинул ему суконовые зимние ботинки с молнией, которые звались «прощай молодость».

— Клавдия Яковлевна, соберите вещи, отдайте дружиннице. Я сына вашего забираю за злостное хулиганство. А вы, — обратился милиционер к Сереже и Толе, — доставите его в отделение, а у меня еще дела есть в этом доме.

— А если будет бузить по дороге? — спросил Сережа.

Мелентович вдруг широко улыбнулся. На языке у него завертелось: «Тогда вы его пристрелите «при попытке к бегству». Нисколько не жалко гада!» Но покосился на мать, подавил улыбку и не стал шутить.

— Ничего, вас двое, а он один. Доставите!

После окончания операции дружинники вышли на свой обычный маршрут. Некоторое время шли молча. Потом каждый сказал что-то вроде «Ух, кошмар!» — «Ну, дела!..» — «Вот беда, не позавидуешь...» На этом обсуждение окончилось, да и что тут обсуждать?

После этого приключения, после переходов из теплого помещения на улицу и обратно в пальто и шапках, все быстро замерзли. Решили отклониться от маршрута и зайти в Дом культуры предприятия погреться.

У дверей клуба их, как дорогих гостей, встретила администраторша.

— О, дружинники, хорошо! У нас тут лекция, отдельно для мальчиков и девочек, а народу мало, неудобно. Вы, Валентина Михайловна туда идите, а вы, мальчики, на второй этаж. Посидите часок, заодно погрееетесь. Ну, хоть полчаса!

Администраторша отвела Валентину Михайловну, а потом ребят. Толю она вела за руку, а Сережа держался за Толю, но, все равно, наткнулся в темной комнате на стул.

— Извините, извините, профессор, тут еще товарищи из нашего института подошли, — сказала администраторша.

Сняли пальто и шапки, положили на соседние стулья и стали слушать лекцию. Лектор рассказывал, что возможности современной медицинской науки очень велики, что половые расстройства, импотенция и прочее поддаются лечению. Ни у Сережи, ни у Толи никаких расстройств не было, лечиться им было не от чего. Но в зале было тепло, у лектора был приятный баритон, и лекцию на столь пикантную тему, достаточно редкую в те времена, слушать было интересно. Тем более что лектор подкреплял каждый тезис примерами из практики.

— Один молодой человек попал в автомобильную аварию. У него оторвало некоторые части, необходимые для семейной жизни. Он отнесся к этому трагически, грозился наложить на себя руки, если мы ему не поможем. Что вам сказать о результате лечения? Недавно ко мне приходила его жена и просила давать мужу меньше лекарств, а то он стал погуливать.

Речь лектора текла равномерно, он не улыбался, рассказанное им не походило на анекдот, не несло оттенка фривольности.

— Помимо медикаментозного лечения, требуется психотерапия. Многие люди постигают основы отношений с женщиной сами, даже не подозревая, что это тоже наука. Таким людям наша помощь не нужна. Но есть определенный контингент мужчин, который не может обойтись без совета сексопатолога, так называются врачи, специализирующиеся в этой области. Даже простейшие понятия этому контингенту приходится внушать, но и тут эти люди умудряются исказить все до абсурда. Ко мне обратилась некая дама с жалобой на грубость мужа. Причем, по ее словам, муж незлой человек, просто он не знает, как подойти к женщине, как ее подготовить. Я побеседовал с ее мужем и кое-что ему объяснил. Что же вы думаете? Через некоторое время пришла ко мне эта женщина в слезах и показала грудь, покрытую черными синяками. Муж, говорит, меня щиплет, я кричу, а он говорит: «Терпи, терпи, доктор велел!»

Дружинники отогрелись. Глаза привыкли к темноте, и, кроме лектора, освещенного настольной лампой, стала видна публика. В комнате были еще пять или шесть слушателей. Они также непринужденно сидели и также спокойно слушали лекцию. Кроме одного — в первом ряду сидел Царьков и конспектировал лекцию.

Отсидев обещанные полчаса, ребята, пригнувшись, как в кинотеатре, вышли из комнаты и спустились на первый этаж в фойе. Одновременно с ними вышла из зала Валентина Михайловна. Увидела мужчин и покраснела.

К дружинникам подошла администраторша.

— Ну, отогрелись? Слушайте, вы Мелентовича сегодня еще увидите? — обратилась она к Валентине Михайловне.

— Увидим, наверное, когда будем дежурство отмечать, — ответила Валентина Михайловна.

— Передайте ему, пожалуйста, билет к нам на елку. Он заказывал билет, а потом не зашел, — попросила администраторша и протянула билет. Но Валентина Михайловна его не взяла. Тогда Сережа взял билет и положил в карман.

Как только вышли на улицу, Валентина Михайловна повернулась к Сереже и сказала, глядя на него расширенными от страха глазами.

— Что же ты наделал?!

— А что? — удивленно спросил Сережа.

— Как же мы отдадим билет участковому? Где мы его взяли? Ведь клуб не на нашем участке патрулирования! — в отчаянье произнесла Валентина Михайловна.

— Да, Валя, сильно тебя сегодняшней день по голове долбанул! — ответил за Сережу Толик. — Скажем, что в клуб зашли погреться.

Валентина Михайловна перевела взгляд на Толю, и мгновенно смотрела на него с тем же застывшим выражением лица, потом вдруг напряженность на лице прошла, и Валентина Михайловна счастливо засмеялась. Вслед за ней засмеялись ребята.

ГЛАВА 19

За работу со сверхвысокочастотным радиоизлучением, или СВЧ, людям давали льготы. За эти льготы шла постоянная борьба: администрация стремилась льготы отнять, а сотрудники старались их расширить.

Самая главная льгота состояла в сокращенном рабочем дне, уходили с работы на час раньше, и это было святое, неприкасаемое. Иногда очередной комиссии удавалось доказать, что сокращенный рабочий день не положен, победивший руководитель радостно говорил: «Вот видите!» — но тут же сам придумывал способ отпускать работников неофициально, по увольнительным запискам, по спискам или без всякого оформления. Через некоторое время следующая комиссия возвращала льготный час. Если бы сокращенный рабочий день отменили, многие бы уволились.

Всем остальным, чем поощряли за вредную работу, люди не так сильно дорожили, даже надбавкой к зарплате. Десять процентов к зарплате, молоко «за вредность», несколько дополнительных дней к отпуску — все эти льготы и льготышки то давали, то отнимали. Сотрудники боролись за них, но не ушли.

Был, правда, бастион, который администрация не сдала: никому так и не записали в трудовой книжке о работе «во вредных условиях труда».

Самым важным и основным был вопрос о том, как же все-таки влияет излучение на человека. Но, как часто бывает, на этот главный вопрос почти не обращали внимания. Никто особенно не прятался, не выключал лишней раз аппаратуру и не старался уменьшить вредность при постановке эксперимента. Пренебрегали всем этим. Так же ликвидаторы в Чернобыле собирали и жарили радиоактивные грибы. Все были молоды, ничем не болели и не верили, что могут когда-нибудь заболеть, а тем более от своей работы.

Даже почему-то считали, что тот, кто работает с СВЧ, не заболит раком. Об этом никогда не говори-

ли, но знали про себя. Такое было суеверие. Потом, через годы, оно рассеялось, когда стали умирать от рака. Причем первым скончался Боря Прохоров, который с утра, придя на работу, задирает очки на лоб, прижимал глаза к микроскопу и сидел целый день, глядя на тонюсенькие волосинки, напыленные на поликоре, и настраивал их с помощью иголки. Так что легенда о профилактике онкологических заболеваний рассеялась с годами.

А раз работникам было наплевать на собственное здоровье, то и ежегодные медосмотры «лиц, работающих во вредных условиях» проводились курам на смех. Качество этих осмотров снижалось и снижалось из года в год. Дошло до того, что с самого начала медосмотра ребятам в регистратуре давали листочек, «синьку», где было написано: «Тоны сердца чистые, живот мягкий, безболезненный, и т. д.» Оставалось только вписать фамилию, подразделение, должность, пульс и давление. Фамилию ребята вписывали и, войдя в кабинет врача, говорили: «Пульс 72, давление 120 на 80». Врачиха улыбалась, писала, не измеряя, эти цифры и расписывалась внизу листочка под словами: «Здоров, свою работу выполнять может».

Толку от таких медосмотров не было никакого, сплошная фикция. Ну, может, очкарики просили иногда окулиста выписать рецепт на очки или хирургу показывали долго не проходивший синяк.

Зато полный медосмотр успевали пройти до обеда.

«Синьками» пользовались два года, а потом, наверное, кто-то пожаловался на формальное отношение к здоровью трудящихся в институтской медсанчасти. Главврачу накрутили хвоста и велели

исправиться. Врачиха озверела. «Я хотела вам же помочь, чтобы вы меньше в очередях сидели, а вы — жаловаться! Вот и старайся, делай для людей! Ну, я вам устрою!» — кричала она. Следующий медосмотр был зверским, унижительным и мучительным. Требовали справки, анализы и выписки, безжалостно гнали за любой бумажкой в домашнюю поликлинику или в диспансер. Ребят в кабинете хирурга заставляли снимать трусы при молоденькой медсестре. Окулист всем подряд измерял глазное давление.

Кое-кто сбежал сразу, а те, кто остались, сначала побегали за разными справками, а потом мучились в очередях в кабинеты два-три дня. После медосмотра многие получили направления в различные диспансеры, с угрозой, что, пока не пойдут, до работы не будут допущены. Чего только не написала разгневанная главная докторша! Невезучего Виталия Царькова, например, направили проверяться, нет ли у него в кишечнике огромного глиста-солитера. Виталий очень испугался, два раза ездил на электричке в Москву в специализированное лечебное учреждение, в «глистопрогонный цех», как назвал его Полоскин. Полоскин ликовал, что вовремя сообразил, сбежал с медосмотра и теперь смеялся над каждым новым диагнозом, который приносили сослуживцы. Глиста у Царькова специалисты не нашли. Вообще, и других болезней, которые заподозрили у остальных сотрудников на медосмотре (диагноз со знаком вопроса), к счастью, не оказалось.

Сереза, дисциплинированный человек, проходил медосмотр, не отлынивал. Может, в другую пору и он бы плюнул, сбежал бы, как Валерка Полоскин.

Но тут... Аська уже две недели орала почти круглые сутки. Такая была хорошая, спокойная девочка, управляться с ней было легко, легче, чем с Генкой в свое время. Теперь же как подменили ребенка. Кричит и кричит... Может, зубы? Да вроде бы рано... Может, газики? С чего бы вдруг? Постоянный страх за ребенка, усталость, недосып, выбили Серезу из колеи, лишили воли. На работе он был как вареный. Сказали, что надо идти на медосмотр, он и поплелся, даже подумал, что хорошо, можно будет домой пораньше отвалить к Аське. Но не тут-то было, присидел в очередях к разным врачам весь день.

— Что вы еле идете? Сами себя задерживаете, — с ходу начала нападать врачиха. — Фамилия? Зуев? Жалобы есть?

Докторша подняла глаза и стала пристально смотреть на Серезу. В былые годы она на работников не глядела, просто так бумаги подмахивала.

Одного взгляда на измученного молодого папашу было достаточно, чтобы понять, что у человека не все в порядке в жизни.

— Почему у вас глаза красные? Дышите тяжело. Во рту сохнет? Пьете много? В смысле, воды, — выстреливала вопрос за вопросом докторша.

Сереза попытался свалить вину на Аську, но получил в ответ приговор.

— Нет, это не бессонные ночи. Это у вас, голубчик, диабет начинается!

Сереза вытаращил на нее глаза. Для него, никогда и ничем серьезно не болевшего, это была ошеломляющая новость.

— Как диабет? — спросил ошарашенный Сереза.

— А так! — злорадно сказала врачиха. — Как у всех. Родители диабетом болели? А другими эндо-

кринными заболеваниями? Ну, это ничего не значит. Вы с каким весом родились? Не знаете, так спросите у матери! Нет матери? Жаль, не у кого узнать. Если ваш вес превышал четыре килограмма, то есть основание задуматься... Плоховато вы выглядите для своего возраста. Надо обследоваться. Так, значит...

Врачиха стала писать направления на анализы, а потом отпустила Сережу с целой пачкой бумажек.

Обследоваться Сережа не стал. Не до того было, к тому же не верилось как-то в диагноз этой врачихи, особенно в сочетании с царьковским глистом и другими подобными глупостями.

Сказал как-то жене перед сном.

— У меня на медосмотре диабет нашли.... — хотел, было, добавить, что, наверное, ошиблись, не стоит придавать значения.

Но закончить фразу не пришлось. Таня брезгливо дернулась, отстранилась от мужа, как будто Сережа хотел ее укусить.

— Ты что? — с обидой сказал Сережа. — Диабет — не заразная болезнь. Да и нет никакого диабета...

Но Таня смотрела на него как на прокаженного. Сережа отвернулся от нее и закрыл глаза. Таня, оказавшись за спиной мужа, поспешила отползти, отлечь на дальний край широкой кровати, разобраться в том, что услышала.

Таня приняла болезнь мужа как не подлежащую сомнению, как несчастье, от которого некуда деться, как свое несчастье, как резкую перемену своей жизни к худшему. Не заслуженную ею перемену. Господи, за что ей такое наказание? Такая кара за праведную жизнь!

Три дня она только об этой новости и думала. А потом затеяла объяснение.

— Слушай, Сережа, ты теперь, вроде, считаешься больным, — начала излагать свою боль Таня. — Значит, тебе нужен дополнительный уход. О тебе нужно заботиться, как о больном человеке. Ведь так?

— Это ты про что? Про липовый диабет, что ли? — спросил Сережа. Тогда, несколько дней назад, когда он поделился с женой новостью и не встретил никакого сочувствия, Сережа обиделся. Но теперь обида прошла, затушевалась, а Танька еще на шаг стала дальше от него, еще меньше стало надежды на поддержку этого живущего вместе с ним человека.

— Да, я про диабет. Это не липовая болезнь. Человек, больной диабетом, — настоящий хроник. Ему нужно делать уколы инсулина, питаться по часам, соблюдать диету...

— Ну, дальше что? — Сережа не стал объяснять жене, что не диабет — липовая болезнь, а диабет у него липовый, нет у него диабета. Только подумал, что Танька хорошо подковалась, наверное, читала «Справочник фельдшера», по которому они с Андреем Прокофьевичем научно диагностировали болезни детей. Толку от этого справочника было не слишком много, но зато мужчины могли обоснованно возражать теще, которая норовила поставить диагноз без специальной литературы. Раньше Татьяна этот двухтомник никогда в руки не брала.

— Что дальше? — переспросила Таня. — Я же говорю: тебе нужно дополнительное обслуживание, значит, на меня ложатся дополнительные обязанности. А с какой стати?!

Сережа понял, что Таня наконец подошла к самому главному. «Спокойно, — успокаивал себя Сере-

жа. — Такая у меня жена. Буду приводить простые доводы, ни в коем случае не стану обижаться».

— Ты опасешься, что из-за моего диабета, если он есть, тебе придется изменить свою жизнь, от чего-то отказаться, чтобы ухаживать за больным мужем?

— Да, именно так, — Таня напряглась, внимательно смотрела Сереже в глаза. Как хорошо, что Сережа понял ее и не стал разыгрывать обиды, ссылаться на благородных и самоотверженных литературных героев, не стал прятаться в непонятное, сложное...

— Но тебя эта дополнительная работа не коснет. Ты в семье не выполняешь и основную работу. Детьми ты занимаешься мало, по ночам спишь. До сих пор стирала и готовила еду твоя мама. Уколы, горчичники, банки, компрессы делал я или твой отец. За продуктами или в аптеку за лекарством, я даже не припомню, когда ты ходила последний раз.

— Да, это так, — сказала Таня. — Я все понимаю и не хочу ничего сказать. Родители и ты во многом облегчаете мою жизнь, даете мне возможность...

«Творить, что ли?» — подумал Сережа. Но Таня не уточнила, какую возможность ей дают.

— Тогда скажи, с какой стати родители за тебя работают? — спросил Сережа.

— Но ведь они — мои родители, они мне помогают, — сказала, как само собой разумеющееся, Таня.

— А я? Я выполняю работу, которая у всех считается женской, потому, что я — твой муж? И мужскую работу с меня никто не снимает. Это с какой стати?

— Ну, ты вошел в семью... Тебе же надо что-то делать. Ведь тебе же было бы неудобно, если бы папа с мамой все за тебя делали. Потом, ведь ты делаешь для своих детей, — без запинки ответила Таня.

— Вот, ты все разложила по полочкам, все хорошо объяснила. При таких объяснениях ясно и то, что тебе не придется выполнять дополнительную работу, связанную с моим диабетом... если он есть. Все по-прежнему будем делать мы, я и твои родители, — Сережа сдерживался, вел разговор спокойно и называл вещи своими именами.

— Но ведь родители — пожилые люди, а диабет — неизлечимая болезнь, с ним живут всю жизнь.

— Тогда давай договоримся, что когда родители не смогут нам помогать, а я не смогу сам себя обслуживать, то ты на всех нас поработаешь на тех же основаниях: им ты — дочка, мне — жена, — Сережа все-таки повысил голос.

— Ты что, обиделся? — спросила Таня.

— Нет. Но я действительно не могу придумать ничего другого в создавшейся ситуации.

— И не нужно ничего придумывать. Я твою болезнь восприму как данность. Буду все делать для тебя не хуже никакой другой жены. Я же тебя люблю, ты — мой муж. Я просто хотела во всем разобраться, и я очень благодарна тебе, что ты так сдержанно и просто ответил мне на все вопросы! Впрочем, я думаю, что ты прав, и никакого диабета у тебя нет.

«Да... Загадочная конструкция — моя Танька, — думал Сережа. — Что-то Прокофьич с тещей перепутали, когда ее делали. Все на месте, но чего-то не хватает. Хорошо бы Таньку перебрать, как коробку передач».

Но на душе у Сережи стало легче после этого разговора. Да и сам разговор быстро забылся, а диабета никакого и впрямь не оказалось.

ГЛАВА 20

Ситуация по двести сорок шестому заказу грозила скандалом. По результатам испытаний оказалось, что ошибка в измерениях, вносимая изделием их предприятия, в два–три раза больше допустимой. Причем испытания проводились в большом московском институте, который занимался моделированием огромного комплекса. В этот комплекс изделие Серезинового института входило, как составная часть. Мнение большого института было решающим для заказчика. Если там скажут, что плохо, то и заказчик скажет, что изделие не годится. Получилось так, что скандал сразу вышел на межинститутский уровень.

Ошибка в измерениях, из-за которой разгорелся сыр-бор, присутствовала всегда и возникала по разным причинам в нескольких устройствах. На самых первых этапах разработки ошибку привычно и традиционно делили на части и раздавали разработчикам устройств так, чтобы изделие, собравшее вместе все устройства, работало с заданной точностью. Так и было во всех предыдущих разработках: каждый блок вносил свою часть ошибки, и все изделие работало как нужно.

На этот раз каждая часть была достаточно точна, а целое изделие ошибалось. Понятно, что искать причину следовало на стыках, на переходах от одного блока к другому. Нужно было выявить не замеченные ранее взаимодействия между блоками. По смыслу задачи решать ее должны были комплексники. Но на совещании у директора, проходившем на повышенных тонах, решили, что виновата Серезина лаборатория. Начальнику приказали в кратчай-

шие строки разобраться. Начальник сказал, чтобы Сереза занялся в первую очередь этой задачей.

Получив новую работу, Сереза слегка опешил. Не понятно было, с какого боку за нее взяться. Литературы по этому вопросу не было никакой, да и как ее искать, по какому признаку? Сереза пытался читать книжки из смежных областей радиотехники, но прочитанное никакого отношения к его задаче не имело. Стал ходить по другим лабораториям, разговаривать с инженерами. Удивительно, как меняются люди, когда боятся ответственности или дополнительной работы. Сослуживцы, которых он считал приятелями, встречали его расспросы холодно и напряженно: «Ничего не знаем. Это — не наше. У нас этого нет в плане». Правда, чем дальше человек был от проблемы, чем меньшими неприятностями она грозила лично ему, тем более доброжелательно он беседовал с Серезей, сочувствовал и рассказывал истории из собственной жизни.

Сереза уяснил для себя все возможные факторы, которые могут иметь значение для решения задачи. Кроме того, Сереза теперь знал фамилии коллег из других институтов, которые могли иметь отношение к похожим работам. Задача стала если не более понятной, то привычной, Сереза теперь мог четко сказать, что ему нужно.

Сереза увлекся, постоянно думал о проклятой ошибке и дома, и на работе. Даже в ранние утренние часы, когда Сереза вел сына за руку в детский сад, мысль о проклятой ошибке шевелилась у него в голове. А в это время нельзя было думать о постороннем. У Серезы с Генкой так было заведено, что по дороге отец рассказывал сыну сказку или историю. Утром сказка и вечером сказка, две сказки в день,

или одна длинная с продолжением. Последний год изредка делали наоборот, то есть Генка рассказывал Сереже сказки, ведь он уже был большой, ходил в выпускную старшую группу. Чтобы выдавать такое количество сказочного материала, требовалась сосредоточенная работа ума, а тут эти ошибки, будь они неладны. Сережа отвлекался, что сказывалось на качестве рассказываемых историй. Появлялись нестыковки в сюжетах и противоречия обстоятельств. Рассказывая про Суворова, как он закалялся, чтобы стать сильным и здоровым мальчиком, Сережа один раз сказал, что будущий полководец спал с открытым окном, а другой раз — с открытой форточкой. Гендос таких вольностей не любил. Он потянул папу за руку, остановился посреди дороги и стал выяснять, как же было на самом деле? Сереже пришлось выкручиваться и объяснять, что летом открывали окно, а зимой — только форточку. Мысль о нерешенной задаче вынуждала подправлять исторические факты.

На середину мая, после всех праздников, была намечена конференция в Москве. Приглашение присылать тезисы докладов на конференцию пришло на предприятие еще в январе. Сережа с начальником отправили свои материалы и с удовольствием ждали открытия. Такие конференции проводились каждые два года, иногда реже. На них собирались коллеги со всего Союза. Можно было узнать новости про знакомых людей, кто защитил диссертацию, кто стал большим начальником, а кто, наоборот, ушел на пенсию. Доклады бывали интересные и на пленарных заседаниях, и на секциях. Можно было определить, кто чем занимается, оценить общий

уровень разработок. Но основная цель конференций достигалась в кулуарах. Познакомиться можно было с нужными людьми, договориться о взаимодействии. Сережа ехал в Москву с мыслью о нерешенной задаче, даже собственный доклад, который ему предстояло прочитать на секции, занимал Сережу значительно меньше.

Сережа знал, что ему нужен Николай Гаврилович Сальников, доктор наук, начальник отдела в одном институте, с которым они совсем не были связаны по работе. Вроде бы, когда-то он занимался подобными проблемами. Так как ничего более определенного у Сережи не было, то он сосредоточился на том, что нужно поговорить с Сальниковым.

В первый день конференции Сережа Сальникова не нашел. А на второй день ему показали невысокого кряжистого человека, который одиноко стоял и курил на лестничной площадке.

Сережа подошел, представился и стал объяснять, какая у них возникла задача, и спросил, не сталкивались ли они с таким явлением.

Видно, Сережа слишком торопливо все выпалил и испугал доктора своим напором. Тот напрягся, Сереже даже показалось, что хотел сбежать.

— А вы кто, аспирант? — спросил Сальников.

— Да, нет, — ответил Сережа.

— В чем тогда дело?

— Ошибка в изделии в три раза больше, чем сумма ошибок всех составных частей, — быстро, чтоб не перебили, протараторил Сережа.

— Бывает, — равнодушно сказал Сальников. — А я тут при чем?

— Хотел у вас проконсультироваться, может быть, посоветуете, где искать причину?

— А откуда вы меня знаете? — продолжал прояснять ситуацию Сальников.

— Мне начальник мой говорил, Альберт Тарасович, что вы чем-то подобным занимались. Вы у него были официальным оппонентом, когда он кандидатскую защищал... Потом, комплексник у нас есть Зарезов Евгений Алексеевич, он сказал, что вы можете знать, еще кто-то говорил... — объяснил Сережа.

— Женьку Зарезова знаю. Как он там? Не спился еще? — первый раз улыбнулся Сальников. — Ох, и здоров же он пить! Килограмм двести грамм мог принять на грудь, и ничего. Сам бы не видел, не поверил бы... Так что там у вас случилось?

— По частям ошибка нормальная, а вместе когда собираем, сильно возрастает, — повторил Сережа.

— Антенна какая? — стал наконец вникать в задачу Сальников.

Сережа объяснил. Потом отвечал на вопросы Сальникова про другие блоки и про способы настройки.

— Знаешь, что? По-моему, вы не так фазируете изделие. Действительно, что-то подобное у нас было... давно только... Что ж тебе посоветовать?.. — задумался Сальников. — Вот что сделай. Ты найди мою статью в отраслевом сборнике, то ли в семьдесят втором году, то ли позже на год-два, но не раньше. Кажется, там про это... Если нет, то позвони мне на работу, я еще вспомню...

— Спасибо, — сказал Сережа.

— Не за что, не за что пока, — любезно улыбаясь, сказал Сальников. — Думаю, еще встретимся. Ты, это... Зарезову привет передавай, пусть позвонит как-нибудь. Вы вместе работаете?

— Нет, он в комплексной лаборатории, а я в антенной, — удивился забывчивости доктора Сережа.

— А, ну да... Но все равно там, у Купола? Петровичева у нас Куполом звали... Знаешь?

— Спасибо, передам обязательно... — сказал Сережа.

— Ну, пока, а то у меня тут аспирант докладывается, пойду на секцию, — уже на бегу распрощался Сальников.

Сережа довольно легко нашел рекомендованную статью. Она была близка к той задаче, над которой мучился Сережа. Не совсем то, что требовалось, но общий подход Сальникова, неожиданный для Сережи взгляд на причины возникновения ошибки дали толчок, который позволил Сереже быстро разобраться в своей задаче. Как же долго он не мог сообразить! Какой умный мужик Сальников!

Полученное Сережей решение не требовало переделки блоков. Для уменьшения ошибки нужно было изменить методику настройки изделия. Методику комплексники изменили, скорректировали документацию. Нужно было съездить на завод в Киев и показать регулировщикам практически, как настраивать изделие по-новому, чтобы не по одним бумагам, а наглядно. Комплексники ехать побаивались и убедили руководство послать на завод Сережу, как автора новшества.

Сережа был совершенно уверен в правильности своего решения и ожидал, что работы на заводе будет на два часа, ну, пусть, два раза по два часа, для разных смен. Но командировку дали на неделю. Руководство считало, что испугавшая всех проблема не может быть так быстро разрешена. «Хорошо, прогуляем по Киеву. Прелесть, начало июня», — поду-

мал Сережа. И тут его осенило, что гулять по Киеву лучше вдвоем с сыном. А что, мальчишке семь лет, осенью в школу. Найдут, чем заняться двое молодых и интересных мужчин! Вопрос с заводской гостиницей на двоих уладили по телефону. Сережа и не скрывал особенно, что берет Генку с собой, ведь он ехал в командировку победителем.

Так вот и отец брал его когда-то в командировку в Читу...

Командировка была на диво приятной. Работы на заводе действительно оказалось мало. Почти все время они провели с Генкой в городе: гуляли, катались в парке на всем, на чем можно, играли в настольный теннис, пока не истратили все деньги. Осталось три рубля на обед, два рубля на постель в поезде, еще немного — в Киеве доехать до вокзала, в Москве от вокзала до вокзала, и там на электричку. В обрез. Но отец и сын хотели еще развлечений в эти оставшиеся несколько часов в Киеве! Проблему решил, как в сказке, кошелек. Он лежал на тротуаре у них под ногами. В кошельке было четыре рубля. Сережа и Гена некоторое время размышляли о том, как следует поступить. Потом прикарманили деньги, кошелек положили на старое место и понеслись бегом в парк на аттракционы.

Сережа с Генкой приехали в Москву в субботу утром. С Киевского вокзала — в метро, потом на электричку, там еще от станции пешком... Почему-то эта завершающая часть дороги утомила больше, чем вся дорога. Вошли в квартиру, открыв дверь ключом, так интересней и неожиданней. Первым шагнул в прихожую Генка, неся в вытянутых руках «Киевский» торт. Самый лучший, «карло-марксовский», а не «хлебозаводовской»! За сыном вошел улыбающийся Сережа:

«Здравствуйте! А вот и мы!» Из своей комнаты вышел Прокофьич: «Здорово, здорово! Заждались!» Анна Петровна на кухне кормила Аську кашей, повернулась к вошедшим, заулыбалась и ослабила бдительность. Аська воспользовалась заминкой, выскочила из-за стола и с перемазанной мордашкой побежала к ним здороваться. Вышла из спальни Таня и сказала, глядя почему-то только на Сережу: «Вот хорошо, что ты приехал, — сходи за хлебом!»

ГЛАВА 21

Еще за два дня до отъезда из Киева, придя последний раз на завод, Сережа позвонил на работу сообщить, что все сделано, и в следующий понедельник он появится, а сейчас чтобы его не искали.

— Сережа, скорей приезжай, тут такое! — услышал он в трубке голос Валентины Михайловны.

— Что случилось? У меня билеты на послезавтра. Что, менять?

— Нет, менять не нужно, конечно, но не задерживайся.

— Опять, что ли, из этой области? — Сережа имел в виду свои старые неприятности с Первым отделом.

— А... Да-да-да! Из этой, из этой.

У Сережи похолодело внутри. Что еще могло случиться, неужели не кончилось за три года?! Валентина Михайловна на том конце провода почувствовала Сережин испуг, вспомнила, что он там с ребенком, и постаралась его успокоить, но в то же время и не ослаблять напряжение интриги.

— Не бойся, тебя не касается. Но все равно оттуда же, только посильнее!

Сережа тогда усилием воли заставил себя забыть про этот звонок, чтобы не портить отдых с Генкой. Теперь по дороге в булочную вспомнил.

— Что там у нас стряслось? — спросил Сережа тещи, когда вернулся из булочной. — Почему-то мне сказали, чтобы приезжал поскорей.

— Все предприятие гудит. Сталину вашу с мужем арестовал КГБ как шпионов.

Сережа аж присел от неожиданности.

Сталина Васильевна была шпионкой, точнее, женой и сообщницей шпиона. Но это выяснилось потом.

В детстве Сталина хлебнула лиха. Ее отец был авиационным инженером, до войны работал в группе изучения реактивного движения, знаменитом королевском ГИРДе. В тридцать девятом году его посадили, потом перевели на поселение, и к нему приехала жена с дочерью Сталиной. После ссылки вернулся в Москву в пятьдесят шестом со справкой о реабилитации. Обошел несколько институтов, но устроиться на работу не смог. Пошел в приемную на Лубянке и спросил: «Так я реабилитирован или нет?» Тогда решили вопрос. Устроили на работу под Москвой и дали жилье. Дочь Сталина окончила Авиационный институт, на пятом курсе вышла замуж за своего же студента. Сталина и ее муж Роберт распределились на работу вместе в тот «почтовый ящик», куда потом пришел Сережа.

У Роберта, как и у Сталины, и имя было непростое, и судьба сложилась непросто. Родился в При-

балтике, семья успела уехать до прихода немцев. Намаялись в эвакуации. Потом родители не захотели возвращаться, остались в Казахстане, а Роберт поступил в Авиационный институт в Москве. Жил в общежитии. Потом с женой переехал под Москву.

Странная была пара — Сталина Васильевна и Роберт Николаевич. Он невысокий, но ширококостный, крепко сбитый с некрасивым, злым лицом. Те, кто учился с ним вместе, вспоминали, что Роберт никогда не возвращал одолженных денег. Всегда находил предлог, чтобы не отдавать, да еще обругать или даже побить кредитора. Говорил, что тот за его счет когда-то выпил, или что-то у него брал и не вернул. Все были перед ним виноваты. Рассказывали еще, что Роберт на последнем курсе то ли ударил, то ли чуть не ударил преподавателя. Собирались Роберта отчислить из института. Однокурсники пошли к ректору с заявлением, просить, чтобы не выгоняли. Ректор их выслушал и сказал: «Нет, не выгоним его, кто ж с последнего курса выгоняет? К моему сожалению. Но вы меня как огорчаете! Как же вы, делегация, пришли просить за такую сволочь? Этот негодяй себя еще не так покажет! Уйдите, чтоб глаза мои вас не видели!» И порвал их заявление. Но на работе Роберт пошел хорошо, был заметной фигурой на предприятии. Он отвечал за конечные параметры изделий, согласовывал их на самом выходе, когда система переставала быть работкой и становилась серийной продукцией.

Сталина, Лина, как ее называли, имела, в отличие от мужа, выдающиеся размеры во всех трех измерениях. Выше мужа на голову, а тяжелее, наверное, в два раза. Уверенная в себе, громогласная. К Сереже относилась свысока, подумаешь, мальчон-

ка с периферии, из милиционеров. По сравнению с ней — мелкота. Пыталась нахального мальчишку Зуева «носом поводить» при случае. Давно, еще когда Сережа только пришел в лабораторию, Лина увидела у него в руках билеты в театр и воскликнула с иронией, громко, на всю лабораторию.

— Ты идешь в театр?! В какой же?

— В театр Станиславского, — робко ответил Сережа.

— Ты имеешь в виду имени Станиславского и Немировича-Данченко, музыкальный? — снисходительно уточнила Лина.

— Да нет, одного Станиславского, драматический, — ответил Сережа.

— Ты ошибаешься, такого театра нет в Москве, — припечатала провинциала Лина.

— Да нет, есть, — не согласился Сережа и попытался рассказать про Михал Михалыча Яншина, про Ольгу Бган, Ивана Козлова и артиста Сатановского.

Лина снисходительно выслушала его лепет, потом сказала:

— Во всяком случае, в кругах театральной общности этот театр неизвестен! — после чего решительно отошла от Сережиного стола.

Молодежь хихикала, потом некоторое время Сталину Васильевну за глаза называли «Театральной общественностью». Молодые сотрудники лаборатории с удовольствием слушали Линыны громкие речи и ждали, когда она очередной раз попадет впросак.

— Вы знаете, кто эта женщина? — привлекала внимание сослуживцев Лина, указывая пальцем на незнакомую, видно приезжую, даму, которую секретарша вела от проходной. — Это Крылова, хуждница, родственница Кукрыниксов.

Тут же к Лине обращался Валера Полоскин.

— Как же так, Сталина Васильевна, вы говорите, родственница? А фамилия-то у нее другая, не Кукрыникс, — Валера изо всех сил старался сохранять серьезное лицо.

— А ты разве не знаешь? Ха-ха-ха! — громогласно смеялась Лина. — Кукрыниксы, ведь это аббревиатура: Куприянов, Крылов, Николай Соколов. Вот она и есть Крылова!

Ребята потом сто раз передавали друг другу эту сцену, особенно всех радовало раскатистое слово «аббревиатура» в устах Лины.

В лаборатории принято было знакомить всех с результатами работы отдельных сотрудников. Если, конечно, были результаты. Называлось это техучеба, и начальник требовал, чтобы техучеба проводилась регулярно. Когда у Сережи появилось, с чем выходить на техучебу, то Сталина Васильевна очень внимательно его слушала, и первая начинала громко хвалить: «Молодец, Сережа, молодец!» Но как-то не радовали эти похвалы, слишком много было в них снисходительности. По мере Сережиного роста поводов для снисхождения оставалось все меньше. И однажды, после обсуждения чисто технического вопроса, Сталина вдруг стала говорить, что не верит Сережиным результатам, что у Сережи резкие движения, а людям с резкими движениями доверять нельзя, что она лично пойдет и перепроверит. Все переглядывались, не понимая, с чего Лина взбесилась, и чувствовали себя неловко. Получилось так, что Сталина Васильевна была единственным сотрудником лаборатории, с кем у Сережи сложились устойчиво плохие отношения.

Но не Сережа Зуев, как таковой, сердил Сталину Васильевну, дело было в другом. Тяжелое детство с

клеймом «члена семьи врага народа», может быть, еще какие-то жизненные обстоятельства сформировали главную черту Лениного характера — она презирала людей. Не всех. Пушкин, Наполеон Бонапарт, Лев Толстой, Альберт Эйнштейн заслуживали уважения. Из ныне живущих к уважаемым людям относились, конечно, она сама, Лина, ее сын, академик Капица, Жак Ив Кусто, ну, еще несколько человек. Только эти люди имели право, по мнению Лины, вслух высказывать свои мысли, совершать заслуживающие внимания и обсуждения поступки и болеть по-настоящему опасными болезнями. Остальные — мелкота, мусор. Правда, были еще промежуточные фигуры, которые звезд с неба не хватало, но уж очень им повезло в жизни. Например, Юрий Гагарин или семья Михалковых-Кончаловских. Про этих тоже можно было поговорить, но уже слегка снисходительно. Все же остальные должны были знать свое место и не вякать. И не беспокоить Сталину Васильевну своими мелкими делами.

Сережа как-то невольно подслушал разговор двух дам. К Лине пришла знакомая из другой лаборатории, и они сели поговорить. Вернее, сидела одна Лина, возвышаясь огромной тушей на отодвинутом от письменного стола стуле, а небольшая ее собеседница просто оперлась задом и двумя руками об этот стол, так что головы беседующих дам находились на одной высоте. Гостья с ужасом рассказала, что у ее подруги, которую хорошо знала Лина, обнаружили рак. Невидимый дамами Сережа почувствовал на расстоянии, как Лина воспротивилась, не захотела принимать эту важную и страшную весть. «Что, груди, груди?» — громче, чем следовало, спросила Лина. «Да нет, в животе... — несколько недоумен-

но ответила дама, почувствовавшая агрессивность вопроса. — Будут делать операцию» «Но ведь это гинекологическая операция, несложная», — продолжила снижать значимость события Лина. «Да нет, операция полостная, сложная и с непонятным результатом». «Ну, не знаю!» — как будто выключилась Лина и перешла на другую тему. Сережа тогда не понял странных вопросов Лины, только в памяти осталось резкое и неприятное «Что, груди, груди?» Потом додумался, из подсознания всплыл смысл подслушанного разговора. Рассказ о тяжелой болезни знакомой женщины должен был вызвать у Лины ахи, охи и слова сочувствия. Но Лина не сочувствовала, не жалела обычного, малозначащего человека. И не хотела притворяться, что ей жалко несчастную. Вместо этого она доказывала, что имеет право не жалеть, но не тем, что объект не достоин ее жалости, а тем, что болезнь не тяжелая.

Было еще несколько эпизодов из того же ряда. Узнав о выходе статьи кого-нибудь из сотрудников лаборатории, Лина обязательно говорила: «Ну, это же в нашем сборнике, который никто не читает». Увидев на пальце сослуживицы потрясающей красоты колечко, купленное сыном-дипломатом на алмазной бирже в Амстердаме, Лина комментировала: «Вот, могут турки ширпотреб приличный выпускать! Что, не турки? Ну, значит, китайцы». Как-то Лину подвез сослуживец из другого подмосковного городка домой. Вместо того чтобы ехать на двух электричках через Москву, тут сразу по прямой, от проходной чужого предприятия до подъезда своего дома. Очень приятно. Но Лина сидела в машине, и вместо того чтобы вести приличный разговор об автомобилях или о погоде, напряженно молчала. По дороге лоп-

нуло колесо, и некоторое время ушло на замену. После смены колеса Лина расслабилась, заулыбалась. По приезде насмешливо спросила водителя: «Ну, и сколько мы ехали?» «Почти два часа» — ответил, посмотрев на часы, сослуживец. «Я так и думала, что на электричках быстрее», — с удовлетворением произнесла Лина. Не могла она чувствовать благодарности к этим мелким, не равным ей людям!

Каждое событие в жизни окружающих ее людей, стоящих, по мнению Лины, на несколько ступеней ниже нее на лестнице эволюции, Лина стремилась аттестовать как маловажное, даже если не понимала смысла происходящего. А если слышала серьезные возражения, то переставала воспринимать слова и тут же выбрасывала из головы новость. На каждого нового человека Лина жадно накидывалась с единственной целью — классифицировать его как малозначительного, навесить ярлык и поставить на полку в один ряд с прочими болванами. Вот и Сережа попал под классификацию. Когда не удалось доказать самой себе, что Сережа — болван, Лина обиделась на Сережу и перестала обращать на него внимание.

Размышления о недостойности окружающих ее людей и вскрытие подлых причин их поступков отточили ум Сталины Васильевны, сообщили ему определенную проницательность. Но проницательность эта имела однобокий характер. Лина легко обнаруживала низкие мотивы, лежащие в основе происходящих событий. Быстро выводила на чистую воду любого знакомого или незнакомого даже в том случае, если человек совершал нечто очень хорошее, симпатичное, героическое. Бывало, угадывала. Часто вслух сообщала как о бесспорном факте о

легком сомнении, искушении, только поднявшемся со дна души другого человека, и тут же им самим совестливо загнанным обратно на дно. Человек был ни в чем не виноват, он сомневался лишь мгновение, потом отринул эти сомнения и поступил благородно. Но Сталина была неумолима и громогласна. Принижала благородный поступок как очевидный и пустяковый, а возвеличивала вскрытые ею самой черные тайны души другого человека. С кривой усмешкой объявляла: «Я же понимаю, что он имел в виду!» Иногда, подтасовывая факты, говорила о вовсе не существовавшей подлости. Люди смотрели на Лину с удивлением и, в зависимости от характера, начинали оправдываться, или обижались, или решительно переставали иметь с ней дело, справедливо полагая, что в этом десятипудовом организме ничего нельзя ни подвинуть, ни изменить.

Истово вскрывая тайные мотивы, Лина часто обращала внимания на явное, очевидное, простое и оказывалась в смешном положении, не понимая того, что было ясно всем. А уж отвлечь Сталину Васильевну от главного, заманить ее упоминанием того, что кто-то глуп, подл или чего-то не знает, было проще простого. Сталина Васильевна в таких случаях расслаблялась душой, задавала ироничные вопросы, смеялась и показывала толстым указательным пальцем. Увлекалась, одним словом.

Но жило в душе Сталины Васильевны одно большое и светлое чувство. Она обожала своего сына, музыкально одаренного мальчика. Каждый день, в час, когда тот возвращался из музыкальной школы, мама звонила ему по телефону и спрашивала что-нибудь вроде: «Ты ноктюрн играл?» Сын, наверное, подтверждал. «С настроением?» — спраши-

вала Лина и вся замирала в ожидании ответа. Мальчишка, наверное, подтверждал, что с настроением. Лина от счастья взлетала к облакам. В этот момент она могла даже принять обращенную к ней легкую шутку.

— Вот, Сталина Васильевна, поедете в Париж с сыном, — встревал Полоскин. — Не забудьте мне сувенирчик привезти.

Лина в ответ счастливо смеялась, сотрясаясь огромным телом. О поездке в Париж в «почтовом ящике» в то время можно было сказать только в шутку.

Что соединяло Сталину с Робертом, трудно сказать. Во всяком случае, ни на работу, ни с работы они вместе не ходили.

И вот гром среди ясного неба. Роберт — американский шпион. Сам предложил свои услуги американцам и несколько лет сообщал им известные ему секреты. Точнее, передавал фотокопии секретных институтских документов. Чтобы не попасться за фотографированием, Роберт отвозил документы домой и там в обеденный перерыв все делал. Придумал способ, как вынести документ за проходную на часок.

Первый отдел выдавал секретные документы под залог пропуска, чтобы кто-нибудь не забыл документ вернуть. На огромной территории института располагалось несколько корпусов. Каждый корпус обслуживался своим филиалом Первого отдела, так удобней. Роберт брал в одном филиале какую-нибудь маловажную бумажку и оставлял свой пропуск. Потом шел в другой филиал и получал документ, который интересовал иностранную разведку. Из второго филиала звонили в первый, получали подтверждение, что пропуск у Роберта там уже забрали, после чего вручали шпиону нужный документ.

Перед обеденным перерывом Роберт возвращал ненужную бумагу, получал назад пропуск и оказывался и с пропуском, и с документом на руках. Возможны были и другие ходы, чтобы поработать дома с секретным документом, тоже не особо хитрые.

За предательство Роберт получал деньги, но тратить их боялся. Самой дорогой покупкой был автомобиль «Волга». «Пришли» на предприятие «Волги» из таксопарка после капитального ремонта. Которые получше, по шесть тысяч рублей, совсем раздолбанные — по три. Выделяли кадровым сотрудникам. Вот Роберту тоже досталась «Волга». Остальные деньги девать было некуда, и Роберт их хранил на даче, на чердаке. Иногда ему казалось, что он на грани провала, и скоро его возьмут. Тогда он ехал на дачу и начинал деньги жечь. Сколько-нибудь сжигал, потом становилось жалко. Через некоторое время, вместо сожженных появлялись новые купюры.

Но никто ни о чем не догадывался. Вышли на него оттуда, из Америки. Наша разведка узнала, что про нас известно американцам. По характеру утечки определили предприятие. Составили список лиц на предприятии, которые имели доступ к утекшим сведениям. Посадили засаду напротив проходной и стали следить за этими лицами: когда приходят, когда уходят, что приносят, что уносят. Рутинная работа дала результат, через месяц Роберта взяли. На допросах Роберт говорил то же, что своим товарищам-студентам, которым деньги не возвращал, мол, всех вас ненавижу. Ректор Авиационного института был прав. С женой Роберт, наверное, заранее условился на случай провала. Сталина сказала, что сама не шпионила, о деятельности мужа знала, но не донесла, потому что муж пригрозил убить сына.

Говорили, что шпионская деятельность Роберта принесла стране астрономические убытки, больше миллиарда долларов.

Роберта расстреляли. Сталине дали три года за недоносительство. Через три года она вернулась худая и вскорости умерла от рака. Сына не тронули и не выселили из квартиры.

Из сотрудников Серезиной лаборатории никого не допрашивали, хотя руководство института и ближайшее окружения Роберта потрясли. Но тоже без серьезных последствий для кого бы то ни было. Только уволили начальника Первого отдела и его заместителя.

ГЛАВА 22

Шпионские новости, конечно, во всех подробностях сообщили вернувшемуся из командировки Сереже. Все с увлечением повторяли свежему слушателю обстоятельства необычного происшествия. Когда наговорились, Сережа пошел докладывать начальнику лаборатории о командировке. Тот с удовлетворением выслушал и сказал.

— Ты Сальникову позвони.

— Конечно, позвоню, — ответил Сережа. — Расскажу о результатах и поблагодарю еще раз.

— Ты меня не понял, — сказал начальник. — Сейчас позвони, а потом мне трубку дашь.

Взяв трубку после Серези, начальник тоже поблагодарил Сальникова за помощь, а потом сказал.

— Как вы полагаете, Николай Гаврилович, в качестве задела для кандидатской диссертации эта задача годится?

— Так вы же кандидат уже, я же помню, принимал участие в процессе, — не понял Сальников.

— Я имею в виду не себя, а Зуева. Для него.

— Он мне про это ничего не говорил. А! Вот даже что, он говорил, что не аспирант.

— Он не говорил, так я говорю. Как вы думаете, можно его осенью направить в аспирантуру, ориентируясь на диссертацию в этом ключе. Он парень дисциплинированный, в срок защитится.

— Ну, там... надо подумать... Но, в общем, годится, тем более, видишь, внедрение какое уже есть, — настороженно сказал Сальников, ожидая продолжения. И оно последовало.

— А если я вас попрошу быть научным руководителем у Зуева? — решительно продолжил начальник лаборатории.

— Попросить-то можно... Так, он парень вроде ничего... Я чужих не особо люблю брать. У вас там что, своих докторов нет?

— Таких нет.

— Ну, ты это брось. Я этого не люблю. Таких, сяких... Всякие есть.

— Вы меня не так поняли, Николай Гаврилович. Антенных докторов у нас нет, тем более с опытом работы по близкой теме, — вышел из неловкого положения Серезин начальник.

— Зачем вам мой опыт? Я, что ль, буду работу писать? — продолжал не соглашаться Сальников.

— Ни в коем случае. Он сам с усам. Мало того, обещаю, что он не будет вас беспокоить по пустякам.

— Ладно, дайте-ка мне Зуева, чтобы не через адвоката...

Для Серези разговор об аспирантуре был полной неожиданностью. На предприятии мало защища-

ли диссертаций, кандидаты наук были редкостью, один на двадцать инженеров. Аспирантуры своей не было. Так, писали сотрудники теоретического отдела диссертации то для себя, то для руководства... Курсы, правда, пару лет назад устраивали по сдаче кандидатского минимума. Сережа тогда походил и сдал философию и английский, но сейчас даже не помнил, где лежит документ о сдаче.

Сальников сказал Сереже, что согласия не дает, но и не отказывает. Окончательно решит потом. Сейчас если для поступления в аспирантуру нужно формально что-нибудь подписать от будущего руководителя, то он подпишет. Но чтобы потом, если не получится, Сережа не обижался и нашел себе другого кого-нибудь, лучше бы в своем институте.

Сережа поблагодарил. Он не обрадовался и не огорчился, просто еще не понял ситуацию. Чувствовал неловкость, ведь не ребенок же он и не пешка. Мог бы сначала Усатый предупредить, заботливый какой!

— Как-то неожиданно... — промямлил Сережа.

— А что ж ты хотел? — запальчиво ответил начальник. Он хорохорился, чтобы скрыть свое разочарование от не полностью удавшегося наскока на Сальникова. — Тебе двадцать девять лет, а ты сидишь, не шевелишься. Сальников мужик осторожный, но я тебе определенно говорю, что задел для диссертации есть. Занимайся.

— Спасибо, — вяло сказал Сережа.

Ловко или неловко, но начало было положено.

Дальше пошла волынка на четыре года. Сначала аспирантуру искали, куда поступать. Потом реферат, потом вступительные экзамены. Когда Сережа стал аспирантом, то с удивлением обнаружил, что

аспирантура — это не учебное заведение, вообще никакое не место. Аспирантура — это декларация о том, что человек работает над диссертацией. Для этой работы Сереже давали месячный отпуск с сохранением зарплаты, а раз в неделю — свободный день с половинным жалованьем. В отделе кадров Сереже сказали, что все аспиранты берут один день раз в две недели, но с полным жалованьем. Так же поступил и Сережа. Все, больше ничего, никакого обучения, никаких курсов лекций не было. Бери отпуска и сдавай в срок положенные экзамены и отчеты.

Сережа решил для себя, что в этих рамках и будет держаться. Аспирантский отпуск — для работы. Аспирантский день — тоже. В остальное время — никакой паранойи, как будто и нет этой диссертации. Да и условий, чтобы гнаться в эту сторону, не было: и работа в лаборатории все время есть, и семья большая, и жена — не помощница. Даже перед экзаменом трудно было заставить ее подключиться, хотя бы забрать ребенка.

— Но ты уж смотри, занимайся. Мне ведь эти прогулки тоже непросто даются, — недовольно говорила Таня мужу, стоя одетая в прихожей и наблюдая, как он одевает Асю. — Давай скорей, в конце концов, а то я уже мокрая вся!

Удача, что Генка хорошо учился, и постоянного контроля не требовалось. Удача, что тещь с тещей помогали, как могли. И все с диссертацией шло гладко. Бывал в Москве, в том институте, где числился в аспирантуре, редко, три-четыре раза в год. В один такой раз Сережу затащил к себе заведующий аспирантурой. Раньше, еще до Сережиного поступления, на этом деле сидел могучий старик. Он был в своем институте начальником отдела подготовки кадров, ди-

ректором техникума и заведующим аспирантурой. И со всем справлялся. После него на каждую должность посадили по человеку. Нынешний заведующий пришел полгода назад и был уже третьим на Серезиной памяти. Серезу он видел до этого один раз.

— Слушай, Зуев, — с непонятым возбуждением сказал он. — Знаешь, что мне пришло в голову? Даже если ни одного аспиранта не будет, то моя должность все равно останется!

Заведующий победоносно посмотрел на Серезу. Сереза не знал, радоваться нужно этому обстоятельству или огорчаться. Главное, не понимал, какое это к нему имеет отношение. А заведующий поразглагольствовал еще на эту тему и отпустил Серезу.

Выяснилось, что заведующий говорил не просто так. Вскоре он подготовил приказ об отчислении аспирантов. Большинство аспирантов отчисляли за то, что они не отчитались за какой-нибудь этап обучения или не сдали вовремя экзамен. У Серези в этом плане было все в порядке, и его отчислили с формулировкой: «На момент зачисления в аспирантуру тов. Зуева у него по месту работы не было аспирантуры. В настоящее время аспирантура организована», а посему «отчислить Зуева, аспиранта третьего года обучения, с правом восстановления в аспирантуре по месту работы».

Самого заведующего уволили с этой должности через несколько месяцев, и на его место назначили другого, такого же случайного человека, которого некуда было девать.

Пришлось Серезе побегать, понервничать. В конце концов он стал аспирантом у себя на предприятии, единственным аспирантом третьего года в новой аспирантуре.

Диссертацию Сереза представил в срок. На научно-техническом совете предприятия обсуждение Серезиной работы началось с большим энтузиазмом. Хвалили и с той стороны, и с другой. Под конец обсуждения встал с места ученый секретарь НТС, пожилой крючковор по прозвищу «Профессор Плейшнер», и отметил, что Зуев, во-первых, первый выпускник их аспирантуры, во-вторых, один из немногих заочных аспирантов, подготовивших диссертацию в срок. В ответ с председательского места раздалось «Кхе-кхе», и поднялся Купол. Он сказал, что работа теоретически сильна, но не имеет практического значения, и нужно подождать, пока ее результаты будут внедрены. На возражение Плейшнера, что результаты внедрены еще четыре года назад, сейчас внедряются в новой разработке и ожидается, что методика Зуева будет использована во всех предстоящих разработках института, Купол ответил: «Конечно, хорошо, что Зуев подготовил диссертацию в срок. Но не можем же мы, чтобы «поставить галочку» аспирантуре, выпускать на защиту сырую работу. Будем подводить итог».

Результаты голосования были в пользу Главного конструктора, правда, с незначительным перевесом. Почти половина членов НТС проголосовала все-таки за Серезину работу.

Сереза вернулся к себе в лабораторию с чувством облегчения. Диссертации, этого камня на шее, больше не было. Даже не злился на Совет. Просто сидел у себя за столом усталый, опустошенный и размышлял о том, что затея с диссертацией окончилась неудачей, в ученые его не хотят пускать, ну и наплевать. Может уволиться? Не столь обидно, сколь скучно вдруг стало здесь работать...

Через некоторое время вернулся с заседания Усатый и подозвал Сережу к себе.

— Ну, как? — спросил начальник. В глазах у него скакали веселые чертики.

«Чему он радуется?» — подумал Сережа и сказал устало.

— Пошли они все в задницу...

— Вот и видно, что ты еще молодой, зеленый и до настоящего ученого не дорос... — сказал Усатый.

— Мне это уже там сказали, — недовольно перебил начальника Сережа.

— погоди. На чем это я остановился?.. А, ну да. На том, что ты еще не созрел, не понимаешь основ научного процесса, — Усатый сделал паузу. Но Сережа на этот раз смолчал.

— Процесс же состоит в следующем. Купол хочет заменить Плейшнера и везде демонстрирует, что Плейшнер во всем не прав. Если бы Плейшнер на Совете не вылез со своей репликой, то все прошло бы гладко. Заодно Купол и дурь свою потешил, убедился, что он здесь хозяин. Захотел завалить хорошую работу, пожалуйста, больше половины НТС «за». К нам все это не имеет отношения.

— А мне-то теперь что? — спросил Сережа.

— А то. Готовь бумаги так, как будто голосовали единогласно за тебя, и иди к Куполу. Завтра его не будет, а послезавтра сразу после обеда он тебя примет.

Петровичев встретил Сережу ласково. «Может, чувствует себя виноватым?» — подумал Сережа. Главный сказал, что с работой знаком, знает о практической пользе, которую принесла Сережина методика, что в диссертации есть «изюминка», и это очень хорошо.

— А то, знаете, за четыре года каждый может формулу «наформулировать», а у вас в работе и теория, и практика. Подписываю с удовольствием, и, если бы можно было поставить «пять с плюсом», я бы поставил! — проникновенно произнес Главный конструктор.

Диссертацию отослали в тот институт, где Сережа раньше был в аспирантуре и где можно было ее защитить.

На обсуждении диссертации в антенном отделе этого института, на так называемой предзащите, разгорелась бурная дискуссия. Сотрудник, которому поручили ознакомиться с Сережиной работой и доложить, молодой кандидат наук, выступил очень резко. Он сказал, что диссертация имеет чисто прикладной характер, настоящей науки в ней нет, и что он бы с такой диссертацией на защиту не пошел.

С Сережей был Усатый, но он молчал. Все остальные на заседании были чужие. Сережа хотел сам возразить, напасть на оппонента, но ему не дал слова ведущий заседание пожилой профессор, сказав: «Потом, потом...» После резких слов оппонента обсуждение на некоторое время прекратилось, и несколько человек стали, упираясь головами друг в друга, листать Сережину диссертацию, особенно обращая внимание на теоретические главы. Специалисты были опытные и быстро схватили суть дела.

Стали говорить о Сережиной диссертации. Все выступавшие начинали с того, что воздавали должное высокой научной требовательности Юрия Алексеевича (Сережиного оппонента звали как Гагарина), а заканчивали тем, что Сергей Геннадьевич диссертацию написал хорошую.

Итог подвел профессор, сказав: «Юрий Алексеевич, вы бы с этой диссертацией не пошли, но вас

ведь никто с ней и не посылает. А Сергея Геннадьевича пошлем? Давайте голосовать». Единогласно проголосовали «за», в том числе и Юрий Алексеевич голосовал «за».

Зато защита прошла гладко. Было несколько лестных для Сережи выступлений ученых из разных институтов, и не бросили ни одного «черного шара». После голосования председатель Ученого совета взял слово и стал говорить, что диссертация хорошая, что защита образцовая и что он очень всем доволен и от души поздравляет нового кандидата наук.

Но защитой, к сожалению, дело не закончилось. Чтобы отослать диссертацию в ВАК, требовалось подготовить около пятидесяти различных документов. Готовить их, конечно при участии соискателя, должна была дама, технический секретарь Ученого совета. Через неделю после Сережиной защиты эта дама сломала ногу и лежала в гипсе сначала в больнице, потом дома, потом на даче. Ученый секретарь совета, непосредственная начальница пострадавшей, тоже дама, но с ученой степенью, категорически отказалась привлечь к процессу кого-нибудь другого со здоровыми ногами. Нужно было ждать, пока срастется кость. Диссертации Сережи и еще одного соискателя, Левы Гурфинкеля, подвисли на полгода. Гурфинкель, как и Сережа, был из другого института, хотя и московского.

Лева со злобой отбросил авторучку, откинулся на стул и вытянул ноги, так что стул встал на дыбы.

— У-у-у, зараза, сколько бумаг, — завыл Лев. — А интересует их только ответ на вопрос: «Еврей ли вы?»

Сережа недоуменно посмотрел на него, и Лева смутился.

— Да это я так, утрирую, — сказал он. — Но ты понимаешь, мне эта старая кикимора, ученый секретарь Совета, заявляет: «Вам не дадут диплом!» Спокойненько так. Что, почему? Оказывается, по одним документам я старший инженер, а по другим — ведущий. За три года, которые прошли от одной бумаги до другой, я вырос по службе. Чтобы это понять, никакого особенного ума не нужно, любой чиновник в ВАКе разберется. Так эта стерва знает, что пуганый, и хочет напоследок поиздеваться. То, что диссертация хорошая, что защитился без «черных шаров», что железяка уже летает — не важно. Важно, что должности по-разному указаны, в документах непорядок. Предложила исправить «ведущего» назад, на «старшего». На минуточку, сбегать к нам в институт, подписать у директора новую бумагу, при этом объяснить, почему он должен неправильную информацию давать, потом отправить бумагу секретной почтой. А за это время ее писарь вторую ногу ломает! «Нет, говорю, оставим как есть». Она тоже спокойно отвечает: «Как хотите, но вы рискуете».

— Лев, не рви сердце, такая наша доля.

— Это все понятно, что ты меня учишь? Просто обидно, что мы все такие, вечные просители, бесправная масса, «население», одним словом. Я всегда ощущаю, что ни на что не имею права. Еще, помню, сдал вступительные экзамены в институт. Хорошо сдал, легко, баллов набрал столько, что явно хватало для поступления. Без всяких блатов, там, репетиторов и прочее. Считаю, поступил, причем сам и куда хотел. Хожу по Москве, как пьяный, балдею,

все позади. Познакомился со случайным прохожим, приедем человеком. Поговорили, он меня похвалил, что я много баллов набрал. «Теперь, говорит, все будут решать мандатные данные». И чувствую, что не еврейство мое он имеет в виду, сказал без всякой привязки к чему-нибудь конкретному. Просто советский человек знает, что баллы баллами, а решаться должно из высших соображений.

— Но в институт-то тебя взяли, — Сереже хотелось свернуть разговор, чтобы продолжить работу с документами. Когда еще они смогут вместе засесть, а вдвоем все-таки легче. Но Леву несло.

— Взяли, взяли, я ж тебе не про то говорю. Просто у нас никто не верит ни в конкурсы, ни в голосование, ни в какие кампании. Все знают, что будет сделано, как захочет... не знаю кто, скажем, волшебник Гудвин, великий и ужасный. Некоторые гады этим пользуются. Я в институте преподавал, нашел студентку. Толковенькая, живенькая и к нам на работу согласилась пойти, хоть от ее дома и далеко. Диплом писала у себя на кафедре, но по нашему профилю, а распределение к нам получила. Документы подала и уехала отдыхать. Ну, а я рассчитываю, что где-то в сентябре будет у меня новый сотрудник. Так с этой мыслью свыкся, что сказал начальнику отдела про одну работу: «Это для Кати, придет и сделает». Он мне: «А Катя к нам не придет. Она, ты меня извини, по пятому пункту не прошла». Я сначала пригнул голову, как обычно. Потом думаю, по какому такому пункту? Стал на начальника давить. Он сходил «в кадры» и узнал, что у Кати отец Михаил Абрамович. Ну, и что? Может, он из староверов. А даже если еврей? Так ее вообще в институт не берут? «Берут, — говорит, — в новое отделение цифровой техники.

Кадровик сказал, что туда можно». Тут уж я не сплывал. «Эх, вы, — говорю, — у вас молодого специалиста уводят из-под носа, а вы удовлетворяетесь дурацкими объяснениями». Смотрю, усы у начальника зашевелились, борода вперёд выставил, забрало его. Побежал ругаться. Так и оказалось. Начальник нового отделения цифровой техники сказал директору, что сам он набрать специалистов не может, а отдел кадров не помогает, в смысле ни черта не делает. Директор сердился и ногой топал. Вот кадровик и решил исправиться, нашу Катю похитить. Для чего и придумал причину, по которой не принято объясняться. Но в этот раз ничего у засранца не получилось. Правда, нам от этой победы было мало толку, больше — моральное удовлетворение: Катя вышла замуж и в декрет ушла. Перезваниваемся иногда, но, боюсь, в наш институт она не вернется.

— Рассказал? — спросил Сережа.

— Рассказал... — устало ответил Лев.

— Ну, тогда давай дальше твои любимые бумаги оформлять.

— Давай, — покорно вздохнув, согласился Лева.

Документы отослали. Через три месяца Сережа получил кандидатские «корочки».

ГЛАВА 23

«Ландыши, ландыши, светлого мая приве-ет...» — звонко пели конструкторы, а цеховые портили песню: «Ты сегодня мне принес механический насос, вставил в женю,

стал нака-ачивать, припустилась я летать, третий спутник догонять, не умею поворота-ачивать...» Конструкторы не обращали внимания на горлопанов и пели правильно: «Ты сегодня мне принес не букет из пышных роз, не тюльпаны и не ли-илии...» Цеховые замолчали: им и стыдно стало перед хорошо поющими девушками, и слов дальше не знали.

Свежевыкрашенная тележка с трехметровым картонным знаменем «Да здравствует советская наука!» выплыла из ворот предприятия и остановилась по команде «Стой!». Представитель парткома, ответственный за проведение демонстрации, стал оглядывать группки сотрудников, искать пополнение для команды, которая покатит телегу. Сережа слегка присел, спрятался за своих, чтобы не попасться на глаза. Не дай Бог, назначат в команду, мало того что не отойдешь, так потом, после демонстрации, надо телегу возвращать на предприятие. Сережин маневр удался, из их лаборатории катить телегу позвали Виталия Царькова. Хорошо, теперь никаких забот, тем более Генка уцепился за телегу, будет помогать везти. Так что в ближайшее время ясно, где его искать...

Домашние сборы были беспокойными. Анна Петровна, которая поднялась раньше всех, чтобы накормить и проводить демонстрантов, все утро ворчала, бубнила, что не надо бы ходить, дел на огороде по горло, день год кормит, а эти «чтой-то и куда-то, мужчины, тоже, называются, не сбита борона»...

Потом выяснилось, что Генке не во что обуться, у ботинка отлетела подошва. Тут уж Сережа возмутился: «Ты что, не мог раньше сказать?! Обязатель-

но перед выходом из дома! Где я тебе ботинки найду первого мая?! Сиди теперь в четырех стенах, никуда не пойдешь! Тоже мне, младенец, сороковой размер обуви!» Бедный Генка расстроился, захлопал глазами, казалось, сейчас заплачет. Помог Андрей Прокофьевич — полез на антресоли и достал хромовые сапоги. Намотал внуку портянки, чтобы сапоги не болтались на ногах. Ничего, сойдет. Генка сначала обрадовался такой необычной обувке, рассматривал свои ноги в сапогах и так, и этак. А потом опять загрустил: большие сапоги у него на ногах выглядели как валенки. Решили брюки выпустить поверх голенищ, тогда не так заметно.

Прокофьич из комнаты крикнул: «Сереж, я что тебя хочу спросить...» Когда Сережа подошел, Прокофьич сунул ему стеклянную фляжку из-под коньяка с темной водкой, настоящей на калгане. Такую же фляжку тесть засунул во внутренний карман своего пиджака.

Наконец вышли из дома втроем: дед, отец и Генка. Пришлось поднажать, чтобы успеть вовремя, к переключке. А потом почти час топтались у предприятия. Ну, это как всегда.

«Андрей Прокофьевич, а где ваш внук?»

«Ой, какой большой!»

«Андрей Прокофьевич, вы его наказываете? А как?»

«Квартальной премии лишает, хи-хи-хи...»

«Андрей Прокофьич, а внучку вы тоже привели?»

Гомон сотрудников его лаборатории, вопросы, и настоящие (какой действительно у начальника внук), и с подковыркой, приятно будоражили Проко-

фбича, вонзались в него с разных сторон, как струйки циркулярного душа. Прокофьич неспешно поворачивал голову к вопрошавшему, отвечал через раз и блаженно улыбался. Андрей Прокофьевич был счастлив.

За много лет он привык, что любой вопрос о собственном ребенке, о единственной дочери Татьяне, вызывал тревогу, душевное напряжение. Для ответа нужно было сосредоточиться, подумать, что сказать. Всегда нужно было обмануть себя и убедить других. Даже для того, чтобы на дежурное: «Как дочка?» — ответить: «Да все нормально», требовалось подобрать тон. Он-то знал, что не все нормально. А если дальше будут спрашивать? «Конечно, перешла в следующий класс, нет, «троек» мало... конечно, сдала сессию...» Но как перешла, как сдала, каких родительских усилий это стоило, знал только он!

Теперь же всякое упоминание о внуках было приятно Прокофьичу, и любой его ответ был непринужден и правдив. Генечка и Настя. Ребята — первый сорт. Всегда хотелось о них говорить. Тут уж, наоборот, следовало удерживаться, не рассказывать больше, чем спрашивали. И самые превосходные дедовы оценки вполне соответствовали действительности. Нет, совершенно объективно! Он мог бы ответить, что Генечки тут нет, потому что он улетел в космос, и это было бы меньшей неправдой, чем та, которую он допускал раньше, когда говорил, что Таня хорошо сдала сессию.

Колонна института вслед за телегой продвигалась по аллее, выходящей на круглую площадку. Эта площадка была похожа на замощенную лесную поляну, тут заканчивался лесок, отделявший ин-

Наконец вышли из дома втроем: дед, отец и Генка.
(К стр. 279.)

ститутские территории от жилых кварталов. В эту поляну вливалась еще одна аллея. Объединенные поляной, две аллеи превращались в городскую улицу — бульвар Космонавтов.

На другой аллее уже стояла колонна из соседнего института, катившая телегу «Выше знамя социалистического соревнования!». В назначенную минуту единая колонна двух институтов должна была двинуться по бульвару Космонавтов к центральной площади, чтобы вовремя пройти мимо трибуны, на которой стояли отцы города.

Когда колонна Сережиного института подходила к поляне, раздалось громкое приветствие: «Поздравляем с Днем международной солидарности трудящихся наших коллег и смежников, которые стремятся к вершинам науки, подобно воздушным гимнастам, поднимающимся под купол цирка!» Веселое поздравление через мегафон с обязательным употреблением слова «купол», в честь руководителя Сережиного института Петровичева-Купола, было традиционной и санкционированной первомайской вольностью. Первомайское приветствие придумывалось в другом институте и хранилось в тайне. В прошлом году разведка донесла, что будет провозглашено «Пусть наши изделия защищают рубежи социалистической Родины под ярким солнцем, и под куполом звездного неба! Ура, товарищи!» Поэтому тогда с ходу ответили: «Вместе с вами согласны создавать новые изделия днем и ночью и поднимать их качество не в ущерб количеству!» В этом году разведка не сработала. Пришлось крикнуть в ответ нейтральное: «Поздравляем друзей и коллег с праздником! Благодарим за ваши пожелания! Желаем и вам успехов в труде!»

На ноябрьские праздники через мегафон проносили более гладкие фразы. Хотели один раз на 7 ноября крикнуть: «Каждой фирме — сытную зимовку!» — поменяв одну букву в правдинском заголовке, вместо «ферме» — «фирме». Но в парткоме не разрешили, разглядели намек на актуальную статью в «Правде» о сытной зимовке крупного рогатого скота на животноводческих фермах.

Две колонны теперь расположились на сходящихся аллеях, поставив рядом головные телеги. На поляне была первая запланированная остановка. Ответственные товарищи пошли вдоль аллей, оценивая, как выглядят праздничные колонны. А группы сотрудников по вполголоса произнесенным словам: «В лес!» — брызнули в кусты. Там разлили и выпили первую порцию, по-скорому закусили и вернулись на свои места, дожевывая колбасу, а за ними удалились следующие. На другой запланированной остановке перед выходом с бульвара Космонавтов на площадь выпивали еще раз по сигналу «В подъезд!»

Прозвучала команда «Пошли!», катящие команды чуть налегли, и колесницы покатались рядышком по бульвару, а за ними постепенно, от головы к хвосту колонн, тронулись люди. Кто-то зазевался, кого-то еще не дождалось после возлияния в кустах. Но через несколько минут ряды стали равномерны, без прогалов, темп движения установился — все приспособились к крейсерской скорости телеги.

Гена катил телегу с большим удовольствием. У него была своя рукоятка с резиновым чехлом, как у велосипеда. Замечательное сооружение, создан-

ное институтскими умельцами, легко несло картонное знамя в честь советской науки. На спусках телегу надо было придерживать, чтобы не раскатилась, Гена упирался ногами в асфальт, а это было неловко делать в больших дедовых сапогах. Гена боялся, что его неловкость может заметить строгий дяденька из парткома, который командовал всеми. Тогда дядька его наверняка прогонит от телеги, а этого бы очень не хотелось... Да еще может спросить «чей?», тогда он папу и дедушку подведет.

Как назло, именно на спуске дяденька, уходивший в хвост колонны, опять догнал телегу. Дядька приблизился к Гене, схватил его под мышки и посадил на раму тележки: «Оп!» Чуть сапоги не соскочили. Потом дядька сказал: «На подъеме спрыгнешь», осмотрел голову колонны и опять направился в хвост. Здорово! Сейчас немножко прокатимся, а потом можно опять толкать...

— А сапожки у тебя великоваты. На вырост брали? — ехидно спросил Генку Царьков.

Генка покраснел, насупился и ничего не ответил. Царьков помолчал некоторое время, а потом сказал назидательно:

— Ладно, не куксись, дело житейское. Но помни, дядя Виталий на три метра под землей видит. От меня тайн нет!

Постояв перед площадью, поправив праздничное оформление и ненадолго группами сбегав в подъезд, демонстранты вышли на площадь.

Классический фасад городского Дворца культуры с четырьмя дорическими колоннами был украшен большим портретом Ленина, который закрывал две

средние колонны, и пучками красных флагов, закрепленных на крайних колоннах. Ниже главного большого портрета шли портреты членов Политбюро ЦК КПСС, расположенные по алфавиту, но сначала портрет Брежнева, а потом — Андропова, и далее без сбоев. От портретов к площади спускались ступеньки Дворца культуры, у нижней ступеньки установили заборчик из стальных трубчатых секций, вдоль которого стояли милиционеры. На другой стороне площади перед памятником Циолковскому располагалась трибуна с городским начальством и представителями предприятий города. Руководители институтов, по «табели о рангах» стоявшие выше городских начальников, в зависимости от ситуации, либо тоже стояли на трибуне, либо шли в рядах своих сотрудников, либо не участвовали в городской демонстрации.

Вход на трибуну охраняли милиционеры. Между трибуной и заборчиком оставался коридор шириной метров двенадцать для прохода демонстрантов.

Когда лаборатория надежности во главе с Андреем Прокофьевичем вошла в этот коридор, Петровичев, на сей раз стоявший на трибуне, придвинулся к микрофону и провозгласил на всю площадь: «Усилим контроль надежности разработок! Слава трудовым династиям — надежной опоре нашего коллектива!»

«Ура!!!» — закричали громче всех работники лаборатории надежности. Ведь это про них сказал Главный конструктор! И как верно сказал: именно усилить контроль, точнее рассчитывать показатели надежности, определять ресурс. Не крикнул «повысить надежность». Это было бы неверно. Повышают надежность разработчики, а они, лаборатория надежности, только помогают им, выделяют ненадежные блоки, контролируют, в этом их задача. Так и

Андрей Прокофьевич всегда им объясняет. Ура! Молодец Главный конструктор! Молодец Андрей Прокофьевич! Сотрудники кричали «Ура!» и смотрели то на Главного конструктора на трибуне, то на начальника лаборатории, шедшего рядом с ними. Правильно Прокофьич все понимает, раз Главный его так приветствует. И про династию сказал Главный конструктор. У Прокофьича и дочь, и зять работают на предприятии. Ура такому начальнику!

Андрей Прокофьевич размахивал флажком и смотрел, не отрываясь, на трибуну. И горд был, и смущен. Интересно, Генечка слышал? Понял, что про деда?

Демонстранты прошли по площади, размахивая флажками и разглядывая, кто в этот раз на трибуне. Генка так и не отходил от телеги все время демонстрации, только на первой остановке на поляне сбегал в кусты пописать. Тут у телеги и нашел его Сережа на выходе с площади, когда ряды смешались. Громко сказал: «Спасибо!» и услышал в ответ: «Это Гене твоему спасибо за помощь!»

— Ну, как, ноги не стер, Филиппок? — спросил Сережа, взял сына за руку и стал высматривать в растекавшейся толпе тестя, чтобы вместе идти домой.

ГЛАВА 24

Авторитет Главного конструктора на предприятии был необыкновенно высок. Он восседал в своем кабинете, как олимпийский бог. Все прочие начальники, даже директор, светили отра-

женным светом, были заметны постольку, поскольку на них падали лучи света, излучаемого Главным.

Помимо научного величия у Петровичева были некоторые особенности, или странности. Сотрудники с умилением рассказывали про его чудачества. О том, например, как Главный, увидев, что бульдозер не может заехать в узкие ворота предприятия, бросил кабинет, выскочил в своей олимпийке на улицу и, пятясь спиной перед бульдозером, показывал выставленными перед грудью ладонями как ехать, приговаривая: «Давай, давай...» Или о том, как в перерыве на партсобрании, пока подсчитывали голоса, Главный показывал собственноручно снятый в Париже фильм. В фильме были ножки и попки парижанок, ножки и попки. Ни самолеты, ни Эйфелеву башню Купол не стал снимать.

Однажды к Главному пришел его новый заместитель по режиму, генерал КГБ, и сказал, что запрещает проведение эксперимента с открытым радиоизлучением, потому что, по расчетам его служб, уровень сигнала на «границе охраняемого периметра» превышает допустимый. Радиосигнал может быть принят иностранной технической разведкой, а это нанесет ущерб интересам государства.

— На каком расстоянии от границы сигнал достаточно затухнет? — спросил Главный.

— Примерно... на расстоянии ста метров, — ответил генерал, взяв цифру «с потолка», потому что явно не ожидал такого вопроса.

— Поднимите своих людей по тревоге и оцепите территорию на этом расстоянии от забора, чтобы не было посторонних, — приказал Купол.

— И сколько стоять? — опешил генерал.

— Сколько?.. — рассеяно спросил Главный. — Ну, сколько нужно, пока ребята измерения не закончат. А на будущее учтите, что государство платит мне большую зарплату, чтобы я разрабатывал аппаратуру, а вам, чтобы вы эту разработку обеспечивали и защищали. В этом состоят интересы государства. Все остальное — мелкое дело.

Конечно, такие байки вызывали восторг у слушателей.

Рассказывали, что Главный был многократно женат, имел множество детей, всех их любил и помогал им. И детям, и бывшим женам. И деньгами, и советом, и участием в их жизни. Но, конечно, сердце Главного конструктора принадлежало ныне действующей жене. Жена хотела стать доктором экономических наук, увлекла идеями научной организации труда мужа, и он решил предоставить ей предприятие в качестве экспериментальной площадки. Несколько лет все сотрудники ежедневно заполняли карточки, в которых цифрами обозначались их занятия в течение рабочего дня. Причем посещение уборной и курение проходило под единым кодом 0371, тройка, семерка, туз. Жена Купола обработала тысячи карточек и защитила докторскую диссертацию. Единственным напоминанием о том времени осталось название тоненьких книжечек, в которых инженеры писали сами себе работы на предстоящий квартал. До экономической жены книжечки назывались «Индивидуальное производственное задание». После нее осталось напыщенное и глупое «Личный творческий план».

Предания о научных заслугах и милых чудачествах Главного конструктора передавались молодым сотрудникам, и они начинали любить его чуть

ли не с первого дня работы. Сережа, как и все, любил Главного, говорил с шиком, что работает у Петровичева, и получал в ответ восхищенное «О!»

Однажды у Сережи возник спор с военной приемкой, с заказчиком, как называли военпредов на предприятии. Заказчик не хотел принимать антенну, характеристики которой определялись из сравнения с другой антенной, так называемой эталонной. Заказчик требовал документ, подтверждающий свойства эталона. Никакие технические аргументы не годились, нужен был документ с печатью Госстандарта или другой компетентной организации. Сережа сначала хотел лбом пробить досадное препятствие, ругался с заказчиками, бегал жаловаться к начальству. Когда ничего не вышло, Сережа стал искать, где бы нужный документ получить. Среди возможных учреждений оказался Ереванский измерительный институт. Сережа никогда не был на Кавказе, а тут явно просвечивала возможность съездить разок, а то и два, в Армению.

Как обычно, Сережа увлекся новой для него сферой деятельности: списался, созвонился, договорился, поторговался, нашел источник финансирования. Оказалось, тоже интересное дело — организация работы. Все было готово, оставалось подписать бумаги у руководства, и можно лететь.

Сережа пришел к директору, объяснил, в чем дело, и попросил завизировать документы перед утверждением их у Главного конструктора. Директор выслушал Сережу, просмотрел документы, все одобрил и сказал, что можно не ходить к Главному, директор и сам все подпишет. Но Сережа отказался: «Нет, нет, вы завизируйте, а Николай Александрович утвердит». Директор пожал плечами, сказал: «Смотрите...» —

и завизировал. С молодым тщеславием Сережа хотел получить последнюю подпись у крупного ученого, действительно поработать с Петровичевым. От старой истории с комнатой и гарантийным письмом обиды в душе не осталось. Сережа летел к Главному как мотылек к лампе. Им овладел административный восторг, захотелось продемонстрировать себя самому большому из окрестных начальников.

Купол принял Сережу, любезно поздоровался и быстро во всем разобрался. С минуту подумал и сказал, что делать ничего не нужно. Потому что, если сейчас уступить требованиям заказчика, то потом для каждой нестандартной железки он будет требовать сертификат с печатью. Тогда работа остановится, все будут только сертификаты искать. Сережа не ожидал отказа и довольно запальчиво воскликнул, что эталонная антенна — это не «каждая железка», за что был награжден мудрой улыбкой. А на вопрос, что же делать, получил тоже мудрый совет учиться работать с заказчиком.

Сережа второй раз пробился к директору. Сказал, что Главный не хочет подписывать, и спросил: «Может быть, действительно, вы утвердите?» Обескураженный неудачей, Сережа не понял, что совершил бестактность. Директор поднял на него глаза и сказал: «Нет, я в такие игры не играю!»

Поездка в Армению не состоялась, нужный для работы документ не был получен, а у Сережи осталось неприятное чувство. Всплыла в памяти та история с гарантийным письмом... «Может, он и великий, да больно уж далек от нашей жизни, — думал Сережа. — А ведь директор знал, что Купол не подпишет, и мне предлагал без него обойтись. Умный, и характер Главного знает... Неудобно перед ди-

ректором, предложил ему после того расписаться... Ведь не факсимиле же он. Стыдно...»

Сережа не знал, что не одного его огорчали особенностями работы ответственного руководителя. Был круг людей, которым не нравился стиль работы Главного, которые считали, что руководить предприятием должен директор. Сегодняшний или другой, но директор. А существующая система, когда руководят и директор, и Главный конструктор, тормозит работу. Главный не несет директорской ответственности, а директор не имеет полной власти. Наиболее радикальных деятелей из этой группы раздражали и олимпийка вместо рубашки с галстуком, и экономическая жена со своими карточками, и все, что было связано с Петровичевым, и сам Петровичев. Недовольства доходили до министерства и до ЦК. В общем, наверху знали, что на предприятии не все в порядке. Мер никаких не предпринимали, потому что подходило семидесятилетие Николая Александровича, и было принято решение о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда. Но недовольство юбилеем варилось, варилось...

Потом события стали развиваться стремительно. В воскресенье Куполу стукнуло семьдесят, в понедельник опубликовали указ о Герое, во вторник на партконференции предприятия его все тепло поздравили и... не выбрали в партком. В четверг несколько возмущенных учеников Петровичева написали и отвезли в ЦК письмо, которое начиналось словами «Группа лиц, окопавшихся в парткоме предприятия, подрывает обороноспособность нашей Родины». Далее следовало разъяснение, что эти мелкие насекомые, клопы не имеют права кусать такого государственного человека, каковым является Петровичев.

Но письмо не имело последствий, точнее привело только к неприятностям для его авторов.

Вскорости последовало первое организационное мероприятие. Купол перестал быть «Ответственным руководителем предприятия», но остался Главным конструктором одного из направлений, с сохранением оклада и всех благ. Правда, он переехал в другой кабинет, поближе к руководимому им теперь направлению. Директор остался пока прежний. Все естественно, и Николай Александрович нисколько не унывал, возраст есть возраст. Он даже взбодрился от этой встряски и работал с увлечением. Любил говорить: «А вот Андрей Николаевич умер за рабочим столом», имея в виду Туполева. Сам мечтал умереть на бегу. Но не получилось, стало сдавать сердце. Петровичев ушел с предприятия, когда стало совсем неважно, в восемьдесят лет. На пенсии прожил недолго, примерно два года.

После первого приказа должен был выйти второй, не мог не выйти. Уж больно резкие обороты употребляли авторы письма в ЦК. «Писателей» было семь человек. Трое покаяться и их простили. А про остальных появился приказ министра, в котором говорилось, что на предприятии проводится работа по тематике, которая уже представлена в других институтах, а посему в целях борьбы с параллелизмом (именно такое слово было в приказе) следующие подразделения перевести в другие институты. В приложении перечислялись подразделения, руководимые оставшимися нераскаившимися авторами письма. Все понимали, что каждый сотрудник сам будет решать, переводиться ему в другой институт или нет. В зависимости от квартиры, зарплаты, отношений с начальством, отношению к электричке и прочего.

Но от четырех человек категорически решили избавиться. Среди них был Сережин начальник.

В соответствии с приказом готовился переезд. Новое место работы было в Москве, но близко к вокзалу, так что в этом плане приказ был продуман. Кроме того, говорили, что, учитывая приказной характер перевода, сократят рабочий день, включат в него время, которое люди будут проводить в электричках. Сотрудники лаборатории все были заодно. Усатого любили и, само собой разумеется, уходили в другой институт вместе с ним.

Делили столы, стулья, приборы. Отъезжающие определяли, что заберут с собой, что оставят. Остающиеся — что отдадут, что не отдадут отъезжающим. Суета, споры по пустякам. Длилось это долго. Первоначальная эйфория через месяц улеглась. Тут-то и пошла настоящая дележка. Руководство института додумалось, что ценные кадры можно не отпускать. Тем более что работы, близкие к завершению, передать в другой институт не удастся. Значит, кто-то их тут должен добивать. Усатый же и другие «писатели» за это время поняли, что не стоит брать с собой всех подряд. Началась мышьяная возня. Сотрудников лаборатории вызывали по одному к начальству, мягко обсуждали ситуацию и предлагали остаться, обещая что-нибудь или ничего не обещая, в зависимости от рейтинга конкретного «ценного кадра». Козырем была дорога. Разница ведь огромная: десять минут пешком по лесу или час с лишним в транспорте! Но ведь в рабочее время! Ну, это еще бабушка надвое сказала! И так далее, в том же духе.

Сереже предложили возглавить оставшиеся работы, стать начальником лаборатории. Он отказался из солидарности.

Кадрового приказа все не было. На предприятии на них уже смотрели как на чужих. Имущество было поделено. Новых заданий не поступало, по старым работам приходилось, конечно, что-то делать, но делали неохотно. Неопределенность положения расхолаживала. Принесли карты, приходили на работу и с утра садились за преферанс, почти в открытую. Усатый, довольный, что вся лаборатория идет за ним, глядел орлом, делал вид, что все так и должно быть, и громко возмущался, если партнер ходил не с той карты.

Но и это прошло. В карты играть перестали. Усатый съездил в Москву и привез задания на будущие работы, пока что неофициальные. Два дня начальник ни с кем не разговаривал, читал бумаги, потом позвал Сережу.

— Хватит дурака валять, — сказал Усатый, как будто это Сережа валял дурака, а сам он — нет. — Нужно смотреть на сложившееся положение трезво. Здесь придется кому-то оставаться и вести наши заказы. Причем так, чтобы не завалить, чтобы не говорили, что «безвременно ушедшие товарищи» много дерьма оставили.

Усатый замолчал и стал смотреть на Сережу, ожидая его реакции. Сережа ничего не стал отвечать. Ведь не советуется же с ним Усатый. Опять он затеял свою игру, а Сереже предлагается подыгрывать. Сережа почувствовал сильное желание избавиться наконец от этого человека, от его забот. Сережа ощутил прилив сил, радость от того, что сейчас ему будет предложено остаться, вдруг перестал понимать себя, почему несколько дней назад он без колебаний сказал начальству, что уйдет вместе с Усатым.

Не услышав ответа, Усатый продолжал.

— Служебные перемещения — это одно. Но я думаю в первую очередь о людях. Тебе, при твоём семействе, дальний путь на работу ни к чему. Второе, ты перспективный инженер, в твоём возрасте пора уже становиться начальником. Наконец, в твои руки я могу передать свои работы. Ты и сам не испортишь, и приедешь посоветоваться. Вот. Поэтому для пользы дела нужно, Сережа, нам с тобой, что называется расстаться, хотя для меня это и нелегко.

Сережа по-прежнему молчал. Раздражение не проходило. Неприятна была фальшь в рассказе начальника о том, как в нём борется личное и общественное. Неприятно, что начальник вновь хотел представить себя Сережиным благодетелем, неприятно это «что», все неприятно.

— Что молчишь? От радости в зобу дыханье сперло?

— От какой радости? Мне это и без вас предлагали... — сказал Сережа.

— Ну, так вот, — не обратив внимания на Сережины слова, продолжал Усатый. — При таком раскладе мы с тобой становимся конкурентами. Думаю, что одних и тех же людей я захочу забрать, а ты захочешь оставить. На моей стороне мой авторитет, а на твоей — электричка.

— Знаете, что? Давайте, попозже поговорим, — перенес разговор Сережа. Нельзя было вести разговор в том раздражении против Усатого, в котором он находился. Шутка про электричку показалась унижительной. Да и вообще, дело серьезное, нужно все обдумать.

Лаборатория опять загудела, как осиный рой. Узнав, что можно никуда не уходить и остаться под Сережиным началом, многие сотрудники раздумали переводиться в Москву. Начальник топорщил усы

и говорил, что электричка победила, но, чувствовалось, что это сильно его уело, и в глубине души он страдал.

Еще с месяц продолжалась беготня, потом последовал кадровый приказ, а еще через две недели и переезд.

Сережа стал и.о., исполняющим обязанности начальника. Чтобы стать настоящим начальником, ему нужно было пройти избрание по конкурсу и обсуждение на парткоме. В сложившейся ситуации конкурс был мероприятием чисто формальным, ведь других претендентов на это место не было. Конкурс объявили приказом директора, повесили приказ на доску и ждали положенного месяца, чтобы утвердить единственного кандидата. Но, как говорится, свято место не бывает пусто. Из министерства позвонил директору куратор их института и сказал, что его товарищ, начальник лаборатории, кандидат наук, оказался не у дел в своем институте. Попросил найти ему соответствующее местечко, учитывая возможные открывшиеся вакансии в связи с перемещением Петровичева. А ездить из Москвы этот товарищ согласен. Директор Арсен Степанович, решивший уже выдвигать Зуева, подумал, что неплохо иметь у себя министерского друга, и пригласил претендента на беседу.

Претендент на Сережино место, Владимир Иванович Егоров, полный мужчина пятидесяти трех лет, приехал в институт в семь часов вечера, так назначил ему директор. Из проходной позвонили в приемную директора, там разрешили, и Владимира Ивановича пропустили на территорию без всякого оформления и с портфелем. Лифты уже не работали, и Владимиру Ивановичу пришлось подниматься

на пятый «директорский» этаж пешком. Он сильно запыхался и вспотел. Владимир Иванович подумал, что перед тем как идти в кабинет, нужно было бы передохнуть и обсохнуть. Но время было уже почти полвосьмого, не угадал он с электричками, да и от станции долго добирался, приехал впритык, даже с опозданием. Потом проходная, подъем по лестнице. Владимиру Ивановичу показалось неудобным и вредным для его назначения так сильно опаздывать, и он не решился тратить еще время на то, чтобы привести себя в порядок. Поэтому он сразу вошел в кабинет. Разговор с директором не сложился. Владимир Иванович пытался рассказать о своих научных достижениях и в доказательство вытянул из портфеля толстую пачку авторских свидетельств. Говорил, что всегда был у себя на предприятии «генератором идей», что коротко знаком со многими влиятельными людьми. Вел себя Егоров суетливо и глупо, потому что думал только о том, как он выглядит со стороны: не заметил ли директор лихорадочный румянец на лице, который ощущал сам Владимир Иванович, не видны ли капли пота на лбу. Кроме того, он все время боялся, что из носа потечет, а носовой платок он оставил в куртке в приемной.

Арсен Степанович вежливо расспрашивал Егорова о прохождении службы и о темах его изобретений, а сам думал: «Зачем он авторские приволок? «Генератор идей», говорит... Не сумасшедший ли он? Красный какой-то, потный. Может сердечник? Не будет от него толку, ни как от начальника лаборатории, ни как от министерской «лапы». Не возьму его. Не велика шишка — наш куратор, проглотит».

На следующий день, когда министерский чиновник позвонил узнать о результатах переговоров,

директор самым искренним тоном сказал: «Он мне понравился. Но, понимаете, там, в лаборатории, средний возраст — тридцать пять лет. Они после работы каждый день в футбол играют, а в антенном зале девчонок щупают. А тут человек солидный, дорога на работу, наверное, займет часа три-четыре в оба конца... Не окажем ли мы человеку медвежью услугу, определив его на такое место». Куратор согласился с Арсеном Степановичем и через месяц пристроил Владимира Ивановича в другой институт.

Сережа был знаком с Егоровым, сталкивался с ним по работе, но о том, что они оба в этот раз претендовали на одно место, Сережа так и не узнал, тем более что его заявление осталось единственным, поданным на конкурс.

Еще одна инстанция, партком, тоже была пройдена без осложнений. Правда, перед заседанием парткома Сережу вызвал заместитель директора по кадрам. Наверное, познакомился с Серезиными документами перед представлением нового начальника партийному комитету.

— Ты почему беспартийный? — спросил зам Серезу.

— Да, думал вступать, когда комсоргом отдела был, но мне тогда сказали, что нужны рабочие или ИТРовцы с ученой степенью, а у меня тогда не было. А потом как-то случая не представилось... — объяснил Сереза.

— Ладно, это сейчас не так важно, как раньше. Ты пойди в парткабинет к Филимоновне. Заведи себе карточку и возьми какую-нибудь работу Ленина... «Детскую болезнь левизны в коммунизме» возьми. Почитай, интересно. Нет, я серьезно. Блестяще написана.

Сереза зашел в парткабинет, довольно большую комнату со столами для работы с литературой. Там в Серезу буквально вцепилась заведующая кабинетом Марина Филимоновна. Ей было скучно. В парткабинет стали реже заходить люди, Филимоновна, всегда бывшая в центре институтской жизни, узнававшая, не выходя из кабинета, все новости, бывшая весьма влиятельной и осведомленной фигурой, теперь теряла свое значение, скучала, слабела вместе с партией. Она обрадовалась Серезе, расспросила его об уходе Альберта Тарасовича, об Андрее Прокофьевиче, о Тане, о детях. Потом сама рассказала ему свои истории в особом стиле важной, но простой гранд дамы, приобщенной к тайнам партии, института и распределения высших благ: «Пришла нам подписка на Бажова. Четыре подписки на предприятие. Кто такой Бажов — не помню. Ну, я взяла себе две, все-таки дочери подрастают».

Партийный комитет теперь заседал не так регулярно, как раньше. В ближайший четверг заседание не состоялось, в следующий четверг тоже, так что Сереза успел прочесть довольно много из «Детской болезни...»

На заседании парткома после представления беспартийного Серезы и легкой заминки (что бы такое спросить?), как и предполагал зам, задали вопрос.

— А как Зуев повышает свой идейно-политический уровень, какой семинар он посещает?

— Он, как кандидат наук, семинаров не посещает и работает в этом направлении самостоятельно, — с непроницаемым видом ответил зам.

— Что значит самостоятельно, как конкретно вы работаете в этом направлении? — спросили теперь уже Серезу.

— Я изучаю работу Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме», — честно ответил Сережа.

— Не вспомните ли вы, при каких обстоятельствах была написана эта работа? — стали экзаменовывать претендента на должность начальника антенной лаборатории члены парткома.

Сережа рассказал про понравившуюся ему телеграмму Ленина с требованием сообщить ему фамилию товарища, ответственного за выпуск брошюры. Этим Владимир Ильич обеспечил своевременный выход работы из печати, применил принцип личной ответственности.

После этого ответа члены парткома поняли, что Зуев играет по правилам, и единогласно утвердили назначение.

ГЛАВА 25

Работа пришла сравнительно небольшая, меньше двух миллионов рублей, к тому же «бумажный НИР». То есть не ОКР, опытно-конструкторская работа, которая заканчивается практически готовой разработкой, технической документацией и опытными образцами. И не полномасштабная НИР, научно-исследовательская, в результате которой должен появиться действующий макет. Просто за три года в результате новой работы должен был появиться отчет, в котором бы делался обоснованный вывод, годится или не годится новый физический принцип для применения в разрабатываемых их «почтовым ящиком» изделиях.

Зато НИР была как раз по тематике Сережиной лаборатории. Издали приказ, в котором начальник

теоретического отдела назначался руководителем работы, а заниматься ею поручили Сереже.

Какая же замечательная оказалась работа! Выяснилось, что новый физический принцип нужно было проверить для самых разнообразных устройств, для разных областей техники. Полностью работу вел старый и могучий НИИ п/я С-4096. Его обозначение расшифровывали как «смесь водки (40°) и спирта (96°)» или, проще «Водка-спирт». Этот НИИ отвечал за всю работу, а части ее, в соответствии со специализацией, раздали «ящикам», академическим и учебным институтам по всей стране. Свои НИРы делали Москва и Подмосковье, Ленинград, Комсомольск-на-Амуре, Иркутск, Киев, Одесса, Минск.

Столь серьезные масштабы вызывали уважение начальства, и когда Сереже требовалось загрузить конструкторов, производство или съездить в командировку в какой-нибудь из ближних или дальних городов страны, он этого добивался без особого труда.

Можно было бы и в Аргунск съездить за казенный счет, например, по дороге из Комсомольска задержаться на денек-другой... Но нет. К кому? В Читу еще можно, на кладбище. Да, в Читу, пожалуй, можно...

Все, что привлекало Сережу в профессии, сосредоточилось в этой работе: физическое исследование, сложный расчет, тонкий эксперимент, общение с коллегами по всей стране. А то, чего он не любил, всякие протоколы согласования со смежными устройствами, ограничение потребления энергии, учет влияния чужих приборов, так этого просто не было.

Была, конечно, и рутинная. Поскольку Сережа сам вел эту работу, то на нем лежали планы, заявки в другие подразделения, разнообразные перетасовки трудоемкостей из одного заказа в другой из высших

соображений, ведомых экономистам. Но дисциплинированный Сережа оформлял все бумажки легко, быстро понимал, что нужно делать, и без всякого отвращения заполнял формы и бланки, которые ему давали в плановом отделе, не особенно вдаваясь в смысл этой пустой, по его мнению, работы. Наоборот, Сережа подружился с симпатичными девчонками из планового и стал обязательным гостем всех застолий в этом женском подразделении.

Чтобы не обращаться по каждому пустяку к начальнику теоретического отдела, Сережа придумал для себя титул «заместитель руководителя — ответственный исполнитель НИР», подписал у директора приказ, и с этих пор Сережина подпись под документами всех устраивала.

Работу выполнили. Перед тем как отправлять отчет в головной институт, нужно было собрать научно-технический совет предприятия. Несмотря на небольшие деньги, выделенные на работу, не очень большую ее длительность, и чисто исследовательский характер, значение заключительному НТС придавали большое. На НТС съезжались представители из разных организаций, ожидалось начальство из министерства и от заказчика. Поэтому список своих институтских приглашенных в отделе режима рассматривали очень тщательно. Учитывали количество мест в конференц-зале, а также соответствие претендента на свободный стул уровню секретности и должностному уровню совещания. Из поданного Сережей списка вычеркнули Толю Гуржия.

Толя участвовал в работе — проводил расчеты на начальном, теоретическом этапе работы, ездил с Сережей в Ленинград в командировку и оставался там один, работал в вычислительном центре вместе со

смежниками. Потом Сережа поручил ему заниматься расчетами по другим заказам, но Толя эту работу не забывал и несколько раз говорил: «Сережа, если тебе нужно помочь по той теме, ты скажи, я время найду». Толя Гуржий, можно сказать, полюбил эту работу.

Перед заседанием Сережа пошел в отдел режима просмотреть список приглашенных, опасаясь, в основном, возможного конфуза с командированными из других городов. Но с посторонними все было в порядке, а Толю Гуржия Сережа в списке не нашел. В ответ на Сережино «почему?», сотрудник показал пальцем на потолок. Сережа позвонил заместителю директора по режиму.

— Слушаю, Агафонов, — услышал Сережа в трубке.

— Петр Петрович, это Зуев беспокоит, замруководителя работы, — представился Сережа.

— Да, Сергей Геннадьевич? — проявил осведомленность режимник.

— Я по поводу Гуржия, его не включили в список приглашенных на НТС, а он один из основных исполнителей работы! — сразу стал убеждать начальство Сережа.

— Какого Гуржия?.. А, да, вспомнил, — сказал режимник, и тут же повысил голос. — Что вы, в самом деле?! Детский сад у нас, что ли?! Заместитель министра ожидается, а вы мне подсовываете инженера без диплома. Нечего ему там делать! Лаборантов еще впишите!

— Так работа-то его! — возразил Сережа.

— Все. Расскажите ему потом, раз он такой хороший, — сказал Агафонов и положил трубку.

Сережа объяснил ситуацию Толе, сделав упор на ограниченное количество стульев в конференц-зале. Сереже показалось, что Гуржий не очень обиделся.

За полчаса до НТС Валентина Михайловна громко сказала:

— Толя, ты помнишь? Тебе скоро на НТС!

— А меня не зовут, — пробурчал Гуржий.

— Почему?!

— Рылом не вышел, — с обидой сказал Толя.

— Но тебя же Зуев включил в список?! — выяснила Валентина Михайловна.

— Вот у Зуева и спрашивай, — ответил Толя.

Валентина Михайловна подскочила к Серезино-му столу.

— Правда, что ты идешь на НТС без Толи?

— Правда, — ответил Сереза, с опаской глядя на закипающую сотрудицу. Но Валентина Михайловна сама взяла себя в руки, под села к Серезе и стала говорить вполголоса.

— Послушай, Сереза. Это очень важно. Ведь Толя несостоявшийся теоретик. Это у него единственная, считай, работа такого уровня. Я была очень рада, когда ты его привлек к этой теме. Так доведи дело до конца. Пусть он присутствует при сдаче работы, ведь люди же мы, в конце концов.

— Вы правы, я с вами согласен, убеждать меня не нужно. Но его вычеркнул Агафонов, а назад встать отказался, — сказал Сереза.

Самообладание оставило Валентину Михайловну, и она начала кричать:

— Наплевать на Агафонову! Гэбэшник проклятый! Ты ведь докладчик, откажись, если Толика не пустят! Поступи, как мужчина! Вам бы только использовать человека, а потом можно об него ноги вытирать!

— Валентина Михайловна, этот эпизод не стоит таких нервов! — попытался утихомирить сотрудицу Сереза.

— Нет, стоит! — совсем разошлась Валентина Михайловна. Лицо ее, особенно скулы, покрылись красными пятнами, из глаз потекли слезы, из ноздри показался и лопнул пузырь, но Валентина Михайловна не думала о том, как она выглядит. — Это вам человека растоптать ничего не стоит! Ты, как стал начальником, совсем переменился. Такой же подлец, как остальные!

— Если вы так о людях заботитесь, так что ж вы меня за двадцать минут до доклада выбиваете из колеи?! Совесть есть у вас? — тоже повысил голос Сереза.

— Совесть?! Ты про совесть заговорил? В общем, так. Если ты не проведешь Гуржия на НТС, я не знаю, что я сделаю... — кричала, но уже тише, Валентина Михайловна. У нее внутри, как будто что-то оборвалось, лицо посинело, и она обмякла на стуле около Серезинового стола.

За сценой виновато наблюдал Гуржий, ведь это он был причиной скандала, он, считай, натравил Валентину Михайловну на Зуева. Воспользовавшись наступившей тишиной, Толя подошел и стал отхаживать Валентину Михайловну, а Сереза постоял минуту, глядя на них, и ушел на НТС.

Когда через три часа Сереза вернулся в лабораторию, то узнал, что Валентину Михайловну увезли в больницу с сердечным приступом.

Полгода «Водка-спирт» обобщал и систематизировал отчеты, собранные с разных предприятий, а потом выпустил свой большой отчет, в который Серезин раздел входил в виде добротной главы с грамотными теоретическими выкладками, прове-

ренными экспериментально. Таких хороших законченных кусков в отчете было не очень много, и Сережу хвалил руководитель всей работы, пожилой член-корреспондент, жал Сереже руку и говорил: «Очень приятно было с вами работать, весьма».

Затем отчет обсуждался в их министерстве, и в Межведомственном координационном совете МКС, и в комиссии по военно-промышленным вопросам ВПК, но уже без Сережи и других исполнителей. Высокому начальству отчет тоже понравился, и работе была присуждена премия. В Сережин «ящик» пришли деньги, целых тысяча двести рублей, которые начальник теоретического отдела поручил Сереже разделить на его усмотрение.

Делить деньги в рамках своей НИР Сереже приходилось, и не одну тысячу, а сотни тысяч. Но это были ненастоящие деньги, какие-то потусторонние, не имеющие отношения к тем деньгам, которые лежат в кармане. Да и делились-то они в соответствии с теми процентами, которые сообщали ему девчонки из планового отдела. Делить-то делил, подписывал калькуляции, отдавал их обратно в плановый, но эти действия никак не были связаны, ни с Сережиной зарплатой, ни с квартальной премией. Во всяком случае, Сережа такой связи не чувствовал. Теперь же предстояло тысячу двести раскидать по-настоящему. Сегодня разделить, а в получку получить. Вот задача!

Сережа сразу решил, что себе и начальнику теоретического отдела он напишет поровну. Начальник — руководитель работы, больше чем ему себе писать не нужно, а то придется, наверное, объясняться. А меньше тоже, с какой стати? Ведь работу-то сделал в основном сам. Ладно, с этим ясно. Но

поровну — это по сколько? По пятьсот? И Гуржию двести. А руководство не обидится? Положено, небось, отстегивать от каждой премии. Давай так, большую часть тому, кто работу делал, а меньшую наверх. Пусть восемьсот — им с «теоретиком» и Толику, а четыреста дальше. Кому? Начальнику своего отдела надо дать. Пусть сотню. Директору, он все бумаги подписывал, и вообще в курсе дела больше, чем начальник отдела. Пусть две. Еще сотня останется. Главному инженеру? Он про эту работу и не знает, ну его на фиг. Да и зачем ему сто рублей? Напишу-ка я эту сотню конструктору, который мне все железки рисовал. Ну, вот, все ясно: нам с «теоретиком» по триста, Гуржию и директору по двести, начальнику отдела и конструктору по сотне. Начальник теоретического отдела согласился с Сережиной дележкой почти не глядя.

Оформив приказ о премировании, Сережа пошел собирать подписи. Важной подписью была только одна — заместителя директора по экономике. Эту должность недавно получил молодой экономист, лет на пять старше Сережи. Он быстро прошел лестницу экономических должностей и стал замом, получив в свое распоряжение множество пожилых теток и молоденьких девушек-экономисток. На предприятии считали, что с таким молодым и энергичным заместителем директору будет легче управляться в условиях перестройки и ускорения.

— Вот, мы министерскую премию получили по нашему заказу. Это приказ о премировании, подпишите, пожалуйста, — стал говорить от порога кабинета Сережа.

Заместитель директора, ни слова не говоря, взял и быстро просмотрел бумаги.

— Зачем вы Арсена Степановича включили? — спросил зам, подняв глаза на Сережу.

В том, что высокое начальство сделает какие-нибудь замечания, Сережа был почти уверен. Также он был уверен в том, что это будут идиотские замечания: почему пять экземпляров, когда нужно четыре, а в стране напряженное положение с бумагой? почему в рассылке только один экземпляр в бухгалтерию, а нужно два? И подобное. В соответствии с этим своим убеждением Сережа широко по-купечески улыбнулся и сказал.

— Порядок знаем.

— Что вы знаете?

— Ну, как. Директору... — сказал Сережа и подумал: «Подписал бы и отпустил. Чего лезет, что он в этом понимает?»

— Подождите. Кто сделал работу? Вы?

— Ну, не я один.

— Я не про это. Вот тут в приказе: вы, начальник теоретического отдела. Он руководитель работы, хотя, похоже, формальный. Ладно. Ваш инженер, конструктор, хорошо. Начальник вашего отдела, сомнительно. А директор что делал по вашей работе?

— Что делает директор? Организация работ, приказы подписывал, утверждал отчет, научно-технический совет вел, когда работу защищали... — стал перечислять Сережа. Он так гордился собой, ведь он на участников работы выделил своей рукой аж девятьсот рублей, а начальникам оставил только триста. А тут зам его в подхалимаже, вроде бы, упрекает.

— За эту свою работу директор получает зарплату. А премия дана за творческую часть НИР, то есть вам и другим участникам. Вот я вам сейчас приказ подпишу, меня что, тоже включать?

«Давно бы так», — подумал Сережа и сказал:

— Да можно бы, средств маловато...

Заместитель даже вспотел от того, что его так скверно понял этот инженер. Он с презрением взглянул на Сережу, подписал приказ и сказал, отдавая Сереже документы:

— Все. Берите. С вами не перестроишься.

— Спасибо, — ответил Сережа, чем вызвал еще один презрительный взгляд руководителя.

Сережа запомнил этот разговор, но прошло несколько лет, прежде чем он до конца разобрался в том, чего хотел от него тот энергичный малый в кресле заместителя.

Молодой экономист недолго сидел в том кресле. Видимо, дележка Сережиной премии была не единственной трудностью в его работе. Не пробыв и года заместителем, он ушел с предприятия, как говорили сотрудники, понизив голос до осуждающего шепота, в «коммерческие структуры».

ГЛАВА 26

Прием на работу Крысанова был ошибкой, Сережа начал понимать это через неделю. Корил себя за то, что поддался мелкому чувству, захотелось ему самому взять на работу сотрудника, а не то что, на готовенькое, руководить оставшейся от Альберта лабораторией. И взял, хотя Крысанов ему сразу не понравился.

Началось с того, что Сережу позвал к себе в кабинет начальник отдела Бирюков и сказал, что ему кто-то звонил и рекомендовал человека. Вот, пусть Сережа побеседует с этим товарищем.

Крысанов приехал, пошли с ним в лесочек погулять. Виктор Николаевич Крысанов был невысокого роста чернявый лысоватый мужчина лет сорока. Смотрел в основном вниз, на метр перед своими ботинками. Скользнет взглядом по лицу собеседника и снова глаза опустит. Разговаривать так Сереже было неудобно: мало того, что ростом ниже, так еще смотрит вниз. Лысиной, что ли, его любоваться! Сережа предложил присесть на скамейку. Каждую минуту Крысанов сплевывал на землю, пока сидели на скамейке, он заплевал все вокруг.

Так как Крысанов претендовал на должность ведущего инженера, то оклад ему нужно было определить не меньше, чем многим старым сотрудникам лаборатории, особенно тем, кто без диплома. Сереже необходимо было выяснить, за что ему должность и зарплата. Сначала самому понять, а потом, если понадобится, своим объяснить.

— Мог бы я познакомиться с вашими работами? — спросил Сережа.

— Как познакомиться? — не понял Виктор Николаевич.

— Ну, статьи ваши, например, почитать, — объяснил Сережа.

— Нет, я статьи не пишу, — ответил Крысанов. — Я устройства изобретаю.

Выражение «изобретать устройства» показалось Сереже странным.

— А как я могу оценить вашу квалификацию? — спросил Сережа.

— Как оценить? Вот авторские свидетельства, четыре штуки, — Крысанов достал из портфеля красивые свидетельства на плотной бумаге.

— Изобретения ведь закрытые, описаний нет, — Сережа посмотрел авторские. Крысанов был где третьим, где четвертым соавтором. — Расскажите, в чем тут дело, что вы изобрели?

— Названия авторских, что ль, сказать? — с недоумением взглянув на Сережу спросил Крысанов. — Я могу, конечно, вспомнить. Только не понимаю, зачем вам это нужно?

— Я же говорю, чтобы иметь возможность оценить вашу квалификацию.

— Так вот же авторские, четыре штуки, — вразумлял Сережу Крысанов.

— Ладно, давайте по-другому. Вы с антеннами работали? — опять спросил Сережа.

— Да вот же написано... — с раздражением начал говорить Крысанов, но осекся, первый раз отступил. — Ах, да, ведь на свидетельстве класс не указывается, это в заявке на изобретение пишут H01Q, антенны, а здесь, правда, нет, простите. Устал сегодня, электричка, жара, забыл где что пишется. Все изобретения по антеннам, Сергей Геннадьевич.

Ничего Сережа толком так и не узнал. Выяснил, что Крысанов разведен, детей нет. Живет в квартире с бывшей женой и ее родителями. Похоже, оттягал у них комнату при разводе и засел в ней, как сын. Общих знакомых у Крысанова и Зуева не было. Прояснить, что за личность Крысанов, было затруднительно. По какой линии ни копни, Виктор Николаевич был полной противоположностью, антиподом Сергею Геннадьевичу. Возникла настроенность, а тут еще эти авторские свидетельства... Сережа попросил Бирюкова что-нибудь выяснить, но тот не выяснил.

Тем не менее взял Сережа изобретателя Крыснова к себе в лабораторию. В общем, повел себя Зуев С.Г. не как сильный руководитель, а как... Да что там, как дурак!

Изобретательство — важная сторона жизни «почтового ящика». При разработке новой техники изобретения делались все время. Изменяли, улучшали старые устройства, «прототипы» сделанного изобретения. Чаще даже сначала что-нибудь изобретали, а потом искали «прототип». Потому что без прототипа заявку не оформишь: формула изобретения сначала кратко описывает прототип, потом идет «отличающееся тем», и далее то, что ты, собственно, изобрел. Искать «прототип» нелегко, иногда приходится привязываться к какому-нибудь совсем постороннему изобретению, связанному с твоим изобретением только тем, что удобно оформить заявку.

По заявке требовалось провести «патентный поиск», то есть сравнить предполагаемое изобретение с другими в этой области, сделанными в развитых странах за несколько десятков лет. В процессе этого поиска нужно найти «аналоги», то есть похожие изобретения.

Оформлять заявку изобретателям помогали работники патентного отдела. Это были инженеры, часто женщины, прошедшие специальную подготовку и имеющие склонность к этой сложной и условной работе. Без этих тружениц изобретательства как широко распространенного явления просто бы не было.

Оформленную заявку отсылали в Государственный институт патентной экспертизы, где ее некото-

рое время выдерживали, ожидая, не будет ли скандала, ведь изобретатели — народ взбалмошный. Потом рассматривали и присылали ответ. Отрицательные ответы классифицировались. Например, могли ответить, что заявка не может быть признана изобретением из-за отсутствия признака «новизна». Неопытный соавтор отвергнутой заявки размахивал руками и кричал: «Они что, не видят, что все здесь по-другому работает?!» А искушенный соавтор быстро отсылал возражение, что-то вроде «новизна содержится в совокупности отличительных признаков». После этого мог прийти положительный отзыв, а неопытный соавтор, иногда настоящий и единственный автор, не понявший ни слова в переписке соавтора с патентным институтом, радовался, что взял такого ловкача в компанию.

Владельцем изобретения, заявителем было предприятие, а инженеры, сделавшие изобретение «в порядке выполнения служебного задания», назывались авторами. За изобретение авторам выплачивалось поощрительное вознаграждение, не более 50 рублей, и не более 200 рублей на всех. Поэтому соавторов часто бывало как раз четверо. Если изобретение внедряли, и авторы получали вознаграждение, то из него первоначальные 50 рублей удерживались.

Настоящее вознаграждение за внедренное изобретение, которое могло достигать двадцати тысяч рублей, выплачивалось крайне редко. Я знаю только один случай, обросший легендами.

На заводе запустили в крупную серию антенну, защищенную авторским свидетельством. Самый ловкий из четырех авторов изобретения стал добиваться денег. Доказал, что все коэффициенты, по

которым считается сумма, должны быть самые максимальные, какие только могут быть. Параллельно оформил премию работникам завода за внедрение изобретения, без этого из завода труднее было бы вытрясти деньги для себя. Добился максимальной суммы двадцать тысяч для авторов и еще денег для заводских. После этого предложил своим соавторам деньги поделить, не так, как легкомысленно расписали при оформлении заявки, всем поровну, а по-настоящему. Каждый взял по клочку бумаги и написал, сколько кому следует, по его мнению. Восхищенные энергией своего соавтора, а также наделенные врожденной скромностью изобретатели написали, примерно, одно и то же. Самому ловкому — семь, двум другим — по пять, а себе — три. Находчивый соавтор собрал бумажки и оценил вклад каждого в соответствии с личными запросами. Получилось, что всем — по три, а ему одиннадцать.

Отношение к изобретательству у инженеров было самое разное. Одни говорили, что делать изобретения — единственный способ для инженера подработать. И воплощали свои слова, ставили оформление заявок на поток, писали их по каждому новому узлу. В таком случае процесс оформления заявки упрощался, ведь из предыдущей заявки можно было многое позаимствовать. Внедренная заявка приносила несколько сотен, а не внедренная — 50 рублей.

Другие не любили оформлять изобретения, и хорошие идеи терялись, забывались, или использовались в разработке без всякого поощрения изобретателя, поэтому кое-кто обоснованно считал, что заявки на изобретения нужно включать подразделениям института в план.

Сереза относился к изобретательству легкомысленно. Когда-то ему очень хотелось получить какое-нибудь авторское свидетельство. Он сам оформил заявку на коллективное изобретение и получил искомое. Потом было интересно получить, чтобы не самому оформлять. Потом решил получить авторское без соавторов, опять сам оформлял. Следующий раз захотел получить открытое, несекретное авторское свидетельство. Потом, когда вместо авторского свидетельства стали давать патент Российской Федерации, Сереза загорелся получить патент, да чтобы открытый, да чтобы без соавторов, да еще и на «способ», а не на «устройство». Говорили, что на «способ» получить труднее. Когда Сереза такой патент получил, то потерял интерес к изобретательству как бумаготворчеству.

Вокруг изобретательства всегда ходило несметное множество баек. Рассказывали, что японцы предложили нашим продать им отвергнутые заявки на изобретения, чтобы в этой отработанной, но еще золотоносной породе покопаться. Но наши не продали.

Рассказывали, что итальянцы, узнав, что у нас какие-то подъемные краны не запатентованы, тут же их сами запатентовали, а с нас потребовали деньги за использование чужого патента.

Говорили, что в каком-то районе при предоставлении новой квартиры изобретателям дают дополнительные метры, нужно только уточнить, три авторских свидетельства нужно иметь или пять. И так далее.

Сами изобретатели были людьми сложными, более заковыристыми, чем просто инженеры. Стоило человеку забыть, что изобретательство — лишь

одна из сторон создания новой техники, задуматься о том, что наличие авторских свидетельств и патентов приподнимает его над прочими людьми, позволяет претендовать на нечто большее, чем вознаграждение в кармане и удовлетворение в душе, как тут же психика изобретателя начинала меняться, искажаться, плыть. Начиналось с особенностей характера, кончалось иногда сумасшествием. От научных статей, даже от вышедших книг их авторы свихивались намного реже, чем от изобретений.

Очень быстро выяснилось, что ведущего Сережа принял негодящего. Руками Крысанов делать ничего не умел, измерения проводить не мог и аппаратуры не знал, физические основы работы антенн представлял себе плохо. Сначала брался выполнить работу, но не справлялся. Потом стал от работы отказываться. Зато про каждый винт с гайкой говорил: «Это можно было бы запатентовать!» Кончилось тем, что Сережа посоветовался с Мишей Севостьяновым и посадил Крысанова писать заявку на изобретение. Была у них антенна, на вид необычная, но когда прикинули, еще до Крысанова, а не написать ли заявку, то решили, что это антенна непатентоспособная. Крысанов же написал заявку, ответил на два отрицательных отзыва, а в третий раз получил положительное решение. Дело тянулось больше года. За это время Сережа пытался добиться, чтобы Крысанов освоил основы эксперимента, к теоретической работе привлекал, пытался подучить, неудобно было перед ребятами, все-таки ведущего инженера взял. Но ни желания, ни склонности к текущей работе у Крысанова не обнаружилось.

— Эту работу я делать не буду, — глядя на вторую пуговицу Серезиной рубашки, сказал Крысанов.

— Как не будете?! — искренне удивился Сережа.

— А так. Вы напишите задание. Я рассмотрю и, если работа соответствует моему уровню, сделаю, а нет, так делайте ее сами, — зло сказал Крысанов.

— Так не принято, — сдерживал себя Сережа. — Я — ваш начальник, извольте выполнить работу, которую я вам поручаю.

— Мне наплевать, что у вас тут принято, а что не принято. Начальник тут мне выискался! Все ваши идеи бездарны, а я должен вкалывать, — продолжал отказываться от работы Крысанов.

— Идеи тут ни при чем. Это текущая работа. Измерений вы делать не умеете, с теорией у вас тоже трудности, документацию писать вам скучно. Вот, осваивайте расчеты. Я хлопочу, чтобы нам в лабораторию дали ЭВМ. Будет у вас свой участок работы. А все время заявки на изобретения писать у нас в лаборатории не получится. Если вас интересует только этот вид деятельности, то идите работать в патентный отдел, — сказал Сережа, гордясь тем, как он спокойно все объясняет возбужденному сотруднику, какой он выдержанный и мудрый руководитель. Слово «компьютер» тогда употреблялось редко, говорили «ЭВМ», электронно-вычислительная машина. Если начальник лаборатории хоть еще и не получил, но уже хлопотал о приобретении ЭВМ, то это был человек со связями, имеющий вес. И вот такой большой человек Сережа Зуев так понятно и ласково все объясняет грубияну-подчиненному. Любо-дорого послушать!

— Идите?! Сами вы идите! — закричал Крысанов. — Указывать он мне тут будет! Понаехало вас в

Москву из деревни Какашкино! Сиротка, приехал в зятя поступать! Спите спокойно в своих могилках, папаша, мамаша и сестренка, невинная девица, я без вас еще лучше пристроюсь!

Сереза застыл, откинувшись на спинку стула, не в силах двинуться, выпучив глаза и непроизвольно открывая и закрывая рот, как живая плотвица на дне лодки. Сереза как будто растроился, разделился на три части. Во-первых, парализованное тело сидело на стуле и не могло пошевелиться. Во-вторых, в голове спокойно текли мысли: «Надо же! Как этот Крысанов из пустяка устроил скандал?! Чем я его так задел? А чем он меня в нокаут поверг? Подумаешь, родителей моих упомянул, которых не видел никогда. Это ведь только, чтобы меня чем-нибудь оскорбить. Теперь надо его увольнять, наверное...» Был еще некто третий, который смотрел на Серезу со стороны и говорил: «Какой же у меня дурацкий и беспомощный вид. Развалился на стуле и рот открыл, как запыхавшаяся бабушка. Ведь при всех. Неудобно, стыдно!»

— Что раскорячился? — с ухмылкой спросил Крысанов.

— Немедленно замолчите! — в голос закричала Валентина Михайловна с ненавистью глядя на Крысанова. — Вы — негодяй! Не смейте так говорить!

Крысанов испугался Валентины Михайловны, втянул голову в плечи, секунду помедлил, потом поднялся и большими шагами направился к дверям лаборатории. Шел Крысанов размахивая руками, не так, как все люди, а наоборот — левая рука шла вперед вместе с левой ногой, а правая — вместе с правой. Так ходил великий актер Николай Гриценко в фильме «Анна Каренина». У Гриценко такая

походка была актерской находкой. Крысанов тоже, наверное, хотел своей походкой что-то продемонстрировать.

Валентина Михайловна уселась на теплый еще после Крысанова стул и стала смотреть на Серезу.

— Чего вскочили? Я бы и сам справился, — сказал Сереза.

— Да, справился бы! Ты посмотри на себя! — усмехнулась Валентина Михайловна и продолжила. — А ведь знаешь, голубчик, ты сам виноват!

— Я всегда во всем виноват, — сказал Сереза.

— Нет, ты не отмахивайся, а послушай. Кто получил авторское? Зуев, Севостьянов, Крысанов. Если бы вы с Мишей вдвоем числились бы авторами, никто бы слова не сказал. А тут взяли случайного человека себе в соавторы, которого тут не было в помине, когда антенна разрабатывалась, а тех, кто вам помогал, не включили. Где в списке Полоскин? И я, между прочим!

— Ну, Валентина Михайловна, вы же знаете, как было! Ищали, чем его занять, вот сунули ему заявку оформлять. Там и патентовать-то было нечего, а неожиданно получилось.

— Это тебе для мемуаров. А факт налицо, взял негодяя себе в компанию, а нас не взял, вот и получил!

— Да, мне в голову не пришло, что могут быть последствия... Подумать не могли, что получится, а то бы, конечно, вас с Валеркой включили...Прошу прощения, — расстроился Сереза.

— Не подумал! Раз ты — начальник, должен думать! — ответила Валентина Михайловна.

— Тогда и вы тоже подумайте, — пришел в себя Сереза. — Заявки оформлять никто не хочет. Я вас сколько прошу? Есть же материал. Сядьте и напи-

шите. Будут авторами те, кто изобрел: Зуев, Гуржий, Полоскин и вы. Или опять Крысанова привлечь?

Через полчаса Крысанов вернулся в лабораторию и уселся на свое место. Сережа подошел к его столу и сказал.

— Пишите заявление об уходе. Я с вами не сработался.

— Сам пиши, бездарь деревенская! А я тут тебя пересяжу. Пшел вон! — прошипел Крысанов.

Сережа взял Крысанова за ворот пиджака, вытянул из-за стола, подтащил к дверям лаборатории и собрался, было, вытолкнуть его в коридор, но их расцепили ребята.

Валентина Михайловна в тот же день уселась оформлять заявку на изобретение.

А Сережа занялся противным делом — увольнением неугодного сотрудника. Он ловил Крысанова на опозданиях, снижал ему квартальную премию, не отпускал с работы. Добился, чтобы Крысанову объявили выговор. Написал директору записку с просьбой понизить Крысанова в должности, сделал так, что Крысанову не дали путевку в дом отдыха, хоть Крысанов в своем заявлении на путевку и написал, что он коренной москвич и старший лейтенант запаса. В общем, предпринимал все несимпатичные действия, которые вынужден предпринимать лишенный настоящей власти руководитель.

По ходу дела до Сережи дошло, почему Крысанов так повел себя, что его спровоцировало на скандал. Будучи ловким оформителем заявок на изобретения, Крысанов считал именно себя изобретателем, первым новатором, Эдисоном, Кулибиным. Оформляя чужие мысли, засовывая их в искусственную и

неудобную структуру заявки, Крысанов полагал, что он и есть главный соавтор. У него в голове сформировалась система доказательств собственной одаренности, своего превосходства перед этими недоумками, не способными без него получить авторское свидетельство. И тут некто Зуев заявляет ему, как само собой разумеющееся, что его место в патентном отделе. Намекает, что в соавторы его взяли, потому что принято таких вот оформителей вписывать, а то заявки писать будет некому. Ну, как тут было Крысанову сдержаться! Сережа подумал, что мог бы догадаться раньше, тогда можно было бы избежать скандала и действительно потихоньку сплавить Крысанова в патентный отдел.

Правда, просматривая в отделе кадров личное дело Крысанова, Сережа понял, что он заблуждался не один. Крысанов работал в пятом «ящике», он был соавтором пяти изобретений. Через некоторое время после получения первых четырех авторских свидетельств Крысанов переводился в другой институт. Сережа, выходит, участвовал в пятой серии этого многосерийного фильма. Изучив личное дело, Сережа не удержался и сказал Крысанову:

— В предшествующих четырех учреждениях вас, Виктор Николаевич, держали от трех лет до четырех лет и двух месяцев. Я решил пойти на рекорд и уволить вас до истечения двух лет и десяти месяцев.

— Будь ты проклят, говно! — огрызнулся загнаный в угол Крысанов.

— Да, пожалуй, в этот срок я уложусь, — жестоко повторил Сережа.

Два раза Сереже звонили коллеги из других институтов, и оба раза возникал одинаковый разговор.

— Сергей Геннадьевич, к нам приходил ваш Крысанов. Вы не будете возражать, если мы возьмем его к нам переводом?

— Нет, не буду, — отвечал Сережа.

Но собеседник ожидал более полного ответа:

— А что он за специалист? Он сказал, что к вам в институт ему далеко ездить, и в этом состоит причина перехода.

— Он у нас недавно работает. Я затрудняюсь его аттестовать, — уходил от ответа Сережа. Тогда собеседник оставлял дипломатию и говорил напрямик:

— Он на все вопросы отвечает, что у него пять авторских свидетельств. Он, вообще, нормальный?

Что было ответить Сереже? Любой ответ плох. Один раз сказал: «Ой, извините, меня главный инженер вызывает!» Потом стыдно было за свой ответ. Другой раз сказал, что Крысанов заявки на изобретения хорошо оформляет, а больше он сказать ничего не может. Так все-таки лучше.

Значит, Крысанов искал работу, не сидел просто так.

Преследуя Крысанова, Сережа вдруг обнаружил, что лаборатория его в этом никак не поддерживает, не чувствовалось, чтобы у Крысанова в коллективе «горела земля под ногами».

— Вы, похоже, согласны и дальше этого типа терпеть?! — с обидой сказал Сережа Валере Полоскину.

— А нам-то что? У Крысанова конфликт с начальством, то есть с тобой. Вот и давайте, бодайтесь, а мы посмотрим, что будет, — дерзко глядя Сереже в глаза, сказал Валера.

Сережа потупил взор и ничего не ответил. «Ладно, дорогой, — подумал Сережа. — Я тебе сейчас покажу, с кем у Крысанова конфликт!» В тот же день

Сережа подошел к Крысанову и сказал вполголоса несколько притворным тоном.

— Смотрю я на вас, Виктор Николаевич, и думаю, что нет на земле справедливости. Вы для работы — человек бесполезный, ноль без палочки, а Полоскин может все, фактически незаменимый работник. А платят что вам, что ему почти одинаковую зарплату. И я ничего не могу изменить, разве что квартальную премию у вас убавить, а ему прибавить. Вот я и думаю...

— Дешевка ваш Полоскин, самоучка, четыре класса образования, — сходу завизжал Крысанов. Замолчал, потом решил, что сказанного мало, и добавил. — Мордва этот ваш Полоскин, татарин! Басым-барасым, мала-мала понимай, ек.

Последние слова Крысанов произнес на родном, по его мнению, для Полоскина языке.

— Слушай, Крысанфа, а ты, часом, не негр? — отозвался со своего места Валера.

Валера Полоскин был русским, а не татарин. С татарским народом Полоскина объединяло то, что он уже три года подряд ездил в свой отпуск с бригадой плотников подрабатывать в колхоз «Коммунизм-Га» недалеко от Набережных Челнов, а потом рассказывал в лаборатории о тамошних жителях с симпатией и сочувствием.

После этого эпизода никто не говорил Сереже, что изгнание Крысанова — это его личное дело.

Процесс насильственного увольнения Крысанова затянулся настолько, что на заявку, написанную Валентиной Михайловной, успел прийти положительный ответ, то есть предложенное устройство признали изобретением. Узнав об этом, Крысанов был потрясен. На всех этажах института он кричал, что

у него украли изобретение. Валентина Михайловна возмущенно сказала: «Но вы даже не знаете, о чем заявка!» Крысанов посмотрел на нее с презрительным удивлением и пробормотал: «При чем тут это?»

Сережа убедился в правильности своей догадки о взглядах Крысанова на изобретательство. Воровство, по мнению Крысанова, состояло в том, что ему не дали оформлять заявку и не включили на этом основании в коллектив авторов. Но Валентина Михайловна не поверила Сережиным объяснениям, сказала, что это слишком сложно и не жизненно, а Крысанов орет просто потому, что он — сволочь.

Кончилась служба Крысанова тем, чем и должна была кончиться — он уволился из института по собственному желанию. Но шестого института он себе найти не смог и ушел в «никуда». Сережа не присутствовал при исчезновении Крысанова, за три дня до его ухода взял командировку и умотал в Питер, от греха подальше.

Через пару лет кто-то, вернувшись из Москвы, сказал, что видел, как Крысанов в переходе станции метро «Проспект Мира» торговал газетами.

— Вообще-то, жалко немножко... — сказал, узнав про эту новость, Сережа, который уже позабыл о своей злости.

— Ничего, дураков надо учить, — назидательно сказал Полоскин.

ГЛАВА 27

То, что на предприятии работают отец и муж, Таня особенно не ощущала. Так, иногда бывали моменты, в основном приятные.

Однажды давно, еще несколько лет назад, около Таниного стола остановился Зарезов, привычно посмотрел, какую книжку она читает, потом уставился на Таню красноватыми глазами навывкате и спросил в своей обычной грубоватой манере.

— Серега Зуев, что ли, твой муж?

— Да, — ответила Таня.

От Зарезова, как всегда, попахивало, но Таня сидела за столом, а он стоял около нее, поэтому расстояние скрадывало запах.

— Нет, то, что ты Прокофьяича дочка, я знал. Тебя поэтому сюда и взяли. Батюшку твоего я с давних пор знаю, и на полигоне вместе сидели, и вообще... А то, что Зуев — твой муж, мне в голову не пришло, — Зарезов сам перед собой оправдывался в собственной несообразительности. Он как будто ждал еще одного подтверждения вновь открывшегося обстоятельства.

— Я же вам говорю, Сергей Зуев — это мой муж, — сказала Таня и добавила, осмелев. — Разрешите представиться, Зуева Татьяна Андреевна.

— Да... толковый парень, шарит в нашем деле, — Зарезов в Таниных словах услышал только подтверждение того, о чем спрашивал. Он никакого значения не придавал тому, как это было сказано.

— И обрати внимание, — продолжил Зарезов. — Не только разбирается, но и знает, чего хочет. Это еще реже бывает. А то, я думал, что ваше поколение в основном... книжки читает.

Евгений Алексеевич высказался и отошел. Сказал все-таки гадость. Вроде бы и похвалил Сережу и папу, но не преминул подчеркнуть, что к ней, Тане, эти похвалы не относятся. Ну, и Бог с ним. Он столько лет работает, поэтому столько знает. А Таня не

так уж и давно. Кроме того, женщине тяжелее, два декретных отпуска, заботы о воспитании детей, домашние хлопоты, поди все успеи...

Бывало еще, вспоминали о ее семье, когда раньше были продовольственные заказы, правильнее бы их называть «наборы», и Тане доставался заказ по жребии. Тогда можно было услышать, как какая-нибудь обделенная сослуживица злобно шипела за спиной: «Все для своих!»

Андрей Прокофьевич велел Тане на хулу внимания не обращать, а если родственников хвалили, то говорить: «Спасибо, мне очень приятно», и больше ничего. «А то брякнешь лишнего, потом разбирайся», — добавлял отец.

Но после того, что произошло, все отцовские указания забылись мгновенно. Пришла после обеденного перерыва Ириша, молодая сравнительно дама, под тридцать. Незамужняя и без детей, к тому же простенькая, так что Таня считала себя неизмеримо выше нее. Уселась за соседний стол и стала демонстративно смотреть, пялиться на Таню, положив голову на ладонь, а далеко отставленный локоть упер в стол. Чтобы так сесть, Ирише пришлось сильно изогнуться, получилась довольно принужденная и нахальная поза.

— Ты что, Ириша? — спросила Таня.

— Да вот, смотрю на тебя, Татьяна, и думаю, как он этакую кралю на такую свинку променял?

Таня испугалась, что всплыла история с тем парнем, с Андреем.

— Я что, похожа на свинью?

— И вправду, не знает! Ты разуй глаза-то! Твой Сергунчик-попрыгунчик адюльтер завел. Я-то думала, ты знаешь. Хотела просто последние новости со-

общить, что опять их в обед вместе видела. Главное, было бы на что польститься, я же говорю: свинка, против тебя — тьфу, — наслаждалась Ириша.

Для Татьяны это было ошеломляющее сообщение. Все мысли о тайной любви вертелись у нее только вокруг ее давнишнего приключения. Мысли эти обволакивали реально произошедшие события, как паутиной, вились, перепутывались. Перевирался и смягчался тот обыкновенный и пошлый эпизод, создавался мягкий кокон таинственности, романтичности, отсутствия вины перед мужем... Андрей по-прежнему работал на предприятии, был такой же поджарый, но за эти годы поблек, совсем утратил былую привлекательность. У него стало бледное, немного отечное лицо, уходящая от носа внутрь беззубого рта верхняя губа. Говорили, что он пьет. Когда он случайно сталкивался с Таней, то здоровался довольно спокойно. Таня ему отвечала. Подумаешь, что-то когда-то было, да и то все равно, что не с ним, с этим поблекшим мужиком, а с другим, замечательным, прекрасным юношей...

А тут, здравствуйте, как обухом по голове. Нужно сначала убедиться, решила Таня. На следующий день Таня выскочила из проходной пораньше, перед обеденным перерывом, и, используя навыки, полученные при охоте за Андреем, стала подкарауливать Сережу. Вот он вышел и направился к лещочку недалеко от проходной. Через пять минут показалась и она, разлучница, и поспешила в ту же сторону. Татьяна нарочно вышла из засады и пошла ей навстречу. Та увидела Таню, смутилась, сбросила шаг, заметалась, завертелась на месте, как колобок на блюде. Потом, видать, опомнилась и пошла, не торопясь, куда шла, на свидание с ее мужем.

Других доказательств Тане не нужно было, и так все ясно! Надо что-то делать! Надо спасти семью! Правду мать говорила как-то, что Сережа гуляет. Таня ей тогда ответила строго, что этого не может быть. Видишь, может, оказывается. О, чуткое материнское сердце!

Что же предпринять? По своей привычке переключившись на другое дело Таня решила вынести Сережино поведение на суд общественности. Именно в таких формулировках вертелась в Таниной голове мысль о своих дальнейших действиях. Пусть коллектив поможет навести порядок, точнее, призовет ее мужа к порядку. Но как? Написать или поговорить с кем-нибудь? Писать в партком про неверного мужа? Над этим все смеются, да и парткомов уже нет. Именно поговорить. Не на собрании, конечно. Над этим тоже все смеются. В коллективе всегда есть люди, которые создают моральный климат. Что они говорят или делают, то и хорошо. Вот таких и нужно привлечь. Почему-то всплыл в памяти Зарезов. Ну, нет. Во-первых, он работает не с Сережей, а с ней, во-вторых, неизвестно еще, что он скажет. Нужно пригласить Валентину Михайловну, она нравственная женщина, поэтому должна пристыдить неверного мужа. Еще можно позвать Мишу Севостьянова. У Миши трое детей, и он верующий, ходит в церковь. Очень порядочный человек, он, конечно, будет на Таниной стороне.

Пригласив Мишу и Валентину Михайловну встретиться завтра перед работой, Таня в этот вечер удержалась и ничего не сказала Сереже о своем открытии. Сережа подумал, что пронесло, что Галочка напрасно испугалась. Даже почувствовал благодарность к жене за то, что она ничего не знает.

На следующий день Таня потащила Сережу на работу на пятнадцать минут раньше. В лесочке у проходной они встретились с Валентиной Михайловной и Мишей. Все сказали: «Доброе утро!» — и приглашенные стали смотреть на Таню, зачем она их позвала. Таня начала:

— Я попросила вас прийти, потому что узнала... узнала, что... Я думала, что мой муж ходит на работу работать. А он завел шашни! Поэтому, я прошу вас, чтобы вы высказали свое отношение к этому... поступку.

Сережа от неожиданности раскрыл рот, Валентина Михайловна покраснела и стала смотреть в землю, ничего не говоря. Миша смотрел на Таню и думал, что бы такое сказать. Таня почувствовала, что коллектив еще не созрел для осуждения Сережи, поэтому продолжила.

— Я знаю, кто предмет. Это — ваша Галочка, как вы ее все называете. Она замужняя женщина, у нее дети. Она член профкома. Какое она имеет право!

Сережа испытал жгучий стыд за жену перед Валентиной Михайловной и Мишей. Какой позор! От неожиданности, от смущения Сережа, что называется, потерял лицо и понес ахиною.

— Таня, ты ошибаешься. Мы с Галей связаны по работе. Потом, у меня в лаборатории много нуждающихся в санаторно-курортном лечении, а Галя имеет вес в профкоме и может помочь. Вот, например, Валентине Михайловне нужна путевка в Kisловодск. Правда, Валентина Михайловна?..

Вот так-то вот... Струсил Сережа, отказался от своей Галочки, стоя перед судьями в лесочке у проходной, как апостол Петр отказался от Христа в Геф-

симанском саду. Всю жизнь потом стыдился Сережа своего малодушия...

Валентина Михайловна молчала, и Сережа тоже замолчал. Заговорил Миша.

— Тань, мы-то с Валеёй тут при чем?

— Вы — коллектив, и можете высказать свое мнение, — ответила Таня.

— Но дело-то не коллективное, скорее семейное, — продолжал мягко уходить в сторону Миша.

— Я пригласила не весь коллектив, а только двух человек, которых уважаю, — попыталась наладить контакт Таня.

— Нет разницы, двоих или десятерых, — сказал Миша.

— Нет, так не годится. Перед вами морально разлагается человек, а вы не хотите его спасти? Вы что, боитесь, потому что Сергей — ваш начальник? — Таня призвала Мишу проявить гражданскую позицию.

— Вот что, — сказал Миша, отзываясь на Танин призыв быть твердым. — Шашни там у вас или не шашни, любовь у вас или профсоюзная работа, мы не знаем и знать не хотим. Ты как будто родителей вызвала в школу. А это не повод устраивать родительское собрание. Сама разбирайся со своим двоичником. Пошли, Валя.

Миша взял под руку Валентину Михайловну и повел к проходной. Танина затея не удалась. Она ошиблась в этих людях. Думала, что они принципиальные, ответственные, а они то ли трусы, то ли подхалимы.

Дальше Танины действия были просты и незатейливы: она устраивала мужу скандалы каждый день. Говорила, что должна быть для него «вне конкуренции», что она отдала ему молодость, родила

ему двоих прекрасных детей, и теперь, когда она уже в возрасте, он стал заглядываться на скверных женщин. Говорила, что не понимает, как это Сережа клюнул на такую жирную бабу, тогда как раньше ему нравились стройные женщины. Попрекала тем, что вытащила его из дальневосточной дыры, всем обеспечила, а он чем ей ответил?

Таня узнала телефон мужа разлучницы и позвонила ему, чтобы спросить, знает ли он про эту связь и как реагирует? Но тот отреагировал странно. Сказал, что единственное, чем они с Татьяной Андреевной могут отомстить, так это встретиться и в ответ на их неверность тоже наставить им рога. Он еще ерничает! Шут гороховый! Правильно говорят, муж и жена — одна сатана.

Таня не была особенно занята ни семьёй, ни бытом, ни работой, и незаполненная душа ее полностью налилась обидой, возмущением, негодованием. Себя жалеть — каждый большой мастер.

А Сережа смотрел на кричащую жену и думал: «Чего она орет? Хорошо бы замолчала...» Сережа старался, чтобы дома не знали о конфликте, Таня же, напротив, хотела, чтобы гнусное поведение Сережи стало предметом семейного обсуждения.

Покричали, поговорили, потом прошло. Ни Сергей, ни Таня разводиться не собирались...

Увы, читатель, мой герой изменял жене. Такое предосудительное поведение Сергея Зуева нуждается в некоторых комментариях.

Интимная сторона семейной жизни не очень устраивала Сергея. Естественные поползновения мужа Татьяна могла пресечь грубым отказом. Могла

уступить, но демонстрируя явное нежелание. Однажды сказала ему как будто выстрадавшее: «Слушай, я давно хотела тебя спросить, а ты не можешь без этого обойтись?» Сережа обиделся, замер, отодвинулся от жены. Потом целую неделю смирял свою плоть. Так он всегда поступал, когда его прогоняла жена, пока гормоны не перебарывали обиду: в конце концов, с какой стати терпеть! Любой повод для перерыва в интимных отношениях Таня использовала сполна. Если, например, болела Анна Петровна, то Татьяна устраивала переселение. Она ночевала с матерью, чтобы якобы помочь, если что, а Прокофьич спал в одной комнате с Сережей. Ночью Танька дрыхла без задних ног, а Прокофьич тащился, вздыхая и будя Сережу, в другую комнату, чтобы подать больной лекарство или питье. Комедия продолжалась и после выздоровления, Татьяна выгадывала каждую ночь, только бы не спать с мужем.

При всем при том Таня была абсолютно нормальной полнокровной женщиной, все у нее было на месте, и все центры удовольствия работали исправно. Не физическая неполноценность была причиной Таниных фокусов. Таня привыкла, что в любом деле она чуть в стороне от всех: на работе, дома, на садовом участке, в компании. Или по неспособности не могла участвовать в общем деле. Или уже и не поручали ей ничего. Заранее известно, без толку! Бывало, что и могла бы сделать, но привычно прикидывалась неспособной: «Ой! Уже так поздно, темно. Как я пойду? Ведь до булочной неблизко, а разгул преступности в городе налицо». И так же привычно махали на нее рукой и обходились без Тани. Но уж в постели Сергей не мог без нее обойтись. Вот Танька и куражилась. А тут, вишь ли, обошелся Серега без нее.

Круг общения Сергея был ограничен. Ни родственников, ни друзей детства вокруг него не было. Никаким посторонним делом он не увлекался. Его время было полностью поглощено семьей, работой, садовым участком и автомобилем с гаражом. Садовый участок, как филиал института, те же лица. В гараже, бывало, выпивал с мужиками. А так, все знакомые — с работы. И в гости ходили друг к другу, и отдыхать, случалось, вместе ездили, и в школе на родительских собраниях вместе сидели.

Правда, на работе была чудесная компания, в которой Сережа пришелся ко двору. Были в этой компании и молодые женщины, многие, как обычно, незамужние или разведенные.

Встречались после работы, гуляли, ездили с детьми в Москву в зоопарк. Сергей, само собой разумеется, брал с собой Таню. Отрешенность Тани обращала на себя внимание, даже раздражала некоторых, особенно разведенных самостоятельных женщин, которые сами пробивались в жизни, в одиночку тянули ребенка и за все отвечали головой. Но Сереже ничего не говорили, даже не шутили на эту тему. Считали, что свою семью не сберегли, так нечего чужую трогать.

Как-то наметили поход на байдарках с детьми, выпросили в институте автобус до самого берега, и оттуда тоже автобус. Сережа загорелся мыслью прокатить сына. Нашли байдарку, оставили Аську теще и отправились втроем. В условиях байдарочного похода Танина никчемность всем особенно бросалась в глаза, даже привыкшему ко всему Сереже. В походе ему поневоле пришлось смотреть на жену глазами посторонних.

После похода раздражение против Тани среди молодых баб приняло активную фазу. Красивая и разбитная Марина сказала подругам: «Не могу больше этого терпеть! Беру сообразительство на этой неделе изнасиловать Зуева. С какой стати Танька одна им пользуется!»

Действовала Марина просто и решительно. Попросила Сережу помочь ей по хозяйству в обеденный перерыв. Сережа, конечно, согласился. Дома Марина положила ему руки на плечи и спросила: «Ну, хочешь помочь?» Сережа пробормотал: «Хочу». «А еще чего хочешь?» — спросила Марина. «Тебя», — сказал Сережа. «Ну, что ж, уговорил», — засмеялась Марина.

На следующий день Сережа вручил Марине большой букет цветов. При этом глядел на нее влюбленными глазами и счастливо улыбался. Марина чрезвычайно смутилась. Потом нашла момент, чтобы объясниться с Сережей. «Ты что себе вообразил? — сказала Марина. — Послушай, дорогой. У тебя жена Танюшка и двое малюток. Им носи цветы и конфеты. Я сирот плодить не собираюсь, хватит, что у самой сын без отца растет. Не углубляй! Мне нужен мужик холостой, свободный. Если насовсем. А наша с тобой любовь — с восьми до пяти, суббота, воскресенье — выходные, и чтоб никто не знал. Нечего меня засвечивать. У меня другие задачи. Понятно?»

Нет, не поверил Сережа красивой женщине. Не мог даже вообразить, что произошедшее между ними ничего не значит для нее. Устраивал свидания. Марина соглашалась прийти и приходила, но могла и отказаться по смехотворной, маловажной, на взгляд Сережи, причине. «Разве стоит такой пустяк нашей встречи?» — с пафосом спрашивал Сережа. А Марина просто отвечала: «Для меня это важнее».

Но не получалось у Сережи скрытно любить Марину. Поэтому через три месяца Марина прекратила роман. Сережа страдал, но на него уже посматривала другая дама из их компании. Марина как будто открыла сезон охоты.

Так продолжалось несколько лет. Благодаря опытности женщин и, несмотря на Серезину неосторожность, до законной жены никакие слухи не доходили. Пока не пришла очередь Галочки

Сойдясь с Галочкой, Сережа с удивлением понял, что он давно любим, преданно и нежно. Еще он понял, что женщина может быть не только ярмом на шее, как жена, и не только партнером в постели, как Марина. Женщина может быть другом и советчиком. Женщина может пожалеть, когда тебе больно. Так что, похоже, Сережа с Галочкой затевались надолго.

Но не хватало Галочке осторожности своих предшественниц, побывавших до нее в Серезином сердце. Говорить про их роман на предприятии стали вскорости после его начала. А вслед за тем последовали описанные выше события, положившие конец Серезиным любовным историям. К тому же изменившиеся условия жизни не способствовали свободной любви. Началась новая жизнь с разговоров.

Часть 3.

КОНЕЦ ВЕКА

ГЛАВА 28

Настало время, когда главной темой жарких споров стала внутренняя политика, обсуждение происходящих в стране событий, новых имен и открывшихся исторических тайн. Причем люди, прожившие схожие жизни, имеющие равный достаток и одинаковое происхождение, вдруг оказывались горячими сторонниками противоположных партий. Орали до хрипа, чуть ли не дрались, ссорились и расходились навсегда. В благополучных семьях могло оказаться, что жена — за коммунистов, а муж — за демократов. Правда, в таких случаях обычно супруги договаривались не касаться больных тем. На работе политические разговоры звенели каждый день.

— Вы знаете, — рассказывал Миша Севостьянов. — У меня сначала не было никакого отношения к этим новым веяниям. Впечатления от перемен были самые разноречивые. С одной стороны, хорошо, новые люди пришли, эти беспомощные и злые старики исчезли, мир христианский стал на нас добрее смотреть: «Perestrojka!». С другой стороны, все

как-то слишком быстро перестроились, про свежий ветер перемен мгновенно заговорили. Горбачеву из толпы кричат: «Михал Сергеич, будь здоров! Хороший ты мужик!» Настораживало все это. Я смотрел на перемены с одобрением, но не слишком сильно умилялся. Ждал, пока в душе моей само сформируется отношение ко всему этому. Чтобы не так, механически, реши к такому-то числу, ты «за» или «против».

— Ну и сформировалось? — спросила Валентина Михайловна, слушавшая коллегу с живым интересом.

— Так вот, — продолжил Миша. — Я и говорю, что не торопился, ждал, примет душа это все или не примет. Однажды, смотрю я по телевизору репортаж, как Горбачев на ферму приехал, где высокие надои, по пять с половиной тонн молока от каждой коровы. Подвели его к доярке. Доярка пожилая, держится с достоинством. Такое лицо у женщины хорошее. Горбачев ей, мол, как это вы добились таких показателей. А она отвечает, что делали все, как положено, вот и добились. А он ей: «А шесть тысяч сможете надоить?» Доярка и отвечает: «В этом году, думаю, шесть тысяч надою, тогда на пенсию уйду», а Горбачев похвалил: «Ну, тогда мы вас на пенсию не отправим!» На мгновение неловкость повисла в воздухе. Так бывает, когда собеседники друг друга не понимают. Доярка-то сказала, что собирается себе самой данный зарок, долг свой, как она его понимает, выполнить, а потом — шабаш, уйти с этой каторжной работы и отдохнуть. Вдруг ей говорят, что и тогда не пустят отдохнуть. А для Горбачева уход на пенсию — это катастрофа, отставка. Уйти на пенсию — значит потерять власть, почет, дачи, лимузины и прочее. Вот он доярку по-

хвалил и пообещал, что, раз она так хорошо работает, то наказывать ее уходом на пенсию не будут. Хоть он — царь, а она — крестьянка, но в разговоре-то они — собеседники, минутное равенство у них. И они вдвоем и не поняли друг друга. Тут все в окружении засмеялись, то ли не заметили неловкость, то ли, наоборот, захотели замять. Потом вся свита дальше двинула.

— Ну и... Вывод какой ты сделал? — торопила Валентина Михайловна неспешный Мишин рассказ.

— Выводов я не делал, а только понял душой, что ничего из этой перестройки не выйдет. Ничего они не сделают, даже если захотят, что тоже не факт. Потому что не знают они жизни. Хотят гордыню свою потешить, и это есть первая и последняя причина их поступков. Плюс, конечно, личное благополучие, свое, жены, чад и домочадцев. Сталин соратников своих в бараний рог гнул, Хрущев вон, у Геннадьича, — Миша кивнул в сторону Сережи, — в Забайкальской степи кукурузу сажал, нынешний государь по свету носится с женой, глупым иностранцам мозги пудрит и деньги у них одалживает на свои непродуманные реформы.

— Знаешь, что, Мишаня, ты не каркай, — вступил в разговор Царьков. — Ты как ворона: «Не выйдет, ничего не изменится!» Да то, что ты позволяешь себе такие речи, уже означает, что есть перемены.

— Это я уже слышал. Партия даровала вам перестройку, разрешила разговоры разговаривать, а вы позволяете себе недовольство?! — ответил оппоненту Миша. — Разговоров про политику стало и впрямь больше. Меня сын спросил, о чем раньше говорили с гостями, когда про политику было неинтересно говорить? Но что значат разговоры?

— Значат, значат, — стал уверять Царьков. — И разговоры что-то значат, и, что говорить не боятся, тоже значит. Подожди, будут и другие результаты...

— С такой формулировкой я согласен. Но только «в то время чудесное жить не придется ни мне, ни тебе», — предложил компромисс Миша.

— Снова каркаешь? — не хотел соглашаться Царьков и, как обычно случалось в политических разговорах того времени, перешел на личное. — Понятно, тебе терять нечего. Ты или на этом свете рая дождешься, или на том, по церковной линии в рай попадешь. А мне поскорее нужно, пока живой и в силе!

— Передергиваешь ты, как всегда, — потерял терпение Миша. — Учись спор вести, придержишься темы и не переходи на личности.

— Риторика я не знаю, в ЦЭПЭШа не обучался! — Царьков продолжал задирать религиозного Мишу.

— Где? — не поняла Валентина Михайловна.

— В церковно-приходской школе, — пояснил слова Царькова Миша. — Это он меня, чтобы убедить в близости всеобщего счастья, в богословский спор втягивает.

Валентина Михайловна почувствовала неладное и, во избежание предстоящих неприятностей, развела спорщиков.

Миша выразился неточно, Царьков не мог затеять богословский спор, поскольку из этой области не знал совсем ничего. Раньше Царьков был лектором общества «Знание». Существовала такая форма подработки в то время. За лекцию по путевке общества «Знание» не слишком грамотному Царькову платили десять рублей, больше, чем доктору наук за лекцию в университете. Царьков с восторгом

рассказывал, что он, как человек умный, не брал путевки на большие заводы, а ездил в магазины. Поэтому помимо гонорара он после выступления в «Детском мире» получал возможность без очереди купить цигейковую шубу дочери, а после гастронома привозил домой баранину по рубль десять. Багаж его знаний содержался в конспекте, составленном на семинарах для лекторов общества «Знание», и в выданных там же брошюрах. Ни книг, ни газет он не читал, а недостаток эрудиции компенсировал злыми нападками на империалистов, сионистов, а иногда — на собеседника. Царьков вполне напоминал шукшинского героя из рассказа «Срезал», но об этом сходстве не догадывался, потому что Шукшина тоже не читал. На лекции в магазине Царьков доставал плакат и говорил: «Давайте разберемся с цифрами в руках, как в СССР обстоит дело с образованием и наукой». На плакате в таблице содержались сведения, сколько людей в процентном отношении имеют высшее образование, ученую степень, сколько академиков на душу населения по союзным республикам. Оказывалось, что у РСФСР, единственной, нет своей Академии наук, а все показатели самые низкие. «Ясно вам, как тяжело русскому человеку пробиться к знаниям? — многозначительно говорил Царьков. — А есть еще более закрытые данные!» Продавщицы сокрушались: «Ой, надо же! Мы и не знали! Спасибо вам, товарищ лектор, открыли нам глаза, а мы, дуры, не хотели на лекцию оставаться!»

Росту Царькова как лектора помешала одна его слабость — он дурел от небольшой дозы спиртного. До поры до времени ему все сходило с рук. Но однажды на городской партийной конференции, где Царьков был делегатом от института, случилась

неприятность. Докладчик попросил сорок минут. Формально спросили, есть ли другие предложения? Поддатый Царьков вскочил с места и сказал, что предлагает отвести для доклада пять минут. Хотели это непродуманное предложение проигнорировать, но Царьков стал шуметь. Он кричал, что докладчик и на пять минут не наработал за отчетный период, требовал, чтобы его предложение поставили на голосование, и обещал, что лично и по часам будет следить за регламентом. Некоторые делегаты засмеялись, что еще больше подбодрило дебошира. Царьков крикнул, что если докладчик «вылезет за пять минут», то он опять же лично сгонит его с трибуны пинками. Пришли два милиционера и вывели Царькова из зала. В фойе кинотеатра, где проходила конференция, Царьков не успокоился, и его отвезли в милицию, где продержали четыре часа. Причем в процессе усмирения кто-то из милиционеров ударил Царькова в глаз.

Возвращаясь из милиции домой уже в сумерках, Царьков успел добавить у магазина с двумя мужиками. Этим мужикам Царьков пожаловался на обиду, нанесенную ему советской властью, и показал фингал под глазом, который уже начал синеть. Мужики посочувствовали Царькову, и они втроем пошли во двор жилого дома, где попытались разбить кирпичом бюст В.И. Ленина.

На следующий день Царьков пришел на работу с большой головой, синяком на лице и страхом в душе, что вскрыется его покушение на бюст вождя. Также он боялся, что будет иметь последствия неверное понимание им партийной демократии. Помаявшись некоторое время, он поправился небольшим количеством казенного спирта. Голову немножко

отпустило, но в прояснившейся голове четко обозначилась мысль, что в СССР для него места нет. Он взял несколько листов бумаги, залез в дальний угол антенного зала и стал писать.

Странное поведение Царькова насторожило товарищей, а тут к обеду стало известно про инцидент в кинотеатре. Валентина Михайловна пошла в антенный зал, чтобы прояснить обстановку. Царьков сидел в слезах и писал пятый вариант заявления в американское посольство с просьбой предоставить ему политическое убежище. Среди причин были и синяк под глазом, и маленькая зарплата, и пренебрежение его мнением «в среде партийных бонз».

Валентина Михайловна стала утешать Царькова, Сережа достал из сейфа спирт, собрали бутерброды, какие остались от обеда, и засели в зале. Закуску собрали легко, у многих что-нибудь да было. Десять лет назад к концу рабочего дня в лаборатории нельзя было найти черствой корки, мели все: принесенные из дома бутерброды, пирожки тети Марфуши, молоко, выдаваемое антенщикам «за вредность», да еще бегали в столовую. Сотрудники лаборатории старели, ели меньше, а сами стали толще.

Суаре в антенном зале прошло успешно, к полковине пятого Царькова уговорили не покидать родину. На следующий день Сережа пошел в партком и договорился, что разборки не будет, так как провинившийся сам глубоко переживает свой проступок.

После случившегося к Царькову в обществе «Знание» стали относиться настороженно. И Царьков свой пыл оратора изливал в лекциях, которые устраивал в лабораториях института в обеденный перерыв, без путевок и без оплаты, а также в спорах с то-

варищами по работе. Теперь в своих выступлениях Царьков горячо одобрял решения партии. Надеялся, видимо, вернуть мандат доверия.

Но и тут Царьков не угадал, не на ту силу поставил. В 91-м году, думая, что ГКЧП взял власть всерьез и надолго, Царьков призывал поддержать новый законный порядок. Однако за три дня все было кончено, и Царьков сник. Немножко, может быть, испугался последствий. Но последствий не было никаких. Политические разговоры и жаркие споры в «почтовых ящиках» вообще не имели последствий. Разве что кто-нибудь сгоряча мог написать заявление о выходе из профсоюза. Все равно что звери в зоопарке обсуждали бы события на улице: рычали бы, лаяли, пищали и шипели, но на события по ту сторону решетки не могли влиять, наоборот, вследствие происходящих там событий кормили зверей реже и хуже, причем всех, и кто рычал, и кто пищал. Так что Царьков загрузил не от страха перед возможными политическими преследованиями, а из-за того, что опростоволосился, не угадал. А ведь можно было бы что-то ухватить, оказавшись в нужный момент да в нужном месте! Для того и устраиваются заварушки, чтобы кто был никем, стал бы всем! «Удаленность — вот причина, — думал Царьков. — Был бы я в Москве, тогда другое дело... В Москву, в Москву!» Стремление в столицу, заимствованное у чеховских трех сестер, привело к тому, что Виталий договорился с Альбертом Тарасовичем, и тот взял его к себе в лабораторию в московский институт на те же деньги. Сережа Зуев отпустил Царькова легко и не возражал против оформления царьковского увольнения как перевода из института в институт.

ГЛАВА 29

Наступил сентябрь последнего, десятого класса. Следующим летом Гене поступать. Это был тот рубеж, который Сергей назначил сыну, чтобы тот определился наконец. Удивительным Генка был школьником, ему все легко давалось. Школа посылала его на городские олимпиады по истории, математике, физике и географии. Как правило, он возвращался оттуда с грамотой и направлением на областную олимпиаду. Гена с удовольствием ходил в секцию восточных единоборств и заслужил там пояс какого-то уважаемого цвета. Все это у Гены получалось само собой, без напряжения. Мог посидеть над интересной задачей до глубокой ночи, но, как говорится, в охотку, потому что так захотел. Сережа следил за его успехами, но немножко отстраненно, зачем вмешиваться, когда и так все в порядке? Конечно, кимоно купить для секции, или велосипед, или денег дать на хитрые книжки — такие запросы Сережа обеспечивал без лишних поучений. Не было денег, говорил сыну, когда будут. И сын легко соглашался, знал, что раз отец пообещал, то сделает. Очень хорошие отношения были у Сережи с сыном, а с десяти или двенадцати Гениных лет — почти равные.

Но надо же родителям о чем-то волноваться! Вот Сережа и мучился, не ошибутся ли они в выборе вуза из-за таких разносторонних способностей сына. Поэтому твердо сказал Генке, чтобы в сентябре назвал институт, чтобы было время обсудить и с октября плотно усесться заниматься.

И вот на очередное отцовское «ну, что?» Гена ответил: «Давай, поговорим!» Они уселись на кухне, подошла и подседа к ним Татьяна.

Вступление своей речи Гена выпалил взмахом.

— Вот что, родители. В инженеры я не пойду. Достаточно, на вас посмотрелся. Работа от звонка до звонка. Денег мало. Общественное положение нулевое. Стыдно сказать, что родители — инженеры! Вон, отец, и толковый, и кандидат, и подбрасывают на работе иногда, а толку что? Мать, вообще, не ясно, зачем таскается в свой «почтовый ящик». Сидела б лучше дома да щи варила.

Сережа покосился на жену, но та слушала и смотрела на сына с легкой улыбкой. Или не поняла, или не обиделась.

То, что сказал Гена, означало прежде всего что выбранный им вуз будет в Москве, потому что в их городе были филиалы нескольких хороших московских институтов, но все они готовили инженеров. Видимо, Гена опасался, что родители будут возражать против ежедневных поездок на электричке, поэтому и горячился. Ну, это он напрасно.

— Так, дальше давай, — поощрил сына Сергей.

— Так вот, в инженеры я не пойду! — по инерции хорохорился Гена, хотя ему стало ясно, что особых возражений его слова не вызвали. — Историки, филологи, всякие философы — тоже отпадают.

— Почему это так сразу и отпадают? — спросил Сережа. — А географы?

— Туда же и географы. Причина простая — у меня нет к этому способностей.

— Так уж и нет? — возразил Сергей. — Тут можно поспорить...

— Ни способностей, ни тяги, — категорически сказал сын. — Про способности мне виднее. Я посмотрелся на олимпиадах, видел там одаренных ребят. И про тягу мне виднее...

— Ген, кем ты не будешь, нам, положим, ясно. А кем будешь-то? — спросил Сергей.

— Экономистом! — выпалил сын.

— Это который в бланки договоров цифры вставляет на пустые места? — нарочно язвительно спросил Сергей.

— Нет, папа, это который порядок наведет в нашем дурацком хозяйстве! — запальчиво ответил сын. — Это специальность будущего.

— Важно не кем быть, а каким быть, — вступила в разговор Татьяна.

«Опять она как с Луны свалилась!» — с досадой подумал Сергей. Жена не успевала за ним и за детьми, не понимала домашних разговоров и происходящих событий, практически не участвовала в семейной жизни. Но в последнее время жена решила, что она — носитель нравственности и духовности, что ее задача не дать близким, увлекшимся суетными делами, потерять человеческий облик. Поэтому, не вникая в смысл разговора, Таня обязательно высказывала какое-нибудь наставление. Прерывала рассказ сына о школьных делах или об олимпиаде замечанием вроде «Но о совести нужно всегда помнить...» Гена, когда был помладше, старался объяснить матери, что призовое место на городской олимпиаде или победа в поединке на татами не является свидетельством моральной деградации. Теперь же сын просто перестал обращать внимание на мамины замечания. В этот раз он тоже не отреагировал на пожелание, каким ему быть.

— Ладно, — сказал Сергей. — Половина ответа есть. Вторая половина — куда поступать? Тут есть, в нашем Авиационном, новый факультет. Как-то он называется, но по смыслу — экономический. В Москве, в Институте связи, есть экономический факультет...

— Ну, нет, граждане! — возразил Гена. — Никаких технических учебных заведений. Никаких новообразованных всемирных академий. Поступать будем в Московский университет, на экономический факультет.

— Но это же невозможно! — воскликнул Сергей.

— Почему? Блата нет? Спокойно, и так поступим. С первого октября приклеиваюсь к стулу и долблю, как дятел, как последний батан.

— Кто? — спросила Таня.

— Батан, от слова «ботаник», специалист по листочкам, такой зелененький от усердной учебы, зубрила в общем, — разъяснил новый для матери термин Гена.

— Не поступишь — в армию пойдешь, — напомнил Сергей.

— Воздушно-десантные войска ждут не дождутся Геннадия Зуева, Советский Союз! — весело ответил Гена, он разошелся, скованность прошла — разговор с отцом состоялся. Его предложение не встретило протеста, наоборот, отец, Гена это почувствовал, задумался над тем, чем может помочь сыну.

— Ладно, не бойтесь, армия подождет, поступим еще! — добавил он.

— Репетиторы нужны... Настоящие, из университета, — сказал Сергей.

Началась подготовка. Гена сдержал слово, сидел, как проклятый. Анастасия ходила на цыпочках.

ГЛАВА 30

В конце 80-х у инженеров Института появилась возможность подработать. Вернее, за обычную работу получить немного лишних денег. Деньги платили конторы, которые назывались НТТМ, научно-техническое творчество молодежи. Понятно, что в НТТМ деньги переводил институт. Сначала думали, что, действительно для молодежи, и поговаривали об обязательном проценте участников работы до 35 лет от роду. Но вскорости разобрались, что деньги получать можно всем, а то, что НТТМ действовало при райкоме комсомола, на возрастном составе участников не сказывалось. За деньгами сначала ездили в райком комсомола, а потом у НТТМ появилось свое помещение (по-новому, «офис»). Таких работ могло быть несколько, а делать их могли одни и те же люди. Кроме того, в институте вышло положение о «временных творческих коллективах», создаваемых для выполнения «особо важных заданий». В этом положении, конечно, требовалось, чтобы инженеры раньше приходили и позже уходили с работы, то есть демонстрировали сверхзагрузку. На требования эти исполнители смотрели как на обязательную ерунду, а видели здоровое зерно: «сделал — получил».

Сережа пришел к директору подписать документы, касающиеся дополнительных заработков. Документы были обычные, и Сережа, прождавший сорок минут в приемной, думал, что директор подмахнет бумаги, и делу конец. Но директор пригласил Сережу сесть.

— Понимаете, Сергей Геннадьевич, мы поддерживаем новые формы оплаты труда, — стал говорить директор, глядя то на Сережу, то на стол перед собой. — Ведь мы их сами же и ввели. Но все руководители творческих бригад... или других подобных коллективов, должны понимать, что средства предназначены для исполнителей, для тех, кто работу сделал качественно и в срок, обеспечил выполнение плановых позиций.

— Конечно, понимаю, — легкомысленно согласился Сережа, ему хотелось забрать подписанные документы и уйти, а к чему директор это все говорит, было не ясно.

— Вы или не слушаете меня, или не годитесь для роли руководителя. Вы разговариваете с директором, куда вы торопитесь?

— Никуда, Арсен Степаныч, я вас слушаю, — испугался Сережа, по-прежнему не понимая, чего хочет директор.

— Так я повторяю, новые формы оплаты — это не кормушка. Почему в вашу бригаду включен Бирюков?

— Он же начальник нашего отдела, — автоматически, как само собой разумеющееся, ответил Сережа.

— Он у вас в бригаде, еще в других лабораториях тоже есть бригады, еще по НТТМ получит. Потом окажется, что он получает больше, чем... — директор замаялся на секунду, и вместо ожидаемого «чем я», сказал: — ...Главный конструктор!

«А, вот в чем дело», — сообразил Сережа.

— Главное, что мы не можем это контролировать, ведь теперь не все деньги идут через нас, — продолжал директор излагать заботившую его

мысль о лавинообразном обогащении некоторых своих сотрудников. — Так что советую вам больше думать о выполнении работы и поощрении своих людей. А о руководителях отделов мы сами позаботимся, у нас для этого есть другие средства. Все, можете идти, и учтите мои замечания уже в этой работе.

Такие и подобные случаи были мелкими шероховатостями. Главное состояло в том, что была работа и деньги, которые за нее платили. Сережа руководил работой, и сам решал, кому и сколько. И ни с кем не советовался. Начальство в бригаду после разговора с директором он включать перестал. Ну, вобьешь в список девочку-плановичку, которая помогала бумаги оформлять, ну, еще кого-нибудь, но это мелочи. Времена, когда Сережа привычно делил премию за работу между всеми начальниками, прошли, и Сережа со стыдом вспоминал о тогдашнем своем списке.

Бригада работала на полигоне в соседнем городе. Город был похож на их город, в магазинах тоже мало что было. Но это «мало» немножко отличалось от того «мало», которое было у них в городе. Поэтому приезжие инженеры возвращались домой с полными сумками. Возможность покупать, более свободно тратить деньги непривычно удивляла Сережу. Возвращаясь с работы, он в восторге говорил товарищу: «Вот, смотри, я истратил все деньги, много накупил. До полочки еще четыре дня, но дома у меня еще есть деньги!»

Но Сережины восторги длились недолго, настали новые времена.

По-прежнему все ходили на службу и в проходной отмечали опоздавших, так же были работы, планы и сроки. Но взбесившиеся цены превратили в ничто инженерские оклады со всеми надбавками. В магазинах появилось все, на автобусных остановках установили киоски со сникерсами и американским спиртом. Пожалуйста, днем и ночью. По улицам неслись иностранные машины. Купить автомобиль или холодильник перестало быть проблемой, только плати. Но эти изменения происходили там, за проходной, в другой жизни. Инженер, пришедший к восьми утра на работу и переложивший из сумки в стол обеденные бутерброды, а целлофановые пакеты засунувший обратно в сумку, чтобы дома помыть, не понимал изменений и не успевал за ними. За несколько месяцев зарплата сравнялась с тратами, необходимыми для прихода на службу: расходы на транспорт, одежду и обувь для работы, на те же бутерброды. Жизнь рванула куда-то в сторону, в обход «почтовых ящиков».

ГЛАВА 31

Маня шла, совершенно не хромая. Как это может быть, ведь ноги у нее разбиты? Сережа ее окликнул, хотел расспросить. Но Маня не обернулась, а, тупо улыбаясь, прошла мимо него в конец, узкой улицы к каким-то людям. Там была кирпичная стена, полосы фиолетовые. Внезапное желание, чтобы Маня туда не ходила. В общем, ерунда, сон...

Маня лежала в больнице в Москве. Врачи там были хорошие, а лекарств — никаких, все больные сами

покупали, или родственники, или сослуживцы. Принесли счета на 650 тысяч рублей из трех аптек, примерно 150 долларов по-тогдашнему курсу. Написали заявление, расписались за Маню, и Сережа пошел к директору.

— Что с ней случилось? — спросил директор.

Неужели не знает? Сережа думал, что директор знает.

— Она выбросилась из окна, с четвертого этажа. Попытка самоубийства.

— А что явилось причиной? — снова спросил директор. Наверное, все-таки знает, а то бы воскликнул что-нибудь вроде «Что вы говорите?!».

— Ну, как что?.. Одиночество, безденежье, тоска... — стал объяснять Сережа.

— Какое безденежье? — встрепнулся директор. — Мы ведь регулярно выплачиваем зарплату!

Действительно, в отличие от большинства «почтовых ящиков», у них в институте платили без задержки. Есть чем гордиться директору. Но на эти крохи разве можно прожить одинокой сорокалетней женщине?! Неужели директор этого не понимает?

— Арсен Степанович, Иванова Мария — работник невысокого уровня, зарплата у нее небольшая, — стал объяснять директору Сережа. — Жить ей было трудно, она даже устроилась в соседний институт, «Через дорогу», уборщицей, чтобы подработать. А там ей вообще ничего не заплатили за полгода работы... Это еще углубило отчаяние, в котором находилась Иванова...

Для пользы дела Сережа решил слегка «прогнуться» перед директором: вот, мол, он, Арсен Степанович, регулярно платит своим работникам, а в

соседнем институте, который все называли «Через дорогу», обманули человека, ничего не дали. Но не тут-то было, зря Сережа «прогибался».

— Вот! — возмущенно повысил голос директор. — Занимаются «химией», ищут заработок на стороне, вместо того чтобы лучше работать на своем рабочем месте и больше получать!

— Понимаете, Арсен Степанович, Иванова не работала бы больше, сколько бы за стендом ни сделала...

Этого тоже не нужно было говорить.

— Я постоянно говорю руководителям, чтобы они загружали людей, применяли бы интенсивные методы, а от ненужных и малоспособных работников нужно избавляться. Мы специально разработали «Положение об оплате особо важных заданий», вы, как руководитель, имеете возможность платить ценному сотруднику тройной оклад. Вы неправильно организуете трудовой процесс, не мобилизуете творческий потенциал инженера. Вот они и занимаются «химией», посторонними заработками.

Сережа хлопал глазами: какой у Мани творческий потенциал? если от Мани избавиться, то куда она денется? какой процесс он не так организовал? Неужели их умный и энергичный директор совсем ничего не понимает?! Сердце у Сережи стало закипать, чинопочитания не хватало.

— Работу по вечерам уборщицей никак нельзя назвать «химией», — возразил Сережа.

Но директору стало скучно его слушать. «Эти тупые люди не в состоянии оценить мои усилия, — думал директор, — они не могут представить себе, чего стоит в наше время держать институт на плаву, искать деньги, закрывать работы и добиваться опла-

ты, хотя бы частичной. Вместо того чтобы вместе идти к цели, они расползаются, как тараканы, во все стороны, в надежде схватить жалкие крохи на стороне, «химичат», обманывают, ищут легкой жизни, левых путей, и вот вам результат. Ведь Зуев — толковый инженер, кандидат наук, молодой еще, сравнительно, человек. Мог бы понять меня, помочь... Нет, обвешивают меня, как дохлыми кошками, самоубийцами какими-то, подачками... Закрывать бы лавочку да выгнать всех «за свой счет», а корпуса в аренду сдать. Могу сделать такой шаг, и никто меня не упрекнет».

— Так, — закончил разговор директор. — Сто тысяч можем выделить.

— Сто тысяч мы получим и без вас, через профком, вы выделите еще деньги, от администрации, — пытался возражать Сережа. Но директор уже написал резолюцию на заявлении, протянул бумагу Сереже и пододвинул к себе папку с документами для работы.

После того как Сережа побывал в психотделении больницы, в котором лечат самоубийц с переломанными ногами, поговорил с директором и побегал с Маниными бумажками, ему стала сниться по ночам Маня.

ГЛАВА 32

Танины родители умерли, считай, в один год. У Андрея Прокофьевича болело сердце. Лечили без особого успеха. Посоветовали уйти на пенсию. Ушел. Посоветовали прекратить водить машину. Немножко еще поездил и прекратил: действительно страшно, прихватит за рулем — бед наде-

лаешь. Стал таскаться на дачу на электричке. Потихонечку пешком до станции. Потом четыре остановки, и от станции пешком. Без груза нетяжело. Машина есть в семье, Сережа, что надо, привезет на машине.

Ждал электричку, стоял на платформе, разговаривал со знакомым. Вдруг сильнейшая боль в сердце. Андрей Прокофьевич упал без сознания. «Скорая» отвезла в горбольницу. Оказался обширный инфаркт. Но стал приходить в себя. На двенадцатый день заболел живот, Прокофьичу дали грелку, а это был второй инфаркт. Все-таки и на этот раз вылез, выписался из больницы, не умер. Но всем своим существом понял, почувствовал Андрей Прокофьевич, что жить ему осталось недолго.

В загробную жизнь Андрей Прокофьевич не верил, собирался уходить насовсем. Поэтому он нежно и навсегда прощался с теми, кого любил. Хотел, чтобы приходили в гости знакомые. Бывало, что выйти за общий стол не мог, лежал в постели у себя в комнате. Тогда звал к себе гостей по одному и недолго беседовал, наслаждался каждым словом, сказанным приятным ему человеком. С дочерью и женой разговаривал сдержанно, но все же стал к ним немного снисходительней, мягче, чем раньше. На внуков смотрел сияющими глазами, дорожил любым их рассказом. Потом долго обдумывал их дела, оценивал их ситуации и восхищался их поступками. Иногда пытался Тане объяснить, какие у нее замечательные дети.

Но самую большую любовь и благодарность испытывал Прокофьич к Сереже. Вот кого он обожал сильнее внуков, сильнее всех, вот к кому тянулось его измученное болезнью сердце. Утром прислушивался, как Сережа собирается на работу, иногда

выходил к дверям проводить, но не раньше, чем в последнюю минуту, перед самым уходом, чтобы не быть навязчивым, не мешать. Сережа уходил, и Прокофьич тут же начинал ждать его с работы. Прислушивался к шумам на лестничной площадке, мог десять раз за вечер спросить: «Сережа пришел?» «Не пришел, не пришел твой Сережа», — отвечала жена. Старался сам не подходить к Сереже лишний раз, чтобы не надоест, разве что по конкретному делу. Зато когда Сережа затевал с тестем разговор, это было праздником. Частенько предметом обсуждения были институтские новости: кого назначили, кого сняли, кто ушел в частную фирму. Да и мало ли других тем?

У каждого из них была тайна. Андрей Прокофьевич боялся умереть без Сережи, но никому об этом не говорил. А Сережа об этом знал, но тоже скрывал, что знает. Уезжая в командировку, Сережа, оставшись наедине с тестем, обязательно спрашивал: «Неделю меня не будет. Как, продержитесь?» Прокофьич краснел, смущался, ведь это была его тайна, и говорил, что-нибудь вроде: «О чем речь? Поезжай спокойно. Знаешь, Сережа, по-моему, тебе надо собирать материал на докторскую...»

Бог был милостив к Андрею Прокофьевичу, он умер у Сережи на руках. С утра в субботу Прокофьич чувствовал себя особенно плохо. Сережа не поехал на дачу и сидел около постели тестя. А тот сказал, чего никогда не говорил раньше: «Знаешь, Сереженька, ты Таньку не бросай. Дура она, и тяжело тебе с ней... Все-таки детей она нам хороших нарожала...» Последними словами его были: «Сережа, закрой мне глаза, я сейчас умру».

Оставшись без мужа, Анна Петровна совсем растерялась. Не стало идеи, стержня жизни. Оказалось, что она была очень идейным человеком, и жить просто так не могла. Казалось бы, почему не жить, пожиная от трудов своих. Но ни благополучие дочери, ни прекрасные, ею выращенные внуки, ни хорошая квартира, ни любовно возделанный ее руками садовый участок не давали ей основания для душевного покоя. Нужна была цель.

Раньше на эту цель указывал муж, и она всеми силами стремилась достичь ее. Цель могла оказаться ложной, путь ее достижения неправильным, а все труды — коту под хвост. Тогда она возмущалась, кричала мужу с искренним негодованием: «Чего удумал-то! Дурак ты, что ли? Ведь ясно было мне, что тут морока одна, а толку никакого! А я-то, я-то!.. Сил моих нету, заездил ты меня...» Но если бы Прокофьич снова сказал ей делать то же самое, она бы тут же все и повторила, не колеблясь ни минуты. Справедливости ради нужно отметить, что в большинстве случаев затеи Прокофьича удавались и приносили пользу семье.

Всю жизнь она жила за Андреем Прокофьевичем. Он приехал после войны в Москву, поступил в Бауманский институт, как сам любил говорить, в Училище. Жил то в общежитии, то у родственников в Мытищах на птичьих правах. За это время один раз был в деревне на похоронах матери, но ни с кем тогда особенно не виделся. Остановился тогда у своей сестры, а как схоронили мать, сразу уехал. После института поработал недолго в Москве, потом перевелся с повышением в Подмосковье и в первый отпуск поехал в родную деревню жениться. Ох, же-

них был! В шляпе, в двубортном костюме, справа приколот институтский «поплавок», слева медали звенят. Не шибко молодой, тридцать два года, но и не перестарок. Так ведь и Оне было уже двадцать три года, не девочка.

Семью Борисовых помнили, хоть их в деревне не осталось никого. Только называли их Федотовы, по-уличному. Борисовых-то было полдеревни. Скажи «Андрей Прокофьевич Борисов», так это нужно еще сообразить, про кого говорят, а назови «Андрюшка, Прокофия Федотова сын», сразу ясно, о ком речь. У Прокофия было пять сыновей и две дочки. Все высокие, красивые. Младший — Андрюша, поскребыш, этот небольшого росточка, но тоже лицом пригожий. Работали все, в страду еще работников нанимали. Опасность коллективизации для своей семьи Прокофий почувствовал загодя и стал переправлять сынов в город. Старший сын Василий уехал в Мытищи в двадцать девятом году, только чуть обосновался, как к нему потянулись остальные. Перед войной в деревне остались только родители и младшая замужняя дочь. Прокофий в войну умер, мать умерла в сорок девятом. Дочь с мужем переехали в Рязань.

Все сыновья Прокофия воевали, не вернулся один, старший брат Василий. Сообщили жене в Мытищи, что без вести пропал. А где, что — неизвестно. Ни пенсии, ничего. В сорок втором году пришло в деревню письмо из госпиталя в Свердловске от их деревенского, тоже Борисова, но не родственника. Он писал своим родителям, что живой, но тяжело раненый. В письме упомянул, что «Ваську Федотова в плену видел». Сам этот парень в деревню больше не вернулся, то ли умер в госпитале, то ли потом погиб, и последняя ниточка оборвалась...

Андрюшу повели по домам, от Борисовых к Борисовым, потом к Фроловым, к другим Фроловым и опять к Борисовым. Андрей в родной обстановке совсем размяк, забыл, зачем приехал. Рассказали ему все деревенские истории.

Как их деревенская баба Анна овдовела, осталось у нее трое детей. Вышла замуж за путевого обходчика, тоже вдового с двумя детьми, и переехала на пост за сорок километров от деревни. Жили хорошо, дети выросли, и ее сын его дочку полюбил. А жениться можно ли, нельзя? Вроде и не брат с сестрой, но выросли как брат и сестра. Думали, гадали, не могли решить. Надумали спросить совета у двоюродного брата, он был монахом в Рязске. Поехала Анна, нашла его в монастыре и рассказала про свой случай. Тот говорит: «А почему ж нельзя, они ведь друг дружке не родня?», потом засомневался, подожди, говорит, я в книгах посмотрю. Через полчаса выходит и грустно так: «Нет, Аннушка, неправильно я первый раз сказал, нельзя им жениться...» И не поженились, раз нельзя.

Как вызвали в сельсовет Фролова, бригадира плотников. В сельсовете дожидался уполномоченный НКВД. Велел всю бригаду собрать. Собралась бригада, пять человек. Дали всем пятерым по три года и отправили на Канал имени Москвы. Фролов, правда, через два года вернулся, досрочно освободили за ударный труд.

Эти сказки Андрей слышал много раз. Но были и новые.

В пятидесятом году старик Фролов поехал в Москву, отстоял очередь в Мавзолей, дошел до саркофага, упал перед телом вождя на колени и завыл: «Ильич, чего лежишь? Ты погляди, чего наделал!

Вставай, исправляй!» Его забрали, три дня продержали, потом отпустили, ничего не сделали.

Рассказывали, как свои деревенские по городам живут. Пристроились сносно, но особо не поднялись. Такого, как Андрей, чтобы инженер, да не простой, больше не было. Был, правда, еще полковник на Дальнем Востоке, но его давно никто не видел.

Неделю Андрей напивался родным воздухом, откладывая главное на следующий день. Но так и отпуск скоро кончится. Стал посматривать на невест, расспрашивать, кто, да что. Сначала одна глянулась, красивая, веселая. Но больно разбитная, смеялась слишком громко. За такой нечего было в деревню ехать. Нет, не подошла. Потом на Анну Петровну посмотрел, по-деревенски, Оню. Погуляли, поговорили, расписались и уехали.

С тех пор Анна Петровна не представляла, как можно жить без Андрея Прокофьевича. Сначала все делала, как он велел, потом все делала, чтобы жизнь его драгоценную продлить. А теперь что делать? Нет без него жизни. Так и получилось.

Мятущаяся душа нашла опору. Анна Петровна решила, что будет к пенсии подрабатывать, экономно вести семейное хозяйство, а на себя не будет тратить ничего. Наступили тяжелые времена. Двух зарплат и одной пенсии категорически не хватало на еду на пять человек на целый месяц. К тому же Таня могла не донести зарплату до дома, а поехать в Москву и купить картину или дорогую книжку. Анне Петровне было неудобно перед Сережей за дочь, и она фальшиво восклицала: «Ты что же это? Совсем, что ли?» При этом оглядывалась на зятя. А дочь мягко улыбалась и отвечала матери, что нельзя думать только о желудке.

*«Ильич, чего лежишь? Ты погляди, чего наделал! Вставай, исправляй!»
(К стр. 359–360.)*

Анна Петровна устроилась санитаркой в больницу и бралась ухаживать за лежащими больными по домам с почасовой оплатой. Полученным деньгам очень радовалась, складывала купюры в несколько раз, засовывала их в круглый старушечий кошелек с верхним замочком и приговаривала: «Танюшке помочь». Находила продукты дешевые, готовила щи, каши, по праздникам пекла каравайцы, такие блинчики деревенские. Сережа и дети их очень любили. И недорого, и вкусно. Но сама Анна Петровна есть почти перестала. Чтобы объяснить свой пост Сереже и детям, говорила: «Так батюшка велел». Она действительно стала чаще ходить в церковь. Чувствовала себя в церкви хорошо, привычно. Только немного мешали новые прихожане, которые громко разговаривали, где встать, не знали, креститься и то толком не умели, и лезли, куда не положено. Но, слава Богу, их в храме было немного. Службы помнила, подтягивала иногда тонким голоском, молитвы знала, хоть не всегда понимала их смысл.

«Господи, помилуй. Спокойно-то как в храме Твоем, Господи. Спаси мою душу грешную... Как ты, Андрюша, слышишь меня? У нас, слава Богу, все здоровы. Сережа бьется, старается. Какое-то они там малое предприятие, что ли, сделали. Дети учатся. Генка экзамены все на «пятерки» сдал. Дома часто не ночует. Спал в общежитии, а ему в ухо таракан заполз. Свой врач в университете вытащить не смог. Ездил в больницу. Недаром, значит, в деревне все в платочках спали. Настя в ансамбль ходит, танцует. Везде одна, взрослая уже. Если темно, то Сережа идет встречать. Устаю я очень, Андрюшенька. Сережа сердится, требует, чтоб я работу бросила. Говорит, что денег теперь и без этого хватит. Тут

кричал на меня. Что, говорит, мать, загнуться хотите? Матерью назвал, а все ж на «вы», обидно. И что кричал, тоже нехорошо. Как ты там, Андрюшенька, изболелась без тебя душа моя...»

Так молилась Анна Петровна. Наверное, ее молитва доходила до Бога.

Тяжелый физический труд и непривычное скудное питание сделали свое дело. Прошло немногим более года, и Анны Петровны не стало.

ГЛАВА 33

Миши Севостьянова не было на работе неделю, брал отпуск, ездил землю копать на садовом участке под Тулой, помогал родителям. Сам-то Миша много лет уже жил в Подмосковье, а родители и брат с семьей — в Туле.

— Ну, как твой? — спросил Сережа вернувшегося с родины сотрудирика.

Беспокойство за родителей всегда жило в Сережиной душе, хотя родителей-то уже и не было давно. Он всегда начинал разговор со знакомыми с этого вопроса, как самого естественного. Хотя, конечно, что может случиться с чужими родственниками, когда они тут, рядом, в часе езды. Ну, может быть, как у Миши, в двух с половиной часах. Не в Читинской же области, у черта на рогах. Вопрос дежурный, даже не вопрос, а так, «хау-ду-ю-ду?» Но Миша неожиданно заговорил.

— Да родители-то ничего, слава Богу. Отец даже на службу ходит иногда. Что-то там им платят, то за прошлый год, то, Бог знает, за какой. Пенсия, я подкидываю слегка, брат тоже... На огород ездят.

Отец увлекся сельским хозяйством, овощи выращивает по Миттлайдеру. Мама при нем. Нам еще хотят помочь, внуков, вот, возьмут на август, и моего младшего кородея, и племянника. Скрипят, конечно, слегка, но держатся. В общем, все естественно, не больно смотреть. Но зашел я к тете Шуре — есть у нас такая родственница, седьмая вода на киселе. Вот где кошмар! Представь себе, однокомнатная квартира, от работы полученная в хрущевском доме, и в ней два старика по семьдесят лет больные-пребольные. Дочка была, но двадцать лет назад умерла. Закружилась у шестнадцатилетней девчонки голова на уроке, пошла в туалет, упала и больше уже не вставала. Вот и живут на две пенсии, и больше ни гроша. Развлечения — только на кладбище, на могилку дочери. Но дядя Ваня из дому выходить уже не может, лежит, еле до сортира доползает. Кроме тети Шуры людей неделями не видит. Быт целиком на тете Шуре, значит, надо из дому выходить, дела делать, а дядя Ваня без тети Шуры минуты не может пробыть. Она его к каждой получасовой разлуке специально готовит. Уйду, говорит, в магазин, а дядя Ваня сидит дома один и плачет.

Спорят, надрываются, сколько людей сидело в лагерях при Сталине. Демократы говорят, что миллионы, коммунисты, что восемьсот тысяч. Если докажут, что «всего» восемьсот, то вроде бы и ничего страшного, немного в процентном отношении. К тому же большая часть из них сами виноваты: кто до командира дивизии дослужился, кто генетикой занимался или реактивное движение изучал, кто в командировку в Германию ездил, кто в деревне

работников нанимал, кто крымский татарин и так далее. Эти заслужили свою долю, и их надо из восьмисот тысяч вычесть, так что в действительности невинно пострадавших еще меньше.

Какие же это злодейские рассуждения! Как жалко людей! Жалко тех, которые погибли. Жалко тех, которые годы провели в тюрьмах, в лагерях, в ссылке. И еще очень жалко остальных, почти что весь СССР, десятки миллионов человек, которые в течение десятков лет жили не так. Эти люди ни в каких списках не числятся, никто их не реабилитирует, и никто им жизнь не вернет.

Кто пострадал от потрясений, которые мучили Россию в конце двадцатого века? Члены Политбюро? Вкладчики МММ? Старик, который умер в очереди, желая поменять пятидесятирублевую купюру на такую же, но более позднего выпуска? Да, они. И еще почти вся Россия. Среди этих пострадавших, то есть с трудом применявшихся к новой жизни, есть большой отряд — работники оборонной промышленности.

Никто не может сказать, кто виноват в том, что умерла Анна Петровна, или выбросилась из окна Маня, или бедствуют тетя Шура с дядей Ваней. Ни в один список пострадавших их не включают. А ведь это настоящие жертвы, и таких, пострадавших от неумелого руководства страной, очень много, считай, вся Россия. Но за плохую жизнь простых людей, за бедствия «населения», никого не накажут, ведь даже по вопиющим случаям никого не сажают в тюрьму и увольняют с работы редко. А если и отправят в отставку негодяя, то этот отставник, не справившийся с государственной работой, ставший причиной бед многих людей, чуть не на следующий день начинает

говорить, какой он честный, как все правильно делал, жаль, не дали закончить. Говорит, что он не воровал, и крови у него на руках нет. И воровали, и кровь у них на руках есть, а хоть бы один покаялся! Люди слушают их вранье, кивают головами и говорят друг другу: «Вот раньше-то как хорошо было!» Никто ничего не помнит, на это государственные мужи и рассчитывают.

ГЛАВА 34

Источник жалкого существования сотрудников, зарплата, стал пересматриваться по несколько раз в год для всех работников. Перестал действовать прежний механизм «повышения».

В старые времена, при стабильных ценах, на предприятии один или два раза в год, например к майским и ноябрьским праздникам, проводилось повышение окладов достойных работников. Начальники заранее подавали наверх характеристики, в конце которых было написано, что работник заслуживает перевода, например, из инженеров в старшие инженеры с определенным увеличением жалованья, или повышения оклада при неизменной должности. Сам работник мог повлиять на процесс повышения только ударным трудом, неимоверно длинным стажем работы или заявлением об уходе. Причем чем моложе был сотрудник, тем полнее владела им иллюзия, что только труд делает богатым.

Были еще аттестации, о которых вдруг вспоминали один раз в три или пять лет. Готовили характеристики с заключительной фразой «занимаемой должности соответствует». Обсуждали характеристики на собрании и кричали по поводу некоторых.

Потом ждали под дверью, проходили аттестационную комиссию, получали рекомендацию.

Так когда-то, пока еще не придумали перевести защитников Петровичева, написавших письмо в ЦК, в другой институт, решили провалить их на аттестации, как не соответствующих занимаемым должностям. Готовили одну казнь, но решились на другую — вообще их убрать из института, поэтому аттестацию использовали просто как возможность поиздеваться на прощание. На аттестации Альберта Тарасовича, хорошенько поругав его, проголосовали поровну: сколько за соответствие, столько и против. По положению, такой результат голосования трактовался, как положительный. Но вместе с тем было ясно, что хоть и «соответствует», но не совсем.

Когда-то Сереже Зуеву написали при аттестации, что он не только соответствует должности старшего инженера, но и достоин выдвижения в ведущие. В течение ближайших двух лет остальных трех старших инженеров лаборатории, не получивших такой рекомендации, повысили до ведущего, а Сережа остался без повышения. Потому что те суетились, а рекомендованный Сережа нет. В какой-то момент Сережа возмутился этой несправедливостью, и тоже был повышен.

Нервов, бумаги и беготни, связанных с изменением жалованья, было много. Но всегда это был процесс индивидуальный, относящийся к конкретному человеку. Очень редко — групповой, когда, например, собирались уходить с предприятия сразу несколько человек, нужных для работы специалистов.

Устанавливались твердые оклады для каждой должности, потом отменялись и вводились «вилки». Старших инженеров переименовывали в инженеров

первой категории, потом обратно в старшие. Разрешали повышать оклад инженерам без диплома, потом запрещали, а повышение их зарплаты проводили с помощью персональной надбавки. То есть давали оклад не 170 рублей в месяц, а 150 + 20. Все эти внешние пертурбации не изменяли внутреннего содержания процесса повышения: хорошо работай, долго протирай штаны или интригуй, иначе денег не прибавят. Зарплата работника, достигшего своего «потолка», не изменялась годами, даже десятилетиями.

В условиях сильной инфляции таинственный покров над повышением зарплаты и связанных с ним мероприятий был сорван. Если не изменять зарплату в течение нескольких месяцев, то работникам предприятия не хватит средств даже на скудное существование. Как только появлялась финансовая возможность, проводили всеобщее повышение на сколько-то процентов в среднем. Начальникам объясняли, что пересмотр окладов должен быть строго индивидуальным: хорошим работникам много, а плохим мало или вообще ничего, пусть уходят. Шумели, ругались, но прибавляли всем почти одинаково. Ведь все равно в результате получалось очень мало, только с голоду не умереть.

Такое положение никак не устраивало Сережу, наступившая крайняя бедность унижала его, была по самолюбию. Свою неспособность содержать семью на достойном уровне Сережа воспринимал болезненно.

Семья состояла теперь только из трех человек. Гена с ними уже не жил. Он окончил университет и работал в Москве в банке. Жил тоже в Москве, снимал квартиру около своего банка вместе с Олей. Говорили, что поженятся, как только накопят денег

на шикарную свадьбу. Сначала в квартире без Гены казалось совсем пусто. Потом Сережа привык.

Иногда Гена, один или с Олей, весело заваливался к родителям. Вынимал из сумки какие-нибудь небывалые фрукты, киви или манго, необычные консервы, оливки, например, фаршированные анчоусами, еще что-то непонятное, купленное в коммерческом ларьке. Ася накрывала на стол, и начинался пир.

Сережа скучал без Генки, рад был его видеть, но такие визиты переживал тяжело. «Сколько эта банка может стоять? — думал Сережа. — Небось, чертову пропасть денег. А ведь невкусно на самом деле. Черные маслины с косточкой в сто раз лучше, чем эти зеленые с начинкой. Зачем покупал? С чего они такие радостные, когда в стране такое положение? Надо что-то делать...»

А что сделаешь? Сережа приходил с работы, ел, шел в гараж, выводил машину и ехал в Москву, подрабатывал извозом, что называется «бомбил». Иногда до глубокой ночи, иногда до утра. За ночь привозил столько, сколько ему давали на работе за две недели. Опасно, конечно... Было несколько случаев, ну да ладно...

Зарплата, деньги, заработанные по ночам на своих «Жигулях», что сюда еще можно добавить? Малое предприятие, которое Сережа организовал, когда понял, что можно обойтись без НТТМ, было при институте, деньги получало от института. Но так как в институте денег не было, то и малому предприятию ничего не перепало. А деньги были ох как нужны. Анастасия училась в университете. Пошла, как брат, на экономический факультет. Ничего, нравилось. Какое счастье, что Генка успел поступить до этого кошмара, а на Аськиных репетиторов хватило ста-

рых запасов. Правда, их выгребли подчистую. Но теперь Сереже никак не хотелось, чтобы дочь была самой бедной девочкой в группе. Надо что-то делать...

Легче стало, когда у института появились заказчики с Востока.

ГЛАВА 35

Говорят, что основные предметы легальной международной торговли — это нефть, кофе и оружие. А нелегально торгуют наркотиками и, опять же, оружием. Металл, уголь, хлеб, одежда и другие необходимые человечеству вещи продаются и покупаются в меньших объемах. Может быть, и правда. В изменившихся условиях Россия стала официально и широко продавать свои военные разработки. Во всех институтах, создающих вооружение, разрешенное к продаже другим странам, появились представители военных ведомств Китая, Индии, потом и других стран. Эти институты поднялись... или, скажем, почти восстановились.

По первым контрактам китайцы платили очень мало, да и то деньгами только часть, другая часть — товарами, ширпотребом, который институт сам должен был реализовывать на нашем бедном рынке, эта часть называлась «бартером». Право закупать в Китае и продавать в России ширпотреб у неопытных институтов перекупали торговые фирмы, которые лучше разбирались во всех этих тапочках и полотенцах.

И заказчики-иностранцы, и торговцы-соотечественники безжалостно надували разработчиков. Заказчики на полном серьезе обосновывали заниженные цены тезисом, что «русский с китайцем — братья навек», а торговцы уменьшали стоимость

«бартерной» части контракта чуть не в два раза, а в случае несогласия предлагали институту самостоятельно торговать китайскими товарами. Солидный кусок от контракта откусывало государство, как хозяин своих оборонных предприятий.

Позже, во второй половине 90-х годов, этот рынок принял более цивилизованный облик. Исчез бартер, пропали фирмы-прилипалы, поднялась стоимость контрактов. Правда, и заказчик стал более привередлив: за свои деньги хотел выбирать, иногда норовил заказать не целиком изделие, а только ту его часть, которую не мог сделать сам. Но и институты стали свободнее, могли отказываться от невыгодных, рискованных или тяжелых контрактов, тем более что заказчиков становилось все больше.

Работникам институтов несколько прибавили зарплату, некоторым оформили заграничные паспорта. Работники секретных институтов стали ездить за границу!

Государство забеспокоилось, попыталось ограничить круг лиц, командируемых за рубеж, в институты поехали представители в штатском. Представители приглашали главных конструкторов разработок и выясняли, не пытаются ли иностранцы в процессе работы по своему контракту узнать тактико-технические данные нашего оружия. «Да вроде бы ничего такого они не спрашивали», — недоуменно отвечали руководители разработок. Сережа Зуев попытался объяснить представителю, что опасность не в том, что иностранцы интересуются нашими тайнами, а в том, что они, заплатив за одну разработку, хотят постигнуть все, заполучить себе весь опыт нашей работы. Они сами хотят стать разработчиками не хуже наших, и если задают лишние вопро-

сы, то не разведывательного, а общенаучного или общетехнического характера. Сереже показалось, что представитель его не понял. Но, видно, понял, к тому же, наверное, не один Сережа это говорил, во всяком случае, появилось строгое указание не делать для иностранных заказчиков ничего, что выходит за рамки конкретной разработки. Указание-то появилось, но ведь все равно научатся...

— Директор Арьсен нам как отец, профессор Зуин нам как брат, инженер Миша нам как родственник. Мы очень рады, что работаем вместе и укрепляем дружбу между русским и китайским народами. Предлагаю этот тост за нашу успешную работу и за здоровье русских специалистов! — Сережа сидел за круглым столом с большим вращающимся кругом, уставленным блюдами, посередине и слушал переводчика. В одной руке он держал крошечную, грамм на пятнадцать, рюмочку с пахучей китайской водкой, а в другой — палочки.

Наше мнение, что хорошая водка не должна иметь сильного запаха, а если он есть, то это не водка, а самогон, не соответствовало китайскому. Китайцы считают, что любое блюдо должно доставлять наслаждение видом, запахом и вкусом. Пытаясь внести ясность в этот важный вопрос, наши деликатно спросили, почему у китайской водки такой сильный запах? Китаец воспринял это как комплимент и радостно ответил: «Да, сильный запах и хороший вкус!»

Директором Арьсен китайцы звали Арсена Степановича, профессор Зуин, это был Сережа, а инженер Миша — Миша Севостьянов из Серезиной лаборатории. За столом из наших был еще предсе-

датель профкома Роман, которого директор давно обещал взять в Китай. Но Роман приехал впервые, с ним китайские инженеры еще не работали и, видимо поэтому, родней пока не признавали.

Тост произносил Ван, руководитель работ, небольшой начальник, равный примерно Сереже по уровню. Переводил пожилой инженер Ши, по-китайски Лао Ши, почтенный Ши. Он когда-то учился в Москве, в Энергетическом институте, работал в Пекине по специальности, потом несколько лет перевоспитывался в деревне. Теперь он понадобился стране в качестве переводчика.

Наши тоже переименовывали китайцев, звали по-русски. Вана — Ваней, Ши — Сашей. Иногда китайское имя произносилось неприлично, тогда наши называли китайского товарища Хуэй. Китайцы смеялись и говорили, что так неправильно звучит, потом весело произносили, как нужно. Некоторые русские слова китайские специалисты выучили быстро, в частности слово «чуть-чуть».

Пользоваться палочками Сережа научился еще в первый свой приезд в Китай, а теперь он был в Пекине четвертый раз. Китайцы принимали наши делегации очень хорошо. Приличная гостиница с одноместными номерами, вкусная, обильная и необычная пища, потрясающие экскурсии. По условиям контракта, все — за счет принимающей стороны. А на валютные командировочные можно было что-то купить или привезти деньги домой. Этот аспект международных отношений директор отслеживал очень скрупулезно и на сетование одного сотрудника на недостаточную зарплату директор с искренним возмущением воскликнул: «Но вы же имеете дополнительные доходы от загранкомандировок!»

Китайцы учились очень старательно. Записывали каждое слово, прорабатывали свои записи по вечерам и на следующий день задавали вопросы, иногда дурацкие, сразу не поймешь, как такой вопрос мог у китайца возникнуть. Но к познанию стремились всеми силами.

Это были даже не молодые, а юные специалисты. Лет, наверное, двадцати двух, двадцати пяти. Еще во время их первого визита эти мальчишки пошептались между собой и, смущаясь, спросили Арсена Степановича через переводчика: «А молодые инженеры у вас есть?» «Молодые? — переспросил директор. — Конечно, есть!» И указал на Сережу. Китайцы не выдержали и засмеялись. Для них профессор Зуин, сорока с лишним лет, никак не мог сойти за молодого. Это у себя в институте Сережа считался молодым, потому что моложе него после произошедших в России событий почти никого не осталось.

Служба, как правило, расставляет инженеров по местам. Такие инженеры, как Таня Зуева или Маша Иванова, получившиеся из тех самых неспособных студентов, до пенсии получают младший оклад. Иногда они находят другое, более подходящее для них дело. Но другую работу поискать им тоже не по силам, и они, несчастные, так и сидят, ничего не понимая, только, в зависимости от характера, гордятся многолетним стажем, ругают начальство или возмущаются теми, кто продвигается по службе, потому что у них «все схвачено».

В большой степени из-за таких инженеров нельзя создать в «почтовом ящике» атмосферу ритмич-

ной и творческой работы за хорошие деньги. Это они вовремя приходят на работу, вовремя уходят, но между этими двумя событиями мало что делают. Это из-за них сложилось мнение, что в закрытых институтах бездельничают. Они ничего не делают, потому что ничего не умеют делать, они развращают своим бездельем товарищей по работе.

Наверное, не каждый поверит, что наличие таких инженеров в оборонных НИИ и КБ — явление массовое, они составляют, наверное, четверть, а то и треть инженерного корпуса закрытых учреждений. Они громко кричат, что при социализме было лучше. Еще бы, тогда они получали 120 рублей в месяц, а к пенсии дорастали до 170, и на эти деньги в общем-то можно было жить. К тому же их толковый товарищ получал немногим больше. О хороших заработках или о поездках за границу никто не смел и мечтать.

Раньше в официальные командировки, как правило, на выставку вооружений, авиасалон или что-нибудь в этом роде, ездил только директор. Случались и другие командировки. Могли посадить двух-трех человек в самолет на военном аэродроме, привезти в какую-нибудь южную страну, иногда без всякого оформления. Там, в чужой стране, в автомобиле привозили на точку, где эти люди разрешали техническую проблему, возникшую в разработанной ранее системе. Никаких экскурсий. Опять в машину, на самолет, и домой. Иногда после такой поездки у командированного возникала неизвестная нашим врачам болезнь. Тогда весь институт боролся за его здоровье, создавая какую-нибудь небывалую кровать или хирургический инструмент. Но такие поездки относились к области экзотических случаев. К тому же тот, кто ездил за границу, ничего

ГЛАВА 36

потом не рассказывал. Во-первых, потому что нельзя рассказывать, а во-вторых, потому что нечего.

В конце века выяснилось, что наше оружие и достижения в смежных с оборонной техникой разделах науки чуть ли ни единственный конкурентоспособный отечественный продукт на мировом рынке. Наши стали торговать оружием.

Когда на инженерную зарплату прожить стало невозможно, и Тани с Манями бедствовали, способный инженер, сидевший с ними за соседним столом, ездил в командировки в Китай и Индию. И сколько он получал, было неизвестно.

Инженеры института стали довольно резко разделяться на две категории: «чистые» и «нечистые». Разделение это было всегда, но особенно ясно оно обозначилось, когда основной работой стало выполнение китайских, индийских и подобных международных контрактов. «Чистые» ведут эти контракты (большой частью переделывают наши старые разработки), иногда ездят в Китай и получают валютные командировочные, надбавки и премии. Это, как правило, приличные инженеры, знающие свой прибор или умеющие хорошо писать технические документы. «Чистые», как толстовские счастливые семьи, похожи друг на друга: из Китая они везут женам, дочерям и любовницам жемчужные бусы и шубки из козьего меха, сыновьям — кожаные куртки и дешевые китайские тестеры, а для украшения квартир — разнообразные вазы, парные и непарные, и сандаловых Будд.

Представители «нечистых» значительно разнообразней. Но большая часть их состоит из людей, непригодных к инженерному труду, преобразовавшихся из тех самых тупых студентов.

Как могло случиться, что Сергей Геннадьевич Зуев, кадровый специалист, плоть от плоти «почтового ящика», приросший к нему, знавший в нем все ходы и выходы, ушел из института?

Конечно, Сережа и «малое предприятие» при институте организовал, значит с основами предпринимательской деятельности познакомился. Но ведь все это «от работы», рядом, просто новый способ организовать ту же самую работу, чтобы получить за нее больше денег.

Конечно, Сережа наступившую бедность болезненно переживал, перед семьей ему стыдно было за свою несостоятельность как кормильца, и он искал выход. Но ведь пик бедности уже прошел. Зарплата поднялась. Появились поездки в экзотические страны, которые так нравились Сереже.

Конечно, сын крепко взялся за работу в новом обществе, сам не лоботрясничал и об отце подумал. Были конечно и веские причины, и конкретные предпосылки... И все же, как могло случиться?! Нет, не пойму!.. А дело было так.

Генка приехал один, без Оли, поздоровался и погатачил отца в комнату.

— Слушай, отец, хочешь подработать? — спросил Гена.

— Буржуя, что ли, какого-нибудь в аэропорт отвезти? Да ведь они на «Жигулях» не любят ездить, — ответил Сережа, не настроившись на ответственный разговор.

Генка поморщился. «Мне бы в голову не пришло такую рожу скорчить при разговоре с отцом», — подумал Сережа.

— Пап, давай так, с этой минуты ни одного пустого слова. Разберись сначала, потом начнешь шутить. Значит, давай по порядку. Есть дальний клиент, который хочет вложить деньги в ценные бумаги, — стал рассказывать сын. — Нужно ему помочь разобраться, подготовить рекомендации, куда с наибольшей выгодой вложить средства. Твой гоно-рар — пятьсот долларов. Срок — две недели. Понял?

— Ни одного слова.

— Ладно, объясняю по пунктам, а ты кивай, если понятно, вверх-вниз, а если непонятно, то мотай головой вправо-влево, — сказал отцу нахальный Генка.

— Пошути еще с папой, негодник! — Генкина фамильярная манера разговаривать немного задевала Сережино самолюбие, но ведь сам такого воспитал, без комплексов. И Аська такая же. Так что ничего.

— Я работаю в банке. Предприятия, по-нынешнему — фирмы, которые имеют в банке счета, называются клиентами. Среди них есть дальние, немосковские фирмы. Одна такая фирма хочет на свои деньги купить акции, облигации, векселя и тому подобное, что называется, «ценные бумаги». Купля-продажа таких бумаг — тоже один из видов заработка. Они попросили у банка рекомендацию, как это сделать. Наше руководство предложило им заключить договор с банком, чтобы мы для них покупали-продавали, сами при этом зарабатывали, ну и отвечали бы перед ними. Клиент так не хочет. Просит рекомендаций, чтобы начать эту деятельность самостоятельно. Самому, без банка, хочется ему этим заниматься. Наши отказались: «Банк — не консалтинговая фирма». Это значит, что за свои рекомендации мы будем отвечать. Если они, действуя по рекомендациям, проиграют, то мы будем виноваты, а исправить

ничего не сможем. Тогда клиент обратился ко мне: «Дай рекомендации лично, не как работник банка». Я своим местом в банке дорожу, левыми работами не занимаюсь. Но их не прогнал, а сказал, что есть человек, кандидат наук, он сделает.

— А то, что кандидат наук не знает, какая разница между акцией и облигацией, ты их предупредил? — недоуменно спросил Сережа.

— Папа, не преувеличивай глубины своего невежества. Я ручаюсь за два часа все необходимые сведения тебе сообщить. Книжку тебе привез, в портфеле лежит, ее считаешь, — ответил сын. — А следующий этап — поездишь по разным банкам, фондовым магазинам, поговоришь с людьми и напишешь записку.

— Предположим, я теорию освою. Но кто в этих банках станет со мной разговаривать? Какие у меня полномочия?

— Папа, ну ты же не в секретный институт поедешь! Позвонишь по телефону, скажешь, о чем речь, тебя тут же сквозь всю охрану в красивый кабинет проведут.

— А клиенты эти знают, что я — твой отец?

— Конечно, я им сказал.

— Ну, ты даешь, ребенок! Неожиданно, непривычно как-то, — сомневался Сережа. — А что будет, если они, действуя по моим научным рекомендациям, прогорят в пух и прах? Даже банк твой этого испугался.

— Ты за них не бойся. Они умные и деловые люди. Они просят то, что им нужно, а действовать будут, как хотят. Еще вопросы есть?

— Нет, сэр! Все ясно, сэр. Когда приступать? — сдался Сережа.

— Давай полопаем и начнем.

Подготовленная Сережей записка на пяти листах две недели изучалась в далеком сибирском городе. А потом раздался междугородный телефонный звонок.

— Сергей Геннадьевич? Это ваши заказчики, — раздался в трубке незнакомый молодой голос. — У нас праздник — пятилетие работы нашей фирмы. Мы приглашаем вас и вашу жену пожаловать к нам на торжество. Через две недели, на три дня: пятница, суббота, воскресенье. Сможете прилететь?

— Наверное, сможем, — с сомнением в голосе проговорил оторопевший Сережа.

— Мы очень рады, — тут же раздалось в трубке. В отличие от Сережи, его собеседник не ведал сомнений. — Ждем вас. Встречать будем в аэропорту. Деньги на поездку вам передаст ваш сын. До свидания.

— До свидания, — ответил Сережа.

Дальше завертелось, как в калейдоскопе. Самолет, машина, гостиница. Официальная часть праздника во Дворце культуры далекого сибирского города, потом неофициальная — концерт специально привезенных артистов из Москвы, потом самая неофициальная: экскурсия в тайгу, экскурсия на рудник, баня, пельмени с водкой (потому что, как объяснили Сереже, пельмени без водки только свиньи кушают).

А накануне отлета домой серьезный разговор с руководством фирмы. Сереже предложили собственные рекомендации, изложенные в справке, воплотить в жизнь. Для этого поступить на работу к ним на фирму в ранге полномочного представителя в Москве. Офис для представительства уже при-

смотрен. Работать — через банк, где работает Гена. Или, через другой, если Сергей Геннадьевич пожелает. Будут у представительства и другие функции: встретить командированных, разместить в гостинице, помочь с покупками. Для этой работы нужно найти шофера и секретаря и купить недорогую машину, например «Жигули», а также оргтехнику и средства связи: факс, ксерокс, компьютер, сотовый телефон. Но такая работа Сергея Геннадьевича, ни, Боже мой, касаться не будет... ну, может быть, только в части общего руководства.

Татьяна сидела и изумленно хлопала глазами. Сережа тоже был как под анестезией. Директор фирмы, который все это излагал, был молодым парнем, на несколько лет старше Гендоса. Говорил он правильным литературным языком, иногда только вставляя в конце вопросительных предложений: «Ага?», «Вы меня поняли, ага?» Но от этого избавиться было трудно — так говорили все в этом городе.

И Сережа ушел из «почтового ящика», и даже не очень сильно сомневался. Надоели институтские стены. Надоело быть самым молодым, теперь он стал сразу самым старым на новом месте работы.

Опасался, что его уход вызовет взрыв, обвал, ну, хотя бы сильный шум. Но нет, ничего такого не было. Главный инженер пытался уговаривать, но не слишком настойчиво. Выслушал Сережину историю и сказал: «Ну, ладно, отпускаю тебя на год, через год возвращайся!» А директор и не уговаривал. Спросил, столкнувшись с Сережей: «Вы, кажется, хотели со мной поговорить?» «Нет, не хотел», — ответил Сережа, и разошлись. С другой стороны, и хорошо, не так больно. Отходную пьянку Сережа устраивал со спокойным сердцем.

ГЛАВА 37

Сережа притормозил на углу Ходынки и Пресненского вала, захотелось купить горячего хлебушка в лавке хлебозавода. Постояв несколько минут за какой-то бестолковой бабкой, которая никак не могла рассчитаться за купленные ею пять батонов, Сережа купил круглый черный и пошел к машине, с удовольствием ощущая горячий каравай и думая только о том, что сейчас залезет в машину, отломит корочку и съест. Тут Сережа увидел своего бывшего сослуживца Царькова, который шел по тротуару и смотрел на Сережу.

«Как зовут Царькова? — попытался вспомнить Сережа. — А, да, Виталий».

Виталий приближался как-то боком, как щенок. Готов был и мимо пройти, если что не так. Но шел явно к Сереже и смотрел на него, не отрываясь.

— Привет, Виталий, — Сережа махнул рукой с зажатыми ключами от машины.

— Здравствуй, Сережа! — откликнулся Царьков, подходя.

— Как живешь? Что, где? — поинтересовался Сережа, больше из приличия.

Но Царьков стал излагать свою историю довольно подробно. Вот она вкратце. Виталий работал в лаборатории у Альберта Тарасовича в новом институте. Но Альберт его не ценил, платил мало. В очередной раз, когда забурлила политическая жизнь, даже стреляли в Москве, Царьков решил половить в мутной водичке. Бегал с работы на митинги, знакомился с новыми людьми, рассказывал, что пострадал от коммунистов, даже сидел некоторое время. «Помнишь, как меня взяли?» — спросил Сережу Царьков. Это он

имел в виду, что ему когда-то по пьяному делу глаз подбили и в милицию отвели. Наверное, Царьков много раз пересказывал тот эпизод разным людям, все сильнее привирая, и так заврался, что сам теперь думал о себе как о борце с режимом. Кому-то Царьков голову все-таки заморочил, и ему предложили место в префектуре. Царьков уволился из института, сказав на прощание Усатому, что, как только покончит с коммунистами, займется им, как душителем всего передового. Некоторое время Царьков чувствовал себя хозяином района и был счастлив. Но организаторских способностей у Виталия не было, грамотейка была слабовата, идей на самом деле никаких в голове у него не сидело. Может быть, и прижился бы он на третьих ролях, но уж больно много лишнего говорил Царьков, когда был подшофе, и тащил все, что плохо лежит. Года не прошло, как поперли его из властных структур. Виталий сказал, что разочаровался в демократах и не захотел на них работать. Теперь Царьков работал охранником. «Работаю через два дня на третий, сыт, пьян и нос в табак», — так охарактеризовал свою службу Виталий. Он распахнул куртку и показал свою форменную ту-журку, на которой справа было написано «Security», а слева висела бляха с надписью «Охрана».

Рассказывая, Царьков время от времени косился на Сережину машину. И рассказав, почувствовав себя вправе спрашивать, Царьков устался на машину уже неотрывно. «Волга» и вправду была хороша, сияла на солнышке, чистенькая, вчера помытая.

— Ну, а ты где? — спросил Царьков.

— Работаю в московском представительстве одной сибирской фирмы, — ответил Сережа.

— А кем, каким-нибудь начальником?

— Моя должность называется «полномочный представитель».

— И тебе черная «Волга» положена? — подступал к интересующему его обстоятельству Царьков.

— Как положена? А... да нет, это моя машина, не служебная.

— Это я понимаю. Но ведь не всем разрешают черные «Волги» покупать? — выяснял Царьков.

«Конечно, не всем, а только тем, у кого жена — блондинка, чтобы контрастнее смотрелась», — хотел пошутить Сережа, но подумал, что не стоит расстраивать дремучего Царькова, и ответил так, как тот ожидал.

— Да, была у меня бумага из... Комитета. Ты прямо все насквозь видишь!

— Это точно... — удовлетворенно протянул Царьков и тут же озлился на Сережу, мгновенно возненавидел его, успешного. — По бабам-то тебе теперь ловчее бегать, вот на такой машине? А мы, честные, простые русские люди, на машинах не ездим. Будь здоров, не кашляй! — Царьков отвернулся от Сережи и стал удаляться, засунув руки в карманы распахнутой куртки, вихля бедрами и напевая: «Тра-та-та-та-та».

«Вылитая ворона, которую с помойки согнали», — подумал Сережа, глядя в спину Царькова.

Расставшись с бывшим сослуживцем, Сережа залез в машину, положил хлеб в пакет, а пакет засунул в портфель. Так хотелось пожевать корочку, а теперь расхотелось. Испортил-таки настроение земляк. «Надо же, лет пять его у нас не видел. Необходимо было в столицу прибыть, чтобы с таким чучелом повстречаться!» — подумал Сережа.

*И тебе черная «Волга» положена?
(К стр. 384.)*

ГЛАВА 38

Телефонные звонки с бывшей работы начались осенью, когда подходило уже четыре года, как Сережа уволился. Звонили не крупные начальники. Сначала стал названивать заместитель главного инженера Роман Петрович. Они с Сережей когда-то работали в соседних лабораториях, относились друг к другу с симпатией, но приятелями не были. Роман двинулся по профсоюзной линии, был освобожденным председателем профкома, потом спланировал в заместители главного инженера, в так называемые «замы по стульям». Занимался мебелью, ремонтом, хозяйством, снабжением, выполнял поручения руководства, с которыми шофера не пошлешь. На этой должности у Романа проявились определенные административные способности, коммуникбельность, склонность вертеться и жужжать вокруг начальства. Роман был доволен своей работой, обязанности свои выполнял успешно. Ну, и Романа ценили руководители: то деньжат подкинут из премии за выполненную институтом работу, то в загранкомандировку возьмут, не поймешь, в качестве кого.

Роман начал расспрашивать Сережу, как жена, дети, как работа. Доволен ли? Не скучает ли? Сережа ответил, что, конечно, скучает. Роман сказал, что у них есть определенные намерения в отношении Сережи, и Сережу приглашает поговорить главный инженер. «Почему же не поговорить?» — согласился Сережа.

Накануне назначенного дня Роман позвонил и сказал, что главный инженер не сможет с ним встретиться, а о новой дате встречи ему сообщат послезавтра. В следующий раз Роман назначил встречу, потом снова ее отменил, а в очередной день просто

не позвонил. «Что-то у них там варится», — подумал Сережа и позабыл об этих звонках.

Через месяц Роман позвонил снова и сказал, как ни в чем не бывало:

— Слушай, я тут сказал директору, что тебе не очень нравится в твоей новой жизни, а директор мне ответил, что он о тебе хорошего мнения, и если ты захочешь вернуться, то он готов обсуждать этот вопрос.

— Откуда ты взял, что я хочу вернуться?! — изумился Сережа.

— Но ты же сказал, что скучаешь? Я так понял твои слова... — «завилял хвостом» Роман.

— Ты не так меня понял... — начал было объяснять Сережа. И тут ему пришло в голову, что объяснять ничего не нужно. — Слушай, Ром, я в своей новой жизни, как ты выражаешься, усвоил правило — обсуждать проблему с тем, кто может ее разрешить, желательно с первым лицом. Я пока плохо понимаю, чего ты хочешь. По-моему, и ты не все понимаешь. Слышал, наверное, что-то от кого-то, теперь проявляешь инициативу. Давай закроем тему.

— Конечно, решает директор. Но перед тем как докладывать директору, нужно же подготовить вопрос, — Роман не обиделся, привык, наверное, что его ставят на место, и продолжал бубнить свое, как по писаному. — Изложи свои условия, чтобы был предмет для конкретных переговоров...

— Ты, Ром, звони. Всегда рад тебя слышать. А сейчас не могу больше разговаривать, до свидания, — закончил пустой разговор Сережа.

Роман больше не звонил, но через неделю позвонил Миша Севостьянов, бывший Сережин сотрудник, занявший после Сережиного ухода место начальника лаборатории. С Мишей они изредка пе-

резванивались и несколько раз встречались за эти четыре года, так что в звонке Миши не было ничего особенного. Но Миша не стал тень на плетень навредить, сразу сказал, зачем звонит.

— Слушай, Геннадьич, руководство наше затеяло перестройку. Тебя хотят к нам, в большие начальники. Просили, чтобы я тебя прощупал. Вот я и щупаю.

— А ты сам что думаешь по этому поводу? — спросил Сережа.

— Думаю, что нечего тебе тут делать. Все то же самое, только все стали старше на четыре года. Переделываем для восточных друзей старые разработки. А они скоро сами научатся все делать и нас пошлют куда подальше. Впрочем, если ты сильно затосковал по нашим железкам, то приходи, мне-то только лучше будет, — откровенно сказал Миша.

— Спасибо, — сказал Сережа. — Скажи пославшим тебя, что клиент прощупан, клиент думает.

После разговора с Мишей Сережа разволновался не на шутку. «Возвращаться? Опять проходная, снова бегать к директору за каждым рублем? Это если деньги для работы нужны, а о зарплате и говорить нечего, будет меньше в несколько раз... Но ведь там все свое, привычное. Деятельность осязаемая. Работа ответственная. Что деньги? Прошли те времена, когда я волновался перед каждым повышением, сколько дадут, и по номерам проезжающих автомобилей загадывал... Буржуем я уже побыл, деньги видел. Это раньше, когда не верилось, что могу много зарабатывать, хотелось хапнуть побольше. А из года в год этим заниматься стоит ли?.. Как Танька говорит, «а душа?»... Сейчас персонала три человека — секретарь, водитель и бухгалтер. Все трое дорожат своим местом, одеты, причесаны, исполнительны,

два раза повторять не нужно... Шикарный офис, машина, оргтехника. А там? Все бедные, несчастные. Что с работы выгонят, не боятся, потому что не выгонят. Зарплата маленькая, штаны неглаженные... Факс дать можно только через секретаршу директора, а в каком она настроении?.. А своя секретарша небось числится конструктором третьей категории... Зато в институте я — специалист, свое дело знаю, и историю любого вопроса помню. А сюда придут скоро молодые, с университетским образованием, вроде Гендоса с Аськой, и сдадут самопального финансиста — дедушку Сережу в утиль...» И так целый день мысли туда-сюда, как маятник.

Следующим позвонил заместитель директора. Его Сережа тоже хорошо знал, и они были на «ты». Это был человек серьезный и самостоятельный, не то что Роман. Тем не менее заместитель не стал надувать щеки и демонстрировать собственную значимость, а сказал, что звонит по поручению директора.

— Сергей Геннадьевич, у нас, то есть в твоём бывшем институте, создается новое подразделение, большой комплекс. Семь лабораторий, в том числе и твоя, конструкторская бригада, экспериментальный цех. Тебя видят в качестве руководителя этого комплекса. Арсен Степанович поручил мне сделать тебе это предложение. Сам он будет тебе звонить через неделю. Обдумай, пожалуйста, за это время: «да» или «нет». Если есть вопросы, в рамках моей компетенции, готов отвечать.

Поговорили о средней зарплате в институте, о заказах, о кадрах. В «почтовом ящике» мало что изменилось за четыре года, к тому же о заметных переменах Сережа уже знал от Тани, от Миши, так что просто так поговорили.

Неделю Сережа провел в нервном возбуждении. Тянуло назад, в «ящик», само придумывалось, с чего начнет, как организует большой новый комплекс, как будет над докторской диссертацией работать... И тут же: «Да я что, с ума сошел? Снова в клетку, полное бесправие, на собственной машине к корпусу подъехать, и то надо ходить, просить, пороги обивать. И еще чуть не двести человек в подчинении, старичков и старушек в основном... Ни за что не вернусь!» И снова так каждый день, всю неделю. К назначенному дню Сережа ничего не решил, находился в прежнем волнении и сомнении, не знал, что ответить директору. Но директор не позвонил, не позвонил и заместитель. Сам Сережа ничего узнавать не стал и воспринял необязательность своего бывшего начальства как дополнительный аргумент в пользу того, чтобы не возвращаться. Потихоньку успокоился и перестал об этом думать. Потом узнал, что Арсен Степанович уехал в заграникомандировку, а вернувшись, слег с сердечным приступом. Вместо директора сейчас временно Николай Дмитриевич. Но эти новости Сережа воспринимал уже как не относящиеся к себе. «И как я мог сомневаться?! Какое счастье, что не сделал глупости. Пожалел бы в следующую минуту после того, как согласился!» — думал Сережа.

Как-то вечером Сережа с Аськой сочиняли задачу для студентов: сколько кредита вправе выдать банк, имеющий приведенный в условиях задачи баланс? Сережа радовался, что освоил эту область знаний и даже может помочь дочери-аспирантке. Полчаса назад позвонил Генка, просто так, без всякого дела.

*Каково твое решение?..
(К стр. 392.)*

Поговорил с сыном пару минут. Потом взяла трубку Таня, стала уговаривать Генку, чтобы бросил курить, какие-то новые ужасы про курильщиков ей на работе рассказали. После разговора с сыном Таня сказала, что очень устала, и ушла спать. А Сережа с дочерью стали обдумывать задачу. Сидели при свете настольной лампы и ели зеленое яблоко пополам. Аська грызла свою половинку, а Сережа отрезал ножом по кусочку и клал в рот, зубы уже не те, чтобы от яблока откусывать.

Затрезвонил телефон. Сережа быстро схватил трубку, чтобы второй звонок не разбудил жену, и, дожевывая яблоко, сказал приглушенным голосом: «Але?»

— Сергей Геннадьевич? — не узнал Сережин голос звонивший. — Здравствуй. Это Николай Дмитриевич, помнишь такого? Ты извини, что мы пропали. Были уважительные причины, поверь мне. Я — с тем же вопросом. Каково твое решение?..

2000–2001; 2004 гг.

РАССКАЗЫ

ВРАКИ

Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, входит в неуважение и к себе и к другим.

Ф.М. Достоевский
«Братья Карамазовы»

1

Я, наверное, беднее всех. На себя я трачу очень мало, почти ничего. Да и нечего тратить. Накоплений нет, пенсия очень маленькая. Я, конечно, покупаю фрукты. Приходится, мне фрукты нужны для сердца. И молочные продукты, мне они нужны для желудка. Вы знаете, бывают такие йогурты «Активиа», с персиком, с грушей, еще с чем-то, сейчас не помню. Вот я их покупаю. Но колбасы, ветчины — это мне не по карману. Иногда они привозят мне колбасу, но я ее не ем, разве что попробую кусочек. Ну, объективно скажу, вкусно. Но не для меня, пусть ест ее кто побогаче. А я этот жалкий кусок колбасы кладу в морозилку. Пусть валяется там, пока не протухнет... Вообще-то я ничего не выкидываю. Жизнь, проведенная в нищете, определила привычки. С моей фантазией и сноровкой я из любого завалящего куса приготовлю такое, что им, с их убогой фантазией, и не снилось.

Они — это сын, сноха, внук, внучка, жена внука, правнук. Ну, там есть еще родственники подальше.

Внучка взяла привычку нюхать каждый кусок, который я ей даю. Я раньше объясняла, что все свежее, а теперь говорю — не хочешь, не ешь — я сама съем. Так она говорит, чтоб и я не ела.

Внук Борька попроще, лопает все подряд, не капризничает. Но внуки редко у меня бывают, Борьку не видела восемь месяцев... Не обращайтесь внимания, я не плачу, это аллергия... В прошлое воскресенье... нет, в субботу он был у меня, привез деньги. Он только и приезжает, чтобы дать денег, а так никогда, даже не позвонит лишний раз. Я, конечно, его прекрасно накормила и поблагодарила, сказала, что очень кстати, потому что я совсем на мели. Он говорит: «Бабушка, но у тебя же есть деньги!» Я ему: «Откуда?» Он глаза вылупил, не знал, что сказать. Да, у меня есть тысяча долларов, но это отложено на операцию, вдруг мне потребуется операция на глазах. Еще есть пятьсот на черный день. Я не могу эти деньги тратить, ведь мне не на кого рассчитывать, я должна иметь неприкосновенный запас. Не знаю уж, что Борька сказал потом своему папаше, моему сыну, наверняка, какую-нибудь гадость про меня. Я упредила, сама позвонила сыну и сказала, что у меня был Борис, привез мне немного денег, а то у меня было очень тяжелое положение. Не удержалась, сказала, что я Борьку прекрасно накормила. Сын должен понимать, что я, при всей моей нищете, накормлю внука лучше, чем они. Сын сказал: «Спасибо», наверное, не понял. Еще Борька, уезжая, сказал: «Бабушка, никому и никогда не говори, что у тебя нет денег». «А я и не говорю», — отвечаю. А он: «И не говори». Хамство!

Да, бывает, пожалуйюсь слегка. Должен же человек о чем-то говорить. Тут на даче я стала рас-

спрашивать соседку, такая старушка, не очень умная, сколько у нее уходит денег на содержание кота. Она стала все подробно перечислять, сказала, что один месяц все расходы даже записывала. Я слушаю вполуха, мне это не очень интересно. Спрашиваю все-таки, чтобы поддержать разговор, сколько стоит кошачий ошейник против блох. Она говорит, что двадцать рублей. Я говорю: «О, недорого, за такие деньги даже я могла бы его носить!» Остроумно, правда? Но соседка не отреагировала, видно, эта шутка выше ее понимания. А сын рядом сидел, покраснел и уставился в стол. Все-таки удалось его зацепить, заговорила совесть, как он к матери относится. Причем к замечательной матери! То, что они мне дают, эти жалкие подачки, ничто по сравнению со стоимостью моей квартиры. Когда я умру, они продадут мою квартиру и всю свою так называемую помощь вернут сторицей. И они должны это понимать. Я время от времени спрашиваю, конечно, вскользь, между прочим, сколько стоит моя квартира. В том смысле сколько вы мне денег должны?! Сын не любит этих вопросов, но ничего, стерпит!

Пришла наша дачная молочница и спросила: «Творог нужен?» Сноха ответила, что не нужен, есть творог. А я робко так: «А сколько стоит?» Молочница назвала цену, а я: «Ой!..» И закрыла ладонью рот, как будто от испуга. Молочница с возмущением сказала снохе: «Ну что ты! Купи маме творог!» Сноха купила, куда деваться... Я вообще-то творог не люблю, да и был творог в холодильнике. Но как я эту сцену мгновенно придумала, отрежиссировала и исполнила! И людям ясно, кто есть кто. И ясно, что они меня в черном теле держат!

2

Я забочусь обо всех, обо мне же не думает никто. Даже внуки, которых я воспитала, заложила все нравственные основы. Конечно, я не сидела с внуками подолгу, как сидят некоторые бабушки, которые больше ни на что не способны. Когда-то собиралась стать у них нянькой на год, когда внучке должно было исполниться полтора года. Даже сама увлеклась этой перспективой, ведь я — человек творческий, могу увлечься... Каждый раз, когда видела внука и внучку, говорила им страшным голосом: «Ну, скоро я за вас возьмусь!» Как они счастливо смеялись! От своих родителей они, конечно, не могут получить такой игры, такой искрометности... А сын и его жена, люди не слишком далекие, восприняли как должное, что они меня (меня!) заполучат в качестве домработницы на целый год, и ни о чем не заботились — ни о детском саде, ни о няньке. А я подумала: с какой стати! Я им сказала накануне, не помню, за день или за месяц, что надо искать другой вариант. У невестки челюсть отвисла: «Так ведь делать нельзя, мне ведь завтра — на работу, — говорит. — Это ведь грех, грех». Открыла рот, ничтожество. Я ее сразу припечатала: «Ты не понимаешь, — говорю. — Вам же это выгодно: я буду работать, зарабатывать и давать вам деньги». И действительно, давала им деньги... из своей мизерной пенсии. И в детский сад внучку я же и устроила, так что никого я не подвела. Это эпизод, шероховатость столетней давности. Таких эпизодов немного, меня ни в чем нельзя обвинить даже на самом строгом суде... Если уж в порядке самокритики... Был один случай, еще раньше. Моя приятельница, вы ее, на-

верное, знаете, Беляева, очень талантливая писательница. Не знаете? Ну, что ж поделаешь, не всем дано... Она мне напела, что по субботам-воскресеньям берет внука и как она от этого счастлива, и как ей хорошо. Я наслушалась, сказала сыну, чтоб привез Борьку, ему тогда было года два. Привозят в субботу утром, а к вечеру мальчишка заболел. Вызвала родителей, померили температуру — 38,8! Я сказала, что с больным ребенком сидеть не буду, забирайте. Сын просил оставить ребенка, говорил, что не надо с ним сидеть, он сам останется, а как только температура спадет, заберет. «Нет, говорю, нечего здесь устраивать общежитие! Закутайте потеплее, подгоните такси и через полчаса будете дома». Вот, пожалуй, и все. Больше мне себя не в чем упрекнуть, да и то я эти случаи помню, потому что у меня очень цепкая память, склероза нет, слава богу. Прекрасная память и обостренное чувство справедливости.

А так, каждое лето на даче, сначала с обоими, потом внук подросток, только с внучкой. Всего, конечно, заранее накоплю. Я им так и говорила перед отъездом, что вам ни о чем думать не нужно, я все приготовила. Они как будто не слышат меня, сами покупают (или, в то время, достают). Потом каждую неделю везут. Я им говорю, довольно резко, чтобы поняли: «Зачем вы это понавозили? Куда я это дену? Все протухнет!» Сын меня отодвинет, запихнет продукты в холодильник, вот видишь, говорит, мама, все влезло. Делает вид, что не понимает. Ведь я из деликатности так резко говорила, ведь я не хочу никого утруждать. А этот разместил в холодильнике и говорит: «Вот видишь...» Он у меня глуповат слегка. Я даже стихи про него написала. Там есть такие

строки: «Не сразу видишь так, кто — умный, кто — дурак». Читала ему несколько раз, а он не понимает, что про него. Я ж говорю...

Теперь я им не нужна, и они, чтобы не заботиться обо мне, создали мне ореол злодейки. Даже правнука подучили. Летом на даче недолго был правнук, сын мой его взял во время отпуска. Три с половиной года ребенку, соображает уже. Я его подозвала и спрашиваю: «Я — плохая?» Он говорит: «Пляхая». «Тебя кто, папа научил?» Он отвечает: «Папа». Я как оттолкну его от себя, он аж отлетел на крыльцо и на крыльце шлепнулся. Я сразу сообразила, что не так спросила, ведь подучил-то мальчишку сын, а он ему не папа, а дедушка, но это мелочи. Главное, что они обо мне все плохое говорят. Возможно, сын видел, как мальчишка спиной вперед вылетел на крыльцо. Даже поволновалась немного, не затеял бы скандала. А он пришел и говорит: «Мам, посмотри, у Бобосика твои глаза!» Я ж говорю, он у меня не понимает, что происходит вокруг него... Действительно, у мальчика разрез глаз напоминает мой. Так, ничего, довольно милый мальчик. Я могла бы с ним побыть, но мне, при моем сердце, нельзя поднимать тяжести.

3

Я очень больна. Только благодаря силе духа, творческому огню я еще держусь. Ведь мне нет еще восьмидесяти лет, а у меня сильная одышка, сердце вообще никуда. Нет, неплохо выгляжу я, на ваш взгляд, спасибо, конечно, но это я сейчас. У меня накрашены губы и, главное, я дома. А стоит выйти на улицу, особенно в мороз, так я шагу не могу ступить, так сильно задыхаюсь. Я — подарок для них. Я могла

бы слечь, а они должны были бы за мной ухаживать. Я так им и сказала. Слушают и молчат, я ж говорила, недалекие люди... Они стали часто болеть, но так, не тяжело. Даже не позвонят. Я сама должна звонить и поименно расспрашивать — где этот, где тот. Почему в больнице, когда операция? Всегда выясняется, что какая-нибудь ерунда: удаление желчного пузыря или камни в почках, а то и вообще грипп. Я обзваниваю своих знакомых, и обязательно оказывается, что у кого-то в моем окружении подобное было и прошло. А они носятся с этим как дурень с писаной торбой... Не понимают, кто по-настоящему болен и заслуживает сочувствия... Сын спрашивает: «Как ты себя чувствуешь?» Я отвечаю: «Чувствую...» — так, с нажимом, что, мол, пока еще чувствую, но уже недолго им осталось меня терпеть. Или: «Я работаю, только этим и спасаюсь, а то что ж мне, сидеть дома и головой об стенку биться?» Так отвечаю и таким тоном, знаете, хорошим, чтобы прочувствовал всю степень своей вины передо мной. А он в ответ: «А почему тебе нужно биться головой?» Не понимает, а может, притворяется. Ну, да Бог с ним, лишь бы они были здоровы, а я уж как-нибудь доживу, мне немного осталось... Не обращайте внимание, что я плачу, я теперь часто плачу. От этого и зрение стало хуже, как говорят в народе, выплакала глаза...

Сын со снохой и внуком раз в год примерно засовывают меня в больницу. Первый раз лечь в больницу было тяжело, не хотели брать. Так что им пришлось побегать. Да и то бестолково, как обычно. Сначала положили совсем не в то отделение. Ну и что, что я ошиблась, сколько мне лет и немножко путалась при ответах на другие вопросы? Больное-то у меня все-таки сердце. Нет, неделю продержали в

неврологии, только потом перевели в кардиологию. Теперь легче, врачи знакомые, так что я могла бы и сама лечь в больницу, без них. Я соглашаюсь лечь только когда мне становится совсем плохо, когда нет сил терпеть. Тогда говорю сыну: «Мне очень плохо, приезжай». Он меня уговаривает не доводить до последнего, лечь заранее. Можно было бы, конечно, и врач рекомендовал... Но уж очень не хочется идти у сына на поводу, делать, как он предлагает. Лучше сдохнуть, чем терпеть его хамство. Положат меня в больницу, на следующий день придут с невесткой, довольные, что я опять на больничной койке, принесут апельсины, они мне необходимы для сердца... Конечно, есть, чем гордиться, герои. Я их сразу ставлю на место: «Что, слетелись посмотреть, как я умираю?» Ну, они переглянутся и потихонечку, потихонечку к выходу: «До свидания». До свидания, детки.

Кстати, последний раз в больнице был забавный случай. Врач из соседней палаты мне говорит, что у него есть больной после инфаркта, старик восьмидесяти лет, так этот старик не хочет какое-то нужное лекарство принимать. «Я его к вам подошлю, скажите ему, пожалуйста, что вы принимали, и вам помогло». Ох, я так засмеялась, не могла остановиться! «Доктор, вам не смешно? Меня сравнивать с каким-то дедом-инфарктником!» Ну, тут он тоже улыбнулся... Да... чувство юмора, как деньги, или оно есть, или его нет...

4

Они меня никуда не зовут. Сами идут, например, в ресторан и там жрут без меня. Я однажды высказалась сыну. А он ответил: «Подумаешь, внук бабушку

в ресторан не позвал». Я ему сразу сказала: «Но ведь какую бабушку!!!»

Я всегда узнаю, если они без меня где-то были, вопросы задаю с подтекстом, голова хорошо работает, годы не чувствуются. А если не сама узнаю, то сын по простоте душевной проговаривается. Обидно это бывает ужасно, я столько для них сделала, а они... Да я бы и не пошла, если бы и позвали. Но пригласить они обязаны! Обижает это пренебрежение. Бывает, так сердце закипит от такого хамства... Вызову «Скорую», позвоню сыну. В трубке, слышу, шум, музыка, а я ему: «Приезжай, у меня инфаркт...» Говорю невнятно, как будто каша во рту. Приедет обычно раньше, чем «Скорая помощь»... Когда проводит «Скорую», вернется, я скажу: «Откачали на этот раз... к вашему сожалению. Ну, сколько ты им дал?.. Ладно, тебе, наверное, некогда, у тебя же там гости. Да и мне есть чем заняться. Поезжай». А то его не спровадишь, так он и будет маячить тут два часа... Разве что попрошу купить мне четвертинку черного, мне этого хватит на неделю... еще йогурт или кефир. И обязательно отдам деньги за продукты, мне от них ничего не нужно...

Однажды на даче в выходные сын и невестка ушли с участка, сказали, через полчаса вернуться, а не было их два с половиной часа, смотрели, как мальчишки в футбол играют. Пустяк, но переполнил чашу терпения — такое пренебрежение, такое хамство. Но я тогда сдержалась, только сказала сыну: «Вот кончится лето, и я тебе все скажу!» — и смотрю на него так, чтобы он понял. А он спрашивает: «Что ты скажешь?» Я тем же тоном: «Ничего! Ты — хороший сын!» Так сказала, знаете, веско, чтобы сразу стало ясно, что «хороший» означает отврати-

тельный, мерзкий. Другой бы покаялся, а этот взял невестку и опять ушел с участка, наверное, гадости про меня говорить. А я всем говорю только: «У меня самые лучшие дети, у меня самые лучшие внуки». Больше ничего. Иногда, конечно, не выдержу, заплачу...

На даче все знают, как они ко мне относятся. Одна соседка мне даже заявила: «Только не говорите плохо про ваших ребят». Это я еще рта не успела раскрыть! Видно, спелась с сыном и невесткой. Представляю, что они ей про меня наговорили! Ну и в Москве люди, кто поумней, конечно, представляют мое положение... У меня много друзей, я переписываюсь и с Америкой, и с Германией. Люди меня любят за ум, за талант. Письма стучу на машинке, от руки уже давно ничего не пишу, отвыкла. Вот и пишу далеким друзьям на машинке про свою жизнь... Из Америки друзья написали, что могут присылать мне по пятьдесят долларов в месяц, чтобы я не голодала. И это посторонние люди!.. Сын предлагал поставить мне компьютер, но я отказалась. Доживу как-нибудь без этого, недолго уже...

Раньше они меня брали с собой на прогулки в Ботанический сад или в театр, или в гости. Заедут на машине вдвоем, а бывало, вчетвером, и поедем. Но каждый раз был эпизод, штрих, который показывал, как они ко мне в действительности относятся. Однажды, например, невестка сделала вид, что хочет меня поцеловать, а сама лизнула в щеку! Конечно, я перестала с ней разговаривать, и старалась не смотреть в ее сторону.

Так, определенная прелесть в таких «выходах в свет» была. Я всегда нарядно одевалась. Гардероб у меня невелик, по доходам, как говорится. Но с

моей выдумкой я из любой старой тряпки сделаю бальное платье Золушки! И, конечно, я бываю душой компании, без меня все бы умерли со скуки. Я рассказываю про свои успехи, про свои награды, про то, как я при крайней бедности умею прекрасно одеваться, питаться, даже развлекаться. Люди слушают. Сами-то они ничего подобного рассказать не могут. А сыну моему ничего не интересно. Ну и что, что слышал это уже, так еще послушай, когда родная мать рассказывает такие интересные вещи. И как рассказывает! Или после театра начнет высказывать о спектакле свое мнение, с которым я совершенно не согласна. Или в ресторане начнет терзать: «Мама, только не объешься!» А что я ела! Так, только попробовала несколько оригинальных блюд. Кстати, обычно, ничего особенного, я вкуснее готовлю. А плохо мне бывает после ресторана «не от котлет, а от лет», точнее, от большого сердца. Я, когда рассказываются, всегда громко говорю, чтобы не сажали меня рядом с сыном, зачем себе портить вечер?! Впрочем, он сам теперь со мной не садится, выбирает место на той же стороне стола, но подальше. Чтобы, значит, меня не видеть и не слышать. Но я знаю, как на такой демарш ответить! Говорю внуку с женой или кому-нибудь еще: «Если бы не вы, мне было бы очень одиноко на этом вечере...» А уж сыну передадут, будьте уверены.

Я ко всем этим банкетам обязательно пишу стихотворное поздравление. И, кроме обычных слов, пишу в стихах о том, что у меня на сердце. Внуку ко дню рождения написала: «Плохого не перенимать, отца и мать не предавать!» Это я ему про моего сына, его папашу. Еще есть стихотворение не поздравительное, в нем боль моя вылилась. Там есть

такие строки: «Я сердце близким отдала, но назад мало что получила!» Немножко не в склад, но так еще сильнее пробирает.

5

Я, конечно, талантливее их всех. Мои книги читают люди. У меня хранятся письма читателей, которые без слез невозможно читать. И сейчас мне звонят, заказывают материалы. Я любую тему могу так обыграть, для любой статьи найти такой поворот! Потом звонят, благодарят, говорят, как прекрасно написано... Тут Беляева, известная писательница... а, я уже говорила о ней, привела ко мне редакторшу из издательства. Я им кое-что почитала вслух. Я прекрасно читаю! Редакторше очень понравилось, и она несколько вещей забрала, чтобы показать начальству, а потом я уже полностью рукопись книжки скомпоновала и через Беляеву передала в издательство. Обещали издать, причем бесплатно. В наше время это редкость. Так что когда меня не будет... сейчас, сейчас, не обращайтесь... люди смогут прочесть... Да, вот так, какая у них бабушка! А они: бабушка, бабушка... Рассказала сыну, он слушал с интересом, думала, что он понял, а он говорит: «Молодец Беляева!» Я опешила, причем тут Беляева, говорю. «Ну, как? — отвечает. — Помогает тебе книжку выпустить». «Книгу выпускают, потому что книга — талантливая, — объяснила я сыну. — А Беляева исполнила роль курьера. И больше не смей мне этого говорить!» Но ему объясняй не объясняй, без толку. Очень против меня настроен, тут невестка постаралась... Понятно, завидуют моему таланту, сами-то они не особо, не тот уровень... Когда-то решила сделать невестке

подарок, заказать ей визитные карточки, тогда это непросто было. Спросила, кто она по должности. Говорит, заместитель главного конструктора. Я так и заказала. Потом подумала, наверное, должность не такая, не заместитель, а какой-нибудь помощник, или не главного конструктора... ну, да ладно... пыжатыся все... Теперь она — не поймешь кто, то ли бухгалтер, то ли менеджер, то ли дилер, сейчас не разберешь.

Внук много зарабатывает, все время занят, даже не позвонит... а, ну да, я уже это говорила. Машина у него какая-то шикарная. Еще есть служебная с шофером. Внук иногда сам приехать не может, тогда присылает служебную. Сын пытается вмешиваться, говорит, что Борькину служебную машину просить неудобно, куда мне надо, он сам меня отвезет. Неудобно! Я узнавала, и мне сказали, что работники Борькиной фирмы на этой машине не только по служебным, но даже по своим личным делам ездят. Уж лучше пусть меня на машине свозят, чем какую-нибудь секретаршу с ненужной бумажкой. А мне удобней на служебной машине внука, чем у сына одалживаться лишний раз.

Когда сын везет меня на своей машине... приходится иногда и его просить, к сожалению... скорее, он навязывает свои услуги, а я... Да... так вот, в таких поездках я люблю его слегка поддразнить, чтобы не зазнавался. Например, скажу, что Ксения Ивановна заболела, и добавлю: «Ну, ничего, о ней-то есть кому позаботиться, у нее — сын!..» В том смысле, что у меня-то — никого...

Или ехали раз с моей подругой в театр. Подруга беспокоилась, что не успеем или заблудимся в Центре. Больше, конечно, нервничала от удобства, комфорта — непривычно ей в машине, слишком хоро-

шо. Шепчет мне: «А он знает, как ехать?» Я громко и отчетливо ответила, чтобы и подруга, и сын слышали: «Не волнуйся, нас доставят вовремя». С такой интонацией, чтобы было ясно: на это он еще способен, а об остальном все присутствующие знают... И, можете себе представить, эта, так называемая подруга, стала потом говорить мне, что не такой уж он подлец, что сын есть сын. Какая тупость, какое хамство! Как она смеет лезть, что она понимает! Я ей сказала: «Берегись, друг моего врага — мой враг!» Так она опять за свое: «Как же, говорит, ты умирать-то будешь?» «Ничего, — отвечаю, — у меня много друзей!»... Конечно, я с ней прекратила всякие отношения. Может быть, я ее и прощу когда-нибудь, но Бог ее никогда не простит!.. Впрочем, это уже не важно, недавно мне позвонил внук и сказал, что эта тупица умерла. Я сказала, что на похороны не поеду и соболезнований выражать не буду!

Или как-то рассказала сыну историю про одну самоотверженную женщину, которая все делает для своих детей и внуков, всю себя отдает, ничего не жалеет. Немного и присочинила, фантазии мне не занимать! Сын слушал с интересом, вопросы по ходу рассказа задавал. А я закончила, сделала паузу. И сказала отчетливо: «Ну, ничего, она еще свое получит!» В том смысле, что я-то всю себя отдала, а в ответ от сына и внуков — одно хамство и пренебрежение... Тогда я пожалела, что последнюю фразу сказала невовремя: ехали по Москве в сплошной пробке полтора часа, сын сидел красный, потный. Только тронулись, а я тут свою фразу, знаете, с мхатовской паузой. А весь поток опять остановился. Сын с опозданием, с задержкой и очень резко затормозил, мог врезаться в переднюю машину.

Сын на инвалидности. Несколько лет назад сказал мне: «Мам, мне предложили инвалидность оформить. Я плохо себе представляю, что это такое. Что, пенсия, лекарства бесплатные?» Захотел со мной сравняться! Я ему с негодованием сказала: «Я — писательница, я — член Союза журналистов, я приравнена к участникам войны! И только потом уже инвалид второй группы по сердцу». Он, как всегда, не понял и спрашивает: «А лекарства-то бесплатные почему?» Ну, пришлось сказать, что по инвалидности.

Еще сын преподает в институте раз или два раза в неделю. Я его спрошу по телефону: «Ты сейчас лекции читаешь?» Он: «Читаю». Значит, ясно, что чувствует он себя неплохо, и нечего мне голову морочить. Еще сын книжки пишет. В первой вывел меня как явную злодейку. Имя, конечно, другое, но кто знает мою жизнь, сразу поймет, что про меня. И имел наглость еще эту книжку мне принести. Из-за этой книжки у меня был сердечный приступ, от которого я чуть не умерла и уже два года не могу оправиться. Из-за нее я все время плачу. И врачам говорю, что у меня был стресс, за которым последовало резкое ухудшение состояния здоровья... Нет, нет, я не плачу... Могу вам прочитать некоторые места из этого клеветнического произведения... Нет, почитать вам не могу дать, незачем. Понятно, что когда он мне вторую свою книжку хотел подарить, я только кистями рук замаяхала от себя, так нечистую силу изгоняют. И сказала презрительно, чтобы понял: «Забери немедленно. Я это в дом не внесу!» Знаете, так выразительно сказала слово «это» и губы скривила слегка.

Давно еще, много лет назад, сын пытался критиковать то, что я пишу. Мол, это неправда, так не

бывает, и быть не может. Я ему тогда объяснила, что не нужно так примитивно понимать, что это — сказка, мечта. Это и есть литература, а то, что он пишет, я литературой считать не могу.

Жена внука... Кто она мне? Внучатая невестка? Забавно, правда? Жена внука — художница... ну, или архитектор по интерьеру. Новым русским отделяет квартиры и дачи. Когда внук квартиру купил, так она все от начала до конца делала, все стены передвинула. Не руками, конечно, но все задумки ее. Ведь сейчас жить в новой квартире сразу невозможно, одни бетонные плиты. На новоселье гости, конечно, хвалили, восхищались, а мне не понравилось. Вслух я свое мнение не стала высказывать, но сына отозвала в сторону и сказала, знаете, так, многозначительно: «Ты бы хотел жить в такой квартире?» Сказала с упором на слове «такой». Сын только плечами пожал, наверное, не захотел согласиться со мной. А может быть, не понял, как обычно.

Внучка — студентка, учится еще, но хамству уже вполне обучилась. Ведет себя так, как будто она — подарок для всех. Ей бы сидеть, слушать меня, открыв рот, и записывать, а она не понимает, что теряет. Вот не будет меня... И все!.. Что ей ни скажу, отмахивается... Бывали иногда хорошие минуты, разговаривали с внучкой как родные люди. Я ей рассказывала, она слушала... Ну, вот, подумала, подходящий момент, можно откровенно поговорить. Сказала внучке: «Танечка, если тебе Борька будет говорить, что регулярно дает мне деньги, то это — вранье!» И сразу — стена, глаза у нее стали стеклянные: «Ну, бабушка, мне пора». Все до капельки подобрала у своего папаши.

Скажите, почему так бывает в жизни?! Почему человек, столько сделавший для других, бесконечно любящий, искренне стремящийся помочь, не получает сам даже капли ответной любви, даже крохотной помощи?! Почему человек, так тонко чувствующий других людей, родных людей, лишен всякого понимания и сочувствия?! Я это так в стихах описала: «Талантлива, умна, но на мою дорогу два бездарных дурака от зависти к таланту моему мне выставили ногу...» Написала «два», то есть сын с невесткой... От душевной щедрости, от любви к людям написала только два, следовало и других добавить... Получилось бы не два, а много больше...

Я говорю и чувствую, что вы меня тоже не понимаете. И только кричу, как в пустыне: «Почему?.. Почему?..»

(Экзамен по искусству)

Берите билет.
— Мне не нужен билет, вы мне поручили самой подготовить доклад на тему «Малоизвестный московский художник конца XIX — начала XX века», — сказала Таня, немного смутившись, оттого что преподавательница забыла свое задание.

— Ах, да. Я помню, помню. Вы ведь Таня Сергеева? Ну, что ж, начинайте, кого вы выбрали?

Таня Сергеева начала с места в карьер.

— Художник Пупишевский был известен среди московского купечества как хороший и недорогой портретист. Заказов художник получал много, даже взял себе помощника-студента. Заказные портреты, правда, выходили однообразные. Почти всегда купец второй гильдии — в сюртуке, с медалью за благотворительную деятельность, анфас. Иногда групповые — почетный гражданин с женой и сыном-реалистом. Выглядели картины Пупишевского хорошо: сходство художник улавливал превосходно, а медаль и платье жены тщательно выписывал студент.

Так и остались бы работы художника в старых купеческих домах, может быть, еще на тематических

выставках: вот, мол, это тот самый купец, который пожертвовал на церковь «Нечаянной радости», когда у него в преклонных годах родился сын (а кто художник — не имеет значения).

Но равномерное и благополучное течение жизни прервало горе: у Пупишевского внезапно умерла жена — горячо любимая Марфа Лукинична.

Художник начал работать по-другому буквально на следующий день после похорон жены.

Новые портреты радикально отличались от старых — это были работы художника-модерниста.

Свой портрет купец Зелюкин выкупил у художника за половину оговоренной вначале цены, сказал, что Пупишевский его изуродовал, что хочет он забрать испорченный портрет, чтобы не позориться, чтобы «от людей не было стыдно».

Этот портрет Зелюкин показал Сергею Ивановичу Щукину как доказательство того, что все художники прохиндеи и покупать ихнюю мазню не стоит. Особенно злило Зелюкина несимметрично торчащее левое ухо. Сергею Ивановичу же портрет очень понравился, и он купил его у Зелюкина, надавав тысячу рублей сверх расходов, но дал обещание не показывать портрета общим знакомым.

В этом же году в Москву приехал немецкий искусствовед Пунк. Пунк считался одним из теоретиков экспрессионизма и прибыл для знакомства с русскими художниками новых направлений. Остановился он в доме Щукина на Знаменке. Там он увидел «Портрет Зелюкина» и пришел в восторг. На лекции, которую Пунк прочитал московским художникам, он десять минут восторгался работой Пупишевского, называя его ярким представителем русского экспрессионизма. Значительную часть своих

восторгов Пунк отнес к кричащему (именно так он выразился на лекции) левому уху.

В процессе брожения в художественной среде, который вызвал визит Пунка, образовалась группа художников-модернистов, выбравшая для себя название «Левое ухо». Группа, правда, просуществовала недолго и распалась из-за внутренних противоречий.

«Портрет Зелюкина» Пунк увез в Европу, то ли купив его у Сергея Ивановича, то ли получив в подарок. Западным художникам портрет тоже очень понравился, стал предметом исследований. Позднее искусствоведы нашли явное влияние работы Пупишевского на многих экспрессионистов, особенно заметное, например, в «Автопортрете» Пикассо 1906 года, где самыми яркими пятнами в картине являются два глаза и «пупишевское» левое ухо. Еще есть набросок портрета Сергея Ивановича Щукина, который сделал Матисс в 1912 году, на котором Щукин сам на себя не похож. Зато портрет очень похож на «Портрет Зелюкина», только ухо торчит правое, а не левое.

— Откуда вы все это взяли, деточка? — спросила профессор Розалия Моркосовна, слушавшая ответ студентки с большим интересом.

— Вот у меня на листочке библиография, — ответила Таня.

— Но здесь сплошь иностранные работы, а художник-то русский.

— Русских работ я не нашла...

— Продолжайте, продолжайте. Очень любопытно.

— Так вот... Я забыла еще сказать, что сам художник совершенно сознательно связывал начало нового периода в своем творчестве с потерей любимой супруги. На всех новых портретах Пупишевский

Новые портреты радикально отличались от старых — это были работы художника-модерниста (к стр. 413).

стал обязательно рисовать цветок лилии, по его мнению — знак скорби. Цветок этот художник рисовал «для себя», в самом углу картины, как правило, цветок полностью или частично был скрыт рамой. На «Портрете Зелюкина» лилия не видна совсем, хотя в левом нижнем углу под рамой она есть. В новой манере Пупишевский написал десять или двенадцать портретов, может быть, и больше. Все их приобрел Щукин.

* * *

— Берите билет.

— Вот, значит, как бы... — бормотала Света, восторженная, но слабая студентка с белесыми жидкими волосами. — Этот билет. Номер 17: «Художник Пупишевский».

— Странно, опять Пупишевский... Не хотите взять другой билет?

— Вообще-то как бы это — дурная примета... — жеманничала Света, думая про себя: «Какой же это Пупишевский? Который детей рисовал? Нет, тот, вроде, Боровиковский, или Левицкий. «Христос в пустыне»? Это, кажись, Крамского или вообще Репина. Может, действительно, взять другой билет? А если еще хуже попадетсЯ?»

Света почувствовала устремленный на нее взгляд, подняла глаза и увидела напряженную физиономию студентки Силиной, жгучей брюнетки, прозванной за это Анчуткой. Поймав Светин взгляд, Анчутка произнесла губами два слова. Первое Света поняла — «портрет», а второе нет. Ну, уже кое-что: Пупишевский — портретист, правильно она сразу подумала.

— Ладно, идите, готовьтесь. Просто мы незадолго перед вами прослушали доклад на эту же тему,

ваш ответ может бледно выглядеть на фоне доклада. Впрочем, как хотите, — сказала Розалия Моркосовна, неверно истолковав заминку — раз не хочет брать другой билет, значит, знает этот.

Света просидела пятнадцать минут без всякого толку, потому что Анчутка пошла отвечать, а больше никого в аудиторию не пригласили. Дождавшись, пока зубрила Анчутка получила свою «пятерку» и ушла, Света потащилась сдавать.

— Вы понимаете, Пупишевский — это такой художник хороший. Он жил на рубеже веков в Москве. Писал портреты купцов и разных как бы именитых людей. У него на портретах все так достоверно, спокойно. Я была в Угличе в прошлом году. Там, конечно, я обошла все музеи — я как бы не мыслю свою жизнь без искусства. В одном музее тоже много портретов купцов. Темные фигуры, покрытый лаком холст, рама добротная, без позолоты, приглушенный свет пустых залов музея. Такое впечатление производит...

— В Угличе разве есть работы Пупишевского? — прервала ответ Розалия Моркосовна.

— Пупишевского, по-моему, я там не видела, но тон, колорит, палитра. Вы понимаете, я как бы ассоциативно рассуждаю. В душе эти портреты находят отклик, напоминают работы Пупишевского, русскую народную песню «Среди долины ровныя». Вы читали «Пошехонскую старину»? Как бы общий настрой такой...

— Продолжайте.

— И вот я как бы хочу сказать, что русский портрет начала века, в том числе творчество такого талантливое самородка, как Пупишевский, еще, как бы, недостаточно изучено, не занимает как бы подобающего места...

— Далее.

— Так вот я и говорю, что нужно это как бы изучать, писать о творчестве Пупишевского. Вы понимаете мою мысль?

* * *

— У меня сообщение на тему «Биография русского портретиста», — сказал Афанасий, единственный мальчик в группе, очень умный и ухоженный.

— И кого же вы выбрали? — спросила Розалия Моркосовна.

— Я выбрал Герасима Пупишевского, — тряхнув кудрями, громко, как на сцене, ответил Афанасий.

— Третий раз Пупишевский, мистика какая-то... А почему?

— Ну, биографии Репина, Серова, Поленова, все знают, и на лекциях вы рассказывали. А Пупишевского и самого-то мало кто знает. А у него в биографии две тайны: откуда взялись его экспрессионистские картины и куда потом делись? Интересно.

— Раз так, давайте, рассказывайте.

— Художник Пупишевский Герасим Модестович родился в 1863 году в Москве в семье старшего приказчика, умер в 1919 году в Константинополе. С детства проявил склонность к живописи. Законченного художественного образования не получил, но весьма добросовестно и скрупулезно изучал живопись самостоятельно и с помощью домашних учителей. Известная работа одна — «Портрет купца Зелюкина», находится в частном собрании в Германии. Остальные работы, принадлежавшие почти все известному коллекционеру западной живописи

Сергею Щукину, видимо, погибли. Во всяком случае, среди национализированных картин Щукина, на которых был основан «1-й музей нового западного искусства», их не было. Высказывалось мнение, что портреты кисти Пупишевского целы, просто в музей западного искусства они не попали из-за того, что художник не западный, а русский. Возможно, портреты еще найдутся. Грабарь, как говорят, предлагал какому-то аспиранту заняться творчеством Пупишевского, то есть сначала найти его поздние работы, а потом написать диссертацию, но до дела не дошло. Работы Пупишевского раннего периода, по мнению искусствоведов, не представляют художественной ценности. Эти работы сохранились в нескольких музеях Москвы и подмосковных городов, содержатся в запасниках и экспонируются изредка на тематических выставках.

— А вы сами видели «Портрет Зелюкина»? — спросила профессорша.

— Где ж я его мог видеть? — удивился Афанасий. — Это если вы про оригинал спрашиваете. А картинку видел в старом каталоге.

— Ну и как вам?

— Ну, если честно, то ничего особенного. Очень похоже на Пикассо, на Малевича.

— Но «Портрет Зелюкина» написан раньше, чем подобные портреты Пикассо и Малевича.

— Конечно, в этом смысле, в контексте, в плане изучения истории современного портрета... Мне все-таки Грез, Ренуар, Серов или Репин больше нравятся.

— Зачем же вы тогда выбрали для доклада Пупишевского?

— Я же сказал, биография необычная.

* * *

— Какое загадочное совпадение с Пупишевским... — задумчиво говорила Розалия Моркосовна своей аспирантке, после того как студенты ушли и экзаменаторы остались вдвоем. — Я ведь видела Пупишевского, можете себе представить?

— Вы, наверное, были маленькой девочкой? — спросила аспирантка Лена.

— Да нет, всего-навсего пятьдесят семь лет назад, — стала рассказывать профессорша. — Дело было так. В 21-м году мне было 19 лет, и я училась во ВХУТЕМАСе. Мы сидели как-то, человек пять, в комнате, и с нами беседовал Грабарь. Он искал помощников для работы над книгой и пришел к нам. Вдруг дверь в нашу комнату открылась, и очень уверенно вошел старик. Он сделал шаг вперед, остановился, как будто проснулся, оглядел нас, сказал: «Ой, пардон-те» и вышел. Мы снова повернулись к Игорю Эммануиловичу, а он смотрит на дверь и молчит, а потом спросил нас: «Вы знаете, кто это был? Это был художник Герасим Пупишевский». Я первый раз это имя слышала, но у нас был парень Аркашка Ларин, очень умный. Он был родственником кого-то из крупных коммунистов и в каждом событии видел прежде всего политический подтекст. «Это, который белоэмигрант?» — сказал Аркашка. «Да какой он эмигрант! — с досадой ответил Грабарь. — Он великолепный портретист. А человек такой, как бы сказать, зависимый, легко принимает правила игры. Ему бы актером быть. У него жена была волевая женщина. Вот он и писал портреты, как она велела, и имел успех. Жена умерла, он стал рисовать, как самому хотелось. Опять успех, только

в другой среде. Попал под влияние Щукина, тот его и направил за границу в 18-м. В Константинополе Пупишевский потерялся, потом пристал к компании, которая возвращалась, и вот он тут». Грабарь задумался, помолчал, потом сказал: «Хорошо бы, чтобы кто-нибудь занялся Пупишевским. Его, наверное, и подкормить нужно, и, главное, картины его собрать, а то пропадут...» Видимо, этот разговор имел продолжение, иначе где бы этот студент мог прочитать про Грабаря и аспиранта? Видите ли, еще прочитал, что художник умер за границей. Хотя, вполне возможно — кто его в Турции потерял, тот и сообщил, что он умер...

Аспирантка слушала, открыв рот.

— Что, интересно, деточка? — ласково спросила Розалия Моркосовна. — Такая древность, начало двадцатых годов, а всего-то один шаг, и я — живой свидетель, к тому же вполне бодрый. Пупишевский, Грабарь... Ленин к нам приезжал, а Луначарский, так тот лекции у нас читал. Я и с Маяковским была знакома, а с Велимиром Хлебниковым, знаете такого поэта? нет? в одной коммунальной квартире жила, в соседних комнатах. Ну, должны вы знать Хлебникова — он в катаевском «Алмазном венце» всё стихи в наволочке таскает, чудаковатый такой. Не очень-то похоже он описан, но что-то есть... Это ведь Володя, в смысле Велимир Хлебников, слово «лётчик» придумал, до него пользовались иностранным словом «пилот». Была у Хлебникова такая идея... Тяжелое было время, деточка. А сейчас вспоминаю с радостью: молодость, новая жизнь. И, знаете, был такой узкий круг творческих людей, в том смысле, что все были знакомы друг с другом... Ну, хотя бы были знакомы с чьим-то знакомым, не

дальше. Художники, поэты. Я бы сказала, наперечет были. Блок, Гумилев (ну этих-то знаете?) в комиссиях заседали, вес имели, несмотря на чуждую ориентацию. Потом, конечно, все кончилось трагически.

Пупишевский к этому кругу не принадлежал, поэтому я про него до того случая не слышала. Робел он перед богемными. Сначала, до смерти жены, жил в своем кругу, а потом, похоже, жил только поддержкой мецената Щукина. Такое вот имя, почти потерянное... А есть ведь и совсем потерянные. Мы вырем, и все это уйдет в небытие, а ведь интересно было бы записать кое-что, вспомнить. Жаль, заняться некогда, да и некому. Что-то я развздыхалась? Прочь, прочь, это — старческое. Ну, пойдете, Леночка! На сегодня хватит...

1

— До каких пор я всегда и все должна делать одна?! — говорила Оля мужу. В голосе у нее явственно звучали истеричные нотки, давно накопленная обида и готовность сорваться в крик. — Ты опять в стороне? Ведь вся затея с квартирой — только для тебя, ты меня замучил со своим «нет условий для работы».

— Чего ты хочешь? Нет у меня денег на эту авантюру, — набычившись, ответил Олег.

— Опять, снова здорово! Ты ведь знаешь, в январе будут деньги. Нужно перекрутиться всего три месяца. Возьми в долг у Володьки. Все это я тебе повторяю в сотый раз.

«Ох, достанет она меня! — думал Олег, не зная, что ответить. — Пойти, что ль, побегать? А то ведь не даст житья».

Олег стал потихоньку продвигаться к прихожей.

«Теснотища у нас все-таки. Так, спортивные штаны висят, свитер есть, шапочка вот. Кроссовок нету. Опять куда-то запрятала. У нее убираться — значит прятать мои вещи»

— Оль, а где мои кроссовки? — спросил Олег.

— Кроссовки в калошнице слева. Ты мне ничего не сказал.

— Ладно, сейчас побегаю, потом поговорим.

— Опять сматываешься? Ну, вот что. Давай сегодня решать. Нет — так нет. Обидно просто, что я столько работы провернула. Все, считай, готово. Нужно сделать последний шаг. Но я из принципа ничего больше не буду делать, пока ты не подключишься.

2

Олег бежал трусцой по бульвару. Бег — хорошее занятие, Олег бежал, а в душе восстанавливался, трамбовался защитный слой, за которым он, как в блиндаже, прятал свое драгоценное «Я», и который так хотела разрушить, расковырять жена.

«Хорошо все-таки, есть где побегать. А зимой на лыжи можно прямо у подъезда становиться — и в лес, — думал Олег. — Квартира, правда, тесная. Негде спрятаться от них. Надо бы еще одну комнату. Скажу, что это мой кабинет, и пусть не заходят. Пусть только убираться приходит... когда меня нет дома. И чтобы тоже было бы где погулять, побегать. Да хотя бы в нашем же доме, и переезжать легче. Еще переезд...хлопот полно, неохота этим всем заниматься... А тут еще — деньги доставай... Володька, в общем, даст. И все тогда, я в цепочке: мне брать, мне отдавать, мне отвечать. Так, захотел, позвонил Володьке: «Пойдем пивка поьем или погуляем». А так, я ему деньги буду должен, мешать будет это противное обстоятельство. Да и неохота на себя брать, опять она меня использует, за мой счет

хочет проехаться, затеяла — пусть делает от начала до конца. И вещи таскать не буду, я ей не грузчик, пусть ищет людей, где хочет. И с деньгами сделаю так, чтобы отстала».

Оля встретила вернувшегося с пробежки мужа словами: «Позвони Володьке!»

— Такие вопросы по телефону лучше не решать! — многозначительно ответил Олег. — Я завтра к нему съезжу».

— Съездишь? — недоверчиво переспросила Оля.

— Сказал, съезжу и поговорю. Все, давай чайку поьем.

3

На следующий день Олег созвонился с другом и встретился с ним в парке. Погодка была чудесная, осень золотая, вечер — в начале. Народу мало, ходили по парку, считай, одни. Поговорили о том о сем, бутылку грузинского вина выпили за столиком на улице, как летом, и нехолодно в куртках.

К разговору о деньгах приступать не хотелось, но надо.

— Слушай, Володь, тут моя баба надумала квартиру расширять, а денег не хватает. Дайте в долг, — Олег нарочно сказал «дайте», чтобы Володя мог ответить: «Надо с женой посоветоваться». Но тот не стал отгрести в эту сторону, тем самым проявив готовность одолжить деньги. Он просто стал выяснять детали.

— А сколько тебе нужно? — спросил Володя, продолжая расслабленно сидеть на садовой скамейке и глядеть на пруд, как будто предложение отдать другу деньги его не взволновало. Но Олег подготовился

к разговору, и так просто всучить ему деньги было нельзя.

— Я ведь не знаю, сколько у вас есть, — ответил Олег, опустив глаза. Он был напряжен, начиналась самая важная часть разговора.

Володя почувствовал некоторую странность ответа. Он спустил ноги с металлического барьерчика, сел на скамейку боком и сказал:

— Не понял.

— Я же не знаю, сколько у вас есть, — повторил тем же тоном Олег, не глядя на Володю.

— А на какой срок? — уже очень заинтересованно спросил Володя.

— Понимаешь, если у меня хорошо пойдут дела, очень может случиться, что я и отдам, — продолжал воплощать в жизнь свой замысел Олег.

— Надо подумать, с женой посоветоваться, — попался наконец на крючок Володя.

— Да, пожалуйста, нам очень нужны деньги, — облегченно сказал Олег.

4

— Ну, разговаривал? — спросила Ольга мужа, как только он переступил порог дома. Бывает, что мягкие люди, привыкшие уступать и все за всех делать, доходят до предела, «упираются рогом». Так у Ольги задача заставить мужа найти деньги для общего семейного дела стала самой главной жизненной задачей. Ей казалась, что если она, как обычно, уступит и добудет деньги сама, то вся ее семейная жизнь — сплошной обман, клетка, игра в одни ворота. Олег окончательно сядет ей на голову, и в будущем нет ничего, кроме мужа-паразита, трутня,

не способного быть даже слабенькой опорой, да что там опорой, жилеткой, в которую можно поплакать. Тогда нужно не расширять квартиру, а послать все к черту, и искать вместо этой квартиры две в разных районах.

— Разговаривал, — честно ответил Олег, глядя жене в глаза.

— Даст?

— Ну, знаешь: сколько? на сколько? с женой надо посоветоваться, позвони через несколько дней — обычная волянка. Кто в наше время деньги легко отдает?! — передал Олег суть своего разговора с Володей.

Ольга ничего не ответила, решила подождать. Конечно, жалко эти «несколько дней», но уж очень интересно посмотреть, что дальше будет.

5

— Звонил Володьке? — спросила Ольга мужа через два дня.

— Да, звонил.

— Ну и что?

— Пока — ничего. Нужно еще раз позвонить.

— Не понимаю! Что, ты Володьку не застал, или было занято, или он еще не решил?

— Говорю, надо еще раз позвонить, — Олег придал своему голосу угрожающий тембр, тогда жена, есть надежда, отстанет.

— Звони примне, сейчас, — повысила голос Ольга.

— Сколько время? — деловым тоном осведомилсь Олег.

— Посмотри на часы, — так же резко продолжала Ольга.

— Пол седьмого... Наверное, еще рановато. Через часок позвоню.

— При мне.

— Конечно, при тебе. Вместе позвоним.

6

— Здорово, Володь! Ну, как вы решили? — бодрым и фальшивым голосом просителя сказал Олег в телефонную трубку.

— Что мы должны были решить?

Володя помнил о просьбе Олега, но счел, что раз неизвестна ни сумма, ни срок, то решать еще нечего, и дома ни о чем не заикался.

— Как, что? Денег вы нам дадите?

— Какую сумму и на какой срок?

— Я же тебе говорил уже, — Олег попал в щекотливое положение. Повторять при жене, стоявшей рядом с ним, витиеватую формулировку о неизвестной сумме с неясными перспективами возврата — означало провалить задуманную комбинацию.

— Ничего ты мне не говорил.

— Поговори с женой, раз сам решить не можешь! Я попозже позвоню, — с некоторой обидой в голосе сказал Олег. Ладно, наплевать, что там Володя подумает, зато Ольга не будет приставать.

Олег положил трубку и посмотрел на жену, пытаясь угадать, не насторожилась ли Ольга, не почувствовала ли некоторого несоответствия телефонных вопросов и ответов. Нет, похоже, все гладко. Хорошо даже: она велела, вот он и пытается денег достать, участвует.

— Оль, похоже, они не особо рвутся нам деньги давать, — сказал Олег жене.

Олег положил трубку и посмотрел на жену, пытаясь угадать, не насторожилась ли Ольга, не почувствовала ли некоторого несоответствия телефонных вопросов и ответов. (К стр. 428.)

— Понятное дело. Люди должны подумать, посоветоваться между собой. Но, я думаю, что для Володьки это не слишком крупная сумма. Позвоним через полчаса, — довольно спокойно ответила Ольга.

7

В это время Володя советовался с женой.

— Слушай, Танюш, тут Олежек деньжат у нас хочет перехватить.

— А много? — спросила жена.

— Да не пойму, вроде, говорит, сколько есть, все заберет. Ему на квартиру нужно.

— А вернет когда?

— Тоже как-то невнятно. Если, говорит, все будет хорошо, то отдам.

— Он что у тебя психованный?

— Да нет, нормальный, ничего. Так, малахольный малость.

— Тогда ты не в порядке. Олег твой или какую-то интригу плетет, или и взаправду отдавать не собирается. Так деньги не одалживают. Подожди, когда тебя попросят по-человечески, тогда и будем решать, давать или нет. Так и скажи ему. Если боишься, я скажу.

— Не-не, Танюш. Какие дела? Я спросил — ты ответила, по-моему, вполне по делу. Сам справлюсь.

8

— Ну, что, Володь, обсудили? — скованно начал телефонный разговор Олег, находящийся под бдительным взглядом жены.

— Чего обсудили? Скажи, сколько тебе нужно и когда отдашь? Я поеду и возьму. Что за базар, чего обсуждать? Татьяна не возражает. Вообще, наши дела, мужские. Что ты как неродной?

— Это квартира, сам понимаешь, дело важное. У Ольги все на мази. Плати деньги — и вперед. Какие я могу гарантии дать?

— Кто сказал «гарантии»? Ты что там, не один, говорить не можешь? Так перезвони, когда сможешь говорить!

— Ладно, пока...

Олег скорчил гримасу и почесал затылок.

— Да-а-а... Еще, говорит, перезвони... Похоже, Оль, не дадут они нам денег...

— Какая же твой Володька сволочь, — в голос закричала Ольга. — Вот твои кореша вонючие когда видны! Они друзья у тебя только водку жрать на пленере! О любом пустяке просить бесполезно!

— Ну, уж не такой это пустяк... — заступился за друга Олег. Он потупил глаза, чтобы Ольга не увидела веселых искр: «неужели получилось?!»

— Что ты знаешь?! Мне Танька в хорошую минуту рассказывала про их масштабы. Ладно, фиг с ним! Подумаешь, миллионер! Гобсек! Плюшкин! Обойдусь без него! Но ты-то! Таскаешься с ним, всерьез воспринимаешь! Оба вы г... А Володька твой — подлец! Самый настоящий! — Ольга кричала и плакала. От отчаяния, от одиночества, от бессилия. Вроде и заставила мужа пошевелиться, а все равно толку никакого...

Олег немножко растерялся, он боялся, когда Ольга плакала и громко кричала.

«Вообще-то, Володька мог дать денег, у него их куры не клюют», — в тон с криками жены думал

Олег. Эта мысль показалась ему очень циничной и несправедливой по отношению к Володе, даже совместно было ее думать, но только в первую минуту. Потихонечку мысль эта обточилась, острые углы сгладились. Внутренне узаконились оправдания «А зачем он спрашивал, сколько? Сказал бы, что даст денег, потом бы решили, сколько. Понятно, что сколько бы смог, столько бы я у него и взял. Зачем спрашивал, когда отдам? И так ясно, что отдам при первой возможности. Сказал бы, что раньше нужны деньги, я бы расшибся, а вернул. Не захотел он нам помочь, в этом вся суть, правильно Ольга говорит».

Хорошо было обдумывать низкое поведение Володьки во время бега, сначала вблизи старого дома, потом около нового дома, там тоже было где побегать.

После такой душевной работы Олег уже с чистой совестью поддакивал жене, когда она заводилась на тему: «Какой же Володька все-таки подлец!»

9

Прошло больше года, и Володя получил открытку от Олега.

«Здорово, Володь! Поздравляю с Новым Годом! Целую вечность ничего о тебе не слышал. Соскучился, хочу увидеться. Хотя, скажу прямо, то, что ты мне не захотел когда-то помочь в трудную минуту, сильно меня морально травмировало. Но человек не должен жить обидой. Я простил и тем счастлив. Желаю тебе в Новом Году успехов и возобновления нашей дружбы. Сообщаю свой новый адрес и телефон. Жму руку. Олег».

Вы знаете, что такое бойлерная? Впрочем, это не важно. Так вот, в бойлерной сидели дворник и поэт. Поэт был настоящий, член Союза писателей. В бойлерной он работал, как считалось, чтобы давать тепло людям не в переносном, а в прямом смысле, или чтобы быть ближе к жизни, или ещё по какой-то причине, в общем, поэтическая причуда.

Дворник же зашел в бойлерную на огонек. Он вышел перед сном прогулять свою собаку породы Московская сторожевая, и, пока ученый пес обнюхивал столбы и деревья, дворник решил побеседовать с соседом по дому и сослуживцем по ДЕЗ-20.

— Моя жена — удивительная женщина, — рассказывал дворник поэту. — Любит меня, как перед свадьбой. За что? Какие у меня заслуги? А у жены такое уважение к моей личности, как будто я — космонавт или засекреченный физик. Была бы она темная, тупая, тогда понятно — рот открыла десять лет назад и до сих пор закрыть не может. Нет ведь, она женщина чуткая, нежная, очень способная к любой работе. В каких только дырах нам с ней жить не при-

ходило! Казалось бы, щели заткни, чтоб не дуло, ящик дощатый газетой накрой и переждидай. Куда там. *Мы тут живем!* Устраиваемся капитально. Не любит она убогих времянок. Так все сделает, что, поверишь, в лучший дом ехать неохота, боишься, что хорошо так не устроишься. А она легко бросает все и едет — в лучшем доме лучше и делает. Еды в доме всегда полно. Слава Богу, не война, на харчи всегда есть. Мало денег — картошка, каша, напечет чего невесть из чего. Появятся деньжонки, так чего побогаче, но такого, чтоб в доме пусто было и вкусно не пахло, не бывает. Посоветуешься с ней насчет дел своих. Какие у меня дела — халтурка какая-то подвернется и подобное. Она так разговор ведет, что для нее не деньги важны, ради которых я за это дело и берусь-то. Нет, в первую очередь ее интересует, хочется ли мне, не во вред ли это моей репутации, да моему драгоценному здоровью. Конечно, хорошо и для семьи — деньги.

— Пьяный я один раз заявился, лет восемь уже прошло, — продолжал откровенничать дворник. — На улицу не выгнала, заставить меня спать в канаве или в вытрезвителе не решилась, но и не прикоснулась ко мне. Все мне прощала — и метлу, и трудности жизни, а предательства такого не могла простить. Я с тех пор на всякий случай к напиткам не прикасаюсь. Только с ней, дома, на праздник. Она у меня графинчик завела для гостей. Всегда полный, по месяцу стоит, если не зайдет никто. Конечно, она главная, и на ней все держится, а спроси пацанов, кто глава семьи? Так оба балбеса моих не задумываясь скажут: «Папа!» Она повернула все этак: папы нет дома — грустно, папа пришел — ура, папа устал, так что ты, Павлик, после школы — никуда, снега мно-

го намело, надо папе помочь. Не по заслугам, вроде бы, счастье мне досталось, а совесть меня не мучит. Есть во мне, видно, что-то, раз такая женщина меня любит. И я под ее любовь и уважение тянусь. Денег зарабатываю, сколько могу. Если увижу, что ей хочется чего, так расшибусь, а сотворю. И культурно расту. Книг перечитал — всю библиотеку тридцать третью и твои в придачу, что ты мне давал. Спасибо тебе, ты человек простой и не жадный. Ты когда в бойлерную устроился дежурить, что-то, думаю, не то. А потом, смотрю, устроился и работаешь без всяких. Вот так. И стихи твои мне нравятся, какие читал... Знаешь, я тебе сознаться хочу. Стихи я тоже писать стал. Смешно, конечно, никто не знает, даже жена. Можно прочту? Я печататься, навязываться, не собираюсь. Твое мнение хочу услышать...

Поэт разрешил дворнику почитать — ведь он был настоящий поэт и любопытства к другим людям и чужим стихам не утратил. И дворник стал читать.

*Я проводил Марусю не рыдая,
А равнодушно глядя в потолок.
«Прощай, моя Маруся дорогая», —
Сказать я больше ничего не смог.*

*Она ушла, в последнюю минуту
В дверном проеме зачернив квадрат,
Мой дом забыв, перечеркнув как будто.
Маруся, я ни в чем не виноват!*

*Любовь прошла, но вновь настанет лето,
И не спасусь я от любовных пут,
Другая, что сейчас гуляет где-то,
На будущее лето будет тут...*

— Что это за «квадрат в дверном проеме»? — спросил поэт.

— Понимаешь, — ответил дворник, — эта женщина, Маруся, такая толстая, широкоплечая, уверенная в себе. Они жили с этим мечтательным человеком, а потом поняли, что ошиблись друг в друге и расстались. Она вышла из его неряшливой полутемной квартиры на освещенную лестничную площадку и не обернулась в дверях. Поэтому квадрат. Если бы она обернулась, был бы уже не квадрат, в профиль-то она не квадратная! А он рад, что она ушла. Он-то ее давно разлюбил, а выгнать не решался. И он надеется, что в будущем у него будет какая-нибудь получше, что он опять полюбит. Понятно?

— Не понятно, почему ты пишешь про каких-то марусь, а сам только что мне про свою счастливую семейную жизнь рассказывал.

— Вот этого я не могу объяснить, — грустно сказал дворник. — Только я думаю, что какой-нибудь облезлый бабник как раз и пишет про верных жен и любовь до гроба, а я про Марусю. Так человеческое воображение работает.

— Собачка твоя не заскучала?

— Нет, будет носиться, пока не позову.

— Тогда и я тебе расскажу, как поэт поэту. Тебе мои стихи нравятся. Мне это слышать очень приятно. Мне мои стихи тоже нравятся, особенно сначала, когда только что написал. Потом, правда, перестают нравиться, даже стыдно бывает, кажутся слабыми, сырыми. Но, ты знаешь, я — поэт не потому, что поэтом работаю, и не потому, что у меня есть хорошие стихи. Я — поэт, потому что все время сочиняю. Мне скучно никогда не бывает. Строчки сочиняются, забываются, новые сочиняются. Все

окружающее звучит, просится в стихотворение. И чужие стихи, особенно созвучие удачное или рифма, меня волнуют, взбудораживают. Из-за этого я жизнь воспринимаю немножко не так, неадекватно, что называется. Немножко размыты во мне границы дорого-дешево, хорошо-плохо. Это недостаток, мешающий жить, очень хорошие поэты его не имеют. И вот, представь себе, много лет назад является предо мной девица и хвалит несколько моих стихотворений. Причем так хорошо, как я бы их сам похвалил, и именно те стихи. Понятно, что я на ней женился. Стихов ей перечитал пропасть, как мотылек около нее порхал. Всем друзьям и родственникам объяснил, какая она умная, тонкая и хорошая. Ну, а супружница моя потихоньку отъелась, оперилась, шкурка, знаешь ли, стала блестящей, как у старухиной кошки. И понял я, дяденька, что опросто-волосился в очередной раз. Не могу тебе объяснить толком. Вроде, и любит она меня, и гордится, что я — поэт и что квартира хорошая, не изменяла она мне никогда. Все, все правильно, никаких претензий. Но вот, знаешь, человеком она меня все-таки не считает и наличия во мне души не признает. Как автомобиль: и дорогая вещь, и ухода требует, а все не человек. Вот, например, книжка наклеивается. Я всю халтуру, всю текучку бросаю, занимаюсь одним — пишу, переделываю, переставляю и так далее. Денег в семье поменьше становится, да и я семьей поменьше занимаюсь. Моя сразу за телефон: «Ах! Мы так бедствуем, мне нечего надеть. Не одолжите ли денег? Скоро у нас выйдет книжка, тогда нам будет полегче». Мне это слышать унижительно, для меня каждая книжка — таинство, праздник, счастье, я для этого живу. У меня пять книжек вышло,

вот, считай, я пять раз счастлив был. От гонорара я не отказываюсь, побольше бы платили, но, пойми, нельзя так говорить! Попросишь ее: не одалживай, подождемся давай. И пойдет — побольше денег приносить надо, не буду одалживать, у той пальто и соболя, и тру-ля-ля, и тру-ля-ля. Пиши и приноси деньги, хоть бы раз сказала: «Прочти», нет, говорит только: «Пиши». Поэзия — штука неустойчивая, она мало кому опору, уверенность в себе дает. Разве что уж самым талантливым, но история учит, что даже их легко заклевать. И вот стал я себя все время виноватым чувствовать. Идеальный человек — это который здоров, как буйвол, поэт, как Пушкин, богат, как банкир, обои клеит, как маляр, жену ублажает, как Дон Жуан, и много еще кое-чего. Я-то до этого идеала не дотягиваю, видишь ли... Виноват во всем. Мужчина должен сознавать, что он умеет что-то делать, а то, что я умею стихи писать, так это сомнительное оправдание моего существования, все равно что знание древнегреческого языка на рыбалке. Затосковал я, дяденька, ужасно, жизни радоваться перестал, все из рук валится. Ни за что взяться не могу, усталость какая-то на сердце. Вот, с тоски в бойлерную и подался...

— А ты разведись, — посоветовал дворник.

— Да ты что! Натура у меня прилипчивая, к жене я привязан, дочку в жизни своей не брошу. Деваться мне, опять же, некуда, снова с угла начинать неохота. К тому же, больно пошло — все сейчас разводятся. А чувствовать себя виноватым устал. Итак, живу, как в подполье. Для любых, самых невинных моих поступков жена придумывает пусть фантастические, нереальные, но обязательно подлые объяснения. Все время хочется оправдываться, доказывать,

*Тогда и я тебе расскажу, как поэт поэту.
(К стр. 436.)*

что все не так — это по пустякам-то. А ты говоришь, семью бросить!

— Тогда у тебя одна надежда, что переменится баба твоя, поймет, что ей самой невыгодно тебя затукивать. Потому что бойлерная — тоже не дело. Уход от действительности. Как-то неприлично для нормального взрослого человека. Ты бы еще босиком по России отправился. Что в двадцать лет — мило, то в сорок — стыдно. Нет уж, или сам меняйся, или жизнь свою меняй, а по ночам в бойлерной отсиживаться не стоит.

— До утра-то досидеть можно?

— Шутишь... Ну, а про Марусю как, стихи?

— Хорошие стихи, — серьезно сказал поэт. — Особенно, когда все растолковал. Ты подбери несколько стихотворений посильнее и принеси мне. Подумаем, что с ними делать.

— Спасибо, но я не к тому... — смущенно и радостно забормотал дворник.

— Брось, брось, я не шучу, приноси. Спокойной ночи.

— Я теперь и не усну, наверное. Спасибо. Счастливого подежурить.

— Тебе спасибо. Будь здоров.

Дворник вышел из бойлерной и глубоко вздохнул. Большой двор нескольких панельных домов курчавился зелеными насаждениями — детищем давешних субботников. Светила луна. В окнах домов переходили люди. Дворник позвал собаку и побежал домой.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ШАПОВАЛОВ

Рассказ в двух частях: человек и душа

— Слышал, — проговорил отец протопоп, — хотя и не помню, где.

— Не в газетах ли читали?

— Вот именно дети в газетах где-то читали и мне рассказывали.

Н.С. Лесков

«Русское тайнобрачие»

— Господин старший лейтенант, вас вызывает министр, — сказал капитан Балашов.

Хоть мы носили одинаковые погоны без звездочек, но Алексей Балашов в приемной был главнее меня. Он служил с Сухомлиновым с довоенного времени, привык к своим обязанностям и хорошо себя чувствовал на этом месте. Я же полагал себя временным сотрудником, пришедшим в военное министерство после ранения, и собирался вернуться во флот после полного восстановления здоровья.

Отношения с Балашовым были товарищеские. И столь формальное обращение происходило от необычности ситуации. Я разговаривал с министром только один раз, когда прибыл на службу в министерство и представлялся ему, как представлялся каждый офицер, служащий при военном министре.

В тот раз Владимир Александрович разговаривал со мной вполне доброжелательно, спросил, из каких я Шаповаловых, не родственник ли мне подполковник Шаповалов, которого он помнил по Турецкой кампании 1878 года, спросил о моем ранении. Пожелал удачной службы на новом месте и отпустил. Потом я видел Сухомлинова каждый день, когда он один или со свитой пересекал приемную, а мы, адъютанты и военные посетители, вскакивали и вытягивались.

Личный вызов к министру мог означать только то, что мне предстоит оставить адъютантство и вернуться к службе на корабле, что вполне соответствовало моим стремлениям, и о чем я заявлял. Но даже, если это так, направление меня во флот могло произойти без аудиенции у военного министра, как говорится, не велика птица. После слов Балашова я разволновался: куда меня пошлют, и что еще мог содержать этот вызов, кроме назначения.

Приведя себя в порядок перед зеркалом в углу приемной под взглядом Балашова, я вошел в кабинет и доложил.

— Ваше высокопревосходительство, старший лейтенант Шаповалов явился по вашему распоряжению.

— Сообщаю вам с некоторым сожалением, голубчик, что вы больше не будете моим адъютантом. В соответствии с вашим желанием вы направляетесь в распоряжение штаба флота. Вам надлежит сегодня же в час пополудни явиться в штаб и представиться капитану первого ранга Муравьеву. Благодарю за службу! Желаю вам хорошего назначения.

Я поблагодарил, как положено.

— Вот вам последнее адъютантское поручение. Перед визитом в Адмиралтейство вы пойдете в Ка-

занский собор. У последних колонн правого крыла в половине первого к вам подойдет господин в штатском и спросит: «У вас документы для штабс-капитана Лемке?» Ничего ему не отвечайте, отдайте этот конверт и следуйте по своим делам.

Министр замолчал и посмотрел на меня. Я сказал: — Слушаюсь, ваше высокопревосходительство!

Министр продолжил:

— Этот господин говорит по-русски нечисто, он из лифляндцев, — министр опустил глаза, помолчал пару секунд и продолжил: — Конверт заносить в журнал корреспонденции не нужно. Кто поручил вам передачу конверта, ни при каких обстоятельствах не разглашать. Если почему-либо передача конверта не случится, оставьте его при себе, никому в третьи руки не давайте, и при первой возможности верните конверт мне. Но если подобная возможность не представится в ближайшее время, держите конверт у себя.

Я снова сказал:

— Слушаюсь!

Министр снова сделал небольшую паузу, потом, ничего не добавив, отпустил меня.

— Я вас более не задерживаю. Прощайте, голубчик.

Вернувшись в приемную, я уселся на свое место, которое так скоро станет чужим, и сказал Балашову:

— Алеша, я получил новое назначение, расстаюсь с тобой.

— Какое же, на корабль? — в его словах я почувствовал мгновенно возникшее отчуждение, проявилось «сословное разделение», существовавшее между штабными офицерами и офицерами действующей армии. Я знал, что Балашов выполнил бы свой долг — отправился бы на фронт, если бы его

направили, но пока он сидел в приемной, другой службы не искал и каждое упоминание о том, что кто-то воюет, воспринимал болезненно. Вместе с отчуждением в этом коротком вопросе чувствовалось и товарищеское любопытство: я, в его понимании, не был теперь ему соперником в служебных делах, и ему было просто интересно, где будет служить знакомый ему старший лейтенант Шаповалов

— Через три часа — в Адмиралтейство к некоему капитану первого ранга Муравьеву, а потом, наверное, далее. Так что, сейчас нужно идти на квартиру и собраться в дальний путь, — подробно ответил я, надеясь, что Балашов что-нибудь скажет мне про Муравьева, с которым я не был знаком. Но Балашову было уже не до меня, он не стал вспоминать, кто такой Муравьев, и не стал телефонировать своим знакомым адъютантам-морьякам.

— Да... Ну что ж, удачи тебе... А мы тут, надо же кому-то чернила переводить... Кого, интересно, пришлют на твое место?.. — протянул Балашов

Возникшее в первый момент желание предложить Балашову «вспрыснуть» окончание совместной службы, у меня пропало. Как я потом понял, к счастью — хорошо, что я не стал связывать себя на мой последний свободный вечер в Петрограде. Этого вечера просто не было.

Я сидел и размышлял о том, что меня ждет, куда меня пошлют и какие следует высказать предпочтения, если капитан первого ранга Муравьев предложит не одну вакансию. В этом случае скажу, что желаю служить на корабле, а не в штабе. А если можно будет выбирать корабли? Пожалуй, лучше должность повыше, при этом, понятно, корабль будет рангом пониже...

Течению этих мыслей, естественных в моем положении, мешало некоторое беспокойство, некое побочное обстоятельство. Я перестал размышлять о карьере и стал искать эту «занозу в мозгу».

«Занозой» этой было странное поручение, которое дал мне на прощание Сухомлинов. По ходу размышления мне стало казаться, что передача пакета было для министра основным в его беседе со мной, а мой перевод и изменение моей судьбы он предпринял лишь для маскировки этого поручения. Про Михаила Лемке я слышал. Он был журналистом, которого призвали в армию с возложением на него обязанностей историографа. Упоминали о штабс-капитане Лемке в связи с делом полковника Мясоедова, повешенного в марте за шпионаж.

Я служил при военном министре как раз в тот период, когда одиссея Мясоедова трагически завершилась. Как и все в окружении Сухомлинова, я полагал, что полковник казнен по ложному обвинению. Приговор суда не был утвержден командующим армией в связи с различием мнений судей, но Мясоедова повесили по личной резолюции Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича: «Все равно повесить!»

Все мы считали Великого князя Николая Николаевича скверным Главнокомандующим и вздорным человеком. Первым обстоятельством определялись многие наши неудачи на фронте, а следствием второго были такие события, как незаконная казнь полковника Мясоедова. Говорили даже, что смертельная для Мясоедова резолюция Главнокомандующего была наложена Главнокомандующим из неприязни к военному министру Сухомлинову, покровителю полковника Мясоедова.

Прочь эти мысли! Пора оставить генеральские взаимоотношения, я больше не адъютант! Нужно терпеливо обдумать мое собственное положение, не отвлекаясь на посторонние, чужие, полученные из третьих рук, а, значит, унижительные и неверные сведения. Что мне Гекуба! Буду думать о своей судьбе, и поступать в соответствии со своими выводами. Ведь не совсем же я переродился из боевого морского офицера в адъютанта всего за несколько месяцев!

Итак, Сухомлинов решил передать важное для него письмо с человеком, который должен был тут же исчезнуть. Слава Богу, не физически, но исчезнуть из Петрограда, при этом посланный не должен был попасть ни в Ставку, ни в Царское, ни в Москву. Точнее, не должен был успеть. Хотя, кто знает? Возможно, я приговорен, и меня застрелят после передачи письма. Где, в Питере? Вряд ли. По дороге к месту службы?.. Нет, не так говорил со мной министр, как будто я приговорен им к смерти. Оставим эти страхи. Остановимся на том, что я должен передать письмо и отправиться к месту службы.

Из этого следует, что мне не станут предлагать службу в штабе, а отправят во флот, с отбытием к месту назначения сегодня же. Значит, мне нужно поскорее отправиться на квартиру, рассчитаться с хозяйкой, собраться. Нужно еще проститься с Сонечкой, милой сестрой милосердия в лечебнице Военно-хирургической академии. Чтобы все это успеть, а потом явиться в назначенный час к Казанскому собору, требовалось поторопиться.

Денщика у меня не было. Я зашел в караульное помещение и, спросив разрешения у дежурного офицера, взял в помощники нижнего чина. Получилось удачно, потому что этого солдатика я знал ра-

нее, он был городским и казался мне толковым парнем. На улице подозвал извозчика, и мы покатали. Через пять минут мы были на квартире. Я сообщил хозяйке, что съезжаю и рассчитаюсь с ней через час, затем показал солдату, как и что паковать, вскочил на поджидавшего извозчика и помчался в лечебницу, погрузившись в светлую любовную грусть: «Прощай, мой друг, прощай...»

Сонечку я нашел в широком коридоре лечебницы. Она стояла у окошка с красавцем в больничной одежде и с прекрасными пшеничными усами. Наличие раненого кавалера при Сонечке даже обрадовало меня, значит, место возле Сонечки не останется пусто. Увидев меня, Сонечка так смутилась, что я чуть было не повернул назад, и только намерение оставить сестре милосердия на память обо мне некоторую сумму денег удержало меня от того, чтобы расстаться с Сонечкой без прощанья. Действительно, куда бы я дел эти деньги?!

Я подошел, отдал честь Сонечке, кивнул красавцу, и сказал, что желал бы проститься с Софьей Дмитриевной. Сонечка уже взяла себя в руки и ответила.

— Представляю вам подпоручика Грановского, он уже выздоравливает, — потом, повернувшись к красавцу, сказала: — Идите в палату, Сергей Александрович, я к вам подойду, когда освобожусь.

«Хорошо, что он выздоравливает, полагаю даже, что в определенном смысле он уже выздоровел, — подумал я. — А от себя Сонечку я уже освободил. Почему это сестра милосердия обещает подойти к раненому, когда освободится? Одним неуместным словом проговорила бывшая моя Сонечка, призналась в новой любви! Увы! А не будь перемен по службе, я мог бы и не узнать о своей отставке на сер-

дечном фронте. Впрочем, мне теперь до этого дела нет».

Сонечка не стала ничего говорить про подпоручика. Простилась со мной с истинной грустью, деньги взяла просто, не ломаясь. Достоянная девица, может быть, и нет никакого подпоручика, во всяком случае, пока нет... Я теперь возбужден, мало ли что может прийти в голову человеку в моем положении. Простившись с Сонечкой, я вновь уселся на моего извозчика и поспешил домой...

Дом, любовница, служба — все испарилось сразу, вдруг... Но, не раскисать! Действуем по плану и не задумываемся глубоко. Я уже все обдумал, сидя в приемной, а, вставши со стула, оказавшись на своих ногах, должен исполнять. Конечно, с учетом реальности, не как машина.

Уладив все дела дома, я оставил упакованные вещи в прихожей бывшей своей квартиры, приказал солдату ждать меня у входа в Адмиралтейство, на тот случай, если нужно будет доставить мои вещи, а сам отправился к Казанскому собору.

Сиять на месте встречи в ослепительном мундире морского офицера было глупо. Поэтому, чтобы замаскировать себя, я взял у хозяйки квартиры тканевую накидку, вроде плаща, и при подходе к собору надел плащ на плечи, фуражку засунул под плащ и зажал под мышкой. В той же руке я держал конверт. Теперь с первого взгляда во мне нельзя было узнать морского офицера с пакетом. Сначала я расположился на противоположной стороне Невского проспекта, но видно отсюда было плохо. Я перешел поближе к Казанскому собору. Стоять на одном месте в моем странном наряде было неловко, и я прогуливался по Невскому — туда и обратно по

*Теперь я стоял на указанном мне месте во всем великолепии.
(К стр. 450.)*

несколько десятков шагов, но никого не увидел. Решив, что моя затея рассмотреть лифляндца заранее ни к чему не привела, я подошел к колоннаде, надел фуражку, снял и перекинул «плащ» через руку с конвертом. Теперь я стоял на указанном мне месте во всем великолепии. Но никто ко мне не подошел. Времени оставалось только дойти до Адмиралтейства, пора уходить.

И тут мне пришла в голову мысль, замыкавшая новым звеном ту незамкнутую цепь умозаключений, которые я сделал после разговора с Сухомлиновым. Мысль эта заключалась в том, что никто за пакетом не должен был прийти, никакого лифляндца не было! Сухомлинов решил передать мне и оставить у меня на будущее некие важные для него документы. А упоминания о почтальоне с лифляндским выговором, и о штабс-капитане Лемке должны были указать мне ту область, к которой относились эти документы: дело полковника Мясоедова, скорее даже дело самого Сухомлинова, которое может начаться. Постоянно распространялся слух, что военный министр — изменник Родины! Видимо, чувствуя себя не в силах доказать свою невиновность официальным путем и ожидая неприятностей в ближайшем будущем, возможно даже, суда и казни, Сухомлинов «бросил в море бутылку с запиской». Роль бутылки исполнял я, записка была настоящая, лежала в конверте, море тоже было настоящее, то море, на котором я буду служить, скорее всего — Черное море. Возможно, и даже скорее всего, это «послание к потомкам» было не единственное, имелись дубликаты, разосланные другими способами.

В этот же день я отправился из Петрограда в Николаев, где на верфи «Руссуд» достраивался дредно-

ут «Императрица Мария». Началась моя служба в экипаже строящегося корабля.

В середине июня Сухомлинова отправили в отставку с поста военного министра, и начались его злключения. На Сухомлинова возложили вину за нехватку боеприпасов в действующей армии. Узнав об увольнении Сухомлинова, я посчитал своим долгом вскрыть хранящийся у меня конверт, заранее решив предать гласности находившиеся в нем документы, если это пойдет на пользу отставному министру.

Ознакомившись с содержимым пакета, я с удивлением обнаружил, что Сухомлинов предугадал те обвинения, которые были ему теперь предъявлены: в конверте в основном содержались копии документов, отражающих его попытки наладить снабжение армии всем необходимым, в том числе и экстраординарные, такие как прямые обращения к Государю. Было еще несколько листочков, которые можно было бы охарактеризовать, как косвенные доказательства невиновности полковника Мясоедова, и записка самого Сухомлинова с критикой деятельности великого князя Николая Николаевича на посту Главнокомандующего. После ознакомления с документами я испытал острое сочувствие к бывшему министру, почувствовал уверенность, что он не виноват в том, в чем его несправедливо обвинили. Я укрепился в своем желании помочь Сухомлинову.

Несколько дней, разделявших вскрытие конверта и наш отход в Севастополь, намеченный на конец июня, прошли в сомнениях, куда направить документы. Пустить их по команде, то есть передать командиру корабля, командующему флотом и далее, было невозможно. Это путь очень долгий, а главное,

пришлось бы привлечь к делу и даже подвергнуть опасности людей, не имеющих никакого отношения к моему собственному решению помочь Сухомлинову. Кроме того, мне пришлось бы объяснить, как копии попали ко мне, а это объяснение многим здравомыслящим людям могло бы показаться недостоверным.

Направить почтой в Государственную думу для разбирательства, снабдив их коротким письмом, объясняющим, как документы попали ко мне? Этот путь не вел к намеченной цели, потому что и в Государственной думе, и в правительстве у Сухомлинова было множество недоброжелателей. Даже если письмо дойдет, если попадет к человеку, относящемуся лояльно к бывшему военному министру, то, в лучшем случае, документы станут предметом крикливого обсуждения, ход которого не будет иметь никакого отношения к сути обсуждаемого вопроса. А хотелось, чтобы пакет попал в руки человека, обладающего властью, а также желающего и имеющего возможность разобраться, виноват ли Сухомлинов.

Оставался путь самый простой, к которому прибегают все русские люди в подобных случаях. Я отослал копии документов Государю, непосредственно на Высочайшее имя, снабдив конверт надписями о важности и неприкосновенности содержимого для посторонних лиц. На следующий день мы покинули рейд в Николаеве.

30 июня мы своим ходом пришли в Севастополь, в августе корабль был принят, хотя у приемочной комиссии были существенные замечания. В период сдачи линкора я был очень занят по службе и буквально лишь несколько раз вспомнил о Сухомлинове и порадовался, что отправил документы, не

оставил их у себя, и конверт этот не лежит в моем рундуке, а невыполненная задача не висит на моей совести. При этом в глубине души я осознавал, что царь и без меня был знаком с делами Сухомлинова, и в более полном объеме, чем позволяли мои копии, но при этом уволил его от должности или вынужден был уволить.

С сентября 1915 года «Императрица Мария» уже участвовала в морских боях и обстреливала вражеские береговые укрепления. Я служил с увлечением, и был замечен командованием: в начале 1916 года меня представили к производству в капитаны второго ранга и награждению «Орденом святого Георгия» 4-й степени.

Ранней весной 1916 года мы участвовали в первом крупном сражении, известном под названием Трапезундская десантная операция. В этой операции я был смертельно ранен осколком снаряда, и умер на руках судового врача и нашего священника.

20 октября 1916 года мой корабль линкор «Императрица Мария» взорвался по невыясненной до конца причине, и многие мои товарищи погибли, пережив меня только на полгода.

А Сухомлинов стал подследственным, сидел дважды в Петропавловской крепости. Его судили, причем вместе с женой. Жену оправдали, а Сухомлинова приговорили к бессрочной каторге. Потом каторгу заменили тюрьмой, потом была амнистия по возрасту. В мае 1918 года Владимиру Александровичу удалось уехать за границу, где он прожил почти 8 лет, написал воспоминания и скончался 77-летним старцем. Никогда Сухомлинов не признавал своей вины не только в измене России, но и в плохом управлении военным министерством,

и подтверждал фактами свои заслуги в подготовке России к будущей войне и в решении важнейших задач первых месяцев войны, когда он был министром.

«...потому, что у нас здесь не то, что у вас на земле: здешние не все говорят и не все ходят, а кто чем одарен, тот то и делает».

Н.С. Лесков

«Очарованный странник»

Моя душа испытывает блаженство. Нет никаких физических неудобств, болей, нет физического функционирования вообще. Но постоянно присутствует ощущение, которое бывает у живых людей от правильно и гармонично функционирующего тела: «мышечная радость» от собственной силы, приятные ощущения от хорошего пищеварения, счастье от дыхания полной грудью. При этом есть уверенность, что ты это заслужил, что так и должно быть, и нет мук совести: ты блаженствуешь, а кому-то плохо, пусть и кому-то невидимому, дальнему... По словам великого полководца Александра Васильевича Суворова, наступает «покой души — у престола Всемогущего»!

Многим этого достаточно, и они наслаждаются, блаженствуют, парят... Но не всем хватает такого счастья, точнее, нирваны, пусть и заслуженной, дарованной Высшим существом, милостиво решившим, что грехи свои ты искупил. Некоторым душам для полного счастья нужна еще работа, задача, цель. Без цели даже полного покоя души, даже чувства

единения с Богом недостаточно. И цель дается таким душам.

Великая цель — вернуть русским историю России. Без этого нашей стране не возродиться. Судьба любой страны без истории печальна. В такой стране правители творят, что хотят, их трусливое, льстивое и корыстное окружение поддерживает правителей во всех начинаниях и набивает свои карманы. А народ, не знающий истории, доверяет лозунгам, которые призывают идти в тупик, и верит в простые решения сложных проблем. Народ не может понять и оценить происходящих в стране событий, не понимает распоряжений правителя и плохо их исполняет, заранее уверенный, что его обманут. Народ мечтает о справедливом обществе одинаково бедных сограждан. Люди, граждане страны, не знающие истории, ведут себя, как неразумные дети. Эту мысль высказал Цицерон: «Кто не знает истории своего отечества, тот живет в вечном ребячестве».

Высокая цель дарована моей душе: я должен вернуть России память о Первой мировой войне. Мир помнит об этой войне и чтит ее жертвы. Помнит почти как Вторую мировую войну, хотя времени прошло больше. Памятники героям Первой войны стоят в европейских городах. Иногда ставят единые памятники героям и жертвам обеих войн.

В России же память о Первой мировой войне сначала была закрыта, как ширмой, Гражданской войной, потом сформировали новую историю, в которой Первая мировая война не занимала много места, потом создали общество без исторической памяти. Будущее народа, забывшего историю своей страны, предрекла Зинаида Гиппиус:

*И скоро в старьей хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!*

И только в XXI веке, почти через сто лет после моей гибели, стали говорить «историю нельзя изменить, но можно вспомнить».

Вот и я, погибший на Первой мировой войне, стремлюсь к тому, чтобы о ней вспомнили. Конечно, не я один тружусь над этой задачей, и не во всем общем масштабе. Моя задача скромнее.

Творцы истории — люди: люди, как народ, и люди, как личности, наделенные выдающимися способностями и оставшимися в истории под собственными именами. Граждане следующих поколений должны знать эти имена, изучать деяния этих людей для того, чтобы воздать им после смерти по заслугам за то благо, которое принесли они народу. Как писал Гавриил Державин:

Заслуги в гробе созревают...

Есть и более важное основание поставить исторического деятеля на соответствующее его деяниям место в истории: действующие живые правители и преобразователи должны сравнивать свои действия с действиями титанов прошлого. А простые люди, составляющие народ, должны уметь дополнять свои бытовые наблюдения известными им сведениями о людях и событиях прошлых лет. Для этого исторические сведения должны быть верны, а народ должен быть просвещен.

Но интенсивное изучение истории невозможно. Быстро и поверхностно усвоив общий ход истории, человек часто впадает в экзальтацию, выстраивает

исторические факты так, что его страна, его предки всегда поступали благородно, а все другие народы только мешали его родине идти к светлому будущему, причем враги использовали самые низкие методы. В таком случае неполное и неверное знание может оказаться хуже незнания. Историю нужно изучать постоянно, всю свою жизнь, в семьях нужно создавать «историческую атмосферу», когда в ежедневных разговорах родных людей упоминаются исторические события и герои прошлого.

Цель моей души — помочь верному освещению в российской исторической науке деятельности военного министра начального периода Первой мировой войны Сухомлинова. Он не был ни героем, ни титаном, но он был добросовестным и способным работником своего времени, честно исполнявшим свой долг на высоком посту, и не был ни изменником Родины, ни вором, наживавшимся на войне.

В своей земной жизни я был причастен к событиям тех лет, и был знаком с Сухомлиновым, и сопереживал ему в его бедах. И душа моя помогает людям восстановить память о нем.

Я проследил путь письма, отправленного мною царю. Удивительно, но письмо дошло по назначенному адресу без приключений. В августе письмо было в канцелярии в Царском Селе. На письме имелась резолюция: «Доложить Его Императорскому Величеству по возвращении из Ставки», письмо сочли достойным доклада, но не срочным. Николай II в это время находился в Ставке в Могилеве. В августе 1915 года Государь принял на себя обязанности Главнокомандующего, а Николая Николаевича отправил наместником на Кавказ. Понятно, что пакет мой так и не попал к царю. Но на этом судьба моего

послания не заканчивается. Пакет пролежал почти два года без движения, и снова был взят в работу в период подготовки судебного процесса над Сухомлиновым уже после отречения царя весной и летом 1917 года. Суд прошел в августе и сентябре того же года и приговорил Сухомлинова к бессрочной каторге. Можно полагать, что с фактами, изложенными в представленных мной документах, не считались, иначе приговор не был бы столь суровым. Однако, последовавшая вскорости замена каторги на тюремное заключение и дальнейшая амнистия свидетельствуют о том, что у некоторых влиятельных людей были сомнения в виновности старика. Эта душа моя из горних повлияла на то, что когда-то отосланные мною — живым человеком — документы попали к судьям и сыграли свою роль.

Нельзя изменить произошедшие события, пустить реку истории по другому руслу. «Конец Вечности» Айзека Азимова — талантливое литературное произведение, но, как говорят дети, «так не бывает». Да и не следует так делать, земная жизнь не станет лучше, если из «Вечности» по заданию «старших аналитиков» бесцеремонно вмешиваться в земные дела. Об этом написал Азимов.

Бог всемогущ, но души наши не всемогущи. Если бы было иначе, не было бы в истории массовых убийств. Но можно, с Божьей помощью, сразу же после случившейся несправедливости, попытаться исправить дурные последствия. Конечно, если еще можно их исправить. Так, моей душе удалось содействовать освобождению Сухомлинова. Выбранный мной самый порядочный из судей Временного правительства вспомнил о документах 1915 года, лежащих в канцелярии бывшего императора, в

суде допросили двух дополнительных, не допрошенных ранее свидетелей, служивших в военном министерстве при Сухомлинове и занимавшихся боеприпасами. И Сухомлинова отпустили, в то время, и при таких обстоятельствах, когда не принято было разбираться в делах, а более было заведено не отпускать подозреваемых на все четыре стороны, а уничтожать их из соображений высшей справедливости.

Мои дальнейшие усилия по возрождению памяти о Первой мировой войне остались втуне. Прежде всего потому, что героями этой войны были люди в погонах, т. е., в понимании советских людей, белогвардейцы, враги. Это их, лощеных, но подлых золотопогонников, употреблявших устарелые выражения, били простые красные герои с неправильной речью. Как писала Марютка у Бориса Лавренева:

*Полегла вся наша рота,
Двадцатеро в степь ушло.*

И нечего было о них вспоминать, путать рабоче-крестьянскую массу, заставлять людей разбираться, внушать им, что человек в погонах может быть хорошим.

Однако, это — брюзжание! Я ворчу, настоящая потусторонняя воркотня! Ведь пробуждается интерес к истории России. Тысячи людей участвуют в поисках и в «реконструкциях». Близится столетие начала Первой мировой войны. Вот повод вспомнить о ее героях и тружениках. С Божьей помощью, за работу, душа моя!

НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА ВАДИМА БЫКОВА

Придя домой из больницы, Вадим сначала отправил тетку Шуру спать, а потом отключил телефон чтоб не звонил никто, — самому хотелось обо всем подумать, без посторонних помех.

Мать умерла, а была бы жива, если бы не эти сволочи. Не ухаживала за матерью как следует бывшая его жена Марина. Заходила, видишь ли, чайку попить, поболтать, а надо было не развлекать, а полы вымыть, пыль протереть, еду приготовить, за лекарством сходить.

Главное, никому не объяснишь, никто не понимает...

Это из середины рассказа, дальше по порядку, как все запомнилось Вадиму и другим участникам событий.

1

Вадим сразу сказал своему старому другу Лёке, что он думает о Марине, о том, как плохо она заботилась о его матери. Из-за этого инфаркт и случился. Они еще только ехали из Шереметьева в больницу. Лёка гнал, как сумасшедший, боялся, что не

застанут мать живой. А тут уставился на Вадима, от дороги отвернулся, глазенки свои еврейские вытаращил и лобик сморщил, как шолом-алеихемовский персонаж.

— Ты что, Бык? — говорит. — С какой стати Матрёна будет упираться?

Бык, Лёка, Матрёна — все школьные клички, Лёка ими пользуется до сих пор, хотя Вадим давно уже зовет его Леонидом, или дядей Лёней, под пятьдесят все-таки.

— Как, с какой стати? Не чужой же человек, бабушка Валя, — удивился Вадим и стал дальше жаловаться, уже на дочь. — Катерина, тоже, бывала у бабушки один раз в два месяца. Женишка ей приводила показывать. Знакомить. Надо было не правила хорошего тона соблюдать, а по-мо-гать. Не слушать бабушкины отказы и уверения, что бабушка сама со всем справляется, и ничего ей не нужно.

Лёка замолчал, не стал спорить, потому что не его дело, но, чувствуется, остался при своем мнении. Вадим тоже замолчал, всё равно ничего не объяснишь, давно он уже привык к людскому непониманию. Стал смотреть на Ленинградский проспект. Ничего Москва, красивая, нарядная. Снежок идет, машин дорогих много.

— В Нью-Йорке снег давно бы убрали.

— Да нет, — опять не согласился Лёка. — Лужков сделает. Просто снегопад.

В больнице их встретила Марина. Сразу сказала, что мать жива, но из палаты ее забрали в реанимационное отделение. Потом Марина вызвала врача из «реанимации». Врач вышел какой-то занюханный, в рваных сандалетах и кривых пластмассовых очках. Стал говорить, глядя под ноги, что у матери пятый

инфаркт, возможно, вчера был и шестой. Вообще, непонятно, почему она жива при таком заболевании в 87 лет. Медики восхищены, что она сохраняет светлую голову и здраво обо всем судит, в том числе и о своем состоянии.

Вадим попросил врача пустить его к матери. Тот подумал и сказал, что пустит, но нужен халат, и скрылся в отделении.

Тут же заговорила Марина.

— Бабушке вчера стало хуже, мне позвонили соседки по палате, я сразу приехала, и ее при мне в «реанимацию» забрали...

Такая хлопотушечка, такая заботливая. У, стерва, слов не хватает. Вадим прервал это бессмысленное словоизвержение.

— Ты сиделку наняла, ты врачу заплатила? — спросил он Марину.

— Да нет... Как-то пока без этого обходились...

— Молодцы, — сказал Вадим и отвернулся.

У Маринки от обиды нижняя губа изогнулась и задрожала. А тут Лёка рядом стоит, по жирной спинке ее гладит, утешает. Лезет, как обычно, не в свое дело. Марина думала, небось, что Вадим тут в благодарностях рассыплется — спасибо, мол, что за мамой моей ухаживали, совсем не бросили. Напрасно она благодарности ждала.

Появился врач, халата не нашел, стащил с себя и отдал Вадиму. Так и пошли вдвоем в святая святых, в «реанимацию», к матери, Вадим в халате и врач без халата.

Мать лежала бледная, худющая. Сыну обрадовалась, чуть улыбнулась и шевельнула пальцами левой руки. Рука лежала поверх одеяла, и в вену была введена иголка, а от нее трубка к перевернутой бу-

тылке на штативе — капельница. Стала говорить тихонечко, но ясно, отчетливо.

— Как долетел, Ваденька? Я знала, что ты не сможешь не приехать, хотя ведь это очень дорого. Я беспокоюсь за Клинтона из-за истории с импичментом. Ведь если его скинут, то к власти придут республиканцы, а они не так лояльны к новым эмигрантам, это может отразиться на тебе.

Табуретки рядом не было, Вадим стал на колени у материнной кровати и уткнулся лбом в правую закрытую одеялом руку. Долетел и успел, слава Богу. В голове у него шумело, время перепуталось, по нью-йоркски сейчас еще ночь глубокая. Дышалось тяжело, воздух как будто дымный, в легкие не вдыхался и назад не выдыхался. Может, у них тут пыльно? Его астма быстро на это откликнется. Хотя, вроде бы, не должно быть — «реанимация» ведь.

— Не беспокойся, мама, ни о чем. У меня никаких проблем. No problem. Я здесь сейчас все налажу. Вылезем еще.

— Ваденька, ты об этом не думай. Я столько в жизни видела, сколько мало кто видел. Ты ведь знаешь. Я устала жить. Тебя дождалась, сынок, и хорошо. У меня только голова и работает. От сердца ничего не осталось, желудок отказался служить, что ни съем, все обратно выходит. Так и пора ведь. Не говори больше об этом. Тебя кто привез? Лёня?

— Лёня.

— Как у него дела? Он ведь в страховой компании работает. Эти конторы полопались в кризис, а у него что?

— Да, вроде, ничего. Я особо не расспрашивал.

— Как там Митька с Олей, как с языком?

— Все хорошо. Митька болтает, как местный.

— Да, он способный. Ты знаешь, мне Катин жених понравился. Такой хороший мальчик, но моложе Кати. У них будет сын, я попросила назвать его Николкой.

— Ты не устала, мама?

— Устала...

Мать замолчала и закрыла глаза, а сын замер около нее, стоя на коленях...

2

Марина и Лёня ждали Вадима в коридоре и разговаривали.

— Сколько ж мы с тобой не виделись? Лет пять? Или больше? — спросил Леонид.

— Да, наверное...

— Молодец, хорошо выглядишь.

— Спасибо.

— Еще молодец, что за бабой Валею ухаживаешь.

Марина заморгала глазами.

— А он, видишь, что говорит. Приехал, проверяющий. Да если б не я, баба Валя давно бы померла. Я еще два месяца назад почувствовала, что дело неладно. Она все — не надо, не надо, а уже надо стало. Катька, да я, да муж мой Гена. А, ну да, вы ж знакомы. Привозили, увозили, приносили, кормили... Сиделки, фигелки, а на какие шиши? Он матери за два года четыреста долларов передал.

— Ладно тебе, он с дороги...

— Нет, не говори. В разлуке забывается, а сейчас смотрю я на него и думаю, как я с ним когда-то десять лет прожила?

Марина плохо считала. Расписаны они с Вадимом были десять лет, а прожили семьей, наверное,

четыре года или меньше. Вадиму быстро надоела семейная жизнь. Самые простые события вызывали у него раздражение, а их участники — ненависть. Особенно донимали ежедневные заботы, мелкие обязанности, которых, сколько ни крутись, только больше становится. Принеся домой картошку, Вадим потом две недели вел внутренний монолог о том, что вот он, ученый, математик, должен тратить свои силы на такую дрянь, что его не берегут, не ценят, используют. К концу второй недели обида утихла, но и картошка кончалась, и нужно было снова идти в магазин.

Потом Вадим объявил, что не в состоянии так жить, потому что, помимо непосильной домашней работы, ему досаждают пыль. От пыли он задыхается и не может спать по ночам.

Особой чистюлей Марина и вправду не была. Могла засучить рукава и с шутками и прибаутками сделать генеральную уборку. Но ежедневно гоняться с тряпкой за каждой пылинкой было не по ней.

Установился странный распорядок. Вадим после работы почти каждый день приезжал домой, занимался с Катей, а в десятом часу поднимался и отправлялся к маме. Его уходы были ежедневной трагедией для дочери. Годам к восьми она перестала слушать житейские объяснения мамы, перестала верить своим придуманным сказочным причинам папиных уходов. Она страдала.

Однажды Катя загородила собой входную дверь и сказала отцу: «Не пущу!» Эпизод подействовал на папу, царапнул по душе, поколебал образ семейного страдальца, с которым Вадим все больше сживался. Даже другу рассказал про этот случай.

— Ну, а ты что? — спросил сердобольный Лёка.

— Что-что? Отодвинул ребенка и уехал к матери на Тишинку. Что ж я, задыхаться должен? — раздраженно ответил Вадим и подумал: «Рассказал дураку, а он сразу лезет с вопросами».

После Катиного демарша Вадим стал реже навещать жену и дочь, потом совсем перестал к ним ездить.

На алименты Марина не подавала. Договорились, что Вадим будет четыре раза в год — на Новый год, на день рождения Кати, перед летом и к первому сентября — отдавать Марине свой месячный заработок, сколько он сам насчитает. То ж на то ж и выходит. Договоренности этой Вадим придерживался десять лет, переплачивая, по его мнению, и сильно недодавая, по мнению Марины. Потом платить перестал. На вопрос Леонида: «Ты Катьке-то помогаешь?» — ответил без обиняков, чтобы больше не приставал: «У нас закон велит платить алименты до восемнадцати лет, а я законы соблюдаю!» К тому же, и у Марины, и у Вадима были уже новые супруги и вторые дети.

От папы у Кати осталось отчество с фамилией, память о детских обидах и гордость, что папа прекрасный математик. Живя в одном городе, отец с взрослой дочерью могли год не видаться. Потом Вадим со второй женой Олей и сыном Митей уехал в Америку.

3

Вадим вышел из «реанимации» понурый. Забот навалилось выше крыши. Нужно поспать и начать разгрести эту кучу дел.

— Ну, как? — задал положенный вопрос Леонид.

— Так, плоховато выглядит. Но врач говорит, что какая-то надежда все-таки есть.

— Ну, и хорошо... — не без сомнения ответил Леонид.

— Ладно, поехали домой, — сказал Вадим.

— Подождите, сейчас должна приехать Катя, — вступила в разговор Марина.

Вадим был недоволен задержкой. Но, с другой стороны, неплохо и дочь сразу повидать.

4

Через час, проведенный в квартире матери, после того, как ушли Марина с дочерью и Лёнька, Вадим понял, что ему здесь не выжить.

Внешне все было как раньше, когда он тут жил. Аскетический стиль бабушки Вали. Простая, как будто школьная мебель, расставленная вдоль стен. Ни одной безделушки в квартире, хозяйка которой обехала весь мир еще в те времена, когда пределом мечты советского гражданина была Болгария. В эту квартиру государственный человек приходил ночевать.

Но пыль, бытовая пыль, аллерген, яд, убийца, затаилась во всех щелях, везде, куда в последние годы по немощи не могла добраться мать-чистюля.

Вадим сделал себе повязку на нос и рот из четырех слоев марли, но толку было немного: убираться — значит дышать пылью, возиться в грязи, разве повязка спасет? Проблема number one — убраться в квартире.

Позвонил Лёка. Вадим живописал ему, в каком состоянии жилище.

— Ты не уберешься сам, — тут же категорически сказал Лёка. У него всегда приговор оглашается, до обдумывания дела.

— Почему?

— По двум причинам: во-первых, не сумеешь, во-вторых, ассоциации замучат. Будешь над каждой тряпкой по полчаса сидеть и рассусоливать: выкинуть — не выкинуть. Записывай телефон. Молодая женщина, сноровистая и честная. Зовут Инга. Расценки у нее смешные. Только заплати ей, а то я тебя знаю.

— А сколько она возьмет? — Вадим сдержался и пропустил колкость.

— По-вашему, не больше десяти долларов.

— Нет, я к этому еще не готов...

— К чему, чтобы десять долларов отдать? — продолжал настаивать Леонид.

— Нет. К тому, чтобы в маминой квартире чужой человек ковырялся.

— Не будь идиотом. Тебе нужно в больнице все наладить, отрегулировать питание, уход, посещение. Это — время и силы. А ты собираешься сам ба тареи мыть, такой чувствительный.

— Ладно, я подумую...

— Думай, если есть над чем. А по мне, так сразу, сейчас и звони.

«Всегда вот так, — рассуждал Вадим, положив трубку. — Накидал, натараторил — и до свиданья. Ничего толком не обсудили, не взвесили. Никто все-таки обо мне не думает, не стремится помочь по-настоящему. Что это за женщина? Сколько времени она будет возиться? А если понадобится уйти на какое-то время, можно ли оставить ее одну в квартире? Лёка сказал, что она честная, именно в этом смысле. Наверное, самому действительно глупо уборкой заниматься...»

Вадим, как приехал в Москву, в тот же день позвонил тетке Шуре, маминой сестре. Тоже бабка старая, но моложе матери на пятнадцать лет. Никаких родственников кроме сестры Вали и племянника у неё не было. Жила она анахоретом. Выходила из дому раз в месяц, получала пенсию, платила за квартиру и на оставшиеся деньги покупала продукты. Больше в этом месяце из дому не выходила, до следующей пенсии. Все равно выходить было незачем, так как денег не было. Такое существование она вела давно, с тех пор как ушла с работы. А до этого Шура больше двадцати лет проработала в Московском университете, была кандидатом наук, хотя по должности выше младшего научного сотрудника не поднялась. Когда Шуре оставалось меньше года до пятидесяти пяти, ее пригласил начальник и сказал, что университет оканчивает очень способный мальчик, а взять его к ним на работу он не имеет возможности — нет ставки. Вот если Александра Владимировна, которую он очень уважает, согласилась бы уйти на пенсию сразу по достижении пенсионного возраста, то можно было бы не упустить молодой талант. Шура ответила, что раз так, то она уйдет на пенсию и не будет никому мешать. Начальник поблагодарил Шуру, но, замявшись, сказал, что отдел кадров ему на слово не поверит. Хорошо бы Шура дала расписку, что она уйдет на пенсию, тогда ему разрешат этого юношу принять пока сверхштатно, а потом оформить в штат на Шурино место. Шура заплакала и написала расписку.

Выйдя на пенсию, Шура засела в своей однокомнатной квартире. Через какое-то время Шуре показалось, что она сходит с ума от одиночества и безделья. Необходимо было найти занятие. Шура подумала и попросила племянника принести ей котенка, объясняла что-то про маленькое пушистое существо, живой комочек и несла прочую раздражившую Вадима чушь. Несколько дней перезванивались, чтобы согласовать пол и породу домашнего животного. Принятое в конце концов решение реализовалось в виде маленькой серой кошечки, безумно симпатичной и игручей. В качестве приложения Вадим принес Шуре книжку «Воспитай себе собаку», к сожалению, литературы про воспитание кошек Вадим не нашел. Неделю у Шуры было занятие, следующую неделю она страдала от последствий своего необдуманного поступка, потом не выдержала, позвонила Вадиму и попросила эту мерзкую тварь забрать, что и было исполнено еще через неделю. На этом попытки занять себя Шура прекратила. И покатило: час за часом, день за днем, год за годом, в захлавленной полутемной квартире около скверно работающего телевизора, пустого холодильника и подтекающих кранов.

Изредка Шура звонила сестре Вале. Старшая сестра учила младшую, как та должна жить, что делать и как нужно правильно понимать происходящие в стране и за рубежом политические события. Поэтому телефонный разговор часто заканчивался ссорой, прерывавшей телефонное общение сестер на два-три месяца. Последний раз Шура с Валею виделись два года назад, когда Вадик уехал в Америку и Шуре сделалось страшно и одиноко, захотелось

увидеть кого-нибудь родного, и она съездила к Вале в гости.

Услышав в телефонной трубке голос племянника, которого она тоже не видела два года, Шура стала объяснять, что она сейчас плохо соображает, потому что только что проснулась. От одинокой жизни у нее перепутались дни и ночи, так что вряд ли они сейчас с Вадимом могут договориться до каких-то разумных решений. Сначала ей нужно прийти в себя...

Вадим, хоть его и колотило бешенство, сдержался и спокойно пообещал Шуре перезвонить в другое время. После пятого телефонного разговора тетка и племянник согласились наконец объединиться ради общего дела — ухода за больной. Шура переехала в квартиру сестры, чтобы помочь Вадиму вести хозяйство.

Первым делом она купила четыре овальных кусочка фарша под названием «Котлеты домашние», нашла у Вали в холодильнике масло и зажарила котлеты на сковородке. Вадима не было, да и не известно было, когда он должен появиться, а есть хотелось, и Шура съела одну котлету.

Когда Вадим пришел домой, Шуре было уже сильно нехорошо, а вскорости стало и совсем плохо. Шуру мутило, рвало, в глазах у нее потемнело. Полночи Вадим пробежал с тазиком и тряпкой. То ли котлеты были не совсем домашние, то ли масло давно испортилось, то ли Шура отвыкла от жареного, во всяком случае, стало ясно, что помощи от нее ждать не приходится.

А вопрос с питанием Вадиму нужно было решать, причем немедленно. Мать попросила куриного бульона, и Вадим по дороге из больницы купил две цыпля-

чьих ноги, рассчитывая на Шурина квалификацию. Теперь, после неудачи с котлетами, Вадим не решил доверить приготовление бульона Шуре. Нужно было искать выход. Опять же, и самому тоже требуется чем-то питаться и беспомощную Шуру кормить.

Подумав и решив взять готовку на себя, Вадим позвонил Леониду и попросил узнать у жены, как варить бульон. Леонид не стал звать жену, а сам, в обычной своей бесцеремонной манере, сказал, что бульон для больных варят не из куриных ног. А дальше продиктовал рецепт приготовления куриного бульона. Оказалось, что никаких исходных продуктов дома у Вадима нет, и надо снова идти по магазинам. Пожалуй, лучше, решил Вадим, бульон кому-нибудь поручить. Лёньке звонить больше не хотелось, и Вадим позвонил Марине и сказал, чтобы сварила бульон и привезла в больницу.

6

После первоначальной неразберихи, как всегда, установился порядок, можно сказать, четкое расписание.

Утром Вадим вставал, пил чай и шел в больницу. Выслушивал отчет нанятой им сиделки. Немножко, чтобы не утомить, разговаривал с матерью. Если удавалось, говорил с врачами. Врачи тоже были премудрые. Один, тот самый, в драных шлепанцах, считал, что конец — вопрос дней, и даже денег сначала брать не хотел. Другая, докторёнок, молоденькая девушка, говорила, что надежда есть, и нужно подумать, как все устроить, когда мать перевезут из больницы домой. Вадим понял ее так, что от него зависит, будут ли мать лечить, как следует: если он

готов обеспечить матери домашний уход на нужном уровне, то можно постараться, а если нет, то эти старания просто не имеют смысла. Вадим сказал, что сделает всё, пусть только вылечат. Сам про себя решил, что пришлет жену из Америки — пусть ухаживает за матерью. Жить, конечно, в маминой квартире жена не согласится, но приезжать будет каждый день.... Ладно, это потом все устроится, а сейчас, пусть лечат.

Днем Вадим возвращался домой пообедать и передохнуть. Дома его ждал обед. Вадим нашел по объявлению в газете женщину, которая предлагала помощь по хозяйству. За два доллара в час она накупила продуктов, приготовила еду и навела порядок на кухне.

Разогрев обед на двоих, Вадим звал Шуру и сиделся за стол один. Дождаться, пока тетка сядет за стол, было все равно невозможно. По зову Вадима она медленно выползала из кровати, двигалась как тень из комнаты в комнату, на кухню, в ванную. Стонала, бормотала, начинала фразу на кухне, где обедал племянник, а заканчивала ее в дальней комнате, передвигаясь по квартире без всякой видимой потребности. Подплывала к столу Шура, когда Вадим, отобедав, ложился на диван.

Иногда удавалось поспать после обеда и частично скомпенсировать душную ночную бессонницу. В квартире и после уборки дышалось не очень хорошо. Но чаще не спалось, или Шура донимала вопросами. Тогда Вадим одевался и уходил побродить по Москве. Он заходил на выставки, в маленькие кафеюшники с высокими, выше, чем в Нью-Йорке, ценами, смотрел на людей. Эти прогулки могли бы быть приятными, если бы не скверное самочувствие.

Вечером Вадим снова шел в больницу. Но вечерние посещения не имели смысла. Из врачей был только дежурный незнакомый доктор, мать была в полудреме, а около нее находилась сиделка, которая всегда вставала, когда Вадим входил в палату.

Состояние матери было тяжелым, но стабильным, иногда даже казалось, что стало немного лучше, во всяком случае, стало ясно, что установившийся распорядок жизни продержится еще какое-то время. После больницы Вадим возвращался домой, говорил Шуре три фразы: «Все по-прежнему», «А ты как себя чувствуешь? Ела что-нибудь?» и «Я устал и хочу отдохнуть». Потом пил чай и ложился на диван с книжкой, стараясь глубоко не вдыхать, чтобы не раскашляться. Далее следовала почти бессонная ночь, а за нею утро.

7

Леонид снял трубку и сразу узнал голос Шуры, Вадькиной тетки. Шура стала объяснять, кто она такая, но Леонид прервал ее.

— Здравствуйте, Александра Владимировна!

— Узнали, да? — на всякий случай уточнила Шура.

— Узнал, — подтвердил Леонид.

— Понимаете ли, Лёня, я вам вот что хочу сказать. Вадик очень плохо себя чувствует. Он мне не жалуется оттого, что я его безумно раздражаю. Но я сама вижу: он не спит ночами, задыхается, кашляет. Я и сама кашляю, но это не имеет большого значения, а вот то, что кашляет Вадик, меня очень беспокоит. Вы ведь сами чем-то таким болели, кажется. Мне Вадик говорил. Не могли бы вы ему помочь.

Конечно, не сами, я говорю в том смысле, что нет ли у вас знакомого врача.

— Есть врач. Я могу его отвести в больницу, где сам лежал.

— Это было бы очень хорошо. Только, прошу вас, скажите ему это как-нибудь не прямо. У Вадика очень сложный характер, он простого слова не послушается.

— Понял.

— И еще. Ни в коем случае не говорите, что это исходит от меня. Если он узнает, что я вам звонила, то ни за что не пойдет в больницу.

— Хорошо.

— Ну что ж, спасибо, до свидания, — Шура была не прочь еще поговорить и внести полную ясность в обсуждаемый вопрос, но односложные ответы Леонида не располагали к продолжению разговора.

Леонид договорился с врачом о консультации и позвонил Вадиму.

— Здорово, Бык. Говорят, ты загибаешься?

— Кто говорит? — настороженно спросил Вадим.

— По радио передавали. Сам вижу.

— Да, состояние неважнецкое. Марина, наверное, за два года ни разу полы не помыла в квартире. Только рассуждает про божественное, про милосердие. Было бы ей практическое милосердие, если бы иногда убиралась у матери. А за один раз разве всю пылицу изведешь?..

— Ладно, ты мне эту песню не пой. Вот что, поехали к врачу. Я договорился, тебя посмотрят.

— К какому врачу?

— Как раз по астме врач. Денег возьми.

— Сколько?

— За консультацию Веронике отдашь двести рублей. Врача зовут Вероника Алексеевна. Но возьми еще денег, вдруг рентген понадобится или еще что-нибудь. С какой стати вас — буржуев — лечить бесплатно?

— Чего так дорого?

— Переведи в доллары, сразу станет меньше.

— Ладно, я подумаю, — неуверенно сказал Вадим.

— Конечно, нужно подумать. В течение получаса. Я сейчас выезжаю и через полчаса буду у тебя. А еще через час нас ждут в больнице. Мне опаздывать неудобно. Это мой врач, понимаешь?

— Опять ты давишь?

— Ага. Пока.

«Вообще-то, действительно нужно показаться врачу, — рассуждал Вадим, уговаривая сам себя по-лечиться. — Неохота, конечно, но что делать. Поеду. У Лёки есть, наверное, корысть — хочет дать своей врачихе заработать. Но мне это все равно. Ведь не злодей же он со своей Вероникой, не угробят же они меня за двести рэ? Если докторша покажется знающей, то буду выполнять, что она скажет»

Вероника Алексеевна оказалась молодой женщиной высокого роста со смешливыми глазами и толстой темно-русой косой. Она, видно, слегка волновалась перед такой посторонней консультацией. Но когда она осмотрела и выслушала Вадима и поняла, что это больной по ее профилю, то не удержалась и воскликнула: «Это хорошо, что у вас астма!» Вадим посмотрел на нее ошалелыми глазами. Вероника смутилась и стала объяснять.

Леонид суетился вокруг, рассказывал другу, что и где, показывал палату, в которой сам лежал. Ва-

диму стало ясно, что Лёка стремился к тому, чтобы Вадиму сделали бы процедур побольше, подороже и побольнее. Особенно неприятна была капельница. Такая штука ассоциировалась с матерью, с реанимацией, с последними днями и чрезвычайными бедствиями, а тут ему, здоровому в общем-то человеку, да еще сидя, а не лежа, прямо в процедурном кабинете.

— Вот, капельница... в жизни не делали, только у матери и в кино видел, после нее ходить-то можно? — бормотал Вадим.

— Не беспокойся — у них такой метод лечения. Они сначала капельницу ставят, а потом фамилию спрашивают. Но не все от капельниц помирают, меня тоже ими лечили, — утешал его Леонид.

Проведя в больнице больше трех часов, из них два часа — под капельницей, Вадим понял, что его хотят залечить, и больше он в это заведение ни ногой. Это он объяснил Леониду, когда тот вез его из больницы домой. У Леонида хватило ума не возражать. Да и поднадоел ему Бык со своими фокусами. Больше Леонид вопрос о здоровье друга не поднимал, словно отрезало. А Вадим, как миленький, купил все лекарства, прописанные Вероникой, съездил сколько нужно раз в больницу, в свободное от другой больницы время, и не сказать, чтобы вылечился, но подлечился заметно.

8

Три дня Вадим и Леонид не перезванивались, устали друг от друга. Первым не выдержал Леонид. Но Вадькин телефон не отвечал. Он стал звонить по другим номерам, пока не добрался до Кати.

— Как у вас дела? — спросил он девушку.

— Случилось, — ответила Катя.

— Что, умерла бабушка Валя?

— Да.

— Когда?

— Сегодня. Кажется, часов в пять вечера.

— А где отец и Шура?

— Не знаю.

Вот и весь разговор. Ехать куда-то было уже поздно, да и ни к чему. А что, собственно? Конца ведь ждали. Возраст почтенный. Чем он может помочь другу? Подождем до утра...

Рано утром позвонила Марина.

— Послушай, Лёка, я не знаю, что делать. Я вызвала агента из похоронного бюро. Туда, к ним, на их адрес. Он придет через десять минут, а они то ли телефон отключили, то ли что. Как их предупредить? А то ведь оба «тепленькие», не поймут, в чем дело. Ехать уже поздно, а у меня, как назло, телефон сломался, звоню из автомата. Сделай что-нибудь!

Ну и семейка, все у них шиворот навыворот. Лёня с женой смотрели друг на друга и думали одно и то же. Жизнь прожита большая, тоже всякое было, и недоразумений было много, и глупостей, но за много лет выработался какой-то коллективный, семейный разум, а эти в любом деле — кто в лес, кто по дрова. И смех и грех.

Включили компьютер, нашли в базе данных телефон соседней с Быковыми квартиры. Дозвонились до соседки, объяснили, в чем дело, и попросили сказать, чтобы Вадим включил телефон и позвонил.

Вадим позвонил через час. Принял соболезнования и тут же начал ругать Марину:

— Нет, ты подумай, какая дрянь. Вызвала в чужую квартиру похоронного агента. Кто ее просил?

— Она хотела тебе помочь.

— На хрен мне нужна ее помощь? Я был в ванной, Шура со сна ничего не может понять. Пришел агент. Наглый мальчишка, лезет, говорит, что вызывали. А я его не вызывал, понял? Дама из соседней квартиры пришла, тоже что-то бормочет. Откуда она тебя знает? Я с вами с ума сойду.

Леонид объяснил, что произошло, и немного успокоил осиротевшего друга.

— Ладно, — уже деловым тоном сказал Вадим. — Я никак не могу дозвониться до морга. А начинать нужно со справки оттуда. Может быть, съездим?

— Тебе не нужно никуда ехать — все сделает агент, разве он тебе не сказал? — Леонид почувствовал, что у Вадьки на том конце провода отвисла челюсть.

— А я его прогнал...

— Как прогнал? — теперь настала очередь Леониду удивляться.

— Так, прогнал...

— Ищи теперь другого агента. Пусть он всем этим занимается. А ты подумай о поминках...

— О каких поминках?! Ты что, с ума сошел?

— О таких. Бабушка Валя была человек служивый, надо на бывшую работу сообщить. Надо подружек ее позвать. Надо после кладбища людей пригласить по рюмке водки выпить за упокой души. А ты как думал?

— Кто все это будет делать?

— Ты повариху нашел? — продолжал гнуть свое Леонид.

— Я ее не для этого нашел...

— А ты ее для этого используй.

— Продуктов нужно много, она не дотащит.

— Вот будет известно, когда похороны, я накануне подъеду, и мы все с тобой купим.

— Да я плохо себя чувствую, куда мне таскаться по магазинам...

— Прекрати, не прикидывайся. Телефон больше не выключай и звони, как дела.

И пошло, покатилося. Кто хоть раз хоронил, знает. Вадим с Леонидом вертелись как белка в колесе. Иногда, правда, у Вадима ослабевала какая-то пружина, и он, как ребенок, тянул Лёню за рукав и зудел: «Ну ладно, хватит, пошли...» Леонид тут же подавлял бунт, и гонка продолжалась. Но и похороны получились приличные. Панихиду Леонид провел. Было людей довольно много, всё матери подчиненные. Начальники, которых у бабы Вали было немного, все раньше нее умерли. Рассказали, каким большим человеком была покойная, как много заводов и институтов ей подчинялось, сколько людей ей благодарны за науку и за помощь. И мужчины пришли, чтобы гроб нести, а не везти на каталке — бывших их с Вадимом одноклассников позвал Леонид. После похорон многие поехали помянуть. Продрогшие после кладбища люди с удовольствием выпили, и закусили, и еще рассказали про бабу Валу. И какие ордена были у матери, и как ее министры ценили, и как она дело знала.

Поминки нужно устраивать. Кое-что про мать Вадим только на поминках узнал и понял. И сам он душой размяк со всеми вместе, слушал, рассказывал. Сидели до позднего вечера, и все были заодно.

Потом опять пришлось вертеться. Доска, надпись, ниша, урна. Все Вадиму нужно было делать срочно, хотелось успеть до отъезда, кто без него будет всем этим заниматься, они и о живой-то бабушке не думали.

И все успел, с помощью друга, конечно. Даже несколько дней осталось незанятым, странно. Как будто на полном ходу резко остановился. Опять полезли мысли, поднялись со дна души обиды...

— Слушай, Лёка, как ты думаешь, а нельзя ли их привлечь к суду за неоказание помощи? — начал телефонный разговор Вадим.

— Кого — их?

— Нет, ну я понимаю, что Маринка бабушке Вале — никто. Так что речь только о Катерине. Ее можно привлечь к суду за то, что она не помогла родной бабушке, и та из-за этого умерла?

— В 87 лет...

— А хоть в сто лет. Преступление налицо. Был жив человек, а из-за них умер.

— Бык, ты что, взбесился?

— Говори со мной нормально, а то я трубку положу. Вот на дороге раненого не подобрали — и он умер, а отвезли бы в больницу — был бы жив. За это судят?

— Судят.

— Здесь то же самое.

— Не-е, не то же самое.

— А я тебе говорю, то же самое. Опять же есть корыстные мотивы их поведения.

— Чего-чего?

— А квартира? Катьке сейчас с женишком своим и будущим чадом куда деваться? Снимать? А тут, пожалуйста, двухкомнатная квартира в центре. Катька так полагает, во всяком случае. Она пыталась за моей спиной прописаться и бабушку успела охмурить. Хорошо, я вовремя вмешался.

— Бык, понятно, у тебя мама умерла, и отвык ты от нас за два года в своей Америке. Но все равно мне кажется, что ты меня за дурака считаешь. А ты где был? От Катьки до бабушки час езды, а от тебя — десять часов лёта. Разница только во времени и цене билетов. Не помог, вот и подавай на себя в суд.

— Нет. Разница в том, что я был далеко и не мог оценить ее состояние. А у них все было на виду, потребность в помощи бросалась в глаза, нужно было только руку протянуть.

— Ну и протянул бы.

— Я же тебе объясняю, что я не имел информации...

— Бык, походи выпей рюмочку и поспи минуток шестьсот.

— Сам иди в ж... — Вадим повесил трубку.

«Да, разговор с Лёнкой не получился, — говорил Вадим то про себя, то вслух, прохаживаясь по квартире. — Было бы, конечно, хорошо взять Лёнку в помощь, он малый неглупый и обязательный. Я-то сам могу не успеть раскрутить это все до отъезда. Начать надо, наверное, со справки из больницы, что если бы оказали вовремя медицинскую помощь, то... Нет, как-нибудь не так, но чтоб было ясно, что можно было избежать конца... Ну, не избежать, а, скажем, отсрочить. В общем, добиться любой бумажки, в которой бы было написано, что болезнь могла бы пойти по-другому, а потом с этой бумаж-

кой к адвокату. Суд, приговор — этого ничего не требуется, но они должны знать, что безнаказанными не останутся.

Я не Гамлет, никого убивать не собираюсь, но не должно быть так, что умер человек из-за них, а никому дела нет, всем по фигу.

Все американцы какие-то тупые, поговорить ни о чем нельзя, никто ничего не знает, а здесь все всё знают и понимают, но никому ни до чего дела нет, какой-то российский «пофигизм». Поэтому в Америке все работает, а здесь все разваливается. Не могу этого принять. Они ходят, жрут, плодятся и плюют на меня, как перед этим на бабу Валю плевали. Не чувствуют вины ни передо мной, ни перед ней. Пусть хоть испугаются, может быть, тогда проснется в них что-то человеческое. А то рассуждают о Боге, лоб крестят, в церковь ходят, а сами обыкновенного сочувствия к близкому человеку лишены...»

Хорошо, что эти мысли ни к каким практическим действиям не привели. А то был бы такой позор, перед покойницей бы стыдно стало.

10

«Лёка сильно мне помог, — думал Вадим. — Стался по-настоящему, хотя и надоедал при этом... иногда. А ведь Лёке корысти, вроде бы, никакой, не то что этим. Надо бы его в ресторан, что ли, сводить. Или в баню, он большой любитель. Дорого, зараза. Денег и так мало. Ладно, приглашу его. Потом все равно окажется, что времени нет, он же первый об этом и скажет. Время действительно поджигает. А я скажу, мол, вот видишь, ты не хочешь, отка-

зывается, а я уже устал бороться с постоянным противодействием, не хочешь — как хочешь... Или дам ему ключи от квартиры, пока квартира пустая стоит, нужно же и ему иногда отдохнуть от семейства, а то изображает из себя примерного семьянина, а сам так же мучается, как я, только терпит и притворяется. Заодно и присмотр какой-то будет... Вообще, опасно как-то, потом перед Мариной с Катькой не очень-то... Их не пускаю, а Лёку пустил... Дам Лёке ключ от верхнего замка, а от нижнего, скажу, потом пришло. А что, и пришло, если нужно будет... Лучше приглашу я Лёку в Америку, в гости. Пусть приезжает, я буду рад. Его приглашу, а Надьку его нет. Она загранпаспорт себе еще не оформила, поэтому, скажу, ее и не зову. Пусть без жены приезжает. Да ему и самому, небось, хочется без жены съездить. Так и сделаю, нормально все. А там видно будет».

11

«Ну вот, и все. Опять Лёнькины «Жигули», Шереметьево — и назад, в Америку, — думал Вадим. — Нет, не домой все-таки. В Америке не дом. Плохо там. Люди непривычные. Там, правда, Митька. Но тоже странный мальчик. Не любит он меня так, как я бы этого хотел. Жена тоже не радуется. Что-то ей надо, чего мне не надо. Нет с ней счастья, не понимает она меня... Вообще-то ничего баба, хозяйственная, готовит хорошо, в квартире чисто, пыли нет... На горных лыжах катаемся втроем. На работу сейчас выйду, а в ближайший week-end погрузим лыжи на «Тойоту» и в горы. Ближе довольно, девяносто пять миль. В Америке воздух лучше, ды-

шится полегче, чем в Москве. Но все равно в Америке что-то не то.

А здесь? Тоже плохо. Дочка никудышная. Расписалась со своим через десять дней после смерти бабушки. Говорю, отложите, сороковины пройдут, тогда. Мы, говорят, потихонечку. Где потихонечку: и расписались, и обвенчались. Я первый раз на венчании был, интересно. «Исайя, ликуй!». Потом к ним. Мол, просто «по бокалу шампанского». Действительно, не было ничего приготовлено, кроме шампанского. Но все понаехали, молодежь, глазенками зыркают. Побежал Гена за водкой, за закуской, благо, сейчас просто. Какие все-таки гады. Ни в грош меня не ставят. Аргументы приводят — Катька беременна. Ну и что? Неудобно перед людьми. Мне было бы удобно, я бы сказал: «Товарищи дорогие, извините, хоть бракосочетание мы и провели в силу обстоятельств, но у нас траур, Катина бабушка умерла. Поэтому свадьба будет в марте. Приходите, всех вас ждем!» Что тут обидного? Смотреть на них на всех противно. Хорошо хоть Лёку уговорил прийти на свадьбу, одна непротивная рожа...

Шура еще, чуело, что с ней делать? Куда-то ее надо девать. Вроде, Марина собиралась ее к себе забрать на лето. Надо будет сказать Шуру, чтобы свою квартиру завещала Катьке. Вот пусть Марина с Катькой о Шуру и заботятся, отработывают.

Формально разобраться, много за этот приезд сделал: с матерью успел попрощаться, на тот свет её проводил — был рядом, схоронил, памятник сделал, дочку замуж выдал, документы на вступление в наследство подал, подлечился неплохо.

Но это формально, а в душе удовлетворения не чувствуется, ощущение несчастья не проходит. Лёка

сказал, что моя модель — это несчастный человек, который держит в руках толстенную пачку денег, а сам все время говорит, как попугай: «Денег нет, денег нет, денег нет». А если кто-нибудь из близких скажет ему: «Так вот же деньги, в руках!», то этот человек ответит трагическим голосом: «Даже ты меня не понимаешь...» Обидная модель. Лёка вообще не церемонится, думает, что мы еще школьники. А мы уже старые, мог бы быть потактичнее, поглубже, что ли. Нет у них ни у кого желания заглянуть в душу ближнего, посочувствовать.

Все-таки главный вывод из этой поездки, что ни от кого ничего мне ждать не приходится. Один человек...»

ХОЛОДНЫЙ ПРОФЕССОР

Пьеса

Пьеса в 2 действиях.
Между первым и вторым действиями проходит год.

Действующие лица:

Александр Гаврилович —
первый проректор университета.

Вадим Вадимович Малиновский, 69 лет —
заведующий кафедрой, доктор технических наук, профессор,
действительный член Мировой академии фундаментальных и
прикладных наук (МАФИПРИН).

Сергей Васильевич Дубинин, 52 года —
кандидат технических наук, профессор кафедры.

Вера Борисовна, 50 лет, его жена.

Анастасия, 24 года, их дочь.

Роберт Николаевич Гундосов, 34 года —
ученый секретарь кафедры, кандидат технических наук,
доцент.

Валентин Петрович Назаров, 67 лет —
заведующий учебными лабораториями, ветеран кафедры.

1-й преподаватель —
старик, боится потерять работу, все в прошлом.

2-й преподаватель —
заслуженный старик.

Солидный посетитель выставки.

*Преподаватели кафедры. Студенты. Посетители художе-
ственной выставки. Врач университетского медпункта.*

Бригада «Скорой помощи».

Действие происходит в начале XXI века в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Место действия

1. «Кухня» — просторная кухня-столовая современной московской квартиры Дубининых, присутствует весь набор современной кухонной техники: плита, посудомоечная машина, холодильник, микроволновая печь. Входы в кухню: слева из коридора, где, предполагается, расположена ванная комната, и справа из коридора, ведущего в спальню, где есть второй санузел. В центре (смещенный к левому входу) — обеденный стол со стульями, вокруг которого происходит действие.

2. «Кафедра» — преподавательская, на сцене письменные столы со стульями, длинный стол для заседаний кафедры, в задней стенке — дверь с табличкой «Заведующий кафедрой, академик МАФИПРИН, доктор технических наук, профессор В.В. Малиновский. Прием по личным вопросам _____», доски с портретами преподавателей, с образцами чертежей, фотографии из истории кафедры.

3. «Галерея» — нарядный зал, по задней стенке и везде, где можно, развешаны картины в рамах.

4. «Курилка» — небольшая комната, где студенты курят, на стене плакат: «Курить во всех помещениях университета запрещено».

5. «Парк» — место прогулки, деревья, скамейка.

6. «Кабинет» — кабинет первого проректора университета.

Музыка.

1-е действие

Сцена 1 (в начале)

Сцена 3

Сцена 5

2-е действие

Сцена 5

Сцена 8 (конец спектакля)

СЦЕНА 1

Кухня. Раннее утро. Музыка. Неяркое освещение. Слева выходит Дубинин в майке и домашних штанах, в тапочках на босу ногу. В руке у него газета.

Дубинин (один). Раньше в квартире были одни часы, а теперь только на кухне трое, и все показывают разное время. Я от этого плюрализма с ума сойду...

Вера (выходит справа, в домашнем халате). Доброе утро. Ты ворчишь, как настоящий дед.

Дубинин. Я и есть настоящий дед, у меня внуку три года! А ты встала меня проводить, как настоящая жена.

Подходит к Вере, целует ее в голову.

Вера. А то я тебе за тридцать лет не доказала, что я — самая настоящая жена! Вари кофе...

Дубинин. погоди, не обижайся, я тебе объясню, что хотел сказать.

Подходит к плите, ставит электрический чайник, занимается приготовлением кофе. Вера накрывает на стол, ходит от холо-

дильника к столу. Затем оба садятся завтракать. Дубинин все это время говорит.

Дубинин. Понимаешь, я вчера два часа сидел, готовился к лекции, свой прошлогодний конспект переделал, хоть он и был неплох. Звонил Володе Рубинштейну, уговаривал приехать и рассказать моим студентам, как все происходит на практике. Для него, конечно, это развлечение, вернее, отвлечение. Но ведь он — главный конструктор, с какой стати ему тащиться на другой конец города... Я встал так рано, тебя поднял... Выеду я загодя на тот случай, если застряну в пробках, бензин сожгу, приеду задолго до начала лекции, буду ждать звонка и еще минут пять, чтобы студенты собрались... Это все настоящее. Тут сомнений нет, а то, что дальше произойдет, я не знаю, настоящее или понарошку...

Вера. Как это? Дальше ведь лекция?

Дубинин. Да, дальше лекция... Я вхожу. В аудитории человек двадцать из положенных ста. Студенты поднимаются. Они приходят ко мне на третьем курсе и не знают, что нужно вставать, когда входит преподаватель. Это я их приучаю каждый год, должно же быть что-нибудь, хоть какие-то атрибуты настоящего высшего образования, маленький след Гаудеамуса, «Vivant professores!...». Называется ведь наше учреждение «университет»! Здравуюсь, студентам говорю, чтоб садились, начинаю лекцию. Каждые пятнадцать секунд в дверях появляется опоздавший студент. Я киваю, он входит, идет к своему месту, но не прямо, а обходит приятелей и здоровается с ними за руку. Когда садится, достает из своей безобразной торбы диски с музыкальными записями и передает соседям, небось вчера обещал. Потом ищет ручку и

тетрадку. Когда успокаивается, в дверях уже стоит следующий... Набирается человек тридцать, реже — сорок. Половину студентов я не увижу никогда... Из этих сорока половина не понимает вообще ничего. Болтать я не даю, и они томятся, ждут звонка... После перерыва человек десять не выдерживают, уходят, хоть идти им, в общем-то, некуда. А на их место приходят человек двадцать новых, которые сильно опоздали и не решились войти. Конспектировать студенты не умеют, только писать под диктовку. Я уж давно так лекцию веду — сначала рассказываю для нескольких понимающих студентов, в это время остальные отключаются. Потом уже диктую. Тут уж все пишут, переспрашивая так, что ясно становится — совсем ничего не понимают из того, что пишут.

Вера. Как же они сдают?

Дубинин. Да, как тебе сказать... Они не сдают. Я им так «тройки» ставлю... У нас учебные лаборатории в жутком состоянии, сплошное старье. А Назаров Валентин Петрович держит стенды так, что все лабораторки можно делать. Студенты аппаратуру ломают, от старости приборы разваливаются. А он где-то по своим каналам достает запчасти, списанные приборы выпрашивает на фирмах, на радиорынке кое-что покупает... А на все это деньги нужны... Потом, ремонт помещений кафедры летом бывает, ремонтникам всегда подсобников не хватает, стройматериалы подносить, мусор убирать... Вот эти студенты и ездят по фирмам, по рынкам, летом отработывают по несколько дней на ремонтных работах. А Валентин Петрович мне список дает, кто что купил, или сколько дней работал. А я им «тройки» ставлю...

Вера. А зав. кафедрой ваш, Малиновский, обо всем об этом знает?

Дубинин. Мне кажется, Малиновский вообще плохо представляет себе, что происходит на кафедре. В деле нашем он плохо разбирается, никогда разработкой не занимался, всю жизнь прослужил в вузе... Хотя ведь это не аргумент. В университетах и академиях всегда собирались самые сильные специалисты и ученые. Преподаватель высшей школы должен быть настоящим знатоком своего дела. Профессора-медика приглашают к трудному больному, к профессору-технарю приходят советоваться, если возникают проблемы в разработке, профессора из военной академии могут назначить командиром дивизии... Но это не про нашего заведующего. Он иногда такое ляпнет, что стыдно слушать. Если возражаешь, то начинает затыкать рот, кричать. Если докажешь свое, то скажет: «Что вы себе позволяете?! Вы себя со мной не равняйте! Я — номенклатура!»

Вера. Он что у тебя, дурак?

Дубинин. Скорее, старик. Себя не видит. Он как-то уже простил себе все: некомпетентность, плохую память, несообразительность. Поэтому объяснять ему что-либо бесполезно. Вдруг на последнем заседании кафедры стал говорить, что Дубинин тайно работает «под крышей» кафедры, выполняет «левые» работы, а он об этом не знает. Я ему ответил, что работа не левая, а по договору с университетом, и знать про нее он должен, потому что я сам ему по этой работе деньги выписывал. Он не смутился и сказал: «Тогда я не в курсе». Про его преподавание тоже непонятно. Всю жизнь читает лекции, а своего конспекта у него нет... Да и скучно ему лекции читать, ищет кто бы заменил... Экзамены тоже редко принимает. Придет на полчаса, а потом оставит кого-нибудь, а сам смотается... Или вот: я сижу, экзамены принимаю,

он пришел, постоял, руку мне на плечо положил и говорит: «Вы о Валентине Петровиче не забывайте».

Вера (с издевкой). И что же тебе неясно?

Дубинин. Ну, ты так примитивно не трактуй. Все-таки профессор, доктор наук, известный в специальности человек... Хотя фигура дутая. Все его труды — только грохот математического аппарата...

Вера. Как это?

Дубинин. Представь, что ты вызвала слесаря, а он ничего сделать не может, только трясет жестяной коробкой и хвастается: «У меня там сверла импортные, плашки на любую резьбу, я все могу сделать, слышишь, как громко железки гремят!» Книжку мне свою подарил, уже не первая, но все те же закорючки из предыдущей книжки переписаны. Посчитать по ней ничего нельзя, пользы никакой. Надписал: «Уваж. Серг. Васильичу Дуб. от автора».

Вера. Какая неприятная надпись!

Дубинин. Да... презирает, хоть и неясно, с какой стати. Я, правда, смалодушничал, в ответ подарил ему журнал со своей статьей и тоже его сократил. Потом подумал, что не стоило бы...

Справа выходит Анастасия в домашнем халате, заспанная. Когда появляется Анастасия, на сцене нужно добавить свет.

Анастасия. Родители, вы почему в такую рань завтракаете? Папа, у тебя что, первая лекция? Здравсьте!

Вера. Доброе утро!

Дубинин. А, госпожа премьерша! Поздравляю! Когда открытие выставки? Мы с мамой придем.

Анастасия. Открытие в двадцать нуль, нуль. Приходите.

Вера. А Васю ты пригласила?

Анастасия (*с вызовом*). Я пригласила Васю, его сильно беременную жену и предупредила пожарных на случай, если их Серенька без родителей что-нибудь подожжет!

Вера (*испуганно*). Что ты, что ты, я просто спросила.

Дубинин. Кое-кто сильно беременный, а кое-кто совсем не беременный...

Анастасия. А кто виноват? Некультурные родители. Вам нужно было рожать сначала Аську, а потом уже Ваську. А вы сначала явили мне пример старшего брата, а потом, давайте, Анастасия Сергеевна, ищите такого же достойного. Ждите теперь!

Дубинин. Можно сказать, доченька? Давай я доставлю тебя в галерею. Все-таки, ты — куратор выставки в таком знаменитом месте. Тебя нужно привезти. Заходи ко мне на кафедру, вместе и поедем. А вечером мы с мамой придем.

Анастасия. Мне нужно пораньше, к двум.

Дубинин. А я в час освобождаюсь, как раз успею. Ты речь-то свою выучила?

Анастасия. Наизусть. Пять минут есть? Могу произнести.

Встает из-за стола и, дурачась, произносит свое вступительное слово на открытии выставки. Играет, прыгает, вертится, показывает руками, какая она маленькая и какой художник большой.

Анастасия. Дорогие гости, уважаемые коллеги. Я, такая маленькая девочка, сейчас открою для вас выставку такого большого художника-портретиста, что вы все ахнете. Вы ужаснетесь, что жили до сих пор, не зная имени Герасима Пупишевского. Этот художник, подобно Пикассо (ударение на «а»), имел

выраженные периоды в своем творчестве. Первый период мы, искусствоведы, назвали «традиционалистским». На портретах этого периода все ясно, даже известны биографические данные портретируемых. Поэтому желающих заняться этими портретами не нашлось, хоть я и искала. Нет предмета для исследования. Зато портреты второго периода, названного нами «экспрессионистским», привлекли множество специалистов. Уже опубликованы две статьи, идет работа над кандидатской диссертацией. И вот, пожалуйста, мы открываем выставку портретов Пупишевского в лучшей галерее России. Взгляните на «Портрет купца Зелюкина». Сколько экспрессии, сколько силы и таланта, как характер купца виден в этой линии левого уха, носа... Ой, кажется это — не нос. Кто повесил картину боком?! Но и так, согласитесь со мной, впечатление сильное! Может, не перевешивать?.. Может, так лучше?.. Короче, добро пожаловать на выставку, шампанское в буфете «на халяву», коллекционеры, берите золотые кредитные карточки и идите ко мне. Владельцы частных галерей, цып-цып-цып... Как речуга?

Дубинин. Атас! Ну, придешь ко мне в университет?

Анастасия. Ровно в час, и сразу поедем.

Анастасия уходит вправо. Дубинин берет газету и, торопясь, уходит вслед за ней. Вера убирает посуду после завтрака.

СЦЕНА 2

Кафедра. Середина дня. Входит Малиновский. Оглядывается. Заходит в свой кабинет, оставляет в кабинете портфель и тут же возвращается в преподавательскую.

Малиновский. Никого нет. Заведующий, академик, на кафедре, а из сотрудников никого! Назаров сидит в лаборатории, ковыряется. А остальные? А преподаватели? Где все? Позволяют себе манкировать, даже не заходят на кафедру. Отчитают свое, и домой. Не думают о лице кафедры. Они обязаны показаться, узнать, нет ли для них заданий, поручений... Ведь кафедра — это бастион, а обороняю этот бастион я один. Не понимают они, что дела делаются не в аудиториях с тупыми студентами, а в кабинетах. Да и где им понять, не тот уровень, не тот калибр. Даже по квалификационным, формальным признакам они не могут со мной равняться. У меня дипломы двух вузов, диплом кандидата, диплом доктора наук, аттестаты доцента и профессора... Еще диплом действительного члена МАФИПРИН. Вон сколько первоклассных документов, «корочек», как говорят! Тут все в порядке. Ну, и не формально, по масштабам личности, так сказать, мне тут равных нет... Я вхож к первому проректору, к другим руководителям, к начальникам управлений. Я всегда в курсе дела, знаю, что происходит в университете, в министерстве... Могу вписаться в процесс... Использую информацию во благо кафедры. Кафедра на хорошем счету, отчеты проходят гладко... Ну, и внутреннюю жизнь умело регулирую. Иногда похвалю кого-нибудь, скажу, что такой-то преподаватель выручил кафедру, что благодаря его самоотверженной работе мы добились многого. Тот и знать не знает, в чем его самоотверженная работа заключается, и чего мы добились, сидит, потупясь, а остальные завидуют. Иногда поругаю кого-нибудь, что не выполняет плана. Тот, бывает, ответит, что сдача работы еще только в следующем семестре. А я ему: «Я по

вашему отношению к делу вижу, что сроки будут сорваны! Не пререкайтесь, а примите к сведению мое замечание!» Потапову сказал: «Ректор считает, что ваша докторская диссертация не соответствует профилю нашего университета». Зачем мне нужен молодой доктор на кафедре? А без некоторой доли лукавства заведовать тоже нельзя! И меня уважают, слушаются, побаиваются. Все, даже Дубинин. А что Дубинин? Обыкновенный инженер с производства. Я сделал его профессором, чтобы ставка не пропала, возникла такая ситуация. Лучше иметь холодного профессора, чем полноценного доктора наук, безопасней. Хи-хи... Остроумное придумали название — холодный сапожник на скорую руку обувь чинит, а этот на скорую руку профессором становится, без докторской степени... Народ шутит, не дремлет... Хотя это и не совсем народная сфера... Но Дубинину надо время от времени напоминать, что, если б не я, был бы он, несмотря на все его таланты, доцентом, как положено кандидату наук... А раз я за всех работаю, прикрываю кафедру, то и кафедра должна меня поддержать в трудной ситуации. Надвигается юбилей, нужно семидесятилетие отметить на уровне. Мне сказали, что придет ректор, все проректоры, из попечительского совета тузы, в общем, вся головка. Пусть кафедра поучаствует, самому мне трудноато поднять... Да и с какой стати!

Входит Гундосов в свитере и джинсах.

Гундосов. Здравствуйте, Вадим Вадимыч!

Малиновский. А, Робертино. Где члены кафедры?

Гундосов. На занятиях. У меня как бы лекция была, а сейчас пришел на лабораторку.

Малиновский. А остальные?

Гундосов. Сейчас еще Дубинин придет с девушкой.

Малиновский. Что, новая аспирантка?

Гундосов. Не знаю. Ну, я пошел?

Малиновский. Погоди. Тут дело одно есть. Как вы, надеюсь, знаете, грядет мой юбилей.

Гундосов (*хихикает*). Знаем, готовимся.

Малиновский (*морщась*). Это мне все равно, можете и не готовиться. Я считаю, что это дата не личная, а кафедральная. Нужно встретить на уровне, начальства будет столько, сколько никто из вас сроду не видел.

Гундосов. Понятно, вы — фигура заметная!

Малиновский. Ишь ты, фигура?! Ты выбирай выражения, ученый секретарь. А то быстро из секретарей вылетишь! Ну, ладно... Надо, чтобы преподаватели поняли ситуацию, поучаствовали в мероприятии.

Гундосов. А каковы масштабы?

Малиновский. Я думаю, будет человек пятьдесят, по сотне у.е. с носа. Полагаю, пяти тысяч будет достаточно. Реальные расходы, конечно, будут значительно больше, но это я сам вложу. Думаю, осилим, тем более что банкет будет после сессии. Дубинина не забудь охватить, в этом деле вся кафедра должна быть едина, мы — бастион!

Гундосов. Да... Крутовато, блин...

Малиновский. Ладно, все, иди, тебя там студенты ждут.

Гундосов не успевает выйти, как входят Дубинин и Анастасия. Увидев Анастасию, Гундосов задерживается в преподавательской, не идет в лабораторию.

Дубинин. Здравствуйте, коллеги. Разрешите вам представить мою дочь Анастасию. Она у меня искусствовед, сегодня открывает свою первую выставку в качестве куратора. Ася, это профессор Вадим Вадимович Малиновский, наш зав. кафедрой.

Анастасия (*сильно робея*). Здравствуйте, Вадим Вадимович! Приходите сегодня в восемь часов вечера к нам в галерею на открытие выставки.

Малиновский (*не дослушав приглашение*). Я не смогу, у меня дела в Академии наук.

Гундосов. А вы только профессоров приглашаете?

Дубинин. А это Роберт Николаевич, наш ученый секретарь, самый молодой и красивый преподаватель на кафедре.

Анастасия. Приходите, пожалуйста, Роберт Николаевич. Папа, пошли, мы опаздываем.

Дубинин, Анастасия и Гундосов уходят. Малиновский смотрит им вслед обескуражено, «вот, все ушли, а меня не взяли», но быстро приходит в себя, снова принимает важный вид, заходит в свой кабинет, берет портфель и уходит.

СЦЕНА 3

Галерея. На сцене посетители художественной выставки. Почти все с бокалами шампанского в руках. Все нарядно одеты, женщины в вечерних платьях с драгоценностями. Мужчины в дорогих костюмах и галстуках. Некоторые одеты нестрого, но дорого и красиво. Стоят группами. В одной группе стоят Дубинин, Вера, Гундосов. Гундосов в свитере и джинсах выделяется в толпе. Гул голосов. Переходят от группы к группе.

Переходят от картины к картине. Играет музыка.

Через сцену справа налево проходят Анастасия и «солидный посетитель» выставки. Анастасия ему объясняет, показывая на картины. «Солидный посетитель» заинтересованно слушает, задает вопросы.

Разговор Анастасии и «солидного посетителя».

Анастасия. Это очень интересный художник. Он был современником передвижников и художников новых направлений.

«Солидный посетитель». Это какой век?

Анастасия. Начало XX века...

«Солидный посетитель» (разочарованно).

А-а-а...

Анастасия. Самый ценимый любителями период, Серебряный век русской культуры...

«Солидный посетитель» (заинтересованно). Так он — художник Серебряного века?

Анастасия. Да, это очень перспективное имя для коллекционеров.

«Солидный посетитель» (достаёт сверкающую электронную записную книжку). Надо бы записать кое-что. Понимаете, я хочу, чтобы дочка моя этим делом занялась, открыла галерею. Она сюда не смогла прийти... Капризы...

Анастасия. Не записывайте, я для вашей дочки подготовлю презентацию.

«Солидный посетитель». Только не очень длинную. Может быть, вы встретитесь с моей дочкой, ориентируете ее, дело-то новое...

Анастасия. Конечно, с удовольствием...

Уходят. Вера отходит от мужа и подходит к другой группе. Как только Вера отходит, Гундосов начинает возбужденно говорить, время от времени отхлебывая из своего бокала.

Гундосов. Ну, обстановка! Ну, публика! Я на таком рауте как бы никогда и не был. Вот где настоящие киты, не то, что наш МАФИПРИН надутый. А дочка ваша как бы замечательная девушка. И с этой публикой запросто и дело свое как бы знает!

Дубинин. Почему «как бы»? Она действительно замечательная девушка, и дело знает.

Гундосов (не понял возражения). Я как бы и говорю, замечательная. Знал бы, приделся. А то, блин, неудобно в джинсах.

Дубинин. А вы картины повнимательней рассматривайте. Публика подумает, что вы — известный экстравагантный миллионер-коллекционер.

Гундосов. Ладно, пойду картины смотреть.

Гундосов уходит искать Анастасию. К Дубинину подходит Вера.

Вера (радостно). Как замечательно! Какая Настя умница!

Дубинин. Да! Поздравляю, мамочка!

Целует ей руку.

Вера. И я тебя поздравляю. А Вася где?

Дубинин. Они ходят в том зале. Ему, по-моему, тоже понравилось.

Вера. Сколько узнаваемых лиц! Вон тот кто, невысокий, с азиатской внешностью?

Дубинин. Это известный коллекционер современного искусства, а портреты его печатали года два назад во всех газетах и по телевизору показывали в связи с каким-то скандалом на Олимпиаде.

Вера. Благодаря нашим детям мы со всеми телевизионными головами перезнакомимся. Пока ты тут стоял, ко мне вон тот телеведущий подходил, забыла фамилию. Восхищался Анастасией.

Дубинин. Радуйся, мамочка!

Вера. А я и радуюсь! Очень!.. Где твой коллега?

Дубинин. Побежал дочь твою искать.

Вера. Ой, как бы он ей работать не помешал. Он, по-моему, плохо представляет себе, что здесь происходит.

Дубинин. Несмотря на это, возможен роман... Роберт Николаевич готов приударить за Анастасией.

Вера. Мне кажется, что Роберт Николаевич для Насти... как бы, блин, слабоват... в натуре...

Дубинин (смеется). «В натуре» ты напрасно добавила. «Как бы, блин» вполне достаточно.

Вера. Что-то я устала... Счастлива, и устала, и боюсь Насте помешать... И шампанского выпила... Давай-ка, дедушка, продвигаться к выходу. На дочку полюбовались, сына с невесткой видели, пора и честь знать...

Дубинин. Надо бы Роберту сказать, все-таки я его сюда привел.

Вера. Помаши издалека, будет очень прилично, он — не маленький.

Вера и Дубинин уходят вправо. Через несколько секунд после их ухода справа налево через сцену проходит Анастасия в сопровождении 2–3 посетителей выставки, среди которых Гундосов.

СЦЕНА 4

По авансцене прогуливаются Дубинин и Назаров.

Назаров. Мне, право, неудобно, Сергей Васильевич. Я к вам опять со списком. Вот у меня перечень мероприятий, которые провели эти студенты, с указанием, кто что сделал...

Дубинин. Не волнуйтесь так каждый раз. Давайте список. И не говорите про их заслуги. Вы попросили, я поставлю им «тройки».

Назаров (стесняясь). Тут есть двое ребят. Они без «троек» учатся, ну, просто ни одной «тройки» за все время! Нельзя ли им как-нибудь «четверочки»...

Дубинин. Пусть сдают, Валентин Петрович. Тогда и «четверки», и «пятерки». А так только «тройки», объясните им это... С какой стати! Ребята учатся, стараются, а эти!..

Назаров. Хорошо, хорошо, Сергей Васильевич. Не волнуйтесь!

Дубинин. А у меня к вам такая просьба: пусть эти охламоны ко мне не подходят, я их видеть не хочу. Собирайте у них зачетки, я распишусь, потом вы зачетки раздадите. А то сажу, принимаю зачет, и тут, видите ли, входит один из этих. Наглый, тупой, но чувствует себя в своем праве, ведь он что-то там для кафедры купил, и я ему обязан! И открытым текстом: «Поставьте мне в зачетку зачет, в ведомости уже стоит». А я его первый раз вижу! Стыдно перед студентами, они передо мной сидят в линейчку, честной учебой зачет зарабатывают, многие только при сдаче что-то поняли, слегка суть схватили, а тут такое безобразие!

Назаров (*сочувственно*). И как вы вышли из положения?

Дубинин. Послал его подальше. Студент сразу понял, развернулся и ушел. Ничего, проживет без моего автографа в зачетке!

СЦЕНА 5

Курилка. Стоят несколько студентов. Некоторые курят.

1-й студент. Сессия грядет. Настроения никакого. Опять перед предками хвостом вилять, петь про поборы в вузах. Надо бы работу найти, а то надое-ло...

2-й студент. Не-е, у меня без проблем. Я рудак на первом курсе перед первой сессией сказал: «Или платите каждую сессию с учетом инфляции и стоимости бивалютной корзины, или будем бесплатно курс молодого бойца изучать в горячих точках».

3-й студент. А я не плачу ничего, почитаю лекции три дня, и хватает.

1-й студент. Еще лабораторки, курсовые, контрольные задания... Тоже за три дня?

3-й студент. Не-е, это я в семестре делаю...

2-й студент. Делашь, и делай! Только нашим предкам об этом не говори, а то всю дрессуру испортишь. Начнут на тебя пальцем показывать и монету жать.

1-й студент. Нам в этот раз Дубинину сдавать. Он, говорят, зверь, лучше и не соваться. Но и подъехать тоже проблема, говорят, не берет...

2-й студент. Кончай ты ныть. Дубинин такой же, как все, также врет. Обещал главного конструктора

привести, который 20 тонн грин в месяц гребет, и наврал.

3-й студент. Приводил на последнюю лекцию.

2-й студент. Я не был.

1-й студент. А... Я опоздал, смотрю, какой-то мужик чужой у доски прыгает, а Дубинин на первой парте сидит с ребятами. Я потом забыл спросить, кто такой.

2-й студент. Ну, и что за мэн?

3-й студент. Спортивный такой дед. Раньше чемпионом был по плаванию, а сейчас большой бугор в оборонке, объездил весь мир. Рассказывал интересно. Дубинин говорил, что он берет к себе по человечку в год, но шурупить надо. Да он всего час и побыл.

1-й студент. Так как же Дубинину сдавать?

3-й студент. Курсовой скатай. Выучи один раздел какой-нибудь по лекциям. Иди поближе к концу. Говори: «Сергей Васильевич, вы извините, я курсовой только сейчас принес. Примите, пожалуйста». Он посмотрит и скажет, что ты его скатал. Ты отвечай, что выполнил не совсем самостоятельно, потому что... А дальше ври про больную ногу, про поиски работы, про родственников, скажи, что компьютер сломался. Вверни, что по той же причине не смог полноценно подготовиться к экзамену. Зато, говори, вот этот раздел хорошо знаю. Если на пару вопросов ответишь, хрюкнешь шесть баллов, три за курсовой, три за экзамен.

2-й студент. Теперь меня послушай. Иди к ним на кафедру. Найди Назарова Валентина Петровича. Он тебя сам куда-нибудь в темный угол заведет. Ты ему скажи, что у тебя курсовой и экзамен. Он тебе скажет, сколько платить, когда принести за-

четку и когда зачетку забрать. И никакой цирк не нужен.

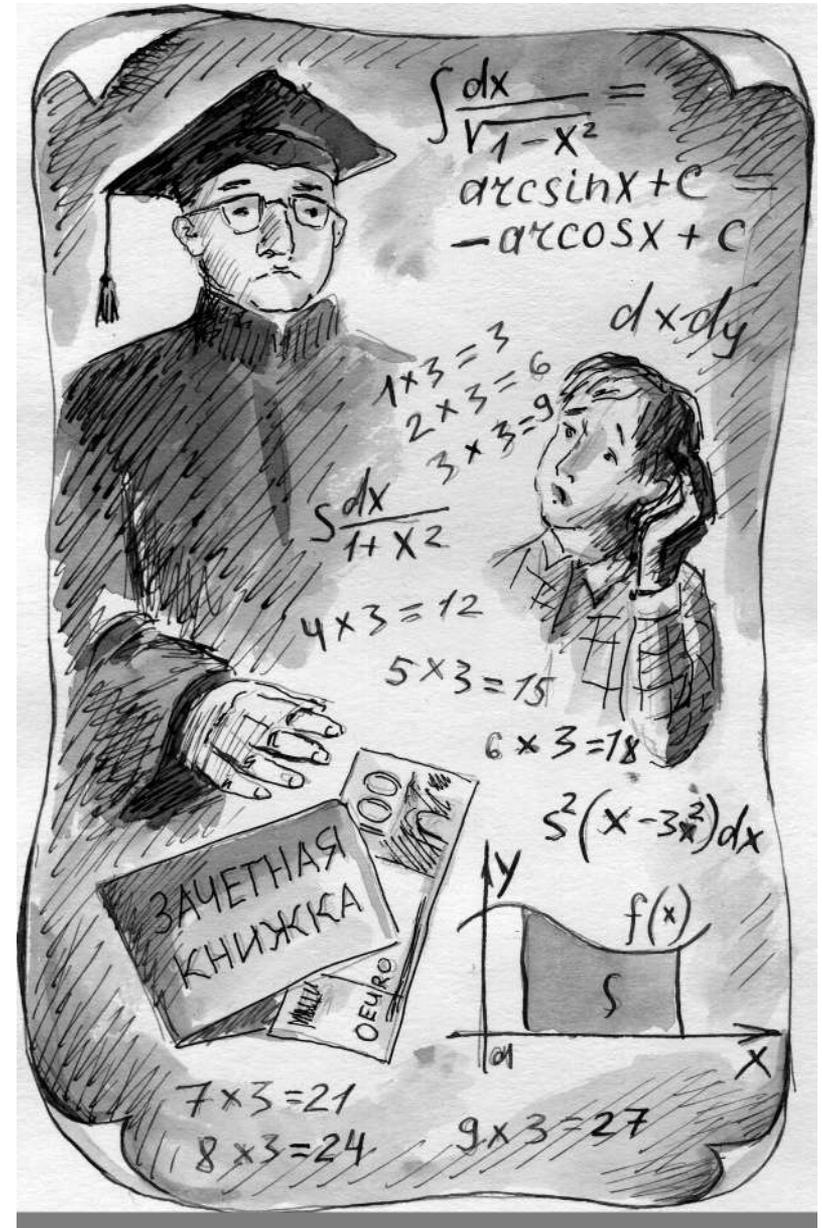
1-й студент. Как же быть?.. От ваших советов только ум враскаряку...

СЦЕНА 6

Парк. Играет музыка. Анастасия и Гундосов прогуливаются, беседуют. Молодым людям хорошо вместе. Однако слушают друг друга плохо. Чувствуется некоторое несоответствие вопросов и ответов.

Анастасия. Я очень люблю своих родителей и брата. Я их воспринимала как единое целое, одним словом, это была моя семья. Нам так весело и интересно было вместе. Когда Васька четыре года назад женился и ушел от нас, мы очень скучали. Потом родители привыкли, даже, знаете, и от меня слегка отвернулись, больше теперь друг на дружке сосредоточены. А я не могу без Васьки, скучаю, думаю о нем, мысленно ему рассказываю, что со мной происходит... Видимся часто, и жена его — хорошая девчонка, но это уже не то. У них Серенька, племянник. Еще один скоро будет...

Гундосов. Что поделаешь, как бы это — жизнь. И ничего тут грустного нет. Вы тоже замуж выйдете и уйдете. Вон, вокруг вас какие, блин, шмели жужжат, я на выставке посмотрел! И будет вам некоторое время не до родителей, брата и племянников. Я вот с родителями живу до сих пор, и, уверяю вас, ничего хорошего в этой хрени нет. Через месяц от них сбегу, ремонт заканчиваю в бабушкиной квар-

тире... Хотя, конечно, Сергею Васильевичу будет тяжело с вами расставаться.

Анастасия. Папа у меня молодец. Мне кажется, что папа — настоящий преподаватель. Он так все представит, разложит, объяснит, что становится понятно-понятно. Нам с Васькой все в школе объяснял. Или мама, когда папы не было...

Гундосов. А как так получилось, что отец — инженер, а вы — как бы по искусству пошли, а брат — экономист?

Анастасия. Не знаю, у меня к точным наукам таланта нет.

Гундосов. У нас почти у всех преподавателей и дети, блин, и внуки в родном университете учатся. Когда именнные стипендии присуждают — из пяти фамилий три знакомые, в аспирантуру набирают — то же. Двигают детей... А если двигать не получается, если тупой отпрыск, то на аркане тянут, ходят, блин, «тройки» и «четверки» выпрашивают для своих. Среднего варианта не бывает!

Анастасия. Мне кажется, мой папа не пошел бы...

Гундосов. Да, когда Сергей Васильевич пришел на кафедру, мы сразу поняли, что как бы полезного человека приобрели. Большой практический опыт чувствуется, а то ведь мы, блин, теоретики, в нынешней обстановке как бы оторвались... Он, когда пришел, доцентом был. А потом у нас как бы умер один старичок, и освободилась ставка профессора. Мы думали, ее Потапов займет, был у нас такой мужик, без пяти минут доктор наук. Пока, там, приказ, через год — конкурс, он бы успел защититься и ВАК пройти. А остальное — учебник, статьи и другая хрень у Потапова были. Но Вадим Вадимыч выдвинул Сергея Васильевича, доказал ректору. А Потапов обиделся и ушел.

Анастасия. Вот и в науке такие перипетии бывают. В искусстве это сплошь и рядом. Вы почитайте, как Стасов ругал Левитана и Серова больше ста лет назад. А теперь, и Стасов — классик, и Серов с Левитаном — классики...

Около садовой скамейки Гундосов берет чуть ушедшую вперед Анастасию за руку, как будто притормаживает.

Гундосов. А давайте на лавочке посидим, а то ноги как бы гудят, у меня сегодня две лекции было.

Анастасия. Лучше давайте около скамеечки постоим, у вас ноги и отдохнут.

Целуются.

Анастасия. А почему тебя Роберт зовут?

Гундосов. Я в Латвии родился, отец — военный, там служил. В Латвии Роберт — обычное имя.

Целуются.

Гундосов. А тебя почему Настя зовут, ведь ты — профессорская дочка?

Анастасия. Я — не Настя. Я — Анастасия!

Гундосов. Так бы сразу и сказала!

Целуются.

Анастасия. А почему ты все время говоришь «как бы» и «блин»? Фи, как это неинтеллигентно! Ведь ты же лектор, оратор!

Гундосов. Это меня студенты научили. Я больше не буду.

Целуются.

СЦЕНА 7

Кафедра. За столом сидят преподаватели, среди них Малиновский, Дубинин, Гундосов, 1-й преподаватель, 2-й преподаватель.

Малиновский. Ну вот, коллеги, все вопросы с расписанием утрясли, да и не было серьезных вопросов. Если что-то возникнет, разберетесь без меня, а мне нужно в Академию...

Дубинин. Вадим Вадимович, я хочу обсудить еще один важный аспект нашей деятельности.

Малиновский. Какой аспект? Повестка дня исчерпана!

Дубинин. Тем не менее, прошу еще несколько минут в части, так сказать, «разное».

Малиновский. Какой же это вопрос? Вы так настаиваете...

Дубинин. Где будут работать наши студенты после окончания университета?

Малиновский смотрит на него недоуменно, не знает, что сказать.

1-й преподаватель (*спешит выручить Малиновского*). Сергей Васильевич, как вы знаете, распределение давно отменили. Выпускники сами находят себе работу. Кафедра этим не занимается.

Малиновский. Наиболее способных выпускников мы можем взять в аспирантуру.

Дубинин. Про аспирантуру, армию, милицию и другое не будем говорить. Что будет делать основная часть выпускников? Будет ли работать по направлению, скажем, нашей кафедры?

Малиновский. Вам же сказали, этот вопрос к нашей компетенции не относится. Ладно, не люблю пустых разговоров. До свидания.

Малиновский берет портфель и поспешно уходит.

Дубинин (*недоуменно привстает*). Куда же вы?.. Надо же, сбежал, даже не дослушал!

1-й преподаватель. Но ведь Вадим Вадимович ответил на ваш вопрос.

2-й преподаватель. Сергей Васильевич, не принимайте на свой счет, он всегда сбегает, скучно ему в нашем мелколесье. Малиновский любит гулять среди баобабов!

Гундосов встает из-за стола, идет к краю сцены и заглядывает за кулисы.

Гундосов (*на ходу*). Коллеги, давайте как бы оставаться в рамках, кроме того, не исключено...

2-й преподаватель. Что запнулся, Роберт? Не исключено, что он у дверей подслушивает?

Гундосов (*прыскает*). Ну, да... Ладно, давайте без него обсуждать, раз Сергею Васильевичу припичило.

Тут же несколько преподавателей встают и направляются к выходу, произнося: «Извините, я тоже спешу!», «Сегодня не могу задерживаться», «Извините, мне нужно внука из школы забирать!»

2-й преподаватель. Сергей Васильевич, а в чем, собственно, дело? Мне тоже непонятно, чем вы озачены?

Дубинин. Спасибо, я — кратко. Дело вот в чем. В течение нескольких лет ни один из моих студентов не стал инженером по специальности, название которой походило бы на наименование нашей кафедры. На государственные предприятия они не идут — маленькая зарплата, пугает проходная и жесткая дисциплина. В частные фирмы их не берут из-за низкой квалификации. Зато выпускники легко идут куда угодно, в любые другие места. У меня был один парень. Умный, но учился плохо. Так я решил его обработать, заинтересовать профессией. Мне показалось, что это удалось. После защиты он пошел в ГАИ инспектором. Там требуется любой диплом, вот он с нашим дипломом и пошел. Я ему: «Зачем, ведь ты — инженер?!» А он посмотрел на меня, как на маленького, и предложил покровительство, если будут проблемы с техосмотром. Другой парень был. Прекрасный молодой человек. Я его три года опекал, именную стипендию, публикации, место в аспирантуре, участие в живых работах на стороне и за деньги — пожалуйста. Так ему предложили пойти в разведку. Он подумал, подумал, и ушел из специальности, и меня же попросил рекомендацию написать. Сделают из хорошего парня хорошего разведчика. Но я-то зачем его учил?! Еще, пожалуйста, пример. В подмосковном городе, всего сто километров от Москвы, понадобились ребята на фирму, через пару лет квартиру обещали дать, если дела пойдут. Из пяти человек, которым я предлагал, трое все-таки съездили туда, поговорили, но никто не заинтересовался! Вот и получается: способные ребята идут в более мощные и богатые отрасли, плохие ищут, где полегче. А мы зачем нужны?!

1-й преподаватель (волнуясь). Эх, Сергей Васильевич, милый человек, разбредили вы мою

душу... И меня всякое подобное мучает... Вон Потапов... Ведь он моим студентом был, потом моим аспирантом. Кандидатскую защитил и дальше двинулся. Я уж и помогать ему не мог, не поспевал за ним. Но он все время обращался, будто за советом, обсуждал со мной свои результаты, соавтором статей ставил. Без всяких моих к тому стремлений... Помнил добро... Вот настоящий ученый получился. И мой ученик, предмет гордости, не зря я...

Вытирает глаза.

А дальше, как вы говорите, то да се... Малиновский сказал, что ректор кафедрой не доволен из-за его докторской... Какое может быть недовольство?.. Сейчас так редки докторские... Притормозил Потапова. Потапов и ушел в нефтегазовую сферу. А Вадим Вадимович сказал, что Потапов за длинным рублем погнался... А он-то как раз бессребреник...

Дубинин. А вы серьезно с Малиновским говорили, отстаивали Потапова?

1-й преподаватель. Да, говорил... Он ответил, что вопрос стратегический, высокого уровня. Не стал Потапова удерживать.

Дубинин. А к ректору вы ходили?

1-й преподаватель. Как же я могу через голову Вадима Вадимовича!

Гундосов (с завистью). Да, Потапов сильный был мужик, но излишне признавал свои умственные способности, мало считался с коллективом...

2-й преподаватель. Да брось ты, Роберт! Перестань, стыдно слушать!.. Сергей Васильевич, чтобы дополнить нарисованную вами картину, скажу, что есть выпускники, работающие по специальности...

или близко к специальности. Крупные иностранные корпорации по своим критериям отбирают студентов старших курсов и натаскивают их за короткое время на какую-нибудь операцию. Дальше — экзамен, присвоение рейтинга и — на работу. Через два-три месяца — новый курс, более сложная операция, более высокий рейтинг. И так далее.

Дубинин. То есть из наших молодых инженеров готовят квалифицированных рабочих?

2-й преподаватель. Сначала рабочих, потом техников. Могут и выше двинуть. Есть один парень, который по этому пути за двенадцать лет дослужился до руководителя представительства известной корпорации в России и Восточной Европе.

Дубинин. Значит, общий вывод такой, что кафедра инженеров по своей специальности не готовит. Школьник, выбравший нашу специальность, в нашем университете, на нашей кафедре получить ее не сможет!.. Как человек рассеянный с улицы Бассейной: он отправился в буфет купить себе билет...

1-й преподаватель. А потом пустился в кассу покупать бутылку квасу... Ну, это вы уж больно категоричны, Сергей Васильевич...

Гундосов. Что-то вы слишком глубоко копаете, Сергей Васильевич...

2-й преподаватель. Захочет студент получить специальность, получит. Наша задача — создать для этого условия, а так, как вы подходите, можно с ума сойти.

Дубинин. Ладно, попробую объяснить на примере. Я участвовал в разработке нескольких изделий. Больше половины изделий не были приняты, никуда не пошли, легли на полку... По разным причинам... Бывало, побеждало конкурирующее изделие,

бывало, теряла актуальность задача и так далее. Но мы, когда делали, не знали, что наша работа не пригодится, работали по-настоящему. Если бы мы вначале знали, что работаем впустую, никто не стал бы тратить время и силы! Я не могу преподавать, понимая, что моя работа не нужна!

2-й преподаватель. Вы, Сергей Васильевич, этими мыслями больше ни с кем не делитесь, пожалуйста. Не мучайте людей. Мы сидим тут по сорок лет, видели разные времена. Лет тридцать назад кафедра гремела, такие инженеры приезжали за советом! Ни одна крупная разработка в отрасли не обходилась без нашего участия! Такой парень, как Потапов, в те времена давно бы уже лауреатом сделался. А сейчас — мы тут к пенсии подрабатываем, и хорошо. У нас один Роберт — молодой, да вихрастый. Но Роберт склонности к философии не имеет. Понимает жизнь конкретно. Поэтому он у нас ученый секретарь, второй человек на кафедре, вроде овчарки при пастухе...

Гундосов (*привстает, краснеет, начинает гневно*). Вы что себе позволяете?.. Вы думаете, что раз вы...

2-й преподаватель. Ладно, ладно, Роберт! Извини, тут — все свои, остальные к правнукам побежали... А в ближайшие годы отправятся к праотцам. Ха-ха, каков каламбур?! Не хочешь быть овчаркой — не буду, прости. Тут ничего обидного нет, ну да ладно... Пусть Малиновский — командующий фронтом, а ты — начальник штаба. Согласен? Разрешите продолжить, товарищ генерал? Еще вот вы, Сергей Васильевич, не достигли шестидесяти лет. Но вас зарплата здешняя не особенно интересует. Вы и в другом месте, и в третьем заработаете... Вам

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

нравится процесс. Чтобы, значит, талантливых инженеров растить. А раз не получается, будете веревкой в море крутить, как пушкинский Балда, да чертям жизнь мутить. Расстроите старичков, доведете до инфарктов-инсультов. Что в этом хорошего?! Видишь, Роберт, Дубинин на Балду не обиделся! Нет, ты не настоящий опричник, те песьей головой гордились!

Гундосов. А я горжусь тем, что как бы преподаю на нашей кафедре. Уважаемый коллега правильно сказал, что бывают разные времена. Но Вадим Вадимович — не Иван Грозный, я — не Малюта Скуратов, а Потапов — не Колычев! И я не обижаюсь... Дождемся и мы, Сергей Васильевич, возрождения кафедры. Главное, что мы все этого как бы хотим! И не говорите, что ваш труд как бы бесполезен. На этом панихиду предлагаю закончить. Есть у меня бутылка коньяку от благодарного студенчества, а у Назарова в лаборатории наверняка найдется закусить.

1-й преподаватель. Что ж, за возрождение науки на кафедре грех не выпить...

2-й преподаватель (*с издевкой*). А ваша печень, коллега?

1-й преподаватель. Но ведь и вы со мной выпьете, и Сергей Васильевич... Что есть печень, когда с тобой водители чокаются?

Гундосов. С таким профессорско-преподавательским составом я за нашу кафедру как бы совершенно спокоен.

Все уходят в лабораторию (последним — Гундосов, доставший из сейфа две бутылки).

ЗАНАВЕС

СЦЕНА 1

Через год после событий первого действия.
Кухня. Вечер. За столом сидит Дубинин и читает. Справа входит Анастасия в шубке.

Анастасия. Папа, ты дома? А где мама?

Дубинин. Мама будет поздно. Раздевайся, иди сюда, я тебя чаем напою.

Анастасия уходит переодеваться, потом возвращается, одетая по-домашнему, и садится за стол. Дубинин в это время хлопчет, накрывает на стол, садится вместе с дочерью. Пьют чай и разговаривают.

Дубинин. Ну, как дела?

Анастасия. Все хорошо. Выставку повезем в Швейцарию. Потом в Японию.

Дубинин. Ух, ты! А тебя берут?

Анастасия. Это я их всех беру или не беру.

Дубинин. Ну-ну, не зазнавайся!

Анастасия. Серьезно, пап. У меня на работе все о-о-очень хорошо...

Дубинин. А скажи мне, деточка, что у тебя с Робертом. Мы с мамой тебя не спрашиваем, но так тоже нельзя — ушла, не сказала...

Анастасия. Папа, большие девочки уходят от родителей к молодым людям, вы должны об этом знать!

Дубинин. Но ведь и вернулась, ничего не сказала! Нам с тобой лучше, не об этом речь. Мы без тебя скучали эти полгода, потом привыкать начали, вроде того, что дочку замуж выдали, думали о свадьбе, о новой родне. А тут, пожалуйста...

Анастасия. Что сказать тебе, папа... Конечно, нужно вам с мамой объяснить... Давай с начала. Для меня мужчина — это ты или Васька, ну, еще кое-кто, но список короткий. Все остальные не подходят. А тут появился твой коллега, то есть уже немножко ты, только моложе. Не особо молодой, старше Васьки, но ничего, «сойдет с горчичкой». Из-за того, что он твой сослуживец, внутренний контроль ослаб... Появился он в счастливую минуту, первый успех, радость. А он — ученый, преподаватель. Влюбился, ухаживал красиво. Добивался меня... Сейчас, ты ведь знаешь по своим студентам, девушку не добиваются, если нужно усилия прикладывать, парень отворачивается и берет, что легче взять. А уж если имеется квартира, куда девушку привести, машина, чтобы прокатиться, деньги на ресторан, то просто завидный жених. А Роберт старался быть интересным. Ну, и мне показалось, что парень неплохой... Чтобы сразу в ЗАГС с ним не бежать и ребеночка не рожать, ума у меня хватило, но пошла к нему. Проверить чувства, так сказать. И долго эти шоры у меня держались. Начала его воспитывать, речь его мусорную исправлять, в театры и на выставки

водить. Готовила, как говорится, для себя, для нас. Чтобы стал своим, как Васькина жена. Пожалуй, и полюбила это твое отражение в луже!

Дубинин. Выходит дело, я виноват, что ты от него ушла.

Анастасия. Частично ты... Давай я тебе объясню по порядку. Согласись, что ты на кафедре немного «инородное тело», отличаешься слегка от прочих... Например, все преподаватели знают, что нагрузка бывает выгодная, бывает невыгодная. Всякие лекции, семинары, лабораторные работы и прочее имеют свой вес. Бывают часы удобные или неудобные. Например, первая лекция в понедельник или после обеда в пятницу считаются неудобными. Ты же берешь все, что дают. Не борешься за выгодные и удобные часы. Потом, ты не различаешь плановую и внеплановую нагрузку. У тебя по плану два дипломника в год. А ты вел восемь дипломов, а при оформлении оплаты написал, что ты штатный преподаватель. А следовало бы, двоим плановым написать, что ты — штатный, а шестерым, что ты — почасовик. И тебе бы за этих шестерых дипломников деньги отдельные заплатили. Раз ты такой популярный преподаватель, что к тебе идут выпускники на диплом, то за это положено вознаграждать. Тебе об этом никто слова не сказал, и никто потом не пошел, чтобы исправить ошибку.

Дубинин. Да, полгода не напрасно прошли, просветил тебя Роберт Николаевич! Это было-то всего два раза.

Анастасия. Роберт Николаевич в этом деле ас! Один копает, а другой наряды оформляет и учитывает и двойной откид грунта, и вечную мерзлоту, и все стальное. Ты из тех, кто копает, а Роберт знает, как это выгодно продать... Считай, по первому

пункту я тебя убедила. Раз ты не борешься за то, за что борются все, и делаешь то, чего не делает никто, значит, ты — белая ворона... Затеял студенческий семинар, тоже без оплаты. Из своего кармана заплатил за выпуск учебного пособия... Ну, это все к первому пункту.

Дубинин. А будет и второй?

Анастасия. Будет второй и третий. Пункт второй. Ты приносишь в университет договора с предприятиями и становишься научным руководителем. Деньги получаешь ты, несколько преподавателей и студентов, которые тебе помогали, Малиновский и Назаров.

Дубинин. Да, так и есть.

Анастасия. Это вопиющее нарушение ихней этики! Научным руководителем бывает только Малиновский, он же и распределяет деньги.

Дубинин. Но он же «не в курсе дела»!

Анастасия. Ничего, он тебя, блин, спросит, если ему будет как бы непонятно.

Дубинин. Узнаю школу!

Анастасия. А что ж ты хочешь, я — способная! Последнее время у Малиновского появилась маниакальная идея: Дубинин тут больше меня зарабатывает, но ведь он, наверное, и в других местах гребет. И преподавателям кафедры он об этом постоянно говорит. А ведь большинству из них ты вообще ничего не платишь. Роберту, например, ни разу не заплатил.

Дубинин. Но ведь он ничего и не делал по моим работам!

Анастасия. А Малиновский делал?

Дубинин. Ну, это заведующий, чтобы не мешал... А Назаров всегда мне помогает, опять же, ему — значит, во благо кафедры...

Анастасия. Вот она, твоя принципиальность... Ну вот, подошли к третьему пункту. Ты сам сказал про благо кафедры. Сядь получше, а то упадешь со стула.

Дубинин. Дочь моя, пожалей старика-отца! Вася у нас экономист, а ты — старший экономист! Откуда ты набралась всего этого?!

Анастасия. Боюсь, папа, тебе сейчас будет не до шуток. Кафедра ведет примерно сорок дисциплин. Каждый семестр по каждой дисциплине — экзамен или зачет, еще есть курсовые, лабораторные, контрольные. По каждой дисциплине в среднем проходит пятьдесят студентов, итого, две тысячи студентов. Половина из них, то есть тысяча, не сдает, а платит деньги...

Дубинин. Покупает приборы, отрабатывает при ремонте...

Анастасия. Перестань. Тарифы меняются, но это может быть и сто евро. Пусть пятьдесят евро.

Дубинин. Откуда ты берешь все эти цифры? С потолка?

Анастасия. Папа, я, может быть, и не экономист, но организовать выставку в Швейцарии я могу. А это не только про картины трындеть и глаза закатывать. Тут и транспорт, и страховка, и аренда, и билеты, и командировки, и еще сто статей расходов. Экономическую экспресс-оценку я могу быстро провести, быстрее твоих взяточников!

Дубинин. Кого ты называешь взяточниками?!

Анастасия. Твоего Малиновского. Моего Роберта. Почти все преподаватели берут деньги и ставят «тройки», «четверки» и «пятерки» без экзамена. Причем они боятся брать деньги у студентов, поэтому основной поток денег идет через Назарова,

но он, бедняга, ничего не получает, отчитывается за каждого студента, а потом выпрашивает у Малиновского кое-что на приборы и ремонт помещения.

Дубинин встает со стула в сильном волнении.

Дубинин. Но ведь это полное моральное падение! Как может преподаватель брать такие деньги?! Как он может тратить такие деньги?! Покупать на них хлеб, одежду, платить за квартиру! Это же низость, низость!

Анастасия. Наоборот. Роберт считает себя высокоморальным человеком. Ведь он берет деньги только с тех студентов, которые не хотят учиться, а предпочитают платить. Кто подготовился, пусть сдает, Роберт его сыпать не будет. Даже вытянет отметку повыше, если парень толковый или девчонка симпатичная. Негодяй — это тот, кто обкладывает данью всех подряд, а не сдавших деньги заваливает. Тут у них принципиальный спор с Малиновским. Но Малиновский уже пару лет поступает так: он объявляет Роберту твердую сумму и отходит в сторону. Даже экзамены в своих группах не принимает, посылает Роберта.

Дубинин. Что ты говоришь, девочка моя! Я не в состоянии это слушать! Я же не идиот, я знаю, что студенты ничего не понимают и платят деньги за сдачу. Я сам ставлю «тройки» по спискам Валентина Петровича! Я думал, что это временные трудности, дань переходному периоду. Все с этим мирятся пока... У нас на кафедре был ректор, ему сказали, что нужен ремонт, он ответил: «Делайте! У вас что, студентов нет?» Вот так, в этом плане... А так, как ты рассказала, ведь это ужасно!

Анастасия. Могу тебя слегка утешить. Есть преподаватели, которые денег не берут и ставят «двойки». Но чаще — «тройки», чтобы не связываться.

Дубинин. Я тоже участвую в этом кошмаре! Я им по собственной глупости обеспечиваю доход!..

Анастасия. Но есть преподаватели, которых не устраивает, сколько им оставляет Малиновский, эти непосредственно общаются со студентами, например, поручают старосте собрать деньги с группы.

Дубинин. Господи! Почему я от тебя должен был это услышать?! Где были мои глаза, уши, сердце! Я сам привел тебя к этому Роберту?! Я не смог тебя уберечь от этой грязи, от этого цинизма!..

Анастасия. Понял теперь, почему я вернулась? Роберт живет в другом мире, там все смещено, перепутано... Мне теперь кажется, что эти словечки «блин» и «как бы» не случайны, он маскируется... Как бы сдал, как бы выучил, как бы диплом... Знаешь, на каком этаже живет Роберт Николаевич? На пятом. А мы на шестом. Так вот, когда я поняла, что потолок пятого этажа — это даже ниже, чем пол шестого, то больше оставаться с ним не могла. Сделать ничего нельзя. Эта хрень, блин, как бы неизлечима.

Дубинин. Ну, немножко-то я их полечу. От моих студентов они больше ничего не получат!

Анастасия. Этого я больше всего боюсь! Папочка, миленький, пожалуйста, уходи из этого места. Увольняйся поскорее! Не связывайся с ними! Я боюсь за тебя!

СЦЕНА 2

Курилка.

2-й студент. Ну, потеха. Как у вас в группе дубининский курсовой прошел?

3-й студент. Да как обычно. Выдал задание. Сказал, чтобы в Выставочный центр на Красной Пресне съездили, на железки посмотрели, потом еще в Интернете сказал, что поискать...

2-й студент. А у нас группа собралась задание получать. Он зубрила, вроде тебя, раздал задания, а потом достал свой талмуд и стал по одному вызывать, как в школе. Меня первого. Я подхожу, сажусь, а он говорит, что в том семестре я сдавал зачет нетрадиционным способом. Во прикол, «нетрадиционный способ», нашел педрилу! А он: «Давайте в этот раз попробуем сделать просто. Вы мне расскажете про функцию синуса, а я вам это зачту как курсовой». Стал я синус записывать, да не помню, по-русски надо писать или латинскими буквами, заколупался слегка. Он говорит, что, наверное, это задание для меня сложновато. Расскажите, говорит, мне ровно через две недели про умножение числа на четыре и признаки деления числа на четыре. А синусы подготовите к экзамену.

1-й студент. Ну, а ты?

2-й студент. Чего? Принес через две недели, распечатал; группа, фамилия, консультант Дубинин, а дальше — четырежды четыре равно шешнадцати. Все, говорит, курсовой проект вы сдали. Экзаменационный вопрос помните? Приходите на экзамен, только договариваться никуда не ходите.

1-й студент. Вот зараза! Надо было и мне так же! Он мне косинус дал. Я сначала думал, что он пошутит, потом забыл про это дело. А через две недели вспомнил, да у меня принтер сломался...

4-й студент. А мне он дал такую же ерунду. Я взял с пацанами, сделал за пять минут. И так мне стало обидно, ребята! Кем же он меня считает! Вроде того психа, который кондуктора обманул — купил билет, а сам не поехал. Колян, вон (*кивает на 3-его студента*), на выставки ездит, что-то понимает. Подумайте, четвертый курс. Не, я болт забил сачковать. Сказал Дубинину, давайте теперь нормальное задание.

1-й студент. Ну, а он?

4-й студент. Дал задание. Если, говорит, будут вопросы, приходите в любое время, не ждите консультации.

2-й студент. Это у тебя детство в заднице играет. А я полтинник на курсовом сэкономил, еще сотня на экзамене будет. Нормально!

СЦЕНА 3

На авансцене. Слева выходит Гундосов, справа Назаров. Встречаются посередине.

Гундосов. Ну, как дела, Валентин Петрович?

Назаров. Вот не могу кое-какие приборы найти. В одном месте мне обещали, но как-то неопределенно... Без этих приборов седьмую лабораторку придется переделывать и новую методичку выпускать...

Гундосов. Ну, это — ладно... Малиновский вообще считает, что лаборатория как бы не нужна, нуж-

но все лабораторки на компьютерные тренажеры перевести.

Назаров. Вот гад! И кого же это мы тогда выпустить будем?

Гундосов. Это как бы меня не волнует, об этом пусть начальство думает. А студенты идут?

Назаров. Ближе к сессии пойдут, а сейчас чего им идти?

Гундосов. У Дубинина сдача курсового.

Назаров. Нет, никого еще не было... Слушай, Роберт, вы, смотрите, взялись копать под Дубинина, как раньше под Потапова копали. Не трогайте вы его — от него большая польза для кафедры. Посмотри, единственная новая лабораторка на современной базе — Дубинин сделал, учебное пособие выпустил, к тому же за свой счет. Малиновский отказался служебную записку подписать на оплату. Теперь по этому тоненькому пособию студенты сдают, оно самое толковое. Потапов уволился. Вы добьетесь, и Дубинин уйдет.

Гундосов. Какая же от него польза? Такие бабки мимо кафедры пролетают!

Назаров. Ты что, не понимаешь меня? Совсем около своего Малиновского облик Божий потерял?

Гундосов. А что я могу сделать? Он говорит, что ему зубы надо вставлять, имплантанты. А они знают, блин, какие дорогие.

Назаров. Мне тоже надо к зубному. И что теперь?

Гундосов. Он говорит, что его лицо — это как бы лицо кафедры. Если он не сможет улыбаться, то всей кафедре придется, блин, плакать.

Назаров. Да-а-а... Такого заведующего у нас еще не было... Какой-то Городничий из «Ревизора»...

Гундосов. Не переживайте, Валентин Петрович. С ним можно ладить, но, главное, он начальство, да и всех устраивает...

Назаров. Меня не устраивает. Думаю, что и Дубинина не устраивает...

Гундосов. Ну, это, блин, проблемы Дубинина. А про курсовой я узнаю.

СЦЕНА 4

Кафедра. За столом сидит Гундосов и пишет. Из своего кабинета выходит Малиновский.

Малиновский. Ну, Робертино, как дела на кафедре?

Гундосов. Да есть проблема... «Задание партии» под угрозой срыва...

Малиновский. В каком смысле? Какое задание? Говори без экивоков. Ты ведь знаешь, я ценю прямоту!

Гундосов. Студентики от Дубинина не обращаются, а уже время.

Малиновский. А что у них?

Гундосов. Сдача курсового проекта на десятой неделе.

Малиновский. Почему же не обращаются?

Гундосов. Сами сдают!

Малиновский. Что они могут сдать?! Они два на два на калькуляторе умножают!

Гундосов. Вот Дубинин и дает им задание осваивать таблицу умножения, синусы, косинусы и всякое такое... Кто умножит без ошибки, тому «тройк». Если студент освоит таблицу умножения на 2 вместо курсового проекта, то Дубинин обещает ему вместо

экзамена дать таблицу умножения на три, тоже за «тройк».

Малиновский (*с пафосом*). И это вместо курсового проекта по специальной дисциплине! Вместо экзамена по такому важному курсу! Он же срывает учебный процесс! Подрывает основы нашего высшего образования! Я давно подозревал, что Дубинин тайно работает против кафедры!..

Гундосов (*гневно, привстает*). А ну-ка прекратите! Вы передо мной столпа высшей школы не изображайте. Вы что, меня совсем дураком считаете! Таблицу умножения выучить — это подрыв образования, а пойти, Назарову деньги дать, это — правильное образование!.. Вы на эти деньги зубы вставите.

Малиновский (*не может остановиться*). Но он обязан передать студентам необходимые знания по дисциплине, а не школьную математику... Ты что про зубы заговорил, это — другое.

Гундосов. То самое. Нечего на меня все сваливать! Тут дело керосином пахнет...

Малиновский. Даже?.. Как ты думаешь, чего Дубинин хочет?

Гундосов. Он хочет бороться со взятками на отдельной взятой кафедре.

Малиновский. С какими взятками?! Ты что такие слова употребляешь?

Гундосов. Вадим Вадимыч, вы опять вещаете? Говорите по существу, не отвлекайтесь.

Малиновский. Я понимаю, если бы он пошел жаловаться, писал бы... Вон, Потапов пытался доносить, ничего не доказал, только себя опозорил перед всем университетом и уволился... А Дубинин придумал какой-то дурацкий способ, да и не может быть у него такой цели...

Гундосов. Может. Он сдвинутый, и дочь его сдвинутая. Это я теперь хорошо знаю! Это очень опасные, непредсказуемые люди. Лучше бы он донос написал, мы бы знали, как действовать. А тут жди подлости неизвестно откуда. Студенты заволновались!

Малиновский. Это ты брось, это из газет. наших студентов волнуют только физиологические отправления. Они настолько ленивы и не развиты, что и не поймут ничего!

Гундосов. Напрасно вы так думаете. Несколько студентов сдали таблицу умножения, заслужили «тройку» и попросили у Дубинина настоящее задание.

Малиновский. Это — сказки!

Гундосов. Хотите верить, хотите — нет. А только держать Дубинина на кафедре опасно. И это — ваше дело, а не мое.

Малиновский. Всю трудную работу на меня сваливают! Только я могу защитить кафедру! Ты прав, нужно очистить наш коллектив от прохиндеев. Надо же, что придумал, чтобы погубить кафедру! Но мы не сдадимся. Кафедра — это бастион... А ты — молодец, разбираешься в текущих вопросах.

Гундосов. Под вашим руководством, Вадим Вадимыч.

СЦЕНА 5

Парк. Играет музыка. Прогуливаются Дубинин и Вера.

Вера. Как хорошо! Настя поехала в командировку в Италию! Представить себе трудно!

Дубинин. Да, хорошо...

Вера. Что хорошо?! Удивительно! Необычно! А ты — хорошо! Сколько раз в жизни тебя посылали в Италию?

Дубинин. Ни разу...

Вера. Меня один раз посылали в ГДР. Я перед выездной комиссией райкома всю ночь не спала. И про заграничную поездку не помню почти ничего, только дорогу.

Дубинин. Другое время...

Вера. Люди другие! Нам наши дети сто очков вперед дадут... Слушай, может, нам Сереженьку к себе забрать. А то родители заняты маленьким, Сереженька, мне кажется, немножко брошенный.

Дубинин. Перестань, он помогает родителям брата растить. Васька молодец, нас излишне не привлекает, а то ты за пять минут внуков испортишь.

Вера. Своих двоих не испортила!

Дубинин. Тогда ты была мать, а сейчас ты — бабка... сумасшедшая...

Вера. Как же ты мне грубишь! Ничего тебя не интересует. Отвечаешь как-то... через такт. Ты что, все время о работе думаешь?

Дубинин. Есть немножко...

Вера. Нечего думать. Мы с Настей серьезно тебя просим: увольняйся, уходи от них. Ты ведь не профессор кафедры, ты сам по себе профессор. Работал сам по себе, а они деньги гребли и посмеивались над тобой. Теперь ты новую игру затеял, и опять сам по себе. Что ты сейчас со студентами изучаешь? «Колобок» или «Курочку Рябу»?

Дубинин. Триллер «Волк и семеро козлят».

Вера. Вот-вот! Но эта игра уже за их счет! Они тебя в покое не оставят, устроят неприятности, я это чувствую.

Дубинин. Ладно, уволюсь, дай только созреть. Есть обязательства кое-какие...

Вера. Мой тебе совет: не тяни!.. А Сереженьку надо к нам забрать, когда Настя из Италии вернется. Тут есть еще одно соображение... Анастасия твоя уж больно много мотается, такая богемная, куда там! То в Италию, то ночная выставка в модном месте, то на «Винзаводе»... В голове не укладывается, зачем картинную галерею называть «Винзавод»?

Дубинин. В этом помещении раньше винзавод был...

Вера. Ну, ладно! У тебя на все ответ готов! А Настя пусть лучше с племянником посидит, читать и считать его поучит. Чтобы не пришлось ему с «Трех медведями» в университете знакомиться, как твоим студентам!

Дубинин. Перестань, у моих внуков нормальные родители, не упустят «Трех медведей».

Вера. Я знаю, что знаю. Нужно Настю слегка привязать... стреножить...

СЦЕНА 6

Кафедра. За столом для заседаний сидят несколько преподавателей, среди них Дубинин и Гундосов. Из кабинета выходят первый проректор и Малиновский.

Первый проректор. Здравствуйте, коллеги!

Первый проректор садится за стол. Малиновский проходит к торцу стола и остается стоять.

Малиновский. Уважаемые коллеги! У нас не обычное заседание кафедры. Сегодня приглашены

только ведущие преподаватели. Кроме членов кафедры, у нас присутствует первый проректор университета Александр Гаврилович, что придает особый вес нашему заседанию. На повестке дня один вопрос, это, как говорили раньше, персональное дело профессора нашей кафедры, кандидата наук Сергея Васильевича Дубинина. Начну по порядку. Несколько лет назад мы пригласили на кафедру Сергея Васильевича. Мы надеялись, что он внесет элементы практики в некоторые наши теоретические курсы. Послужной список Сергея Васильевича позволял строить такие прогнозы. Что греха таить, была надежда, что Сергей Васильевич, благодаря своим связям, будет содействовать заключению договоров между предприятиями и университетом. Мы сможем приблизить кафедру к текущим задачам промышленности, найдем применение нашему научному потенциалу, ну, и заработаем средства, столь необходимые университету. Конечно, мы понимали, что теоретический уровень практического инженера недостаточно высок для преподавательской деятельности. Но, учитывая все перечисленные обстоятельства, мы надеялись, что общий итог будет положительный. Что же оказалось в действительности? По договорам, которые заключает Дубинин, только он и получает деньги. Ни университету, ни кафедре не достается ничего. Ничего нового, свежего в его лекционных курсах не содержится. Теперь же он совершил, не побоюсь этого слова, должностное преступление. Вместо своей дисциплины он преподает студентам школьную математику! Даже арифметику, таблицу умножения! Конечно, тяжело инженеру с производства в солидном возрасте вспомнить математический аппарат, применяемый

в наших задачах, но ведь надо совесть иметь. Вот заявления студентов.

Читает.

«Профессор Дубинин вместо своего курса преподает нам таблицу умножения. Как с такими знаниями я найду работу? Как стану полезным специалистом для нашей Родины?» И это пишут студенты, про которых мы так плохо думаем! Терпеть такое кафедра больше не в состоянии. Сергей Васильевич, вам нужно уволиться из университета, работа преподавателя, тем паче профессора, вам не по силам. Никто тут вашей крови не хочет, пишите заявление «по собственному желанию». Кафедра не будет настаивать на двухнедельной отработке. Завтра же вас рассчитают. Человек вы способный, найдете себе дело по плечу.

Малиновский осматривает присутствующих, задерживая взгляд на первом проректоре. Преподаватели сидят, опустив головы. Первый проректор тоже осматривает присутствующих, в особенности Дубинина. Дубинин встает и начинает сначала довольно невнятно, т. к. у него горло перехватило.

Дубинин. Вообще-то я тоже решил уволняться, тем более что лекционный курс завершен, а экзамены тут и без меня с удовольствием примут. Да и семье пообещал, что уволюсь, вот даже заявление об уходе принес...

Дубинин вынимает из портфеля лист бумаги с заявлением и начинает перечитывать его, стоя перед всеми. Встает и Малиновский.

Малиновский. Ну, вот и хорошо, Сергей Васильевич! Давайте заявление, сейчас же его подпишем, и — в отдел кадров. Я рад, что мы нашли общий язык.

Малиновский победно смотрит на первого проректора и на Гундосова и протягивает руку за заявлением. Но Дубинин не видит его руки. Оба стоят.

Дубинин. Да, я собирался уйти без шума, не связываться, побережь нервы... Но после того, что я сейчас услышал, я уйти просто так не смогу...

Дубинин рвет лист с заявлением.

Малиновский. Придется новое писать.

Дубинин. Может, и придется. Но сначала извольте выслушать!

Малиновский. Нечего вас слушать, и так все ясно. Садитесь и не позорьте кафедру!

Первый проректор. Вадим Вадимыч! Давайте дадим слово Сергею Васильевичу. Ведь вы предъявили ему серьезные обвинения!

Малиновский садится, затравленно глядя на Дубинина.

Дубинин. В том, что говорил тут профессор Малиновский, нет ни слова правды. Я начал работать с кафедрой, когда Малиновского тут еще в помине не было. Он не может знать, зачем «меня пригласили». По договорам, которые я приношу в университет, получают деньги те, кто делал работу. Плюс Малиновский, чтоб не мешал. Но он об этом всегда забывает. Университет от договоров получает свою часть, положенную по законам и правилам. Курс, который

я читаю, вышел в виде учебного пособия. Малиновский же нашел на потоке Потапова студентку с хорошим почерком, другие студенты ее конспект набили на компьютере и сделали рисунки. Теперь конспект Потапова издан как конспект лекций профессора Малиновского. А Малиновский этот конспект даже не читал. Типичный плагиат, а меня обвиняет в чем-то... в низком научном уровне... Откуда вы знаете, ведь мое пособие вы тоже не читали?!

Малиновский вскакивает снова и больше уже не садится.

Малиновский. Это клевета! Жалкая ложь не-удачника!

Дубинин (*не обращая внимания на реплику Малиновского*). Главное же состоит в том, что я теперь не пускаю на кафедру незнающих студентов. Я стал перехватывать своих студентов, которые идут... к Малиновскому договариваться, чтобы вообще ничего не сдавать. Я заставляю их учить синусы и ставлю им бесплатные «тройки». Из-за этого весь сыр-бор.

Малиновский. Пустышка! Ничтожество! Я не позволю порочить мое имя всякому...

Дубинин (*в лицо Малиновскому*). Ну, говорите дальше! Так я вам скажу. Вы — негодяй! Вы развращаете преподавателей! Вы развращаете юношество! Сопляк, который таблицу умножения не может освоить, знает как, кому и сколько дать за экзамен! Я еще сомневался, что за всем этим стоите вы. Вы — мой личный враг.

Малиновский (*хватается за левый бок, поворачивается и падает на стол*). Какая боль... Сердце, сердце...

1-ый преподаватель. Что с вами, Вадим Вадимыч?!

2-ой преподаватель. Совсем заврался, вот сердце и не выдержало!

Первый проректор (*по мобильному телефону*). Ириша, срочно врача из медпункта на кафедру Малиновского.

1-ый преподаватель. Нужно «Скорую» вызвать, звоните 03!

Гундосов. Черта с два он поедет на обычной «Скорой»!

Малиновский (*слабым голосом*). Не надо 03. У меня в кармане, в пропуске карточка с телефоном «Скорой» из ЦКБ, достаньте, пожалуйста...

Звонят по телефону. Вызывают скорую. Льют воду из графина на платок, расстегивают рубашку, снимают галстук, прикладывают платок к груди. Входит врач университетского медпункта.

Врач. Что случилось, Александр Гаврилыч?

Первый проректор. Профессору Малиновскому плохо. Жалуется на сердце.

Врач занимается Малиновским. Ей помогает 1-ый преподаватель. Остальные, в том числе первый проректор, Дубинин и Гундосов стоят и смотрят.

Врач. Кардиологическую «Скорую помощь» вызвали?

Входит бригада «Скорой помощи».

СЦЕНА 7

На авансцене. Слева идет Дубинин. Справа — Гундосов. Не доходя метров двух до Дубинина, Гундосов, смущаясь («поджимаясь», «ерзая»), говорит.

Гундосов. Сергей Васильевич, вас как бы Первый проректор просил зайти.

Дубинин, ни слова не говоря, проходит дальше.

СЦЕНА 8

Кабинет. За столом сидит Первый проректор.

Входит Дубинин.

Дубинин. Разрешите, Александр Гаврилович? Вызывали?

Первый проректор. Здравствуйте, Сергей Васильевич! Проходите, пожалуйста.

Первый проректор выходит из-за стола, идет навстречу Дубинину, здоровается за руку, приглашает сесть и сам садится.

Первый проректор. Вадим Вадимыч поправляется. Сейчас его в больнице подержат, потом — в санаторий. В наше время с инфарктом умеют бороться. Но руководить кафедрой ему теперь будет трудно... Тем более, после такого скандала!

Первый проректор делает паузу, но Дубинин молчит, не вступает в разговор.

Первый проректор. Сергей Васильевич, я хотел попросить вас не увольняться, остаться в университете, на кафедре.

Снова пауза, и снова Дубинин молчит.

Первый проректор. Обиделись на Малиновского? Нечего обижаться, вы сами сказали, что в его словах не было ни слова правды. Кроме того, хоть и грех так говорить, но порок наказан. Так редко в жизни бывает — только гадость сделал, и тут же кара, гром небесный.

Дубинин. Давайте не будем это заседание разбивать и говорить об обидах. Что делать с сутью спора, с материальной основой скандала, с базисом, так сказать?

Первый проректор. Ладно, давайте «ворочать» крупными категориями. Вы знаете, что число мест в вузах превышает число молодых людей, которые по своим способностям и по уровню своей школьной подготовки могут выучиться на специалиста высшей квалификации: инженера, врача, учителя, историка и так далее? Ни вы, ни я изменить этого не можем. Мы обязаны учить часть ребят, которые не в состоянии учиться. Осуществлять фиктивную подготовку инженеров.

Дубинин смотрит на него с удивлением.

Первый проректор. Вы знаете, что часть наших студентов учится на платной основе. Большая часть платных студентов вообще ничего не делает. Почти никто из них не думает: «Мои родители платят, я должен хорошо учиться, чтобы оправдать их затраты!» Почти 100 % платных студентов считают: «Я запла-

тил — пусть ставят зачет!» Студенты-бюджетники смотрят на них и тоже мечтают заплатить и не мучиться!

Первый проректор делает паузу и смотрит, как Дубинин «переваривает» его слова.

Первый проректор. Наконец, вы знаете, что ставка профессора в университете меньше, чем зарплата чернорабочего на стройке. Все эти обстоятельства определяют материальную основу, базис, как вы говорите, того, что происходит в университете. Преподаватели берут деньги с незнающих студентов. Пусть берут. Только пусть «не борзеют», и пусть понимают, что их могут за взятки посадить, и это будет справедливо. Кто не хочет брать, пусть не берет, но ставит «тройки» и не мешает деканату работать.

Дубинин. Да-а-а... Вы откровенны...

Первый проректор. Я описываю обстановку так, как сам ее понимаю. Обратите внимание, что в такой тяжелой обстановке остаются преподаватели, которые дело знают и свои знания студентам передают. У них студенты могут научиться, они сохраняют университет для будущего поколения. Если вы уволитесь, а Малиновский останется, то университет долго не проживет, развалится!

Дубинин. Я занят совсем другим. Я не должен заботиться о будущем университета. Мне нравилось возиться со студентами, формировать свой лекционный курс, обновлять учебную лабораторию. Все это я сделал, и в общем-то мне стало скучновато... А тут еще это...

Первый проректор. Ну что ж, тогда вот вам новая задача, чтобы вы не скучали. Как вы отнесетесь к тому, чтобы временно, пока болен Малиновский,

возглавить кафедру? А Малиновский не вернется на кафедру, это вопрос решенный.

Дубинин. Ну, это вовсе не по мне!

Первый проректор. Отчего же? Опыт руководящей работы у вас есть. Применяйте на новой ниве! А мы вам поможем. Это не только слова. Будут средства на новое оборудование для кафедры, современную оргтехнику и так далее. Произошедшее столкновение не оставим без последствий, с Малиновским поговорим, когда он выздоровеет. Я Гундосову сказал, чтобы сообщил мне фамилии студентов, подписавших кляузу. Если будет уверенность, что это заведомо ложный донос, то отчислим из университета к чертовой матери! Ладно, Сергей Васильевич, вы сейчас ничего не решайте, подумайте. Ведь это интересное предложение!

Первый проректор встает, вслед за ним встает Дубинин. Вместе идут к двери.

Первый проректор. Но главное — люди. У вас есть на кого опереться. Валентин Петрович Назаров бесценный сотрудник, плоть от плоти кафедры. Еще я свяжусь с Потаповым, узнаю, как ему работается на новом месте, может, уговорю вернуться на профессорскую ставку. Тоже будет вам помощник. Еще у вас есть Роберт Гундосов — честный парень...

Жмут друг другу руки и расстаются. Музыка.

КОНЕЦ

Москва, 2010–2011 гг.

Ближний круг. <i>Наталья Ю. Семенова</i>	5
ЛЮБОВЬ К РОДИТЕЛЯМ	9
Глава 1. Мой отец	15
Глава 2. Моя мать	21
Глава 3. Мои родители	26
Глава 4. Сахалин	30
Глава 5. Возвращение в Москву	35
Глава 6. Новая квартира	40
Глава 7. Родня	44
Глава 8. Окончание школы	46
Глава 9. История болезни	52
Глава 10. Институт связи	59
Глава 11. Молодая семья	65
Глава 12. «Полная наследница»	75
Глава 13. Хорошие руки	81
Глава 14. Последняя	87
Заключение	95
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК	101
Предисловие	103
Часть 1. Сережа Зуев	109
Часть 2. Лаборатория	161
Часть 3. Конец века	336
РАССКАЗЫ	393
Враки	395
Левое ухо	412
Долг	423
Дворник и поэт	433
Старший лейтенант Шаповалов	441
Несколько недель одинокого человека Вадима Быкова	460
ХОЛОДНЫЙ ПРОФЕССОР	487
Действие первое	491
Действие второе	519

Л и т е р а т у р н о - х у д о ж е с т в е н н о е и з д а н и е

Лифшиц Михаил Юзефович

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 1

Редактор *В.С. Вестерман*
Иллюстрации *Е. Петрова*
Оформление *А.С. Шукин*
Макет *В.В. Челядинова*
Корректор *А.А. Конькова*

Подписано в печать 10.10.2014.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

ООО «Издательство «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11/20А
E-mail: zebrae@zebrae.net
www.zebrae.ru

По вопросам приобретения книг издательства «Зебра Е»
обращаться по адресу:

ООО «Издательство «Зебра Е»
125009, Москва, ул. Большая Никитская,
д. 22/2, офис 26.
Тел.: 8 (499) 995-09-42
kniga@zebrae.ru
svirin@zebrae.net